

==

N

==

CR

М.Н.ТУХАЧЕВСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

355.01

Т 91

Абонемент

ТОМ
ПЕРВЫЙ

1919 — 1927 гг.

90585
от
07

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ
БИБЛИОТЕКА

ОДЕЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА - 1954

Избранные произведения Маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского печатаются в двух томах. В первый том вошли произведения 1919—1927 гг., во второй том — произведения 1928—1937 гг.

Составители: кандидат исторических наук полковник Оськин Г. И., кандидат исторических наук полковник запаса Чернушков П. П.

Научная консультация и комментарии доктора военных наук генерал-лейтенанта Краси́льников С. Н. и полковника Попова А. С.

В подборе и выявлении неопубликованных рукописей М. Н. Тухачевского приняли участие работники Центрального архива Советской Армии Куртов Д. И. и Червяков В. А. В подготовке отдельных статей участвовал полковник запаса Огарев П. К.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На своих исторических XX и XXII съездах Коммунистическая партия Советского Союза решительно осудила и развенчала культ личности Сталина. Партия раскрыла перед советским народом всю правду о нарушениях Сталиным ленинских заветов, о злоупотреблениях властью, о массовых репрессиях, предпринятых против лучших людей нашей страны. В своей заключительной речи на XXII съезде КПСС Никита Сергеевич Хрущев с чувством глубокой скорби говорил о гибели видных советских военачальников и в их числе верного сына Коммунистической партии и советского народа, одного из наиболее талантливых полководцев Советской Армии, героя гражданской войны Михаила Николаевича Тухачевского, оказавшегося жертвой произвола, царившего при Сталине.

Приняв решительные меры по преодолению вредных последствий культа личности, партия навсегда покончила с нарушениями ленинских норм партийной и государственной жизни. Она вернула доброе имя и заслуженную славу всем, кто безвинно пострадал в результате необоснованных репрессий. По заслугам оценены и беззаветное служение Родине, кипучая деятельность М. Н. Тухачевского. По постановлению Совета Министров СССР, принятому в связи с 70-летием со дня его рождения, печатаются настоящие избранные произведения Михаила Николаевича Тухачевского, составляющие двухтомник.

Прежде чем перейти к анализу теоретического наследия видного советского военачальника, необходимо остановиться на основных этапах его жизни и деятельности. Иначе наше представление о трудах М. Н. Тухачевского будет не полным.

М. Н. Тухачевский принадлежал к той славной плеяде советских полководцев, которые были выращены Коммунистической партией в годы гражданской войны, в тяжелых и ожесточенных боях с иностранными интервентами и белогвардейцами.

Михаил Николаевич Тухачевский родился 16 февраля 1893 года в Дорогобужском уезде Смоленской губернии в семье обедневшего помещика. Начальное военное образование Михаил Николаевич получил в 1-м Московском императрицы Екатерины II кадетском корпусе, который он окончил 1 июня 1912 года. В августе этого же года М. Н. Тухачевский поступил в Александровское

военное училище и блестяще окончил его в июле 1914 года. Вскоре после окончания училища он был направлен на фронт первой мировой войны, где 19 февраля 1915 года попал в плен. После неоднократных, кончавшихся неудачей побегов наконец в октябре 1917 года удалось ему пробраться в Россию.

Это было время, когда в стране назревали великие события. И Михаил Николаевич не остался в стороне. Бывший поручик старой армии, он без колебаний стал на сторону пролетарской революции и отдал ее вооруженной защите все свои силы и знания. «Моя настоящая жизнь началась с Октябрьской революции и вступления в Красную Армию», — говорил впоследствии М. Н. Тухачевский в кругу своих товарищей.

Естественно, биография Михаила Николаевича тесно связана со строительством регулярной Красной Армии и героической борьбой советского народа против белых банд и иностранных интервентов. Хорошая военная подготовка, богатый боевой опыт, полученный им в первую мировую войну, незаурядные природные дарования и способности сразу же выделили М. Н. Тухачевского из среды других старых офицеров, добровольно вступивших в Красную Армию. Его пылкий ум, кипучая энергия, широкая инициатива в постановке и решении вопросов были по достоинству оценены нашей партией и В. И. Лениным.

За время пребывания в армии, с 1918 по 1937 год, партия поручала М. Н. Тухачевскому различные ответственные задания, и всюду он честно и добросовестно выполнял свой партийный и государственный долг.

В начале 1918 года М. Н. Тухачевский работал в военном отделе ВЦИК, где много потрудился над выполнением поставленной партией и В. И. Лениным задачи — создания РККА. В апреле М. Н. Тухачевский был принят в Коммунистическую партию, в мае — назначен военным комиссаром штаба Московского района обороны.

Став членом Коммунистической партии, М. Н. Тухачевский с еще большей настойчивостью и энергией продолжал изучать военное дело. Для того чтобы понять и разобраться в тех глубоких социально-политических изменениях, которые произошли в бывшей царской России после Великой Октябрьской социалистической революции, нужно было овладеть теорией марксизма-ленинизма. И Тухачевский с присущей ему настойчивостью и упорством изучал труды В. И. Ленина, классиков марксистской науки. Большую роль в формировании идейного облика М. Н. Тухачевского сыграло его непосредственное общение с замечательными советскими партийными и государственными деятелями — Я. М. Свердловым, Ф. Э. Дзержинским, Н. И. Подвойским, а затем на фронте — с В. В. Куйбышевым, М. В. Фрунзе и Серго Орджоникидзе.

Весной 1918 года угрожающее положение создается на востоке страны в связи с мятежом белочехов, поддержанным вну-

тренней контрреволюцией. В. И. Ленин отмечал тогда, что судьба революции решается на Восточном фронте. По его личному указанию сюда направляются виднейшие деятели партии, надежные и наиболее опытные военные специалисты. В числе активнейших исполнителей воли партии с июня 1918 года на Восточном фронте находился и М. Н. Тухачевский. При его деятельном участии под непрерывными ударами врага за короткий срок из разрозненных отрядов формируются Симбирская, Пензенская и Инзенская стрелковые дивизии. Вместе с В. В. Куйбышевым он создает первое войсковое объединение, способное решать оперативные задачи, — 1-ю Революционную армию. Вспоминая впоследствии об этой работе, член Реввоенсовета 1-й армии В. В. Куйбышев высоко оценивал деятельность М. Н. Тухачевского в деле организации армии¹.

Уже в этот период М. Н. Тухачевский проявил высокую политическую зрелость и правильное понимание обстановки. Он говорил тогда, что спасти революцию можно только решительным наступлением. 30 июня 1918 года в своем обращении к красноармейцам 1-й Революционной армии М. Н. Тухачевский писал: «...теперь наша цель, цель социалистической армии пролетариата не только оказывать сопротивление и вести оборонительную войну — этим мы не спасем нашу Советскую республику... Наша цель теперь скорее отнять у чехословаков и контрреволюционеров сообщение с Сибирью и другими хлебными областями, а для этого необходимо возможно скорее, теперь же продвигаться вперед — необходимо наступать, всякое промедление смерти подобно».

В этом же обращении М. Н. Тухачевский призывает красноармейцев крепить железную революционную дисциплину, строго и неукоснительно выполнять все приказы начальников, рассматривая это как необходимые и важнейшие условия нашей победы.

В течение двух-трех месяцев 1-я армия под командованием М. Н. Тухачевского выросла в боеспособную, дисциплинированную силу и одержала ряд блестящих побед над интервентами и белогвардейцами. Наступление этой армии, как известно, завершилось крупной победой над противником — освобождением Поволжья и значительной части Урала. Это имело большое значение для всей последующей борьбы на Восточном фронте.

В конце 1918 года в связи с наступлением белоказацкой армии Краснов создавалась угрожающая обстановка на Южном фронте. Реввоенсовет Республики принял решение перевести сюда с Восточного фронта М. Н. Тухачевского. Он исполняет обязанности помощника командующего Южным фронтом, а затем — командующего 8-й армией, которой отводилась важная роль в разгроме группировки противника, наступавшей на Воронеж. Войска цен-

¹ См. В. В. Куйбышев, Зарождение 1-й Революционной армии «Красная армия», 1935, 27 января.

трального участка Южного фронта (8-я и 9-я армии) перешли в контрнаступление и во второй половине января 1919 года овладели линией рокадной железной дороги от ст. Лиски до ст. Поворино. Это контрнаступление переросло затем в общее наступление войск Южного фронта и привело к разгрому донской белоказачьей армии Краснова.

В марте 1919 года на Восточном фронте снова создалась тяжелая обстановка. Армия Колчака находилась в 85 км от Казани, немногим более 100 км от Симбирска и в 85 км от Самары. Восточный фронт снова стал главным фронтом Республики.

Коммунистическая партия и Советское правительство принимают неотложные меры по усилению Восточного фронта. Сюда снова переводится М. Н. Тухачевский. В начале апреля он вступил в командование 5-й армией, которая сыграла большую роль в победах Красной Армии над Колчаком. В. И. Ленин отмечал, что 5-я армия «за один год из небольшой группы стала армией сильной революционным порывом, сплоченной в победоносных боях при защите Волги и разгроме колчаковских отрядов...»¹.

Советское правительство высоко оценило полководческие способности и революционные заслуги М. Н. Тухачевского, наградив его орденом Красного Знамени и Почетным золотым оружием. В приказе Реввоенсовета Республики № 167 от 7 августа 1919 года о награждении командарма 5-й армии М. Н. Тухачевского отмечается: «...доблестные войска 5-й армии, под искусным водительством командарма тов. Тухачевского, после упорнейших боев, разбив живую силу врага, перешли через Урал... Благодаря смелым, полным риска, широким маневрам армии, задуманным тов. Тухачевским, 24 июля 1919 года... взят Челябинск.

Огромный успех, достигнутый армией, является результатом главным образом талантливо созданного тов. Тухачевским плана операции, который твердо проведен им в жизнь».

М. Н. Тухачевский, полководец-коммунист, проявлял исключительную личную храбрость в боях с врагом. Как правило, он был на самых ответственных участках фронта. В приказе Реввоенсовета Республики от 28 декабря 1919 года говорилось: «Награждается Почетным золотым оружием командующий пятой армией тов. М. Н. Тухачевский за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии Красной Армии на Востоке».

Глубокое и правильное понимание характера и особенностей гражданской войны как войны классовой явилось залогом полководческих успехов М. Н. Тухачевского. В этой связи он придавал огромное значение решению выдвинутой партией задачи — в кратчайший срок наладить подготовку пролетарских кадров. Надо

¹ В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). Воениздат, 1956, стр. 186.

сказать, что в то время это был очень важный вопрос. Центр не мог своевременно восполнять потери комсостава. И вот в 5-й армии М. Н. Тухачевский организовал обучение и воспитание преданных народу командиров.

«...В армии хронический недостаток командного состава,— писал член РВСР Смирнов в докладе РВСР о состоянии 5-й армии перед зимней кампанией 1919 года,— приходится кустарничать. Создана школа красных офицеров, она дала 50 батальонных и ротных. Сейчас обучается 800 человек на взводных. Через два месяца 5-я армия будет снабжена командным составом»¹.

О подготовке комсостава в 5-й армии М. Н. Тухачевский лично доложил во время одного из приемов Владимиру Ильичу Ленину, который одобрил его разумную инициативу. В. И. Ленин поручил Тухачевскому разработать доклад по этому вопросу в РВС Республики.

19 декабря 1919 года М. Н. Тухачевский представил доклад. В нем он писал: «Для того чтобы понимать характер и формы гражданской войны, необходимо сознавать причины и сущность этой войны. Наше старое офицерство, совершенно не знакомое с основами марксизма, никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата.

Поэтому генералам совершенно непонятны условия комплектования армии родственными классами при наступлении, условия обеспечения тылов в зависимости от классовой группировки населения, непонятна им зависимость между шириной фронта армий и ходом общей классовой борьбы...

Словом, гражданская война... в силу обстоятельств, сопровождающих вооруженную борьбу классов, неминуемо будет иметь... характерные особенности в стратегических формах, как-то: громадная ширина фронта, малочисленность армий, условия комплектования, организация обороны и обеспечения флангов и тыла путем использования родственных классов, понижение техники, а также все проистекающие отсюда (известные иногда и генералам) особенности оперативных форм».

Давая марксистскую оценку характеру и особенностям гражданской войны, М. Н. Тухачевский делал правильный вывод о том, что «сознательная часть стратегии гражданской войны в полной мере доступна лишь марксистам. Эти же свойства гражданской войны делают и организационную сторону армии уделом марксистов».

Еще раньше, в июле 1919 года, Тухачевский в докладе в РВСР писал, что «среди старых специалистов трудно найти хороших

¹ 15 ноября 1919 г. этот документ был направлен заведующим полесвой канцелярией Предреввоенсовета секретарю В. И. Ленина т. Бричкиной для доклада В. И. Ленину.

командующих. Уже пришло время заменять их коммунистами. Например, командюжгруппы Востфронта тов. Фрунзе необычайно талантливый человек и под его командой положение на фронте быстро бы изменилось.

...Эта война (речь идет о гражданской войне.—С. Б.),— писал далее Тухачевский,—слишком трудна и для хорошего командования требует светлого ума и способности к анализу, а этих качеств у русских генералов старой армии не было...».

Как видим, Михаил Николаевич Тухачевский, принимавший активное участие в строительстве молодой Красной Армии, мыслил широкими стратегическими категориями, исходил в своей деятельности из марксистского понимания характера войн. В то же время он оставался храбрым и беззаветно преданным Советской Родине полководцем.

20 ноября 1919 года М. Н. Тухачевский был направлен на Южный фронт в качестве командующего 13-й армией. Но фактически в командование сю не вступил. В то время решался вопрос о назначении его командующим Кавказским фронтом. В связи с этим М. Н. Тухачевский около двух месяцев вынужден был находиться при штабе фронта.

Для М. Н. Тухачевского, коммуниста, человека, по-настоящему болеющего за судьбы революции, это был мучительный период. 19 января 1920 года из Курска он направил письмо в РВСР, в котором писал: «Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой: освободите меня от безработицы. В штаюгозапе я бесцельно сижу почти три недели, а всего без дела — два месяца. Не могу добиться ни причины задержки, ни дальнейшего назначения. Если за два почти года командования различными армиями я имею какие-либо заслуги, то прошу дать мне использовать свои силы в живой работе, и если таковой не найдется на фронте, то прошу дать ее в деле транспорта или военкомиссаров. Командарм Тухачевский». Об этом письме М. Н. Тухачевского стало известно В. И. Ленину.

В конце января М. Н. Тухачевский был назначен командующим Кавказским фронтом. Это назначение было сделано с ведома ЦК партии, лично Владимира Ильича Ленина, и, как показали события, весьма кстати. Положение на Кавказском фронте в то время было тревожное. Создалась угроза потери Ростова и Новочеркасска.

М. Н. Тухачевский, вступив в командование фронтом, провел необходимую перегруппировку войск и в середине февраля 1920 года отдал приказ о переходе их в наступление. В результате части Кавказского фронта к концу марта 1920 года полностью разгромили главную группировку деникинской армии, отошедшей на Северный Кавказ.

В это время обострилась обстановка на западных границах Республики в связи с агрессивными действиями белополяков.

20 марта 1920 года Главком С. С. Каменев представил доклад В. И. Ленину, в котором писал: «...ввиду важности польского фронта и ввиду серьезных предстоящих здесь операций Главнокомандование предлагает к моменту решительных операций переместить на Западный фронт командующего ныне Кавказским фронтом Тухачевского, умело и решительно проводшего последние операции по разгрому армий Деникина».

29 апреля 1920 года приказом Главкома М. Н. Тухачевский переводится с Кавказского на Западный фронт на должность командующего фронтом. 10 мая 1920 года Политбюро ЦК партии рассмотрело предложения Тухачевского о подготовке наступления на Западном фронте. ЦК РКП(б), как известно, единодушно поддержал предложения Тухачевского¹.

Назначение М. Н. Тухачевского на главный стратегический фронт и единодушная поддержка его плана ЦК РКП(б) красноречиво свидетельствовали о признании партией заслуг советского полководца.

Войска Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского нанесли ряд сокрушительных ударов по врагу и подошли к Варшаве. Но Варшавская операция, как известно, в силу ряда причин закончилась неудачно. Однако такой исход операции ни в коей мере не умалял полководческих способностей М. Н. Тухачевского и его смело задуманного плана операции. Наоборот, авторитет М. Н. Тухачевского как крупного стратега был признан не только в нашей стране, но и за рубежом.

На посту командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевский проявил высокие полководческие способности, умение разбираться в сложной обстановке и решительность в проведении намеченных планов.

После окончания советско-польской войны в 1921 году по указанию В. И. Ленина на М. Н. Тухачевского было возложено командование войсками, предназначенными для подавления контрреволюционного Кронштадтского мятежа. И на этом посту Тухачевский до конца выполнил свой долг. 18 марта Кронштадтский мятеж был подавлен, и Михаил Николаевич просит разрешения Главкома возвратиться к исполнению своих прямых обязанностей — командующего Западным фронтом.

«Я очень прошу, — говорил М. Н. Тухачевский, — меня не задерживать дольше забвального дня. Очень оторвался от Запфронту, надобно скорее войти в курс дела, особенно оперативной и строевой подготовки. План разгрузки этого района от войск разработаем до отъезда и донесем Вам...»

В этих словах виден весь Тухачевский — человек дела, движения, кипучей энергии. Выполнив задание партии, он ни минуты не может оставаться в покое, готов к выполнению новых важных

¹ «Комсомольская правда», 1963, 16 февраля.

поручений. Но недолго пришлось ему командовать Западным фронтом.

6 мая 1921 года М. Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Тамбовской губернии для подавления контрреволюционного кулацко-эсеровского мятежа, так называемой антоновщины. Это назначение М. Н. Тухачевского было сделано Главкомом по решению ЦК партии и В. И. Ленина. В архивах сохранилась записка Э. Скиянского Владимиру Ильичу, в которой он писал: «...я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. В последнее время там нетулучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей.

Ваше мнение?».

Это ответственное задание Центрального Комитета Коммунистической партии, требовавшее особо творческого подхода к использованию имевшихся наличных сил и средств, было успешно выполнено. К 14 июня 1921 года бандитизм в Тамбовской губернии был ликвидирован и М. Н. Тухачевский снова вступил в командование Западным фронтом.

Таким образом, из этого очень краткого обзора деятельности М. Н. Тухачевского в период иностранной военной интервенции и гражданской войны видно, что изо дня в день, от победы к победе крепло и совершенствовалось его полководческое мастерство, мужала политическая зрелость.

22 мая 1920 года Реввоенсовет Республики в приказе по случаю причисления М. Н. Тухачевского к Генеральному штабу писал: «...М. Н. Тухачевский вступил в Красную Армию и, обладая природными военными способностями, продолжал непрерывно расширять свои теоретические познания в военном деле. Приобретая с каждым днем новые теоретические познания в военном деле, М. Н. Тухачевский искусно проводил задуманные операции и отлично руководил войсками как в составе армии, так и командуя армиями фронтов Республики и дал Советской республике блестящие победы над ее врагами на Восточном и Кавказском фронтах».

По окончании гражданской войны М. Н. Тухачевский отдает все свои силы дальнейшему укреплению и развитию Красной Армии на новой технической базе. Он понимал, что, хотя гражданская война и закончилась победой, складывать оружие и успокаиваться на достигнутых успехах нельзя. Укрепление Красной Армии оставалось священным революционным долгом всего советского народа, и в первую очередь командного и политического состава Вооруженных Сил.

М. Н. Тухачевский, глубоко понимая характер будущей войны как войны моторов, проводит исключительно большую организационную работу по выполнению намеченных партий и правитель-

ством планов укрепления обороны страны, реорганизации и технического оснащения Советских Вооруженных Сил.

25 июля 1921 года М. Н. Тухачевский был назначен начальником и военкомом Военной академии РККА, единственной в то время кузницы высшего и старшего командного состава. В январе 1922 года он вновь назначается командующим Западным фронтом.

С мая 1924 по январь 1925 года М. Н. Тухачевский работал сначала в должности помощника, а затем заместителя начальника штаба РККА, начальником которого являлся в то время М. В. Фрунзе. Одновременно, по совместительству, М. Н. Тухачевский оставался Главным руководителем Военной академии РККА по стратегии.

М. В. Фрунзе уважал и высоко ценил деятельность Тухачевского, поэтому не случайно избрал его своим заместителем. В 1925 году М. Н. Тухачевский под руководством М. В. Фрунзе проделал большую работу по проведению в жизнь разработанной партией военной реформы, имевшей историческое значение для Советских Вооруженных Сил.

В ноябре 1925 года М. В. Фрунзе выдвинул М. Н. Тухачевского на пост начальника штаба РККА. В этой должности Тухачевский находился до мая 1928 года, когда был назначен командующим войсками Ленинградского военного округа. В июне 1931 года М. Н. Тухачевский был возвращен снова в центральный аппарат и назначен сначала начальником вооружений РККА, а затем — заместителем Народного комиссара обороны и заместителем Председателя Реввоенсовета. На этом посту он оставался до мая 1937 года.

М. Н. Тухачевский, несомненно, являлся одним из наиболее выдающихся военных деятелей Советских Вооруженных Сил. К моменту вступления в должность начальника штаба РККА он был уже возмужавшим, политически зрелым, умудренным богатейшим боевым опытом первой мировой и гражданской войн полководцем, далеко смотревшим в будущее развития военного дела. К этому времени с большой силой проявились его блестящие стратегические и организаторские способности.

Наряду с военной деятельностью М. Н. Тухачевский вел большую общественную работу. Он был делегатом съездов Советов, членом ЦИК СССР всех созывов, делегатом многих съездов партии. На XVI и XVII партсъездах избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б).

Военно-политическая деятельность М. Н. Тухачевского в годы мирного социалистического строительства была очень многогранной и плодотворной. Он являлся инициатором смелой постановки ряда крупных вопросов обороны страны перед ЦК партии и Советским правительством. Речь идет о проблемах перевооружения армии, о развитии новых родов и видов вооруженных сил, об изменении организационной структуры войск.

С завершением восстановительного периода Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к разработке и осуществлению первого пятилетнего плана, который открывал широкие перспективы развития народного хозяйства СССР, коренной реконструкции армии и флота. Укрепление обороноспособности страны и усиление Советских Вооруженных Сил вызывались также и обострением международной обстановки.

11 января 1930 года М. Н. Тухачевский, будучи командующим войсками Ленинградского военного округа, представил Наркомвоенмором доклад о реорганизации Вооруженных Сил, в котором писал: «Успехи нашего социалистического строительства... ставят перед нами во весь рост задачу реконструкции Вооруженных Сил на основе учета всех новейших факторов техники и возможности массового военно-технического производства, а также сдвигов, происшедших в деревне... Количественный и качественный рост различных родов войск вызовет новые пропорции, новые структурные изменения... Реконструированная армия вызовет и новые формы оперативного искусства».

Главным в этом докладе Тухачевского являлось предложение об увеличении количества дивизий, о развитии артиллерии, авиации и танковых войск.

Постановка этих вопросов М. Н. Тухачевским была правильной и своевременной, что же касается конкретных показателей, то они подлежали дальнейшему уточнению.

Однако эти предложения М. Н. Тухачевского не только не были по достоинству оценены и поддержаны Ворошиловым и Сталиным, но и встречены враждебно. В заключении Сталина, к которому полностью присоединился Ворошилов, утверждалось, что принятие этой программы повело бы к ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной системой «красного милитаризма».

Заключение Сталина по предложениям Тухачевского Ворошилов объявил на расширенном заседании Реввоенсовета Республики. После этого Тухачевский неоднократно обращался к Сталину с просьбой снова рассмотреть его предложения о реконструкции РККА. При этом он подчеркивал, что Советскому Союзу нужно не только выиграть будущую войну, но при этом сохранить свою экономическую мощь, не подорвать достигнутых успехов в строительстве социализма.

30 декабря 1930 года М. Н. Тухачевский вынужден был снова обратиться с письмом к Сталину:

«...формулировка Вашего письма, оглашенного тов. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности, например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной академии РККА, где вел этот предмет в течение шести лет. И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне лож-

ным. Между тем я столь же решительно, как и раньше, утверждаю, что штаб РККА беспринципно искажил предложения моей записки...»

Ответа на эти страстные строки не последовало. Сталин лишь в мае 1932 года прислал письмо Тухачевскому, в котором признал, что он очень резко отнесся и неправильно подошел к оценке предложений Тухачевского о реконструкции РККА. В заключение письма Сталин приносил извинения за то, что он с большим опозданием исправляет свою ошибку.

Мы так подробно остановились на этом вопросе затем, чтобы показать, в какой сложной и трудной обстановке приходилось работать М. Н. Тухачевскому.

Учитывая бурный рост военной техники и ее влияние на характер будущей войны, М. Н. Тухачевский проявлял большую заботу о развитии новых родов войск, и прежде всего авиации, мотомеханизированных и десантных войск. Одновременно он уделял большое внимание разработке основ их боевого применения.

В конце 1931 года М. Н. Тухачевский в письме Наркомвоенмору впервые поставил вопрос о внедрении танковых войск в стрелковые и кавалерийские дивизии. Это предложение было принято и нашло применение в практике строительства Вооруженных Сил.

В феврале 1934 года М. Н. Тухачевский совместно с И. П. Уборевичем написал К. Е. Ворошилову письмо, в котором на основе опыта учений и маневров показал роль современной авиации и ее боевые возможности. «...Современная авиация,— говорится в письме,— может на длительный срок сорвать железнодорожные перевозки, уничтожить склады боеприпасов, сорвать мобилизацию и сосредоточение войск... Та сторона, которая не будет готова к разгрому авиационных баз противника, к дезорганизации систематическими воздушными нападениями его железнодорожного транспорта, к нарушению его мобилизации и сосредоточения многочисленными авиадесантами, к уничтожению его складов горючего и боеприпасов, к разгрому неприятельских гарнизонов и эшелонов быстрыми действиями мехсоединений, поддержанных кавалерией и пехотой на машинах,— сама рискует подвергнуться поражению». Исходя из этого, Тухачевский и Уборевич считали, что основным, решающим звеном в развитии РККА в ближайшие годы должно явиться быстрое развитие численности авиации. Учитывая реальные возможности, они считали, что в 1934—1935 годах Красная Армия могла иметь до 15 тысяч действующих самолетов.

Одновременно авторы письма показывали важную роль бронетанковых войск в укреплении обороны страны.

Однако при всем этом М. Н. Тухачевский по-прежнему проявлял постоянную заботу о дальнейшем совершенствовании стрелковых войск, артиллерии, войск ПВО и других специальных родов войск. В частности, под руководством М. Н. Тухачевского

были разработаны и введены новые штаты стрелковой дивизии и корпуса, что значительно улучшило организационную структуру стрелковых войск, повысило их техническую оснащенность, увеличило подвижность и маневренность. По его инициативе было произведено также сокращение числа типов артсистем, находившихся на вооружении РККА. Это сыграло важную роль в развитии артиллерии. Сокращение числа образцов артиллерии не только облегчило их промышленное производство, но и упрощало использование в бою, облегчало работу тыла. В то же время М. Н. Тухачевский являлся инициатором и активным проводником в жизнь многих важных мероприятий по развитию военно-морского флота и воздушнодесантных войск.

В мае 1928 года М. Н. Тухачевский сделал доклад на заседании РВС СССР «О значении и задачах морских сил в системе вооруженных сил страны». В принятом постановлении РВС СССР отмечалось: «...при развитии ВМС стремиться к сочетанию надводного и подводного флотов, береговой и минно-позиционной обороны и морской авиации, отвечающей характеру ведения боевых операций на наших морских театрах в обстановке современной войны...»

В 1932 году М. Н. Тухачевский провел опытное учение морских сил Балтийского флота, на котором практически проверил свои взгляды по тактике морского боя. В представленном докладе о результатах учения он сформулировал ряд новых очень важных выводов и предложений по дальнейшему развитию Военно-Морского Флота. «Применение новых технических средств морского и воздушного морского боя,— писал в этом докладе М. Н. Тухачевский,— совершенно по-новому ставит вопрос о борьбе с линейным флотом, особенно в условиях относительной близости берега. Быстроходность линкора и мощь его артиллерийского вооружения могут уменьшиться, иногда почти сводятся на нет применением высотного и низкого торпедометания, высотной постановкой мин заграждения, атаками радиоуправляемых ракет и торпедных катеров, задымлением артиллерийского наблюдения и управления на кораблях, путем сбрасывания мелких дымовых авиабомб и мощного авиационного бомбометания с применением во всех случаях широкой постановки дымовых завес авиацией».

В связи с тем что Балтийский флот не имел к тому времени соответствующего вооружения, М. Н. Тухачевский предлагал приступить к форсированному созданию мощной торпедоносной и миннозаградительной техники. Он оказывал большую поддержку ученым и конструкторам, работавшим над проблемой радиоуправляемых ракет. Он настаивал на введении в учебную программу ВМС занятий по овладению новыми воздушно-морскими формами боя в качестве основной, решающей задачи.

Заслуживает внимания высказанная в этом докладе М. Н. Тухачевским мысль о порядке охраны линейного флота от атак с воздуха, которая нашла применение в годы второй мировой войны.

«Охранение линейного флота,— писал М. Н. Тухачевский,— от атак с воздуха должно быть возложено на специальные суда, несущие на себе:

а) авиацию, могущую в любой момент подняться в воздух для отражения атак противника;

б) зенитные орудия с автоматическим управлением; эти же орудия должны иметь возможность вести огонь и по быстроходным надводным целям».

М. Н. Тухачевский является инициатором развития в РККА авиадесантных войск. В сентябре 1934 года в замечаниях о маневрах Ленинградского военного округа он писал: «Использование авиадесантов было особенно продумано. Размеры десантов наибольшие в РККА». Но, учитывая будущее этого нового рода войск, Михаил Николаевич в скобках замечал: «...надо приучать себя уже к многотысячным десантам». И действительно, эти предвидения Тухачевского очень скоро сбылись. Уже на маневрах Киевского и Белорусского военных округов в 1936 году авиадесанты были поистине массовыми.

Особое беспокойство и заботу у Михаила Николаевича вызывало обеспечение авиадесантов. На маневрах в ЛВО в 1934 году уже делалась попытка снабжения их горючим с воздуха. Это М. Н. Тухачевский считал большим плюсом и предлагал путем опытных учений выработать стандартный расчет. Делясь своими краткими замечаниями с командующим ЛВО И. П. Беловым, он просил его проверить, как держали связь авиадесанты со своей авиацией и как они снабжались авиацией.

Одновременно с большой повседневной работой по развитию родов войск М. Н. Тухачевский заботился о подготовке кадров — специалистов. Он является инициатором создания ряда академий РККА. Так, например, 27 марта 1932 года в докладе, представленном Сталину, Орджоникидзе и Ворошилову, он писал: «...в связи с последними решениями КО¹ о быстром оснащении РККА танками, артиллерией и другими техническими средствами резко выросла потребность в военных инженерах различных специальностей, что требует немедленного выделения из Военно-технической академии РККА ряда самостоятельных академий и в первую очередь: механизации и моторизации, военно-инженерной и военно-химической». В этом же докладе он предлагает провести ряд мероприятий и по линии гражданских вузов. Предложения Тухачевского были приняты и сыграли важную роль в развитии армии и флота.

М. Н. Тухачевский глубоко, со знанием дела вникал во все вопросы боевой подготовки войск.

В ноябре 1926 года М. Н. Тухачевский, как начальник штаба РККА, представил доклад Наркомвоенмору об итогах маневров этого года и о задачах подготовки войск на 1926/27 год. В докладе

¹ Комитета обороны.— *Ред.*

он отмечал слабую подготовку командного состава, особенно в управлении боем, плохую маневренность войск на поле боя, слабое взаимодействие, плохую работу тыла, пассивную роль штабов и неконкретность партийно-политической работы. Для устранения этих недостатков штабом РККА были разработаны конкретные мероприятия, одобренные затем РВС СССР.

В докладе об итогах маневров 1927/28 года М. Н. Тухачевский снова писал, что войска все еще слабо маневрируют, начсостав всех степеней не обладает необходимой инициативой и самостоятельностью, командиры теряются в боевой обстановке, ждут указаний. В приказе РВС СССР от 3 декабря 1928 года все эти вопросы нашли отражение. Потребовалось значительное время, чтобы устранить эти недостатки. В замечаниях по маневрам ЛВО 1934 года М. Н. Тухачевский уже писал: «Активность бойцов и командиров отличная, но инициативы все еще мало».

М. Н. Тухачевский большое внимание уделял развитию тактики общевойскового боя. 7 октября 1933 года он представил Ворошилову доклад о результатах проведенного им учения на тему «Прорыв усиленной стрелковой дивизией укрепленной полосы противника на узком фронте». Этот доклад представляет большой интерес, так как в нем Тухачевский изложил основы общевойскового боя, получившие потом официальное признание и закрепление в уставах. Михаил Николаевич рассматривал современный общевойсковой бой как бой, в котором победа достигается согласованными действиями всех родов войск и в котором танки играют видную роль. Ценность этих выводов и предложений М. Н. Тухачевского тем более велика, что они были сделаны на заре массового зарождения танковых войск в Советской Армии.

«...Современные средства подавления, будучи примененные в массовых масштабах,— писал М. Н. Тухачевский,— позволяют достичь одновременной атаки и уничтожения всей глубины тактического расположения обороны противника.

Эти средства, и в первую очередь танки, позволяют:

а) подавить систему огня обороны противника так, чтобы большая часть артиллерии и пулеметов не могла принять участия в отражении атаки и проникновения наступающей пехоты и танков НПП¹ в глубь оборонительной полосы;

б) нарушить систему управления, сковать и изолировать резервы противника с тем, чтобы в период боя в глубине оборонительной полосы разгромить по частям разные эшелоны боевого порядка противника.

Так как в этом случае успех продвижения пехоты зависит от успеха продвижения танков, то основная масса артиллерии должна быть обращена на поддержку танков и только после выхода их в свои районы действий обращается для поддержки пехоты на участках, где нет танковой поддержки.

¹ Непосредственной поддержки пехоты.— *Ред.*

Таким образом, поддержка пехоты возлагается на танки, а поддержка танков на артиллерию».

В заключение доклада, как всегда, Тухачевский предлагает ряд практических мероприятий, направленных на улучшение управления и организации общевойскового боя. В связи с тем что на этом учении танковая атака сопровождалась огнем вала, Тухачевский писал: «...это заставляет, с одной стороны, артиллеристов продолжать разработку организации огневого вала в различных условиях и применительно к разным скоростям атакующих танков, с другой — обратить особое внимание на способы связи между танками и артиллерией танковой поддержки».

Наконец, совершенно необходимо, чтобы танковые части учились действовать в условиях пониженной видимости и совместно с мощной артиллерией. Установление прочных способов связи между танками и артиллерией должно быть основательно разработано... Взаимодействие танков, авиации и авиадесантов в глубине оборонительной полосы противника должно быть обеспечено предварительной увязкой их действий в плане боя по времени и пространству».

Подводя итоги маневров в ЛВО 1934 года, М. Н. Тухачевский отмечает необходимость учить войска способам окружения противника, причем окружения до классического конца. И, наоборот, следует овладевать языками прорыва из замкнутого кольца.

В это же время он ставил вопрос о том, что при действиях в оперативной глубине мехсоединений необходимо придавать им авиацию.

В сентябре 1936 года М. Н. Тухачевский в замечаниях о маневрах МВО снова отмечал ряд существенных недостатков по этим вопросам:

«1. Мехкорпус прорывал с фронта оборонительные полосы противника без артподдержки. Потери должны были быть огромны.

2. Действия мехкорпуса вялы, управление плохое...

3. Действия мехкорпуса не поддерживались авиацией...

4. Авиация использовалась... недостаточно целеустремленно...

8. Плохо работала связь...

9. Высадку авиадесантов следовало бы обеспечить истребителями.

10. Работа штабов, в частности разведка, очень слаба во всех частях...

13. Парашютисты прыгают без оружия. Это надо изменить...»

Свою практическую деятельность в области боевой подготовки войск М. Н. Тухачевский тесно увязывал с проводимой им большой научно-исследовательской работой. На маневрах, опытных учениях войск он проверял и уточнял разрабатываемые новые положения тактики и оперативного искусства.

С появлением новых родов войск создавались условия для уничтожения противника путем одновременного воздействия на всю его тактическую глубину. Учитывая эти возможности, Михаил Николаевич разработал теорию глубокого боя и провел большую работу по внедрению ее в практику обучения и подготовки войск. М. Н. Тухачевский разработал специальную инструкцию, по которой в войсках проводились опытные учения.

14 сентября 1933 года видный военный руководитель И. А. Халепский писал Тухачевскому: «... вот уже восемь дней, как нахожусь в Тоцких лагерях и вплотную работаю над основами организации наступательного глубокого боя...

• В проработке своей темы положил в основу разработанные Вами тезисы «глубокого боя». Могу Вас порадовать, Михаил Николаевич, что Ваша теоретическая разработка, Ваши тезисы, практически проверяемые на боевой практике, в основном, полностью и целиком себя оправдывают».

Следует отметить, что сущность и значение теории глубокого боя не всеми были поняты и оценены сразу. Тухачевскому пришлось много потратить сил, для того чтобы его опыт занял положенное ему место в системе подготовки войск.

Известное недопонимание основ глубокого боя проявил в то время К. Е. Ворошилов, который на Пленуме РВС СССР резко критиковал Тухачевского.

20 ноября 1933 года Тухачевский вынужден был обратиться с письмом к Ворошилову: «...после Вашего выступления на Пленуме РВС у многих создалось впечатление, что, несмотря на новое оружие в армии, тактика должна остаться старой...» Письмо заканчивалось словами: «Я потому решил написать это письмо, что после Пленума началось полное брожение в умах командиров. Идут разговоры об отказе от новых форм тактики, от их развития, и, так как, повторяю, это целиком расходится с тем, что Вы неоднократно высказывали, я решил Вас поставить в известность о происходящем разброде...»

На заседании РВС СССР в 1934 году С. С. Каменев говорил: «...глубокий бой не есть метод, а есть форма боя. Ее предложил Михаил Николаевич. То, что предложил Михаил Николаевич, имеет своей задачей одновременно или близко по времени производить удар по переднему краю, по артиллерийским частям противника и в глубокой глубине. Это проблема. Одновременно поразить противника, чтобы он не мог использовать свои резервы».

Жизнь полностью подтвердила правильность выводов М. Н. Тухачевского. Разработанная им теория глубокого боя легла в основу тактической подготовки войск РККА и получила дальнейшее развитие в последующие годы.

Следует подчеркнуть, что во всей своей деятельности Михаил Николаевич Тухачевский исходил из ленинского принципа о руко-

водящей роли Коммунистической партии в строительстве Вооруженных Сил. Он был активным участником проведения всех мероприятий ЦК партии в области военного строительства. Этому же он добивался от всех командиров и начальников.

В феврале 1922 года РВС Западного фронта обратился с циркулярным письмом к РВС Минского и Витебского районов, начальникам и военным соединениям, входивших в состав фронта, в котором отмечалось, что, «для того чтобы быть единоличным начальником, мало быть только честным коммунистом. Надо еще быть втянутым в политическую жизнь части, надо иметь опыт в политработе и быть достаточно подготовленным марксистом. Только при наличии этих условий возможен перевод на единоначалие...». Далее в письме давались указания о необходимости широкого вовлечения командного состава в политическую работу и о повышении специальной военной подготовки военных комиссаров. В конце письма подчеркивалось, что только «общая дружная работа всего командного и комиссарского состава дает широкие возможности в осуществлении всех вышеизложенных задач».

М. Н. Тухачевский большое внимание уделял вопросам развития советской военной науки. Правильно понимая характер современной войны, он неоднократно подчеркивал, что в нашу эпоху войны ведутся не одними вооруженными силами, а всей страной. Поэтому он считал крайне важным не только верно наметить решающие пути развития армии и флота, но и неуклонно укреплять экономическое могущество страны, повышать ее мобилизационную готовность.

Военно-научные труды М. Н. Тухачевского были теснейшим образом связаны с его кипучей практической деятельностью по укреплению Красной Армии и руководству ею в сражениях с врагами. Естественно поэтому, что в его работах значительное место занимают вопросы начального периода современной войны, последующих операций, использования авиации, мотомеханизированных войск, воздушных десантов.

Большинство работ было написано Михаилом Николаевичем в конце гражданской войны или непосредственно после нее — в восстановительный период и в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. В то время в Красной Армии проводилась большая работа по обобщению опыта гражданской и первой мировой войн. Основываясь на опыте прошлых войн и достижениях народного хозяйства СССР, М. Н. Тухачевский активно участвовал в разработке основ развития теории и практики советского военного искусства. Он рассматривал советское военное искусство, вопросы строительства вооруженных сил не с позиций буржуазного военного специалиста, что было типично для военных теоретиков (А. А. Незнамов, А. А. Свечин, С. Г. Лукирский, А. И. Верховский и др.), перешедших на службу в Красную Армию, а с революционно-классовых позиций.

Взгляды, выраженные в военно-теоретических трудах М. Н. Тухачевского, по своему общему направлению близки к взглядам М. В. Фрунзе, решительно отстаивавшего мысль о том, что военное искусство неразрывно связано с общественным строем страны, с ее производственной базой. Тухачевский подчеркивает значение человека и оружия как материальной основы развития военного искусства. Он считает вооруженную борьбу главным средством ведения войны, но подчеркивает, что война не является единственным средством политики и не исчерпывается только военными операциями. Действия вооруженных сил не исключают, а предполагают обязательное использование в войне политических, экономических и других форм борьбы.

При разработке вопросов подготовки и ведения вооруженной борьбы автор исходит из марксистско-ленинского положения, что навязанная империалистами Советскому Союзу война будет длительной и жестокой; в ней подвергнутся испытанию все экономические и политические устои воюющих стран. Он считал, что именно к такой войне и необходимо готовить страну. По мнению М. Н. Тухачевского, разгром противника не может быть достигнут одним ударом. Большой интерес представляют его работы, в которых рассматривается теория непрерывных операций, следующих одна за другой на одном стратегическом направлении.

Основные положения, высказанные Михаилом Николаевичем о характере войны и ведении операций, нашли подтверждение на опыте второй мировой и Великой Отечественной войн. Однако в его труде «Вопросы современной стратегии» допускается ошибочное толкование существа и содержания гражданской власти, организуемой Красной Армией на занятых территориях буржуазных государств. Предложение автора об организации на освобожденных территориях Советской власти справедливо было только для гражданской войны в Советском Союзе. Из опыта Великой Отечественной войны известно, что народы освобожденных капиталистических стран сами избирают тот демократический образ правления и социального устройства, который отвечает их насущным интересам.

Вопросы определения характера будущей войны и стратегии ее ведения составляют главное содержание избранных произведений М. Н. Тухачевского. Смелая, оригинальная постановка и решение им вопросов советской стратегии и советского оперативного искусства представляют большой интерес и в настоящее время, несмотря на коренное изменение условий и обстановки по сравнению с периодом, когда проходила деятельность автора.

В двухтомном издании избранных произведений М. Н. Тухачевского помещены основные его работы о характере будущей войны и ее стратегии, о строительстве Красной Армии, а также некоторые работы, посвященные обучению и воспитанию войск и методике их подготовки.

Здесь не представляется возможным дать характеристику всех работ, помещенных в двухтомнике, поэтому мы остановимся лишь на некоторых из них.

Издание открывается докладом, написанным Михаилом Николаевичем по поручению В. И. Ленина, об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава. В докладе дается характеристика офицерского корпуса старой армии, говорится о возможностях использования его для строительства вооруженных сил пролетарского государства, излагаются соображения о создании своего коммунистического командного состава и о порядке его назначения и продвижения.

Работа «Стратегия национальная и классовая», написанная в конце 1919 года, была направлена против тех, кто не признавал военно-научного значения опыта гражданской войны. В ней весьма умело вскрывается специфика гражданской войны и сущность классовой стратегии. Это был один из первых удачных опытов осмысливания в военно-теоретическом отношении гражданской войны в России с революционно-классовой позиции. До настоящего времени статья с принципиальной точки зрения не утратила своей актуальности.

В статье «Война клопов», опубликованной в 1923 году, критикуется идея уничтожения вражеской армии путем одного только разложения. Автор указывает, что для достижения экономических и политических целей войны необходимо в первую очередь уничтожить вооруженные силы противника. В статье выдвигается положение, что полное уничтожение неприятеля достигается не одним «психологическим» воздействием и даже не одним ударом, а рядом уничтожающих операций.

Труд «Поход за Вислу» представляет собой стенограммы лекций, прочитанных на дополнительном курсе Военной академии РККА 7—10 февраля 1923 года. Выход в свет этой работы, как известно, вызвал большую полемику в военных кругах не только в нашей стране, но и за рубежом и тем самым способствовал наиболее правильному пониманию польской кампании 1920 года.

В труде «Стратегия организации» (1924 год) автор ставит вопросы о взаимоотношении подготовки вооруженных сил к войне и задач стратегии. Следует обратить особое внимание на то, что М. Н. Тухачевский отрицает возможность предвидеть характер войны и стратегию для всей войны в целом. Изменение условий и обстановки в ходе войны дает возможность с достаточной достоверностью, по мнению автора, предусматривать характер и стратегию лишь первого ее периода.

Статьи «Инженерное соразмерение операций» (1920 год), «Об обороне» (1923 год) и «Вопросы высшего командования» (1924 год), являясь логическим развитием статей по стратегии, освещают вопросы подготовки и ведения операций.

Самостоятельное место в двухтомнике занимает работа «Маневр и артиллерия», изданная в 1924 году. В ней выдвигались зло-

бодневные по тому времени проблемы развития советской артиллерии в условиях весьма узкой военно-экономической базы.

В работе «Вопросы современной стратегии», написанной в 1926 году, М. Н. Тухачевский проводит мысль об изменении стратегии в ходе войны в зависимости от конкретных исторических условий. Он делает попытку рассмотреть основы советской стратегии и некоторые проблемы подготовки страны к войне, как представляло их советское военное руководство в середине 20-х годов. Новым в этой статье является отказ от абстрактного подхода к вопросам стратегии, что было характерно для дореволюционной русской военной теории,— автор пытается обосновать вопросы стратегии материальными факторами.

Статья «Война как проблема вооруженной борьбы» была написана для Большой Советской Энциклопедии в 1927—1928 годах. В ней автор излагает свои взгляды на характер войны и общие вопросы ее ведения, высказывает предположение, что будущая война будет затяжной и потребует напряжения всех морально-политических и экономических сил страны.

Статья «Новые учебные задачи», опубликованная в 1929 году, интересна тем, что она подводит, в сущности, итог состоянию боевой подготовки Красной Армии в восстановительный период и ориентирует советские кадры на перестройку этой подготовки в связи с появлением нового Полевого устава 1929 года, разработанного в предвидении значительного прогресса в техническом оснащении армии на протяжении первой пятилетки. Некоторые принципиальные положения этой статьи не утратили своего значения и до сего времени.

В предисловии к книге Г. Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории (Новое время)» М. Н. Тухачевский с марксистско-ленинских позиций глубоко анализирует этот исторический труд. Не умаляя научного значения книги, М. Н. Тухачевский подвергает серьезной критике методологические основы и порочность военной доктрины Дельбрюка.

М. Н. Тухачевский в этой работе вскрывает также ошибочность взглядов по основным вопросам военной теории Свечина и Верховского, находившихся под сильным влиянием буржуазной военной идеологии.

Рукопись «Новые вопросы войны», хранившаяся в архиве и увидевшая свет только в 1962 году, является лишь небольшой частью намеченного автором капитального труда. В нем М. Н. Тухачевский хотел всесторонне исследовать сложную проблему влияния вновь появляющихся средств вооруженной борьбы на изменение прежних оперативно-боевых форм, влияния технических достижений и промышленного роста страны на перспективы развития вооружения и вооруженных сил.

В статье ярко выражено стремление автора смело, с большой перспективой ставить проблемы военно-технического развития Советских Вооруженных Сил и советского военного искусства, что

весьма актуально сейчас — в эпоху бурного развития науки, техники и связанного с этим усовершенствования вооружения, военной техники и появления совершенно новых средств борьбы. Не менее актуальным является и настойчивое стремление автора смело порывать с привычными представлениями, укоренившимися на основе прошлого опыта войны, и выдвигать новые теоретические положения, базирующиеся на глубокой подлинно научной оценке технического развития и социальных изменений в нашей стране, объективно толкающих к изменению старых форм военного искусства, организации и обучения войск.

Весьма интересны предисловия советского полководца к русскому переводу книги Дж. Фуллера «Реформация войны» и к книге Морриса «Стратегия». Оба труда посвящены вопросам стратегии и использованию боевой техники в английской армии. Михаил Николаевич с высоких партийных позиций вскрывает империалистическую, человеконенавистническую сущность философии авторов «Реформации войны» и «Стратегии». Что стоят, например, идеи Дж. Фуллера о химической войне против народов колониальных стран!

М. Н. Тухачевский не только разоблачает истинную сущность буржуазной военной науки, он смело вскрывает ее слабость в стратегических и тактических вопросах. Работы Тухачевского ярко показывают, насколько слабы позиции Фуллера, сбрасывающего со счетов человека и отдающего свои симпатии исключительно танкам и авиации, насколько, с другой стороны, консервативен Моррис в своем пренебрежении к боевой технике. Кстати сказать, второй выражал официальную точку зрения генерального штаба Великобритании.

Но и за схоластическими утверждениями Фуллера и за творческой неповоротливостью Морриса советский полководец смог все же увидеть главную цель, преследовавшуюся (да и преследуемую сейчас) буржуазной военной наукой. Эта цель — подготовка войны против СССР. Михаил Николаевич призывал советский народ и его воинов быть начеку.

Рукописи «Боевое искусство» и «О развитии форм управления», хранившиеся в архиве, написаны соответственно в 1934 и 1935 годах на основе Полевого устава 1929 года (ПУ — 29) и последующего опыта обучения войск. Они посвящены важнейшим проблемам практического освоения войсками теории глубокого боя и использования в нем различных родов войск. Помимо вопросов, на которых мы останавливались выше, большой интерес представляют высказывания автора о перестройке боевой подготовки командного состава Красной Армии. Все выдвигаемые вопросы автор рассматривает в процессе исторического развития, видя в этом источник не только правильного осмысливания происшедших изменений, но и верного определения перспективы дальнейшего развития советского военного искусства.

В работе «Характер пограничных операций», написанной в

1934 году, указывается, что «старые, привычные представления о сосредоточении массовых армий по железным дорогам к границам и о массовом характере пограничных сражений уже не могут соответствовать действительным условиям и средствам войны на сегодняшний день». Учитывая развитие авиации, танковых и воздушнодесантных войск, М. Н. Тухачевский предвидел большую уязвимость приграничных театров военных действий, возможность срыва мобилизации в пограничной полосе и сосредоточения к границам массовой армии. Из этого он делает вывод, что пограничное сражение будет вестись не главными силами армии, как это было в прежних войнах, а войсками, дислоцированными в пограничной полосе. Он считал старую схему мобилизации и сосредоточения главных сил отжившей и требующей радикальных изменений.

В широком плане написана статья «О новом Полевом уставе РККА» (ПУ—36). Этот устав официально не был отменен к началу Великой Отечественной войны, хотя считался устаревшим и подлежал замене вновь разработанным проектом устава в 1941 году. В проекте учитывались все крупные изменения, происшедшие в Красной Армии с 1936 года, опыт войны в Испании, столкновений с японцами на Дальнем Востоке, советско-финляндской войны 1939—1940 годов и военных действий капиталистических армий первого периода второй мировой войны.

В этой статье М. Н. Тухачевский обстоятельно разобрал Полевой устав 1936 года, исходя из идеи активного наступательного метода ведения войны — основы теории глубокого боя, которая была официально узаконена и отражена впервые в этом уставе.

Особое внимание в статье было уделено человеку-бойцу, обучению войск высокой мобильности, а командного состава — широкой инициативе и смелости действий. И это не случайно, так как под влиянием бурного развития техники и буржуазных теорий отдельные командиры стали проявлять чуждые нашему духу настроения, а именно — чрезмерное преклонение перед военной техникой. По мнению М. Н. Тухачевского, тут нельзя бросаться из крайности в крайность.

Работы «Новые вопросы войны», «Характер пограничных операций», «О новом Полевом уставе РККА», написанные в 1931—1937 годах, отражают последние взгляды Тухачевского на характер войны, операции и боя. Они представляют большой интерес с точки зрения уяснения наших предвоенных теоретических взглядов по стратегии, оперативному искусству и тактике. Автор в этих работах всесторонне исследовал характер влияния новых средств вооруженной борьбы на способы ведения боевых действий. Основываясь на технических достижениях того времени, он делает вывод, что операции будущего будут носить широкий маневренный характер, возрастут их темпы и размах.

В статье «Военные планы пынешней Германии», напечатанной в 1935 году, Тухачевский подчеркивал особую опасность гер-

манского милитаризма. Задолго до начала Великой Отечественной войны он обращал внимание на агрессивность немецкого фашизма и подготовку им войны против СССР.

Даже из такого весьма беглого обзора некоторых трудов М. Н. Тухачевского видно, как много он сделал для развития советской военной науки. Он справедливо считается одним из зачинателей военно-научной работы в нашей армии. Его первый научный труд «Стратегия национальная и классовая» читал В. И. Ленин и своей рукою сделал на нем надпись: «Экз. Ленина». В личной библиотеке В. И. Ленина находилась и другая книга М. Н. Тухачевского — «Война классов».

Перу М. Н. Тухачевского принадлежит более 120 работ по различным вопросам стратегий, оперативного искусства, тактики, воспитания и обучения войск. Михаил Николаевич, основываясь на технических достижениях своего времени, опыте первой мировой и гражданской войн, высказал ряд весьма важных теоретических положений, которые отражают передовые взгляды советской военной теории 20—30-х годов.

Необходимо отметить также большие заслуги М. Н. Тухачевского в руководстве военно-научной работой. Он являлся председателем правления объединенного военно-научного общества Штаба РККА, Главного управления и инспекции РККА, состоял членом Центрального совета ВНО, входил в состав редколлегии журнала «Война и революция», был одним из инициаторов создания, а затем редактором «Советской военной энциклопедии», принимал непосредственное участие в подготовке трехтомного труда «Гражданская война 1918—1921 гг.». По его предложению в 1925 году в составе Штаба РККА было создано управление по исследованию и использованию опыта войны.

Ценность публикуемых трудов Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского несомненна. Они помогут офицерам, генералам и адмиралам полнее использовать богатейший опыт партии по созданию и строительству Советской Армии, по обучению, воспитанию войск, будут способствовать решению задач укрепления обороны нашего Советского государства.

Следует, однако, иметь в виду, что со времени написания военно-теоретических трудов М. Н. Тухачевским прошло уже значительное время. За этот период произошли большие изменения в развитии военного дела как в нашей армии, так и в армиях капиталистических стран. Большое влияние на формы и способы борьбы оказала, как известно, вторая мировая война. Крупные изменения во взглядах на характер будущей войны происходят в настоящее время в связи с появлением новых средств борьбы. Поэтому многие положения, выдвинутые М. Н. Тухачевским в его трудах, естественно, уже устарели. Но вместе с тем в них есть высказывания, особенно по вопросам методики подготовки войск и штабов, по вопросам управления, о влиянии новых средств борьбы на организацию войск и на формы и способы борьбы, не

утратившие своего значения и представляющие интерес для военного читателя и в настоящее время.

Военная деятельность Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского в Советских Вооруженных Силах была весьма плодотворной. Он внес крупный вклад в организацию обороны Советского государства, в укрепление могущества армии и флота. Можно без преувеличения сказать, что М. Н. Тухачевский по своей многогранной деятельности является одним из наиболее ярких и прогрессивных руководящих работников нашей армии, много содействовавший развитию советской военной теории и строительству наших Вооруженных Сил. Яркое свидетельство тому — публикуемые труды замечательного советского полководца.

Маршал Советского Союза
С. БИРЮЗОВ

ДОКЛАД, НАПИСАННЫЙ ПО ПОРУЧЕНИЮ В. И. ЛЕНИНА, ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И ВЫДВИЖЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО КОМАНДНОГО СОСТАВА (ПО ОПЫТУ 5-й АРМИИ)¹

КОМАНДАРМ
ТУХАЧЕВСКИЙ
19 декабря 1919 г.
г. Москва
№ 272-К

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ВОЕННОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ
товарищу СКЛЯНСКОМУ

ДОКЛАД

Товарищ Ленин поручил мне разработать те основания, которыми мы руководствовались в 5-й армии при проведении в ней коммунистического командного состава, и подать их в виде доклада на Ваше имя в дополнение к поданному уже ранее, о котором товарищу Ленину было мною упомянуто.

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела. Поэтому стремление создавать Красную Армию на началах регулярных, а не кустарных выставило необходимость использования старых офицеров на ответственных командных постах. Это положение было бы совершенно правильно, если бы старое русское офицерство стояло на высоте своего дела и было бы действительно знатоком этого дела.

На самом деле русский офицерский корпус старой армии никогда не обладал ни тем ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забитых и лишенных всякой инициативы.

Военная школа в старой армии была коренным образом реформирована после японской войны, так как в последней офицерство выказало себя совершенно не подготовленным к современной войне. Началась усиленная работа по переводу иностранной (особенно немецкой) военной литературы. Все это, конечно, дало

¹ Печатается впервые.— *Ред.*

хорошие результаты, но они стали обозначаться лишь к 1908—1910 гг.

Ввиду этого хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства. Участь последнего такова. Значительная его часть, как наиболее активная, погибла в империалистической войне. Большая часть из оставшихся в живых офицеров, наиболее активная часть, дезертировала после демобилизации и развала царской армии к Каледину, единственному в то время очагу контрреволюции. Этим и объясняется обилие у Деникина хороших начальников. Среди старого офицерства способные начальники являются исключением.

Кроме офицерства, прошедшего курс военного обучения до войны, есть еще значительная часть офицеров, прошедших ускоренный курс во время войны. Подготовка таких офицеров, благодаря краткости курса, далеко не на высоте, и для серьезного знакомства с военным делом им необходима серьезная работа по самообразованию. Сейчас мы видим многих из этих офицеров занимающими очень ответственные посты, и это указывает на то, что возможность командования вовсе не сопряжена с такими трудностями, чтобы они не были достижимы для наших партийных товарищей.

Из среды этого скороспелого офицерства мы имеем больше хороших командиров, чем из среды старых офицеров.

Итак, мы не можем смотреть на общую массу старого офицерства как на знатоков военного дела, а тем более как на хороших командиров. Только в службе генерального штаба, в штабной работе старое офицерство имеет преимущества перед новичками. В первый период создания Красной Армии, когда пролетариат не имел своих специалистов военного дела, офицерство было, конечно, единственно способным занимать командные должности, но теперь обстановка в корне изменилась.

ДОКТРИНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Для того чтобы понимать характер и формы гражданской войны, необходимо сознавать причины и сущность этой войны. Наше старое офицерство, совершенно незнакомое с основами марксизма, никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата.

Поэтому генералам совершенно непонятны условия комплектования армии родственными классами при наступлении, условия обеспечения тылов в зависимости от классовой группировки населения, непонятна им зависимость между шириной фронта армий и ходом общей классовой борьбы, незнакомы им возможности в организации пролетариата и родственных им масс для обороны укрепленных районов и проч.

Словом, гражданская война, не только у нас, но и в других странах, в силу обстоятельств, сопровождающих вооруженную борьбу классов, неминуемо будет иметь одни и те же характерные особенности в стратегических формах, как-то: громадная ширина фронта, малочисленность армий, условия комплектования, организация обороны и обеспечения флангов и тыла путем использования родственных классов, понижение техники, а также все протекающие отсюда (известные иногда и генералам) особенности оперативных форм. Все эти особенности предполагаются в сравнении с формами войны национальной или империалистической.

Многие генералы и офицеры честно служат Советской республике, но руководствуются в данном отношении идеей национальной, а не своей солидарностью с рабочим классом. Каждый офицер с удовольствием переименовал бы Красную Армию в «народную» и в полном смысле слова не понимает значения классовой армии. При таком уровне развития офицерства в политическом отношении ему, конечно, трудно понять основы гражданской войны, а как следствие того, и вытекающие из них оперативные формы. В пределах доклада я не могу обстоятельно развить этот вопрос.

В общем, редкость наших боевых порядков, меньшее значение техники в нашей войне (в сравнении с войной массовых армий) значительно облегчили технику командования.

Итак, с одной стороны, гражданская война позволяет легче овладеть технической стороной командования, а с другой — сознательная часть стратегии гражданской войны в полной мере доступна лишь марксистам.

Эти же свойства гражданской войны делают и организационную сторону армии уделом марксистов.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Приведенные выше соображения и доказательства указывают, что проведение в армии коммунистического командного состава не встречает серьезных препятствий со стороны знания военного дела.

Наоборот, мы видели, что на офицерский корпус мы не можем рассчитывать, как на отличный командный состав. Мы принуждены создавать свой, коммунистический командный состав, который будет не только энергичным и самостоятельным, не только позволяющим Коммунистической партии надежно проникнуть в массы Красной Армии и обеспечить ее за собой, но это одновременно будет и шагом вперед в отношении осмысленного руководства армией на войне.

Словом, проведение коммунистического командного состава является большим шагом вперед к регулярным формам классовой армии от форм неорганической смеси красноармейцев со

старым офицерством, неизбежной неприятной импровизации при лихорадочно-спешном создании армии.

Среди военкомов и младшего комсостава есть много достойных быть командирами на ответственных постах. Надо только дать широкий простор для продвижения и широко назначать военкомов на командные должности, давая некоторым из них краткую теоретическую подготовку. Во всяком случае, все военкомы из бывших офицеров или унтер-офицеров должны быть сразу обращены в командный состав.

Нужно только бросить лозунг о переходе к коммунистическому командному составу (в главной массе), и этот командный состав появится, так как он уже имеется налицо в скрытом виде.

Эта мера создаст легкий путь для перехода к единоначалию, насущнейшей задаче момента.

В 5-й армии уже давно выдвинут этот лозунг, и командный состав в ней весь коммунистический, а боевая действительность доказывает и превосходство его над генералами и старыми офицерами.

Неспособные военспецы, а их большое множество, должны отстраняться. Их места занимают молодые и способные революционные начальники.

Организация военно-учебного дела для этой цели уже излагалась в первом докладе.

ПОРЯДОК ПРОДВИЖЕНИЯ

Очень часто у нас на ответственные должности назначения делаются не из числа младших, отличившихся начальников, а из числа тыловых работников, старых военспецов. Этот порядок очень тяжел для фронта. Начинают проводиться стратегические и тактические приемы, не соответствующие обстановке, младшие революционные начальники не считают этих начальников авторитетами, и, в общем, дело не клеится.

Необходимо дать широкий простор в продвижении молодому нарождающемуся революционному командному составу, наиболее способному и необходимому для Красной Армии.

В низах много способных начальников. Они всюду имеются. Не надо только бояться давать им быстрое и свободное продвижение вперед, и тогда мы быстро обогатимся блестящими военачальниками в нашей доблестной Красной Армии.

КОМАНДАРМ

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ И КЛАССОВАЯ¹

I. ВВЕДЕНИЕ

Два мнения. Товарищи, уже заглавие настоящего доклада указывает на те два мнения, которые определенно сложились в нашей армии. Одно мнение это то, что условия ведения гражданской войны вызывают некоторые особенности стратегических форм, которые необходимо обосновать. Другое положение, которое противопоставляется первому, это то, что законы стратегии неизменны и потому в нашей гражданской войне мы не имеем ничего нового, что если руководствоваться теми законами, которыми руководствовались раньше, то действия будут совершенно правильны и не поведут ни к каким ошибкам.

Критика нашей войны. Если мы посмотрим с самого начала возникновения гражданской войны на те различные мнения, которые высказывались военными специалистами, то увидим, что эти мнения претерпели несколько фаз в своем развитии.

В первый период деятельности Красной Армии, когда последняя не приняла еще форм крепкой регулярной армии, какие она имеет теперь, многие высказывали мнение, что это не больше, как партизанская война, которая ведется без всякой системы и которой трудно придать какую-нибудь систему. Я помню, как весной прошлого года один из наших видных военных руководителей, старый офицер генерального штаба, говорил про старый офицерский корпус: «Мы не способны вести вашу войну. Мы подготовлены к ведению войны европейской, к вождению массовых армий, но мы не приспособлены к той войне, которая ведется вами, например, на Украине».

Но постепенно наша армия совершенствовалась, постепенно численность ее увеличивалась и ее действия вылились в действия сплошным фронтом. Это внешнее изменение во многих зародило мнение, что будто бы правильное и законное ведение этой войны со сплошным большим фронтом напоминает собой ведение войны массовыми империалистическими армиями. Немедленно было заяв-

¹ Лекция, прочитанная в Академии Красного Генерального штаба 24 декабря 1919 г. М. Тухачевский. Война классов (статьи 1919—1920 гг.). Госиздат, 1921. Печатается с незначительными сокращениями. — *Ред.*

лено, что законы стратегии вечны и в войне нашей нет ничего нового.

Новое в гражданской войне. Не отрицая вечных основ стратегии, наоборот, анализируя сущность гражданской войны, мы, руководствуясь этими вечными истинами¹, хотим указать те новые данные стратегии гражданской войны, которых нам раньше не приходилось учитывать. Оно и не удивительно. Мы впервые столкнулись с гражданской войной в большом масштабе, а потому, вполне понятно, лишь на опыте можем познать и теоретически обосновать те формы, которые явились как следствие борьбы класса с классом, а не государства с государством.

Эти последние имели совершенно определенные между собой границы, а потому заранее могли подготовить план предстоящей войны. С момента объявления мобилизации, доведенные до боевого состава, регулярные части пересбрасывались на театр военных действий, где производили стратегическое развертывание. Эта первая часть войны, до столкновения двух армий, разыгрывалась по вполне рассчитанному плану. В гражданской войне мы видим другие условия. Здесь вооруженную борьбу ведут два класса. Эти два класса не разъединены между собой никакими границами. Когда вспыхивает восстание, когда поработенный класс берет власть в свои руки и начинает создавать свою армию, тогда начинается и гражданская война. Предусмотреть, где будет это восстание, невозможно, и вообще весь ход событий подчиняется импровизации, а не заранее продуманному плану. Есть много и других характерных особенностей при ведении гражданской войны.

Новые главы стратегии. Исследовать эти особенности и является нашей задачей. Старая стратегия не отмерла, не является для нас чем-то ненужным, а просто не имеет еще нескольких необходимых ей глав о гражданской войне. Написать эти главы и является задачей момента.

Причины войны. Война всегда имеет экономические причины. Капиталистические страны ведут войны для приобретения рынков или природных богатств. Гражданская война ведется угнетенным классом против класса эксплуататоров ради прекращения эксплуатации его труда.

Стратегия и политика. В гражданской войне так же, как и в национальной, цель войны определяется политикой. Однако нет оснований считать, что в гражданской войне, в отличие от войны национальной, политике дозволено вмешиваться в способы дости-

¹ Эта фраза автора — дань буржуазным военным авторитетам того времени. Советская военная наука принципиально отрицает какие-либо «вечные основы стратегии», поскольку стратегия есть орудие политики, а политика является концентрированным выражением экономики. Отсюда не может быть стратегии общей для всех времен и народов. Основы стратегии вытекают из конкретных исторических условий данного государства, его политики, его положения среди других государств и его военных возможностей, определяемых развитием экономики и военной техники. — *Ред.*

жения поставленной стратегии цели. Высказываемые некоторыми положения о праве вмешательства политики в стратегию в гражданской войне надо отвергнуть как ничем не доказанное отклонение от общих оснований. Стратегия, как и всегда, тесно переплетается с политикой, но в этом переплетении нет ничего нового.

Экономическое положение сторон. Гражданская война разрывает государство на два, а иногда и на несколько островов классово-диктатуры. Вполне понятно, что хозяйственный аппарат этого государства, и без того потрясенный революцией, будучи разорван на части, окончательно испортится. Этим обуславливается характерное для гражданских войн понижение военной техники.

II. ВОЙНА

1. План войны

План войны национальной. В мирное время о каждом государстве имелись совершенно определенные данные в отношении: а) границ, б) сил и средств, в) театров вероятных столкновений, г) географических, статистических и прочих данных.

На основании этих данных составлялся план войны на всевозможные случаи, на все комбинации. План войны заключал в себе все соображения по созданию армии, по подготовке театра военных действий в инженерном отношении, по мобилизации, по перевозке войск, по избранию решающего направления, по подготовке операционного базиса и по стратегическому развертыванию.

На подготовку всех этих мероприятий приходилось затрачивать многие годы.

План войны гражданской. Гражданская война в наше время и в культурных странах возникает вместе с появлением где-либо диктатуры пролетариата, вместе с пролетарским восстанием. Пролетариат наскоро формирует армию. Вооруженные силы буржуазии начинают с ними гражданскую войну. Если даже пролетариату и удастся захватить в свои руки всю страну, то все же контрреволюция не преминет поднять восстание там или тут, наскоро сформирует себе армию, и тогда пролетариат опять принужден вести гражданскую войну.

Вполне понятно, что никто заранее не может предвидеть, где вспыхнет восстание, каково будет соотношение сил и средств двух будущих врагов. Так, мы не могли предвидеть восстания чехословаков¹. Мы не могли предвидеть, что, восставши в Пензе, они продвинулись в Самару, что они создадут там «учредилку», что они

¹ Речь идет о чехословацком корпусе, сформированном в 1917 г., после Февральской революции в России, из бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Спровоцированный агентами Антанты корпус весной 1918 г. поднял антисоветский бунт. — *Ред.*

пройдут дальше в Сибирь и поднимут восстание в Челябинске. Мы не могли предвидеть, что эти два контрреволюционных центра впоследствии объединятся и что, наконец, эти учредилочные государства превратятся в колчаковскую империю, которая будет простирается от Великого океана до самой Волги.

Из сказанного ясно, что план войны гражданской не может быть составлен ранее начала этой войны. Все, что в этом отношении может предвидеть диктатура буржуазии или пролетариата,— это то, что для защиты классовых интересов понадобится армия и что армия эта чем будет больше, тем лучше. Можно прибавить к этому, что главные формирования этих армий должны быть сосредоточены там, где находится политический и экономический центр государства, так как в случае войны с враждебным классом эти центры будут снабжать свою армию.

Более подробного плана гражданской войны создать нельзя.

Вот первое, чрезвычайно важное отличие стратегии классовой от стратегии национальной.

К этому мы можем прибавить, что армия восставшего, как революционная, так и контрреволюционная, будет паскоро сколоченная, т. е. будет продуктом импровизации.

Самый план гражданской войны также является импровизацией и в этом отношении имеет сродство с планом операции.

Посмотрим теперь, какие планы возникают у борющихся сторон с начала гражданской войны.

План подавляющего восстание, как более готового к войне, должен быть стремительно наступательным. Главная задача его — оккупировать восставшую область до того, как в ней создастся враждебная армия.

Каков будет при этом характер операции? У восставшего армии, могущей оказать серьезное сопротивление, первое время нет. Поэтому при быстроте действий серьезного, организованного вооруженного сопротивления не будет. В этот период операционная линия будет направлена на жизненный центр восставшей области, а не на живую силу, так как таковой еще нет.

Если время будет упущено и армия восставшего успеет сорганизоваться, то придется считаться с его армией, а вместе с тем объектом действий подавляющего восстание будет уже не территория, а живая сила противника. Это и будет началом полевой гражданской войны.

План восставшего первое время будет оборонительным, избегающим крупных столкновений с противником. Вместе с тем должна быть развита до крайности активность мелких отрядов, затрудняющих противнику возможность сосредоточиваться, разведывать и наступать. Главные силы будут расположены на подступах к жизненному центру.

Как только восставший доведет свою армию до мало-мальски реального вида, он немедленно перейдет в решительное наступление. Он должен помнить, что слабейший должен быть наиболее

смелым. Он должен помнить, что потеря территории означает и уничтожение армии, долженствующей создаться этой территорией.

Даже с началом восстания крайне трудно бывает предусмотреть дальнейший ход событий, настолько изменчива и непостоянна обстановка в период гражданской войны. Крайне трудно предусмотреть те размеры, которые примет война. Крайне трудно рассчитывать средства, потребные для комплектования и снабжения. Все, что можно сказать, — это то, что надо рассчитывать на полное напряжение всех сил и средств своей области — государства и подготовить для этого соответствующий военно-административный аппарат.

2. Подготовка войны

Подготовка войны национальной. Подготовка национальной войны, заключающаяся в проведении в жизнь плана войны, продолжалась многие годы и даже десятки лет. В общем, война никого не заставляла врасплох. Все к ней было готово, все рассчитано: и армия, и флот, и все средства для ведения войны.

Подготовка гражданской войны. Ничего подобного мы не видим в подготовке гражданской войны. Как уже упоминалось, план гражданской войны до ее возникновения может заключать в себе лишь соображения по созданию классовой армии. Инженерной подготовки театра войны заранее быть не может. У восставшего не может быть заранее подготовлена и армия. Подготовка гражданской войны в полном смысле этого слова начинается лишь с возникновения самой войны.

Восставший класс начинает формировать армию.

Подавляющий восстание постарается придать своей армии свой классовый характер.

Восставший класс в первый период создания армии прибегнет к системе *вербовки добровольцев*. Постепенно, укрепив свой аппарат диктатуры, он объявляет обязательную воинскую повинность для своего класса. Вся система его борьбы примет формы *вооруженного класса*.

Высказанное здесь положение больше всего относится к восставшему пролетариату. Восставшая контрреволюция, т. е. буржуазия, обычно сразу провозглашает идею народной армии, называя всю систему *вооруженный народ*. После вербовки добровольцев буржуазия обычно переходит к всеобщей воинской повинности.

Пролетариат, окончательно закрепив свою диктатуру, также начинает привлекать к военной службе враждебные ему элементы, заставляя их служить в своих интересах. Так, у нас привлечены к отбыванию воинской повинности кулаки на тыловые должности. Кроме того, с самого начала формирования армии, пролетариат привлекает на службу военных специалистов старой армии, сперва путем вербовки добровольцев, а затем и по обязательной повинности.

Перед восставшим встает тяжелая задача формирования новой армии, подготовки комплектования для нее и снабжения. Эта задача чрезвычайно тяжела, а с ходом войны она все осложняется, требуется производить все новые формирования, требуется все больший и больший масштаб комплектования и снабжения.

Политическая обработка и агитация. Буржуазия не может позволить своей «народной армии» участвовать в политической жизни буржуазного государства. Наоборот, пролетариат в период своей диктатуры, удушая буржуазию и привлекая к политическому участию в этой работе свою классовую армию как главное оружие этого удушения, тем самым усиливает и само оружие.

В классовой пролетарской армии ведется усиленная политическая работа и агитация. Эта работа имеет чрезвычайное значение в боевой деятельности войск. Вопрос этот по своей обширности требует специального исследования.

3. Начало войны

Начало национальной войны. С перерывом дипломатических сношений начиналась национальная война. Примерно с этого момента объявлялась мобилизация, имевшиеся в мирное время кадры пополнялись до боевого состава, войска перебрасывались в назначенную полосу для стратегического развертывания. Все это происходило по строго рассчитанному плану. Уже через несколько дней после объявления войны происходили первые столкновения двух вполне готовых, вооруженных по последнему слову техники армий и начиналась первая операция¹.

Начало гражданской войны. Гражданская война начинается далеко не так гладко. Восставший еще только начинает создавать свою армию. Подавляющий восстание, если он и имеет армию, то все же не готов к началу военных действий. Восстание для него неожиданно. Перевозка армии у него не рассчитана, и вполне может случиться, что самое географическое место восстания чрезвычайно затруднит эту перевозку. Стратегическое развертывание армии в инженерном отношении не подготовлено. Развертывание армии может подвергнуться налетам партизан и летучих отрядов восставшего.

Рассмотрим подробнее первый период гражданской войны у восставшего.

Жизненные центры. Восстание обычно имеет место в каком-либо крупном центре производства или политической власти. Этот центр быстро становится душой общего восстания. На него налегают восстания соседних центров, и таким путем восстание охватывает целую область.

Уже самое восстание совершается вооруженной силой. Как

¹ Правильнее говорить о начале не одной, а нескольких одновременных операций, как это было на австро-германском и на Западном фронтах в 1914 г.—
Ред.

только власть захвачена, эта вооруженная сила начинает формироваться в регулярную армию. Эта работа по созданию армии, хотя бы и проводимая по хорошо продуманному плану, встречает большие трудности. Приходится подавлять внутренних врагов, еще не подчиняющихся диктатуре восставшего класса, приходится отражать нападение отдельных частей подавляющего восстание. На это дело приходится раздергивать формирующиеся части. Это характерное для восставшего раздергивание армии чрезвычайно тормозит дело ее формирования и ставит чрезвычайно трудные задачи перед военным командованием. Если мы посмотрим на первый период создания Красной Армии, то увидим, что это раздергивание имело громадные размеры.

Кроме формируемой армии на границе восставшей области действуют с той и с другой стороны самочинно возникшие, не объединенные управлением, но объединенные общей идеей мелкие стряпки, которые имеют между собой непрерывные столкновения. Эта линия войск возникает стихийно на почве классовой борьбы. В дальнейшем мы будем называть ее *линией войск местного сопротивления*.

Эта линия образует как бы живую границу вновь образовавшегося государства и служит отправной данной для расчетов по стратегическому разворачиванию.

В первое время между создающейся армией и «жизненным центром» имеется неразрывная спайка. Армия, создавшаяся из недр этого жизненного центра, получает от него и снабжение и пополнение. Она базируется на свой жизненный центр. Поэтому блокада восставшего центра в первый период войны не может дать решающих результатов.

Мертвящие центры. Кроме «жизненных центров» в гражданской войне имеют место еще и «мертвящие центры». Таковыми будут, например, для пролетариата области, населенные богатыми, мелкобуржуазными элементами. Донская область даже в то время, когда входила в состав нашей Федеративной Республики, все же была для нас «мертвящим центром». На такие центры противоположным классам не только нельзя опираться, но еще надобно выставлять и вооруженную силу для удержания их в повиновении. При наступлении, если встречается область с такой неблагоприятной классовой группировкой, приходится не только преодолевать сопротивление армии противника, но еще и сопротивление враждебной среды.

Стратегическое разворачивание. Как только обозначится линия войск местного сопротивления, так появится возможность наметить где-либо за ее прикрытием зону для стратегического разворачивания (операционный базис). Этот район наспех закрепляется за собой, и подавляющий восстание начинает перебрасывать в него свои войска.

Восставший разворачивает свою армию на главных подступах к своему жизненному центру.

4. Ведение войны

Развитие и разрастание. Гражданская война, начинаясь обычно в небольших размерах, быстро разрастается до размеров большой ожесточенной войны.

Это обстоятельство требует постоянного увеличения численности армии, а вместе с тем и аппаратов, ее обслуживающих. Таким образом, план войны расширяется и развивается. Такое же явление мы видели во многих войнах, особенно в последней империалистической.

Комплектование. Армии национальных войн комплектуются своими государствами из числа граждан этого государства.

Комплектование классовых армий в гражданской войне значительно разнообразнее.

Армии пополняются:

- а) мобилизованными в центре,
- б) мобилизованными родственными классами в завоеванных областях и
- в) родственными классовыми элементами из числа военнопленных.

Только общность классовых интересов дает такие необычайно богатые возможности комплектования армии в гражданской войне. Это — характерная особенность, отличающая войну гражданскую от национальной.

Коммуникации. На обеспечение и обслуживание коммуникаций приходится тратить громадное количество войск. Многие великие походы рушились из-за невозможности справиться с этими затруднениями.

Способы обеспечения коммуникаций можно подразделить на следующие виды:

А) Оперативные. а) Активный, т. е. сосредоточение к полю сражения всех войск, обеспечивающих коммуникацию. По одержании победы охрана коммуникации восстанавливается (Суворов). Такое обеспечение чрезвычайно выгодно, но действует лишь при неглубоких тылах.

б) Пассивные: выставление заслонов, закладка крепостей и вооруженных лагерей и проч. Перенесение коммуникации на другую базу.

Б) Органические. Легче всего обеспечить коммуникацию тогда, когда она коротка. Поэтому лучше всего обеспечивать коммуникацию путем ее сокращения. Это достигается следующими способами.

а) *Колонизация.* В национальных войнах сокращения коммуникаций можно было достигнуть путем колонизации завоеванных областей. Под колонизацией подразумевается такая обработка завоеванных областей, которая позволила бы использовать эти области не только для снабжения, но и для пополнения армии. Эта задача требует затраты очень долгого времени. Александр Македонский блестяще проводил в жизнь этот принцип, и его тыл был

всегда прочен, а армия по мере наступления не только не уменьшалась, но даже увеличивалась.

б) *Проведение классовой диктатуры.* Гражданская война позволяет гораздо легче справиться с той же задачей. То обстоятельство, что классы перемешаны, позволяет и тому и другому воюющему классу быстро проводить свою диктатуру в завоеванных областях. При этих условиях в последних очень легко организовать как производство, так и мобилизацию. На эту работу не только не нужно затрачивать целые годы, как это необходимо при колонизации, но даже не приходится тратить и месяцев. При заранее подготовленных аппаратах классового управления и военно-административных органах на это дело придется затратить лишь недели. Эта особенность гражданской войны дает широкие возможности для творчества военному гению.

Справедливость этого положения подтверждает действительность в настоящей войне.

Отношение числа к пространству. Приведенные выше соображения относительно организации тылов в гражданской войне показывают, до какой степени облегчен вопрос отношения числа к пространству в этой войне. В национальных войнах для завоевания громадных пространств требовались и громадные силы, так как главная масса их уходила на обеспечение тылов. Пример этому мы видим в походе Наполеона в 1812 г. Малейшая ошибка в расчете вела за собой крушение этих великих походов. Для того чтобы с небольшими силами завоевать большие пространства, необходимо было терять многие годы на колонизацию постепенно занимаемых областей. Пример такой систематической обработки тылов при большой потере времени мы видим в походе Александра Македонского в Азию.

Наша гражданская война в десять раз облегчает эту задачу. Мы действительно небольшими армиями можем завоевать колоссальные пространства, и притом имея тыл всегда обеспеченным. Это достигается с нашей стороны быстрым укреплением в занятых областях власти рабочих и крестьян. Военно-административные органы создают из родственных классов местные формирования и таким образом быстро обеспечивают за нами занятые области.

Этот вопрос организации местной власти и формирований должен быть точно предусмотрен и рассчитан наступательным планом операции или кампании. Только при этих условиях указанные выше преимущества остаются за нами.

Значительно ухудшается дело в том случае, если в тылах у нас остаются «мертвящие» для нас центры. Они требуют большого расхода войск для удержания этих центров в повиновении. Таких тылов надо избегать. Главная причина краха нашей кампании на Южном фронте весной этого года заключалась в том, что главные силы фронта были двинуты не там, где мы имели бы советские, жизненные тылы в Донецком бассейне, а там, где мы имели «мерт-

вящие» тылы, требовавшие выделения больших гарнизонов для удержания за собой обширных Донских степей. Вопрос отношения числа к пространству не был учтен, и армии наши были разбиты¹.

III. ОПЕРАЦИИ

1. Ширина фронта

В национальных войнах. В национальной войне ширина фронта зависит от количества действовавших войск. Полевая армия совершенно не заботилась о том, чтобы прикрывать собой все пространство границы между государствами. Она сосредоточивалась на решающем направлении и считала, что лучше всего обеспечить свою границу уничтожением армии противника. Растяжение армии кордоном вдоль границы было бы просто актом безграмотности.

Словом, ширина фронта армии в войнах национальных определялась: числом войск и предельной тактической их плотностью в условиях современного боя, т. е. если бы корпус занимал по фронту 5 верст, а корпусов в армии было бы 10, то общий фронт армии равнялся бы приблизительно 50 верстам. Фронт мог несколько расшириться в интересах обеспечения тылов, но граница государства, как таковая, в расчет не принималась.

В гражданских войнах. В гражданской войне мы видим иное явление. Здесь сплошной фронт, отделяющий в виде границы диктатуру одного класса от диктатуры другого класса, имеет особенное, самостоятельное значение. Действительно, в период гражданской войны даже там, где проведена диктатура одного из классов, борьба классов продолжается непрерывно. Если она и не принимает обостренных форм, то все же существует, и достаточно небольшой искры, чтобы пламя восстания охватило ту или другую область. По общему правилу, восставшие начинают немедленно формировать армию, которая в случае помощи со стороны противника одним только оружием может превратиться в серьезную боевую силу.

Таким образом, территория в гражданской войне приобретает исключительное значение. Захват ее хотя бы только летучими отрядами противника не только не безразличен, но при случае может повлечь и катастрофические последствия. Поэтому в гражданской войне армии обеих сторон должны прикрывать, отделить друг от друга всю свою территорию. Это чрезвычайно растягивает наши фронты. С этим надобно считаться как с фактом, вызываемым действительными условиями войны. Таким образом, в нашей войне ширину фронта обуславливают не численность войск и их тактическая плотность, а особенности в условиях комплектования и создания классовых армий.

¹ Здесь автор имеет в виду контрреволюционное восстание казачества в Донской области в тылу наших фронтов весной — летом 1919 г. — *Ред.*

Тактическая плотность. Из предыдущего ясно, что в гражданской войне тактическая плотность войск, т. е. ширина фронта частей, зависит не от условий современного оружия и боя, а главным образом от общей ширины фронта и от числа занимающих его частей. Это положение ясно доказывает, что наступление широким фронтом, при котором части имеют нормальную ширину боевого порядка, является противоречащим основам стратегии как наступление кордоном. Необходимо, кордонно обеспечивая на неважных направлениях свою территорию, создавать массовые группировки на решающем направлении, чтобы придать частям нормальную боевую плотность и разгромить кордон противника в этом направлении.

2. Соотношение сил

В гражданской войне, благодаря ширине фронта ее армий и общей разрухе путей сообщения, принцип частной победы играет еще более решающую роль, чем в войнах национальных или империалистических.

В самом деле, если в решающем месте и в решительный момент и притом неожиданно для противника мы сосредоточим значительное над ним превосходство сил, то ему не удастся вовремя уравнять силы, ввиду указанных выше причин (ширина фронта и разруха транспорта).

В прошедшей империалистической войне тактическая плотность войск обычно была на решительных направлениях предельной при характере современного огня. В нашей гражданской войне тактическая плотность крайне мала и может быть уплотнена в несколько десятков раз. Поэтому для использования превосходства сил мы не принуждены, как это было в прошлой войне, производить атаки широкими фронтами. Наоборот, имея полную возможность создать дробящий молот на небольшом сравнительно участке, на решающем направлении, атака на широком фронте будет не больше, как разброска сил, влекущая за собой вечные неудачи. Итак, мы можем достигать на отдельных участках фронта подавляющее превосходство сил, а это, в связи с невозможностью для противника вовремя уравнять силы, принесет ему неминуемое поражение.

Рассмотрим далее, как будет развиваться поражение противника, нанесенное таким массированием войск на решающем направлении.

Время, потребное противнику на перегруппировку, очень велико. Темп развития операций в нашей войне (о чем будет говорить дальше) отличается необычайной скоростью. Из этого видно, что мы сохраним за собой превосходство над противником и на громадном протяжении преследования.

Кроме этого преимущества есть еще и то, что наступающий мобилизует в занятых областях родственные ему классы. Разбитые же армии в гражданской войне отличаются тем, что уроженцы те-

ряемых областей дезертируют и остаются в своих родных местах. Таким образом, по мере наступления наступающий непрерывно усиливается, а отступающий непрерывно ослабляется. Это также одно из характерных явлений гражданской войны.

В войнах национальных отступающий, отходя на свои сообщения, легко получает подкрепления, а наступающий непрерывно ослабляется на обеспечение тылов. В нашей войне наступление по «мертвящим» для нас центрам напоминает эти условия национальной войны. Сгладить их можно лишь систематической колонизацией покоряемых областей с большой потерей времени.

Превосходства сил можно достигнуть не только перебросками и перегруппировками, но и концентрическим наступлением, если до пункта сосредоточения противник не окажет серьезного сопротивления.

Организацией в тылу противника восстаний и партизанских действий мы также можем создать благоприятное соотношение сил.

В нашей войне мы непрерывно грешим в смысле нарушения изложенных принципов. Наши наступления мы ведем на широких фронтах бесконечными, слабыми кордонами. Мы почти не практикуем перебросок и перегруппировок, мы не создаем дробящих кулаков, и потому наша борьба на фронтах надоедливо выливается в какой-то танц-класс.

Для достижения успеха в нашей войне, как никогда, надо быть смелым, быстрым; как никогда, надо уметь маневрировать, а для того чтобы овладеть сознательно этими качествами, необходимо изучать военное дело всех времен и народов, необходимо уметь произвести научно-критический анализ условий ведения нашей войны.

3. Оборона и наступление

Гражданская война по самому своему существу требует решительных, смелых наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным.

Оборона в гражданской войне совершенно не носит того характера, какой имела она в войнах национальных или империалистических.

В этих последних к обороне прибегала слабейшая сторона, чтобы создать ударный кулак, решающий участь сражения, сэкономив для этого силы на участках пассивной обороны. Итак, идея оборонительного сражения неслучайно в себе прежде всего маневр.

Каково было реальное значение пассивной обороны на некоторых участках для собирания маневренного резерва? В полевой войне ширину фронта корпуса устав определял в 5—6 верст (корпус в 40 тыс. штыков). Тот же самый участок пассивно оборонять с успехом могли 5—6 тыс. штыков. Следовательно, перейдя к обороне на некоторых участках, на каждых 5—6 верстах мы по-

лучили экономию 34—35 тыс. штыков. Таким образом, сами цифры показывают, как велико было значение участковой обороны.

Каковы же оборонительные возможности в нашей гражданской войне? Мы уже упоминали, что фронты наших армий чрезвычайно растянуты. Точно так же чрезмерно растянуты по фронту и отдельные боевые единицы. На Восточном фронте нормальной шириной боевого порядка дивизии в 8 тыс. штыков будет 45—60 верст. Это дает 135—180 штыков на одну версту. Возможно ли при такой редкости стрелковой линии организовать огневую фронтальную оборону? Разумеется нет.

В старой войне даже сторожевое охранение имело большую плотность и тем не менее никто не рассчитывал на обороноспособность этой линии. Есть ли у нас данные полагать, что наши нынешние войска умеют упорнее обороняться, чем старые? Конечно нет. Наши войска умеют хорошо наступать, они имеют неудержимый порыв вперед при наступлении, но к упорной пассивной обороне они не привыкли, а при указанной выше стрелковой плотности они и вовсе не смогут обороняться.

Казалось бы, этот вопрос ясен сам собою и говорить о нем много нечего. Но дело в том, что у нас есть взгляд, что если подготовить хорошо укрепленные позиции, то наши войска будут упорно их оборонять и, во всяком случае, они окажут сопротивление большее, чем без этих позиций. Это самое несчастное заблуждение. Для того чтобы оборонять подготовленные позиции, войскам пришлось бы занимать более узкий фронт, т. е. отказаться от маневра, и на узком фронте загнать все свои войска в окопы. Конечно, это не больше как дикий абсурд, и потому наши благоразумные войска никогда не останавливаются в заранее подготовленных для них укреплениях, за что, правда, весьма часто порицаются. В чем же может заключаться оборона в нашей войне?

Исходя из того же положения, что было принято и в национальных войнах, т. е. что оборона без маневра невозможна, мы постараемся найти те формы, которые позволяют слабейшему или отступающему собирать в решающих пунктах маневренные кулаки, чтобы ими нанести поражение противнику. Оборона в национальной войне предполагает, что участковая пассивная оборона является лишь выигрышем времени. Не имея возможности выиграть время обороной, мы его выиграем отходом слабых заслонов на не важных направлениях. Одновременно, быстро оторвав от противника главные силы, мы их сосредоточим на решающем направлении и перейдем в стремительное наступление, дабы нанести противнику решительный удар. Итак, наша оборона неразрывно связана с отступлением, заранее обдуманном и рассчитанным. Пассивная оборона, хотя бы на главных направлениях отдельными участками, бесполезна, так как противник наступает широким фронтом. Означает ли это положение отрицание инженерной подготовки тыла? Отнюдь нет. Но эта подготовка должна принять новые формы. Что может обеспечить быстроту и своевременность

маневра? Хорошие дороги, а главное — связь. Итак, инженерная подготовка состоит в постройке широкой телеграфно-телефонной сети и исправлении дорог в тылу армии. Рыть укрепления имеет смысл только там, где можно рассчитывать иметь на версту не менее 500 штыков (по старым понятиям 1000 штыков), и, кроме того, еще необходимы участковые резервы. Вот руководящие данные для обороны в нашей войне.

4. Марш-маневр

В войнах массовых армий главные затруднения в организации и совершенствовании марш-маневра заключались в нагромождении больших войсковых масс на небольших участках местности. Это нагромождение приводило к движению глубокими походными колоннами и ко всем затруднениям, сопровождающим это движение.

В нашей войне, как о том не раз упоминалось выше, мы сталкивались как раз с обратным явлением: небольшой численности войска растягиваются на очень большом протяжении фронта. Благодаря этому отпадают все затруднения, связанные с глубиной походных колонн при совершении марш-маневра, зато выступают затруднения, происходящие от ширины фронта частей.

Мы уже упоминали, что фронт дивизии зачастую равен 45—60 верстам (иногда растягивается до 100 верст). При такой ширине боевого порядка дивизии она будет иметь столько дорог, что не только бригады, но и полки имеют каждый свою дорогу. Иногда даже и батальоны имеют отдельные дороги.

Из сказанного явствует, что походный порядок дивизии почти одинаков с ее боевым порядком. На переход из одного в другой нужно каких-нибудь 15 минут. Если бы в нашей войне части двигались в глубоких колоннах, то прежде, чем они успели бы развернуться, противник окружил бы и уничтожил их. Малая глубина походных колонн позволяет нашим войскам крайне легко и быстро передвигаться на большие расстояния. Наши дивизии зачастую делают переходы в 45—60 верст в сутки. Надобность в дневках почти отпадает. Для больших передвижений можно руководствоваться нижеследующей нормой, выведенной из опыта: 200 верст в неделю. При такой скорости войска не переутомляются и остаются вполне боеспособными.

Зато со стороны связи широкий фронт частей крайне неблагоприятен. Быстрота движения еще усугубляет трудности дела связи при исполнении марш-маневра.

В массовых армиях передовой авангард имел громадное значение. Он обеспечивал развертывание глубоких колонн в боевой порядок.

В нашей войне подобие походного порядка войск их боевому порядку в значительной степени уназило значение передового авангарда. Очень часто их заменяет конная и пешая разведка.

Зато большая ширина фронта частей и трудность быстро сгруппироваться к тому или другому флангу в значительной мере усилили значение боковых авангардов, обеспечивающих такую перегруппировку.

Фронт наших частей настолько широк, а самые боевые единицы настолько малочисленны, что очень часто бывает возможно перевозить пехоту на подводах. Обывательских средств для этого хватает, и скорость движения, особенно зимой, чрезвычайно увеличивается. Однако рассчитывать на это нужно очень осторожно, так как противник, отступая, очень часто уводит с собой большую часть обывательских подвод.

Мы уже упоминали, что перемена направления в нашей войне встречает серьезные затруднения, благодаря ширине фронта частей. Приняв фронт дивизии в 45—60 верст, мы увидим, что наружный фланг дивизии, при перемене его направления на 90 градусов, опишет дугу от 60 до 80 верст (приняв за ось вращения внутренних фланг). Следовательно, даже учитывая скорость марша наших частей, все-таки на перемену направления дивизией уйдут в лучшем случае сутки, а нормально двое суток.

5. Организация транспорта

В первый период нашей войны войска наши вели эшелонную войну. Они действовали только вдоль железных дорог, так как не имели транспорта и средств связи. Но постепенно они научились пользоваться обывательским транспортом, обзавелись средствами полевой связи, а вместе с тем появилась и возможность свободно и легко маневрировать. Однако указанная выше способность эксплуатировать обывательский транспорт еще не приняла организованных форм. Рассмотрим подробно этот вопрос.

Вследствие крайней разреженности боевых и походных порядков в нашей армии за редкими исключениями на всех фронтах войска могут снабжаться продовольствием за счет местных средств. Эта же редкая тактическая плотность имеет другое следствие в смысле снабжения, а именно: бой не носит столь напряженного характера, как это было в боях массовых армий, а это в свою очередь значительно уменьшает расход огнеприпасов.

Исходя из этих соображений и руководствуясь практикой, мы заключаем, что войскам необходимо подвозить лишь артснабжение, инжснабжение, вещевое довольствие и колониальные товары. Если подсчитать, по данным снабжения, все эти виды подвозимых припасов и считая, что одна обывательская подвода поднимает 10 пудов груза, мы увидим, что для подвоза всех этих необходимых припасов на дивизию в сутки потребуется 45—50 подвод (дивизия в 8 тыс. штыков, 16 тыс. ртов).

Наша армия не имеет постоянного войскового транспорта. Поэтому до создания такового ей приходится эксплуатировать живой

транспорт обывательских подвод при посредстве этапно-транспортной части.

На Восточном фронте, между Волгой и Уралом, если очертить круг радиусом в 10 верст, в среднем получается, что жители этого круга, соблюдая очередь, могут выставлять ежедневно 150—200 подвод (по данным опыта этапно-транспортной части 5-й армии). Если даже из осторожности и убавить это число вдвое, то получится около 100 подвод ежедневно.

Вероятно, такое число подвод обеспечено и на всех фронтах. При таком количестве местного транспорта хорошо организованная этапно-транспортная часть может создать мощный транспорт, более чем достаточный для питания наших дивизий.

Этапы располагаются через 20 верст каждый. Пять этапов объединяются командиром этапного батальона.

Каждый комендант этапа должен взять в своем районе на учет весь обывательский транспорт и разделить его на три очереди. Очередной обоз (взвод) должен быть всегда наготове. Грузы передаются от одного этапа до другого, где и перегружаются. В штат этапа (этапной роты) должен входить командный состав для этих очередных взводов обывательского транспорта.

Эксплуатация обывательского транспорта должна вестись по железной системе, и комендант этапа должен быть железным начальником в своем районе.

При движении вперед транспорт будет служить делу снабжения, возвращаясь назад,— делу эвакуации.

Учитывая суточную потребность дивизии в 45 подвод и число подвод, ежедневно выставляемых этапом, в 100, мы увидим, что одна этапная линия может обслужить две дивизии. В случае недостатка местного транспорта или необходимости в большом количестве снабжения, необходимо увеличить число этапных дорог.

Такая организация транспорта, пока наши армии не велики и занимают широкие фронты, развязывает нам руки. Это обстоятельство даже выгодно для нас.

Мы можем высказать парадоксальное на первый взгляд положение: живой обывательский транспорт не ограничен по длине, а следовательно, дивизии в нашей войне не зависят от железных дорог.

6. Темп развития операций

Мы уже упоминали раньше о том, что операции в нашу войну развиваются стремительно. Операции массовых армий развивались значительно медленнее, во-первых, благодаря нагромождению большого числа войск на небольших участках и, во-вторых, благодаря тому, что тыловые учреждения этих армий требуют значительно больших подготовительных работ.

После каждой операции производились остановки, чтобы организовать тылы. Кроме того, самые войска имели значительно боль-

шее количество технических средств и, будучи лучше подготовлены, вели бои с большим упорством и с большей затяжкой. В настоящее время организовать тылы очень легко. Наиболее тяжелые виды снаряжения, как-то: продовольствие и фураж — войска находят на местах. Все это приводит к чрезвычайно быстрому развитию операций и к тому, что одна операция почти непрерывно следует за другой.

7. Оперативные формы наступления. Стратегические резервы

Концентрическое наступление. Этим видом наступления у нас принято злоупотреблять до крайности. Правда, концентрическое наступление может в конце концов привести к громадному превосходству сил над противником в пункте сосредоточения наступающих армий, но для этого необходимо еще достигнуть этого пункта. Следовательно, такое наступление можно лишь тогда предпринять, когда противник не в состоянии помешать достижению пункта необходимого сосредоточения сил. Или если это достижение не обеспечено без боев, но тем не менее предпринимается, то на всем фронте наступления тактическая плотность войск должна быть предельной.

Этой весной на Южном фронте наши армии наступали концентрически, но тактическую плотность имели минимальную. Выходило, как будто пункт сосредоточения назначался армиям в тылу у противника. Деникин весьма легко разорвал всю эту сложную мудрость.

Концентрическая форма наступления дает большие выгоды, но требуется большое искусство для правильного ее использования.

Обход. Чрезвычайная быстрота марш-маневра в нашей войне делает обход одним из самых решительных средств победы. Но для успеха обход должен быть действительно стремительным. Медлительные обходы легко могут быть обнаружены противником и разгромлены быстро сосредоточенными против них силами. Это совершенно ясно, но тем не менее на решительные и смелые обходы, как это ни странно и ни печально, очень многие из наших начальников не решаются, а если и решаются, то совершают самые опасные обходы, т. е. осторожные, медленные.

Прорыв. Ввиду растянутости боевых порядков в нашей войне, стратегический прорыв этих кордонов очень легко осуществить. Тем не менее к этой стратегической форме у нас прибегают реже всего, так как у большинства начальников опасения за свои фланги стоят выше всех остальных соображений. Если мы вспомним соотношение сил в гражданской войне, то значение прорыва станет особенно ясным.

Стратегические резервы. Стратегические резервы, польза употребления которых всегда была сомнительна, в нашей войне и вовсе неприменимы. Как уже упоминалось, фронты армий громадны. Пути сообщения в полной разрухе. Вместе с тем операции разви-

ваются со стремительной быстротой. Все это делает употребление стратегических резервов с целью нанесения противнику удара в решительный момент совершенно излишним и вредным самоослаблением¹.

Переброски с одного фронта на другой, а также и вдоль всего фронта, конечно, должны иметь самое широкое применение.

8. Управление

Слабость наших боевых порядков, а потому необходимость действий всех частей самым точным и однообразным способом, наконец, отсутствие определенной военной доктрины — все это заставляет в нашей войне чаще пользоваться приказами, чем директивами. Часто приходится приказы развивать инструкциями.

Особенностью нашей гражданской войны является то, что штабы армий представляют собой крайне грузные аппараты. Сверх полевой работы они производят формирование, подготовку пополнений, многие виды военных заготовок и проч. Эти условия делают штабы настолько грузными, что они могут передвигаться только по железным дорогам. При этом в период переезда штаб на долгое время теряет способность работать. Поэтому командармы очень часто вынуждены выезжать вперед с несколькими ответственными оперативными работниками, составляющими их полевой штаб, в то место, где они могут преодолеть трудности связи.

Это же явление мы часто замечаем даже в штадивах и штабригах. Оно объясняется тем, что наше наступление бывает иногда так быстро, что обозы не поспевают за войсками, а потому начальники с легким штабом выезжают вперед.

9. Преследование

В национальной войне. В национальной войне тактическое преследование давало большие результаты, чем стратегическое. Сбитые и отступающие войска на поле или за полем сражения принуждены были свертываться в походные колонны. Ввиду того что колонны эти были глубоки, времени на их свертывание уходило очень много. Преследующий, настигая эти скопления отступающего, частью рассеивал их, частью брал в плен.

Преследование стратегическое не могло давать таких результатов. Главные массы отступающего, выделив небольшие арьергарды, могущие создать оборонительную линию, выигрывали на этой обороне арьергардов достаточно времени для того, чтобы вы-

¹ Здесь автор имеет в виду условия гражданской войны в СССР, когда боевые действия происходили при полной дезорганизации железнодорожного транспорта. Во второй мировой войне, когда наряду с железными дорогами для стратегического маневра использовался механический транспорт, массовые стратегические резервы стали крайне необходимы.— *Ред.*

вести из-под удара противника свои разбитые силы. Эти силы, отойдя в тыл и приведя себя в порядок, могли вновь с успехом вступить в единоборство с противником.

В гражданской войне. В нашей войне значение преследования приняло обратные формы. Выход из боя для отступающего противника и переход его в походный порядок чрезвычайно для него легок, благодаря небольшой глубине колесн. Поэтому преследующий мало чем может поживиться в тактическом преследовании на поле сражения.

Зато стратегическое преследование, проведенное энергично и стремительно, даст обильную жатву. Разбитые и отступающие войска не могут прикрыться и выиграть время арьергардами, так как оборона не может быть осуществима не только арьергардами или авангардами, но и главными силами, как с том упоминалось выше. Наконец, главные силы ^и без того невелики и разбросаны на таких широких пространствах, что совершенно не представляется возможным выделить необходимые арьергарды. Сами главные силы слабее тех арьергардов, которые здесь были бы нужны.

Таким образом, главные силы в продолжение всего отступления находятся под непрерывными и непосредственными ударами стратегически преследующего неприятеля. Под этими ударами противник быстро разваливается. Единственно, чем может спастись отступающий, это оторваться от противника, делая стремительные переходы.

Выше уже упоминалось, что характерной особенностью штабов в нашу войну является их неспособность к частым перемещениям. Стратегическое преследование, заставляя эти штабы перемещаться с места на место, вконец разрушает всю организационную и созидательную работу в армии. Это обстоятельство, в связи с непрерывным поражением отступающей армии, может превратиться в полную катастрофу для последней.

Эти соображения подтверждаются тем необычайно малым количеством добычи, захватываемой в упорных боях даже и у разбитого противника. Зато разбитый противник, непрерывно преследуемый нашими войсками на большом протяжении, оставляет нам в конце концов массу пленных и массу военного имущества.

10. Разведка

Войсковая разведка. Недостаток в наших армиях конницы сильно затрудняет использование ее для целей стратегической разведки. В этом случае на помощь коннице приходит пехота на обыкновенных подводах. Службу разъездов несут конные ординарцы или разведчики, а службу разведывательных эскадронов несут разведывательные батальоны на подводах. Блестящий пример организации такой стратегической разведки имеется в опыте 5-й армии.

В поябре этого года необходимо было получить точные сведения о формировании Дутова в Кокчетавском районе. Кавалерия не могла быть использована для этого, так как участвовала в преследовании противника. Стратегическая разведка пехоты на подводах дала точные и обстоятельные сведения о наличных силах и формированиях в этом районе атамана Дутова.

Большую часть сведений о противнике мы получаем из боевых столкновений.

Воздушная разведка играет ничтожную роль, благодаря общей слабости нашей техники.

Статистика. Театры военных действий в нашей гражданской войне по большей части не были раньше исследованы в военном отношении. Карты отличаются неполнотой и устарелостью. Это заставляет наши штабы усиленно заниматься сбором статистических данных. Для этой цели в 5-й армии при оперативном отделе учреждено статистическое отделение.

11. Партизанство

Теперь последний вопрос — партизанство. В нашей войне замечается совершенно неправильное отношение к вопросу о партизанстве. На опыте Южного фронта, или, лучше сказать, Украинского, мы видели, как партизанство самым разлагающим образом действовало на нашу регулярную Красную Армию.

Многие напуганные этим и на Восточном фронте, в Сибири, где имеет место массовое партизанство, также боялись вредного его влияния. Однако, как мы видим, это партизанство не только не разлагает нашей армии, но, наоборот, служит ей отличным источником пополнения и даже помогает ей в ведении операций.

В чем же здесь дело?

Понять этот вопрос будет легко, если мы подразделим партизанство на две категории: партизанство национальное и партизанство классовое.

Эти определения сразу объясняют все происшедшее. Украинское партизанство мелкобуржуазного характера и анархистского оттенка, хотя бы и направленное против Деникина, тем не менее ни в коем случае не могло идти рука об руку с нашей классовой армией чисто классового характера и духа. Такое партизанство, если оно не будет пресечено в корне, неминуемо губительно отзовется на нашей армии.

В Сибири партизанство возникло среди крестьян, чаша терпения которых переполнилась, которые восстали против эксплуататоров, которые сами у себя организовали Советскую власть, которые душой и телом стремились воссоединиться с рабоче-крестьянской Россией. Это движение было движением полной солидарности сибирского крестьянства с рабочим классом. Такое партизанство могло быть нам только полезным, и мы не ошиблись, широко поддерживая его.

СТАТИСТИКА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ¹

1. Общие положения

Военная статистика, изучающая силы, средства и положение государств в целях войны национальной и гражданской, не одинакова. В дальнейшем рассмотрении содержания военной статистики мы укажем подробно как на фактическое изменение характера сил, объема средств и положения государств в гражданской войне, так и на причину происхождения этих изменений в войне гражданской, в отличие от войн империалистических и проч. Вышесказанное вовсе не означает, что в гражданской войне статистика изменяет метод своего исследования. Отнюдь нет. Но изменившийся характер вооруженной борьбы, изменившиеся условия питания и ведения этой войны неминуемо выдвигают на первый план такие объекты исследования военной статистики, которые в прежних, национальных войнах или совсем не играли никакой роли, или играли самую незначительную.

Военная статистика должна дать систематизированный материал, определяющий и представляющий сумму всех слагаемых военного могущества данного государства, а для войн гражданских — того или другого класса, в полном его объеме.

Какая же разница в характере военного могущества может быть в войнах национальных и гражданских?

Дело в том, что говоря о войне гражданской, нельзя вообще употреблять слово «государство» при исследовании сил и средств.

Статистика гражданской войны может и должна существовать даже и тогда, когда социалистическая революция еще не разразилась и когда государств с пролетарской диктатурой еще нет. В этот период статистические исследования для будущей гражданской войны будут, главным образом, касаться классового состава и группировки в тех или других государствах или национальностях, состояния промышленности и степени развития рабочего класса и т. п., но зато мало будут касаться военно-географической стороны дела, так как заранее почти невозможно предугадать театров гражданской войны. Военно-географическими данными придется

¹ «Революция и война», 1920, № 1, стр. 33—43. Печатается с незначительными сокращениями. — *Ред.*

пользоваться по военно-статистическим и военно-географическим очеркам буржуазных государств, имеющих постоянные границы, а потому заранее знающих будущие театры военных действий.

Таким образом, военно-географические данные для войн гражданских или национальных остаются неизменными.

Стратегическая оценка местности, как это вытекает из изложенного выше, для театров войны национальной или империалистической может быть произведена еще до возникновения войны; для войны же гражданской может быть произведена лишь с момента ее возникновения или, лучше сказать, с момента совершившейся где-либо социалистической революции.

Военно-географические (физические) данные. Прежде всего рассмотрим то, что не подлежит изменению в данных статистики, в зависимости от того, имеет ли место национальная или гражданская война.

Таковыми данными будут все явления природы, не зависящие от общественной жизни населения, по крайней мере не могущие быть видоизмененными ею в короткий срок. Сюда будут относиться данные в узко военно-географическом смысле. Таковы: устройство поверхности данной области, ее водная система, т. е. моря, реки, озера и болота, почва, растительность и климат.

Совершенно ясно, что все эти данные, с точки зрения войны, не изменят своего значения, как бы ни изменился характер ведения войны.

Средства страны. Средства страны, сами по себе, остаются, в сущности, неизменными в своем объеме, случится ли война гражданская или национальная. Но, оставаясь по своему абсолютному объему неизменными, эти средства для целей войны гражданской или национальной все-таки не одинаковы, так как служат им различными своими сторонами.

Так, например, народонаселение для национальной войны имеет ценность и значение со стороны численности и группировки национальных элементов, а частично, иногда, бывают важны и признаки религиозные: для религиозных войн важна численность и группировка единоверцев, для гражданской войны — то же самое в отношении враждебных классов. Во всех этих случаях народонаселение по своей численности остается неизменным.

В общем, к средствам государств в военном отношении будут, главным образом, относиться: народонаселение, земледелие, животноводство, горная промышленность, обрабатывающая промышленность, торговля, финансы и проч.

Население. Статистическое исследование народонаселения для гражданской войны будет прежде всего изучать его классовую группировку, его имущественное положение, его классовое, процентное и численное соотношение, сословия и проч.

Вопрос национальный в этом случае отходит на второй план. Правда, и в гражданских войнах мы видим явления, когда некоторые классы присоединяются к той или другой воюющей нации,

но это будет лишь в том случае, когда вражда классовая совпадает с враждой национальной, т. е. когда известная нация эксплуатируется другой. Иногда даже религиозное движение может совпасть с классовым: у малокультурных народов.

Все же, как общее явление, вопрос национальный и религиозный стоит на втором плане. Прежде всего статистика должна исследовать экономическое положение населения, процентное и численное соотношение в нем классов и группировку последних. Это даст полную характеристику сил и средств государства, это даст характеристику его слабых и сильных мест и это же даст возможность противным сторонам учесть вопросы пополнения армии при продвижении по территории противника. Родственные классы, находящиеся на территории противника, в его тылу, служат победителю как бы стратегическим резервом при вторжении в эту территорию и при преследовании противника.

Статистическое исследование, с определенной военной целью, имеет вполне понятные и известные формы в том случае, если средства страны исследуются в пределах известных границ, как например, в целях войны национальной и даже гражданской, но уже после возникновения войны. Значительно труднее представляется дело в том случае, если статистическое исследование производится в целях гражданской войны, но до ее возникновения.

В самом деле, предполагаемая классовая война не может быть с точностью определена заранее как в смысле времени ее вспышки, так и в смысле постепенности ее развития относительно территории и самых размеров войны. Таким образом, если не будет принято условно отправных данных о порядке событий в предстоящей классовой войне, придется ограничиться общим изучением враждебных классов в мировом масштабе и в рамках отдельных государств и наций, в смысле их средств и сил. Для государств буржуазных, т. е. для их буржуазии, дело именно так и будет обстоит. Для рабочего класса статистическое исследование может быть применено шире.

...Гражданская война, как бы она ни подготавливалась старательно, все же в первый свой период будет носить характер постоянных импровизаций.

В этих условиях знание статистических данных о средствах страны и составляет самую существенную часть успешного ведения войны и операций. Однако в нынешней нашей войне мы поразительно мало обращаем внимания на эту сторону дела. В военно-географических описаниях Всероссийского Главного штаба вопрос о населении исследуется в самой уродливой форме. Если бы эти описания были изданы до социалистической революции, то мы сказали бы просто, что они слишком кратки. Но в том-то и дело, что эти описания составлялись во время текущей гражданской войны, специально для наших красных фронтов. Мы не будем разбирать этих трудов, так как таковые считаются секретными. Тем не менее нельзя обойти молчанием официального взгляда Всероглавштаба

на значение средств страны, главным образом населения, для гражданской войны. Приведу несколько характерных мест.

- 1) «В отношении населения N-й фронт по процентному содержанию находится в невыгодных условиях. Сильное преобладание *русского*¹ элемента существует только в центре и на севере района».
- 2) «Высшее культурное развитие *русского* племени, по отношению заселяющих район *инородцев*, уменьшает невыгодную сторону большого процентного отношения этих последних к *русскому* населению на территории N-го фронта».
- 3) «Но в особенно *плохом* положении по племенному составу находится N и побережье, где кроме разнообразия племен следует отметить и присутствие большого количества иностранных подданных».

Чрезвычайно интересно знать, с кем же, по мнению Всероглавштаба, ведем мы сейчас войну. Уж не с «басурманами» ли, или не с инородцами ли вообще. Почему Всероглавштаб предпочитает всем другим национальностям русскую? Или, может быть, русских контрреволюционеров он не считает больше русскими и смело обращает их в инородцев вместе со всеми «славными» их вождями: Колчаком, Деникиным и доброй половиной старого русского офицерства?

В общем, не разберешь, чем руководствовался Всероглавштаб, но от того характеристика населения для гражданской войны в его изложении не станет ни яснее, ни содержательнее.

Выше уже говорилось о том, что именно характеризует население с точки зрения гражданской войны, и потому не будем слишком много говорить по поводу ошибок Всероглавштаба.

Границы государства. Обзор границ государств для прошлых войн было легко исполнить. Буржуазные государства отделялись одно от другого совершенно определенными, постоянными границами, и потому исследовать их не представляло особых затруднений. Гражданская же война, возникающая в недрах буржуазного государства, не находит, до своего возникновения границ между враждующими классами. Поэтому трудность в описании вновь возникнувших границ, а правильнее сказать, только что образовавшихся фронтов, притом очень легко и быстро меняющихся, весьма значительна. Рассмотрение границ непременно должно параллельно иметь внимательное изучение исторической части их возникновения и влияния на них местного населения и промышленности.

Государственное устройство. Изучение государственного устройства противной стороны в период ведения гражданской войны имеет громаднейшее значение. Очень часто гражданскую войну приходится вести двум совершенно новым государствам, с массой вся-

¹ Всяюду курсив наш.— М. Т.

ческих импровизаций. Проследить их, выяснить их работоспособность и, главное, их прочность — это чрезвычайно важная задача статистики, правда, почти совпадающая с задачами разведки.

В гражданской войне, более чем в какой-либо другой, выступает на первый план жизнеспособность государственного аппарата. Только при наличии этого факта возможно перенести и справиться с импровизациями гражданской войны.

2. Армия и флот

Вооруженная сила. Армия в гражданской войне обычно является одним из продуктов импровизации. Ее система, численность, количество боевых единиц и высших войсковых соединений все время изменяются, совершенствуются, формируются и переформируются и проч. Вообще, армии в гражданской войне отличаются большим разнообразием в составе. С самого возникновения армии два враждебных классовых лагеря находятся в состоянии войны, а потому все формирования и переформирования совершаются с большой военной тайной, а вследствие этого собирание сведений о противной армии затруднено. Ясно, что, для того чтобы составить схему построения армии противника, со всеми ее органами снабжения, администрации и проч., потребуется немало трудов, энергии и близкой связи с органами разведки.

3. Театры военных действий

Границы. Уже упоминалось выше, что лишь с началом гражданской войны появляются границы между двумя враждующими классовыми диктатурами. Точно так же и границы театров военных действий приходится рассматривать не как границы театров вероятных столкновений, а как границы театров уже действующих армий, т. е., другими словами, линию фронта действующих армий. Совершенно ясно, что эта линия непрерывно изменяется, и потому исследовать границы в ее вариациях приходится полевым штабам.

Между прочим, надо иметь вообще в виду, что в гражданской войне сплошь да рядом военные действия разыгрываются на таких театрах, которые никогда раньше не исследовались в военном отношении. Это обстоятельство приводит к тому, что военнo-статистические сведения о театрах гражданской войны страдают зачастую большой неполнотой.

Рельсф, орошение, леса, климат, почва. Для театров гражданской и национальной войны значение рельефа, орошения, лесов, климата и почвы одинаково. Нужно только добавить, что обычно армии в гражданской войне страдают недостатком технических войск и средств, а потому подробное описание рек, болот и проч. приобретает еще более важное значение. Важно указать броды, берега, глубину, ширину и скорость течения реки в различные времена года. Местные средства для переправ, наличные лодки и

суда — все это необходимо учесть, тем более что в гражданской войне, как обычное явление, мы видим вооружение речного флота. Поэтому важно исследовать реки и в отношении действий боевого речного флота.

Население. Правильно оценить значение населения, при составлении плана операции или кампании в гражданской войне, имеет громадное значение. Исследуя его с точки зрения классовых взаимоотношений, можно заранее учесть при наступлении то количество мобилизованных, которое можно будет влить в свои армии, обучив его на месте. Это обстоятельство поможет наступающим армиям не ослабляться, а, наоборот, усилиться. Но для успешности проведения в жизнь этой меры необходима тщательная подготовка, а для последней необходимы точные цифры статистики. Конечно, не только в наступательных планах, но и в оборонительных и в отступательных статистические данные о населении играют первостепенную роль. В остальном о статистике населения для театра войны можно сказать то же, что говорилось о населении государства.

Средства. В гражданской войне, по крайней мере в нашей, почти на всех фронтах при снабжении армий приходится рассчитывать на продовольствование их местными средствами. В связи с этим требуется тщательное и детальное изучение добывающей промышленности и сельского хозяйства.

Но в значительной степени и всеми остальными продуктами обрабатывающей промышленности наши армии пользуются на месте.

Между прочим, наши полевые армии на фронте ведут обычно большие формирования. Для этих формирований широко и даже почти исключительно приходится пользоваться местными средствами.

Все это необходимо учитывать.

Пути сообщения. Для гражданской войны, вообще, является характерным понижение и даже падение техники. В первую очередь это отражается на железных дорогах. Постепенно разрушаются железнодорожные мастерские и депо, паровозы и проч. Починять и исправлять разрушения железнодорожных сооружений, причиненных войной, нечем. Все это постепенно ведет железнодорожный транспорт к упадку и разрухе. Самые военные действия в гражданской войне развиваются с чрезвычайной быстротой, и потому как быстро совершается разрушение железных дорог при отступлении, так быстро должно производиться и их восстановление при наступлении, а это, при указанной выше разрухе, представляет чрезвычайные трудности. К этому еще нужно прибавить и затруднения в добывании и доставке топлива при указанных выше обстоятельствах. Эти особенности железнодорожного транспорта в гражданской войне требуют самого внимательного изучения и разведки состояния его у противника и у себя. При общей разрухе транспорта подвоз как топлива, так и различных ма-

териалов издалека очень затруднен, и потому местные средства и возможности их использовать должны быть изучены всесторонне.

Особенно тщательно должен изучаться вопрос о состоянии мастерских, водоснабжения и топлива.

Мосты должны быть изучены все без исключения, а также и возможность их исправления местными средствами, что особенно необходимо при указанной выше неизбежной необходимости быстрого исправления их при наступлении.

Знание железнодорожного пути позволит заранее подготовиться к восстановлению разрушенных сооружений.

Как общее явление надо отметить то, что исправление железных дорог в нашей войне по своей скорости отстает от наступающих войск. Кроме того, сеть железных дорог у нас очень слабо развита. Эти обстоятельства требуют наличия в наших войсках мощного гужевого транспорта. Но на деле такового почти не имеется, а потому войска принуждены пользоваться для своих нужд местными, обывательскими, гужевыми транспортными средствами. Чтобы старший начальник, при помощи этапно-транспортной части Уивосо, мог правильно разрешать и предусматривать организацию требуемого для операции гужевого транспорта, ему необходимо иметь самые подробные статистические цифры о данном театре военных действий, как-то: размещение населения, населенных пунктов, количество лошадей и проч.

Приводимая ниже таблица примерно содержит в себе все необходимые данные для расчета этапно-транспортных путей

	Области, губерния, уезд и проч.
	Пространство в квадратных верстах
	Численность населения (общая)
	Число сельских жителей
	Число городских жителей
	Число сельских населенных пунктов
	Число городов
	Число населенных пунктов менее чем в 50 дворов и % к общему числу селений
	Число населенных пунктов менее чем в 100 дворов и % к общему числу селений
	Число населенных пунктов менее чем в 200 дворов и % к общему числу селений
	Число населенных пунктов менее чем в 300 дворов и % к общему числу селений
	Число населенных пунктов более чем в 300 дворов и % к общему числу селений
	Среднее число дворов на один сельский населенный пункт
	Число лошадей, ослов и проч. на один сельский населенный пункт
	Число подвод на один населенный пункт
	Число квадратных верст на одно селение
	Среднее число жителей на один сельский населенный пункт

с местными обывательскими подводами (при этом предполагается, что местные подводы должны и фураж иметь на местах).

При описании отдельных маршрутов точно так же необходимо освещать их цифрами относительно данных, приведенных в таблице.

Инженерная подготовка. В гражданской войне железные дороги имеют обычно случайное относительно границ значение, так как они строились не с целью подготовить в инженерном отношении данный театр, возникающий почти всегда неожиданно.

Крепости в гражданской войне, если с таковыми приходится иметь дело, также имеют совершенно случайный характер. Это совершенно ясно, если вспомнить, как неожиданно в гражданской войне возникают границы между воюющими сторонами.

В нашей войне возникают полевые укрепленные районы, стремящиеся заменить крепости в их прежней форме.

Хотя такие укрепленные районы и не достигают, по крайней мере до настоящего времени, этих задач, тем не менее они играют большую роль как особые, полевые военно-административные органы. Эти органы могут производить быстрые и продуктивные формирования и железной рукой обуздывать местные враждебные классы. В этом отношении значение укрепленных районов громадно, и изучать их надлежит самым тщательным образом.

Для наших армий степень оборудованности театра в инженерном отношении сверх железных, шоссейных и проселочных дорог и укрепленных районов измеряется еще и степенью развития телеграфно-телефонной сети. Это происходит от бедности полевым телеграфным имуществом в сравнении с обслуживаемыми районами.

Поэтому необходимо самым тщательным образом изучать телеграфно-телефонную сеть, как правительственную, так и земскую, городскую и частную. Сведения, имеющиеся на картах и схемах, отличаются крайней неполнотой.

ИНЖЕНЕРНОЕ СОРАЗМЕРЕНИЕ ОПЕРАЦИИ¹

При расчете операций, особенно в нынешний период социальных войн, у нас привыкли считаться с временем и пространством постольку, поскольку эти данные определяют группировку войск при наличном состоянии путей сообщения. Точно так же привыкли к расчетам времени, потребного для постройки тех или иных укреплений, исходя из типа укреплений и числа рабочих рук.

Зато у нас совершенно не привыкли к расчету, к комбинации задуманной и проводимой операции, не только с наличной сетью исправных путей сообщения, но и с той, которую надлежит еще исправить или построить. Точно так же не привыкли к расчету, к сочетанию времени, потребного на постройку тыловых укреплений, с тем временем, которое, в случае неудачи, может иметься в распоряжении для окончания постройки, т. е. не привыкли в зависимости от характера войны и операции выбирать степень удаления в тыл строящихся укреплений.

Наконец, совершенно не привыкли соразмерять систему и размер укреплений с теми войсками, которым придется оборонять эти укрепления.

Благодаря такому формальному и неосмысленному употреблению инженерных сил, наши армии, снабженные современной артиллерией и другим вооружением, расходуя большое количество огнеприпасов и потому требуя наличия постоянной, по последнему слову техники оборудованной коммуникации, ведя в высшей степени маневренную войну, зачастую бывают поставлены в безвыходное положение, оставшись без тыла и без подвоза.

Чем можно объяснить такое небрежное, несерьезное отношение к инженерному делу, т. е. делу решающему в широкоманевренных операциях?

В царской армии инженерное дело также стояло не на высоте. Но все же в старой войне существовали хорошо известные нормы, которые хотя бы приблизительно обеспечивали оперативные расчеты со стороны инженерной подготовки.

В наших социальных войнах характер действий значительно изменился ввиду того, что армии наши сравнительно очень малочисленны. Благодаря этому, старые нормы больше уже не

¹ «Революция и война». Изд. Западного фронта, 1920, сб. 2, стр. 39—55. — Ред.

годятся, а новые еще не выработаны. Что же касается до норм инженерных, то их и не вырабатывают, так как пужды, бьющей в глаза невнимательному человеку, и не заметно. В самом деле, наши армии, благодаря разреженности их боевых порядков во время маневренных операций, довольствуются местными средствами, артиллерийское же снабжение «кое-как» подвозится. Когда же случается катастрофа, то можно поохать и поругать «нашу организацию» и на этом успокоиться.

Таким образом, при современном состоянии военной техники наша Красная Армия, как и все другие современные армии, в смысле своей способности к маневрированию, находится в прямой зависимости от правильной постановки и развития инженерного дела. Каждая операция, каждая кампания должна быть соразмерена в своей маневренной части с теми инженерными средствами и возможностями, которые для них предоставляются.

Вот это то соразмерение идеи и масштаба операции с имеющимися инженерными возможностями и составит предмет исследования настоящей статьи.

Инженерное дело своей оперативной работой обеспечивает победу для других родов войск. Поэтому самая работа инженерной части определяется требованиями, предъявляемыми другими родами войск. Но инженерная работа в свою очередь предъявляет к работе других родов войск также совершенно определенные требования, без которых все ее труды окажутся бесполезными.

Сначала мы рассмотрим работу инженерного дела, считая, что требования его, предъявляемые к другим родам войск, удовлетворены.

Наступательная операция. Задача инженерного дела в наступательной операции, в условиях нашей маневренной войны разреженными фронтами, почти исключительно состоит в своевременном, не отставая от наступающих войск, исправлении разрушенных противником путей сообщения, а частью и в постройке новых, а также в постройке и восстановлении необходимой телеграфной сети.

Эта работа самая трудная и рискованная для военного инженера. В самом деле, приходится иногда намного вперед делать подсчеты и соображения не только на рабочую силу, но и на строительные материалы, что далеко не всегда можно предвидеть на территории, еще занятой противником. Наконец, не всегда можно предусмотреть степень производимых противником разрушений.

Первейшей заботой инженеров является восстановление разрушенных и постройка новых мостов.

Искусство строить мосты в войне маневренной составляет главнейший залог успеха. Мост является пробным камнем как состояния инженерного дела вообще, так и подготовки каждого сапера или инженера — в частности.

Чем быстрее строятся мосты, тем меньшее значение, как преграды, имеют реки, тем менее ограничен маневр, тем менее зависят войска от местности и естественных преград.

Время, которое мы затрачиваем на постройку мостов при форсировании нами рек, уменьшает шансы на выигрыш нами в маневре необходимого пространства и увеличивает таковые у противника. Таково значение мостов. Можно даже сказать, что чуть ли не вся вообще инженерная техника существует для одних только мостов. Остальная работа в сравнении с этой незначительна.

Говоря об инженерном деле вообще, можно формулировать его значение как уничтожение для войск естественных преград и независимость войск от расстояний, т. е. предоставление войскам полной свободы маневрирования.

Однако эта свобода маневрирования может быть достигнута лишь тогда, когда по количеству инженерной работы будут рассчитаны и инженерные силы и средства.

Железные дороги. Прежде всего рассмотрим, как должен рассчитывать командующий предстоящую свою операцию в отношении железных дорог.

Изложу те практические нормы, которые я вывел из прошлых операций.

Восстановление основательно разрушенных мостовых ферм требует обыкновенно очень значительного времени, особенно если река широкая и глубокая и мост состоит из нескольких разрушенных ферм. Обычно такое восстановление требует нескольких месяцев и задачам оперативным не удовлетворяет.

Если ферма на мосту одна и упала благополучно, то чаще всего для ее поднятия на клетках или ряжах требуется не более нескольких недель. Небольшие фермы, примерно до 30 сажень, обычно восстанавливаются в несколько дней. Конечно, в каждом отдельном случае восстановление то облегчается местными условиями, то отягчается.

Постройка нового временного моста на ряжах или сваях где-либо в стороне от основного моста, с проведением к нему обводных путей, в большинстве случаев завершается значительно скорее, чем восстановление основного моста.

Так, например, восстановление моста у г. Полоцка через р. Западную Двину длиной 105 сажень (из трех ферм: две крайние по 22,50 сажень и одна средней величины 65 сажень) требовало пять — шесть месяцев на полное восстановление и три месяца на восстановление с применением деревянных конструкций, а постройка временного моста заняла 42 дня.

Мост через Березину у г. Борисова длиной 75 сажень (из трех ферм, все по 25 сажень) требовал для капитального восстановления три месяца и с заменой негодных ферм двутавровыми балками с постройкой деревянных устоев — полтора — два месяца, а временный мост был построен в пять суток.

Таких примеров много.

Постройку временных мостов, хотя бы и на очень широких реках, но неглубоких, где допускаются постройки на ряжах, возможно довести до поразительной скорости. Необходимо лишь заранее приготовить срубы, пакеты или двутавровые балки и возможно большее число рабочих рук для земляных работ.

В подготовку операции должны быть обязательно включены меры по заготовке деревянных мостов и по сосредоточению на нужных направлениях необходимых восстановительных железнодорожных частей.

При этом необходимо рассчитывать на полное уничтожение противником мостов при отступлении.

В том случае, когда строится мост через большую судоходную реку, приходится, ввиду длительности постройки даже временного моста, прежде всего построить паромную, баржевую переправу для паровозов и вагонов. В зависимости от грузоподъемности барж, число вагонов, принимаемых одновременно паромом, изменяется.

Эти паромные переправы требуют постройки обводных путей и эстакад.

Устройство паромных переправ требует очень небольшого времени. Так, постройка паромной переправы через р. Западную Двину у Полоцка при ширине реки 100 сажень и высоте берегов 8 сажень потребовала лишь 6 дней с дальнейшим усовершенствованием в течение 5 дней. Паромная переправа через р. Березину у Бобруйска потребовала на устройство 15 дней, а через р. Днепр у Речицы — также 15 дней. Эти сроки могут быть и еще сокращены (считаю, что в среднем надобно 7—10 дней).

На Восточном фронте паромная переправа у г. Уфы через р. Белую и р. Уфу потребовала 12 дней.

Из сопоставленных выше цифр ясно, что одновременно с постройкой большого моста необходимо начать и постройку паромной переправы, так как в этом случае железнодорожное движение откроется значительно ранее.

Самую переправу вагонов и паровозов надо производить как можно осторожнее, так как очень легко случаются крушения.

Если потребуется большая провозоспособность, то надобно сразу же строить две—три паромные переправы. Комбинацию постройки мостов и баржевых переправ необходимо предвидеть и рассчитать еще до начала операции.

Зимой можно осуществить перекатку составов или вагонов по льду.

Необходимо точно так же заранее учесть вопрос устройства водоснабжения на всей подлежащей восстановлению железнодорожной сети. На первое время, до капитального восстановления водокачек, надобно заготовить хотя бы обыкновенные насосы на все необходимые пункты и подвижные баки. Этот вопрос у нас почти не учитывается при наступлении, и зачастую бывают случаи,

когда нельзя открыть движения из-за отсутствия водоснабжения, хотя бы во всем остальном железная дорога и была вполне исправна. Средства водоснабжения точно так же надо рассчитать на полное разрушение железнодорожных водокачек.

Восстановление железнодорожной связи при наступлении у нас идет медленнее всех прочих сторон восстановления. Средств связи мало, а главное, совершенно не учитывается перед операцией то протяжение телеграфных линий, которое придется восстановить к назначенному сроку. Эта сторона восстановления железнодорожного движения должна быть очень тщательно рассчитана.

При перешивке узкой железнодорожной колеи на широкую, как это имело место в наступлении у нас на Западном фронте, встречаются иногда значительные затруднения, особенно если железнодорожные дивизионы не снабжены достаточным гужевым транспортом.

Для производства перешивки пути прежде всего надобно тщательно рассчитать комбинацию марша железнодорожных дивизионов с производством самой работы по перешивке. Вследствие отсутствия в желдивах обоза, а также не всегда правильного расчета их походного движения, перешивка пути в нашу прошлую операцию тремя желдивидами по одному пути почти не превышала скорости 10—15 верст в сутки. При правильной постановке дела такое расстояние свободно может перешить один желдив.

Наконец, начиная операцию, надо исчерпывающе рассчитать вопрос эксплуатации вновь приобретенных железных дорог как в отношении различных служб, так и в отношении подвижного состава и паровозов.

Изучив план предстоящей операции, начальник военных сообщений, обеспечивая ее восстановлением соответствующих железных дорог, должен сосредоточить на них такое число восстановительных средств, чтобы восстановление не отставало от наступающих войск. Если этих средств не хватит, то начвосо должен рассчитать фактическую скорость восстановления, и тогда недостаток скорости восстановления железных дорог он сумеет возместить соответствующей грузоподъемностью и кругооборотом автомобильного и гужевого транспорта. Если же таковой не найдется, то придется или ограничить число восстанавливаемых железнодорожных линий, или же командование принуждено будет *ограничить замысел своей операции*.

Работа коммуникации, комбинированная из железнодорожного и автогужевого движения, требует сверх восстановления железных дорог и своевременного восстановления грунтовых дорог.

Кроме восстановления железных дорог, иногда придется производить постройку и новых, как широкой колеи, так и декавилек¹.

Грунтовые дороги. На грунтовых дорогах главные затруднения в постройке мостов встречаются при наступлении, когда мост при-

¹ Декавилки — военные узкоколейные железные дороги. — Ред.

ходится строить в боевой обстановке, т. е. при форсировании рек. Здесь дорог каждый час, и потому точность и быстрота постройки, своевременность подвоза строительных материалов играют решающую роль.

Колоссальное значение имеют понтонные батальоны, но у нас они в плохом состоянии, их мало, и, кроме того, ими не умеют пользоваться. Необходимо создавать хотя бы облегченного типа понтоны.

При устройстве военных дорог в тылу у наступающих войск постройка мостов обычно не является столь трудным делом, так как время на таковое обычно имеется более или менее значительное.

Военные дороги должны обеспечивать правильность и непрерывность питания войск и эвакуации, также полную свободу маневрирования частей как вдоль фронта, так и в глубину.

Эти условия требуют, чтобы сеть военных дорог была надежно оборудована телеграфными и телефонными проводами. Только при таких условиях возможна правильная этапная и административно-хозяйственная служба.

Постройка военной дороги требует обязательной постройки вдоль нее телеграфной линии. В связи с этим строительным частям, производящим восстановление или постройку военных дорог, необходимо придавать и телеграфно-строительные единицы.

На всю сеть военных дорог необходимо заранее рассчитать средства для ее эксплуатации, т. е. этапно-транспортные и телеграфно-эксплуатационные.

Телеграфная сеть. Выше уже говорилось о значении этапной телеграфной сети. Кроме этапной сети, надобно еще (притом в первую очередь) создать оперативную или полевую телеграфную сеть.

Эти два вида телеграфной связи зачастую не будут совпадать, и их следует строго различать, чего у нас на самом деле не делается.

С оперативной телеграфной сетью будет совпадать полевая, административная и снабженческая, так как оперативные и административно-снабжение отношения производятся между одними и теми же штабами. Следует лишь назначать для них различные провода. У нас же совершенно не различаются эти разного назначения телеграфные провода и потому последние перегружаются оперативной работой, а вся прочая остается в загоне, что в конце концов пагубно отражается на состоянии войск.

К началу операции телеграфная сеть должна быть обеспечена вперед всеми необходимыми средствами. Это является необходимым условием наступления.

Наша бедность средствами полевой телеграфной связи и бедность театров нашей войны постоянной телеграфно-телефонной сетью требуют от нас при наступлении не только умения восстанавливать имеющуюся уже тяжелую телеграфную сеть, но и

строить новую. Иначе маневр и операция могут сорваться, особенно при быстром наступлении.

В плане операции должно быть рассчитано необходимое число проводов, скорость их восстановления или постройки, а в зависимости от этого и необходимое количество телеграфно-строительных и эксплуатационных средств.

Необходимо заранее предусмотреть те линии, которые придется восстанавливать, и те линии, которые, по смыслу операции, придется построить заново.

Отступательная операция. Мы знаем, что оборона какой-либо линии, при редкости нашего боевого порядка, не осуществима, и правильно рассчитанная оборона будет комбинацией наступательных и отступательных операций.

Рассмотрев инженерную подготовку наступательной операции, мы теперь исследуем инженерную подготовку операции отступательной.

Отступательная операция имеет целью оторвать от более сильного, лучше нас сгруппированного противника, или от победителя, наши главные силы с тем, чтобы совершив быстрый, искусный марш-маневр, придать своим войскам наивыгоднейшую группировку, пополнить и привести в порядок расстроенные части и, выиграв путем отхода необходимое на все это время, перейти в решительное наступление на противника, растянувшегося на разрушенных нами сообщениях.

Из сказанного ясно, что основным требованием отступательной операции является свобода маневрирования для отступающего и затруднение маневра для наступающего.

Свобода маневрирования лучше всего обеспечивается хорошими шоссейными, грунтовыми и мощными железными дорогами, а также частой и обширной телеграфно-телефонной сетью.

Дальше, марш-маневр не должен беспокоиться противником. Учитывая слабую обороноспособность наших разреженных боевых порядков, мы ясно увидим, что арьергарды, как таковые, своей задачи тем более выполнить не смогут. Весь расчет отрывания своих главных сил от противника должен быть построен на полном уничтожении мостов, дорог и телеграфно-телефонной сети вслед за отступающими войсками.

Если инженерное дело обеспечивает успех отступательной операции, с одной стороны, путем заблаговременной постройки необходимых военных дорог (грунтовых, шоссейных и даже железных), оборудованных достаточной телеграфной сетью, то, с другой стороны, самое выполнение марш-маневра инженерное дело должно обеспечить от преследования противника абсолютным разрушением, тотчас же вслед за отступающими войсками, всех шоссейных, грунтовых и железных дорог и всей телеграфно-телефонной сети, а также затруднить исправление таковых постройкой тетдепонов, небольших замкнутых укреплений, закладкой фугасов и прочее.

Из вышеизложенного ясно, какое громадное значение для отступательной операции имеет инженерное дело и как высоко должно стоять последнее и как велики должны быть его средства.

Учитывая слабость и немногочисленность наших инженерных средств, мы вряд ли сумели бы полностью выполнять все требуемое отступательным маневром в отношении подготовки тыла.

Поэтому инженерную работу в тылу мы можем ограничить следующим образом: при подготовке тыла армий прежде всего приниматься за создание известной маневренной полосы, зоны где-либо вдали от фронта за каким-нибудь труднопроходимым естественным препятствием с тем расчетом, чтобы нормальный темп отступления, безусловно, позволил бы закончить подготовку этой маневренной полосы.

Обычно же у нас хватаются за работу сразу в нескольких местах и по мере наступления войск бросают неоконченные сооружения и начинают новые работы поближе к фронту, чтобы закрепить за собой занятое пространство. В результате при отступлении оказывается, что инженерная подготовка тыла была бесплодной, так как нигде не закончена.

Таким образом, выбор места работы в зависимости от задания инженерных сил и средств, расстояния до фронта и нормального темпа отступления играет в деле инженерной подготовки маневренной полосы решающее значение.

Однако, ограничивая инженерную подготовку тыла лишь одной маневренной полосой, мы не можем так уменьшить задание инженерному делу в области разрушения всех маневренных удобств при отступлении.

В этой области требования к своевременности и успешности работы инженерного дела не должны быть понижены ни на одну ноту.

Что будет представлять собой тыловая маневренная полоса и каково будет отличие ее от тыловой укрепленной полосы?

Укрепленная полоса рассчитывалась на задержание наступления противника сплошной полосой поражения от ружейно-пулеметного и артиллерийского огня, а также искусственными препятствиями.

Не имея возможности требовать от наших малочисленных армий создания огневой полосы на протяжении сотен верст, инженерное дело обеспечивает нашим войскам путем создания тыловой маневренной полосы возможность устроиться и использовать превосходство своего маневрирования над противником, поставленным в тягчайшие условия маневра полным разрушением всех пригодных путей сообщения и связи. Используя это превосходство, наши войска могут не только отбросить, но и разбить противника.

Итак, маневренная полоса там, где вновь происходит столкновение главных сил обеих сторон, как бы делится на две стороны: сторону отступающего, имеющую все преимущества, обеспечиваю-

щую успешность маневра, и сторону наступающего, с совершенно разрушенными путями сообщения и связи, ставящую успешность маневра в безнадежное положение.

ПОЛОСА РАЗРУШЕНИЯ

Рассмотрим по порядку все виды производимых при отступлении разрушений. Само собой разумеется, разрушить надо только то, что содействует маневру противника, и совершенно излишне разрушать вообще все, что остается.

Разрушению подлежат:

1) На железных дорогах:

- а) мосты и трубы;
- б) гати, тоннели;
- в) водоснабжение;
- г) телеграфная сеть;
- д) полотно;
- е) семафоры;

ж) надлежит эвакуировать: телеграфные конторы, стрелки, на некоторых участках даже рельсы. Что не может быть эвакуировано из вышеупомянутого, должно быть разрушено.

Зимой будет полезно разрушить и все станционные здания.

2) На грунтовых дорогах:

- а) все мосты — уничтожить;
- б) перекапывать полотно или заваливать его спиленными деревьями;

в) разрушать гати;

г) разрушать телеграфно-телефонные провода;

д) снимать указатели дорог.

3) В телеграфно-телефонных линиях подлежат:

- а) столбы — спиливанию;
- б) провод — снятию и эвакуации;
- в) изоляторы — эвакуации или поломке;
- г) телеграфные конторы — эвакуации.

4) В укреплениях, пригодных для использования их неприятелем, подлежат:

- а) проволочные заграждения — уничтожению;
- б) окопы — засыпанию;
- в) бетонированные постройки — взрыванию.

Вопрос разрушения должен быть тщательно разработан. Разрушаемая дорога, или телеграфная линия, или укрепление противника каждое в отдельности должно быть поручено особому лицу, особому отряду, с точным расчетом его наличных средств и задаваемой ему работы.

Эти разрушители должны быть особо надежными, смелыми, энергичными и дисциплинированными людьми, так как служба эта опасная (учитывая обычную беспорядочность в отходе войск).

а вместе с тем заданная работа должна быть выполнена во что бы то ни стало.

Скорость разрушения должна быть равна скорости отступления.

Но и в полосе разрушения приходится не только разрушать связь. Отступая, необходимо обеспечивать себя связью с оставляемыми на местах агентами разведки. Для этого надо прокладывать подземный или подводный кабель, а в малообитаемых местах (большие леса и проч.) выставять радиостанции.

ТЫЛОВАЯ МАНЕВРЕННАЯ ПОЛОСА

Рассмотрим маневренную полосу со стороны ее глубины и ширины, удаления ее от боевой линии, а также со стороны расчетов на необходимость остановки неприятеля. Полосу можно избрать или непосредственно за исходным положением первоначального наступления, или же за какой-нибудь находящейся в тылу естественной преградой, притом в таком удалении от фронта, чтобы наличными инженерными средствами ее можно было бы подготовить в период времени, потребного войскам на отступление по этому пространству.

На удаление маневренной полосы от фронта повлияют еще и те соображения, что, как ни благоприятны условия маневрирования, предоставляемые полосой, все же без некоторой остановки противника, отступающего далеко, не так легко будет перейти в наступление. Поэтому удаление в тыл полосы надо избирать еще и с тем расчетом, чтобы противник, по оставленному и разрушенному нами пространству и дойдя до естественной преграды, за которой избрана маневренная полоса, хотя бы несколько запнулся в своем наступлении.

К этому моменту и должен быть приноровлен контрудар и, в случае успеха, дезорганизация тыла противника сделает свое дело.

Какова должна быть глубина самой маневренной полосы по отношению к ее ширине?

Само собой разумеется, отступающие войска, еще не доходя до маневренной полосы, примут ту или другую основную группировку в виде отводимых на поправление резервов.

Но все же обстановка может потребовать некоторых перегруппировок и на самой уже полосе.

Это обстоятельство во избежание фланговых движений заставляет иметь маневренную полосу довольно развитой в глубину, чтобы и значительные перегруппировки можно было делать не фланговыми маршами, а хотя бы облическими.

Наши войска, бедные транспортными средствами, даже и при наличии хороших дорог для движения все-таки в местностях, бедных продовольствием, не могут совершать значительных перегруппировок, если нет заранее подготовленных складов или если местность бедна железными дорогами. Поэтому маневренную полосу

следует усиливать постройкой новых железных дорог, как ширококолейных, так и декавильек.

Дороги. Ширококолейные, т. е. нормальной колеи, железные дороги довольно медленно строятся, но все же не следует от постройки их отказываться, так как даже один — два лишних перехода могут иногда сыграть для наших войск решающее значение.

Но в общем в маневренной полосе работа над железными дорогами будет главным образом над их работоспособностью. Необходимо добиться, хотя бы в этой неглубокой полосе, возможности быстрых массовых перебросок войсковых частей по железной дороге.

На этот вопрос надобно обращать при организации маневренной полосы исключительное внимание.

Строить придется преимущественно декавильки. При наших войсковых транспортных средствах надобно так изрезать маневренную полосу декавильками, чтобы от любого места было бы не более двух — трех переходов до какой-либо станции на декавильке.

В отношении грунтовых дорог следует произвести чуть ли не еще большую работу. Необходимо развить обильную сеть как тыловых, так и продольных дорог, пригодных для автомобильного движения при всяком состоянии погоды.

В зависимости от характера самой полосы, необходимо подготовить дороги, отвечающие производству маршей, во всех наиболее вероятных направлениях.

Телеграфная сеть. Телеграфная сеть должна быть развита настолько широко, чтобы не только войсками можно было управлять на марш-маневре, но чтобы при его производстве не терялось и руководство хозяйственное и административное, а также должна быть в полном объеме обеспечена связью этапная служба.

Относительно организации телеграфной связи для целей агентуры уже говорилось выше.

Укрепление. Сплошные укрепленные линии и полосы не пригодны в условиях нашей войны. Даже столь мощная укрепленная полоса, как германская, не позволила в нашем июльском наступлении задержаться на ней польским войскам.

Почти без патронов и снарядов, пользуясь редкостью занятия позиции поляками, наши войска стремительным обтеканием занятых мест позиции заставили противника быстро очистить всю укрепленную полосу.

Однако в иных случаях укрепления необходимы. Это будет при защите дефиле, мостов, гатей и прочее. Кроме того, большие узлы железных дорог должны быть защищены особого рода укреплениями от внезапных налетов конницы и бронированных автомобилей.

Все эти укрепления должны иметь следующий характер: линия огня должна быть, по возможности, коротка (учитывая малочисленность наших войск) и во всяком случае не должна быть шире, чем может растянуться предназначенный для нее гарнизон.

Учитывая непривычку наших войск обороняться, необходимо строить укрепления особо крепкие, с укрытиями от тяжелой артиллерии и с мощными пластами заграждений колючей проволоки.

Невозможность оборонять сплошные линии неминуемо выдвигает вопрос о необходимости постройки небольших замкнутых укреплений с небольшими, но стойкими гарнизонами. Этот вопрос до сих пор еще не получил должного разъяснения в смысле применения его в условиях нашей войны, а потому на нем и придется остановиться.

Совершенно очевидно, что если было бы возможно осуществить кольцевую оборону какого-либо железнодорожного узла или какой-либо переправы через реку, важной как для нас, так и для противника, то постройка такого рода маленьких крепостей имела бы колоссальное значение для задержания противника на намеченной линии.

Главное условие, которое должно быть предъявлено к таким крепостям, это то, чтобы их можно было оборонять с самым незначительным гарнизоном.

Необходимость делать эти крепости небольшого размера вытекает из того соображения, что мы не в состоянии высоко обучить и дисциплинировать очень большой гарнизон, а также из того соображения, что такой гарнизон не сможет в условиях нашей войны прятаться в крепостях и неминуемо будет выброшен на фронт. Необходимо в крепости иметь хотя бы и совсем незначительный, но зато постоянный и высокообученный гарнизон.

Сила сопротивления крепости должна быть основана главным образом на непробиваемости капониров снарядами полевой тяжелой артиллерии, на проволочных заграждениях, абсолютно не дающих возможности проникнуть за внешнюю линию огня крепости, и на укрытых пулеметах и артиллерии, не дающих противнику возможности проникнуть сквозь проволочные заграждения.

Пехота будет играть только роль резерва.

Таким образом, срок сопротивления окруженной такой крепости будет зависеть, во-первых, от запасов артиллерийского снабжения и продовольствия и, во-вторых, от времени, в какое сможет разрушить проволочные заграждения и часть капониров сосредоточенная противником артиллерия.

Чем артиллерии будет больше, тем срок сопротивления крепости будет меньше.

Внешний пояс пулеметных фортов-капониров должен быть так рассчитан, чтобы пулеметный огонь надежно и во всех направлениях простреливал бы проволочные заграждения. Самый пояс не должен быть велик — желательно не более 12 верст.

Второй пояс фортов-капониров должен быть в 6 верст, т. е. радиус внешнего пояса — 2 версты, а внутреннего — 1 верста.

Во внутреннем поясе будут расположены артиллерия и пехотный резерв. Между пулеметными капонирами надобно обильно располагать бомбометы и минометы.

Если гарнизон постоянно будет обучаться в самой крепости, если каждый стрелок, каждый пулеметчик будет приучен видеть справа и слева от себя одни и те же сооружения, одни и те же команды и роты, если он будет приучен к тому, что его тыл кончается в центре крепости и что за центром опять начинается фронт, то для такого гарнизона окружение будет чем-то нормальным, и никакого чувства потерянности возникнуть не может.

Комендант крепости, как и всегда, должен быть более чем на высоте своего поста. От его воли и духа будет зависеть настроение и состояние воли солдат, приученных к делу обороны крепости.

Учитывая скорость наступления и отступления в нашей войне, учитывая, что обычно и у нас, и у противника тылы (особенно железнодорожные) отстают, а потому специальная артиллерия вовремя подана быть не может, мы должны сделать заключение, что на осаду нашей маленькой крепости противник должен будет затратить свою полевую (дивизионную) артиллерию и свои полевые дивизии.

Из этого становится совершенно ясным, как велико может быть значение таких крепостей.

Посмотрим теперь, в какой мере обязан будет противник считаться с этими крепостями и не сможет ли он, учитывая, что эти крепости не имеют больших активных гарнизонов, оставить против них столь же небольшие заслоны, а главными силами спокойно пройти мимо.

Вообще говоря, конечно, такой проход можно осуществить, но не надо забывать, что обычно эти крепости будут запирают наиболее удобные пути проникновения на тыловую маневренную полосу, дающую отступающим войскам широкую возможность маневрирования и контрударов. В силу этого противник, проникший на маневренную полосу, будет лишен наивыгоднейших путей отступления, и малейший его неуспех может повлечь для него катастрофу.

Вот эти соображения и заставят противника снять со своего пути эти небольшие крепости.

ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО

Мы рассмотрели выше то значение инженерного дела, которое оно может иметь в условиях ведения нашей войны, мы рассмотрели те требования, которые предъявляются к инженерному делу оперативными соображениями.

Теперь рассмотрим те требования, которые предъявит в этих условиях инженерное дело как к своим инженерным войскам, так и к прочим родам войск.

Как мы видим из вышеизложенного, для того чтобы все расчеты инженерной работы не пропали даром, необходимо иметь стойкую, хорошо обученную пехоту и артиллерию и вполне подготовленных тактически их начальников.

В крепостях должны находиться постоянные гарнизоны и постоянное артиллерийское вооружение.

При необходимости обороны какой-либо линии инженерное дело, если не хватит достаточного количества войск, потребует специальных пулеметных частей.

Кроме всего этого, инженерное дело требует от всех прочих родов войск, и особенно от их старших войсковых начальников, должного себе места и уважения. Инженерные войска должны быть почетным родом войск. Все войсковые начальники должны понять, что осуществление крупных и быстрых маневров при невысоком состоянии инженерных войск невозможно.

Мы видели выше, что должно существовать известное соотношение между поставленными инженерному делу заданиями и наличными инженерными силами и средствами, а это, в свою очередь, определяет допустимый масштаб развертывания операций.

Поэтому высшие войсковые начальники, желающие обеспечить за собой полную свободу маневрирования, должны свое главнейшее внимание обращать на состояние военно-инженерного дела и затрачивать на него свои лучшие силы и средства.

В свою очередь, такая постановка военно-инженерного дела предъявляет к военным инженерам, саперам и прочим еще более высокие требования.

Военные инженеры должны перестать быть простыми исполнителями. Они должны иметь широчайший военный кругозор.

Военный инженер должен уметь занять при случае и посты старших войсковых начальников. Он должен принимать живейшее участие в разработке операций и в своей деятельности не должен ожидать указаний и понуканий. Он должен являться инициатором всех инженерных мероприятий, он должен изыскивать не только способы обеспечения уже задуманного маневра, но и те инженерные способы, которыми совершенно неожиданно можно было бы развернуть далеко за предполагаемые пределы размеры и пути марш-маневра.

Тот, кто сумеет в полной мере использовать всю технику военно-инженерного дела и проявить гибкость ума и военную изобретательность, тот всегда сумеет поставить противника перед неожиданными событиями и неожиданными размерами нанесенного ему поражения.

ПЕРВАЯ АРМИЯ В 1918 ГОДУ¹

Вместе с ликвидацией фронтов окончила свое существование 1-я Революционная армия. Связанный с этой армией работой в ней в самые тяжелые времена создания нашей Красной Армии, я не могу не посвятить этому славному соединению нескольких страниц воспоминаний.

1-я армия не только по номеру, но и на деле шла первой как в области организационных успехов, так и в деле выявления и создания широкого и смелого маневра гражданской войны.

Формирование Красной Армии, как известно, долгое время носило стихийный характер. Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности — вот внешний вид нашей Красной Армии до осени 1918 г. Только с этого момента начинается перелом. Отряды переформируются в полки, полки начинают сводиться в бригады и дивизии, и в 1919 г. мы уже видим почти окончательно сформировавшуюся армию.

1-я армия шла по этому пути гораздо скорее. Уже в начале июля ее многочисленные отряды были сведены в три стрелковые дивизии: Пензенскую (начдив тов. Богоявленский), Инзенскую (начдив тов. Лацис) и Симбирскую (начдив тов. Иванов, потом тов. Гай). В дальнейшем Пензенская дивизия получила 20-й номер, Инзенская — 15-й и Симбирская — 24-й и название Железная. Был сформирован отдельный кавалерийский дивизион под командой тов. Боревица.

Но до правильной организации было еще далеко.

Когда 27 июня я прибыл на ст. Инза для вступления в командование 1-й армией, штаб армии состоял только из пяти человек: начальника штаба Шимулича, начальника оперативного отдела Шабича, комиссара штаба Мазо, начальника снабжения Штейнгауза и казначея Разумова. Никаких аппаратов управления еще не существовало; боевой состав армии никому не был известен; снабжались части только благодаря необычайной энергии и изобретательности Штейнгауза, который перехватывал все грузы, шедшие через район армии, как-то сортировал их и всегда вовремя доставлял в части.

¹ «Революция и война», 1921, № 4—5, стр. 190—206. Печатается с незначительными сокращениями. — *Ред.*

Сами части, почти все без исключения, жили в эшелонах и вели так называемую «эшелонную войну».

Эти отряды представляли собой единицы чрезвычайно спаянные, с боевыми традициями, несмотря на короткое свое существование. И начальники, и красноармейцы страдали необычайным эгоцентризмом.

Операцию или бой они признавали лишь постольку, поскольку участие в них отряда было обеспечено всевозможными удобствами и безопасностью. Ни о какой серьезной дисциплине не было и речи. Эти отряды, вылезая из вагонов, непосредственно и смело вступали в бой, но слабая дисциплина и невыдержанность делали то, что при малейшей неудаче или даже при одном случае обхода эти отряды бросались в эшелоны и сплошной эшелонной «кишкой» удирали иногда по несколько сотен верст (например, от Сызрани до Пензы).

Ни о какой отчетности или внутреннем порядке не было и речи. Были и такие части (особенно некоторые бронепоезда и бронеотряды), которых нашему командованию приходилось бояться чуть ли не так же, как и противника.

Такова была та тяжелая обстановка, в которой пришлось работать весной и летом 1918 г.

Однако революционно настроенные массы красноармейцев легко поддавались обработке, как только начинались применяться правильные методы организации; брошенные на фронт коммунисты окончательно закрепили это дело.

Война с чехословаками

В такой обстановке пришлось начать войну с чехословаками весной 1918 г.

Подняв восстание в Пензе, чехословаки двинулись на Сызрань — Самару и здесь обосновались. Другая их часть обосновалась в Челябинске.

Слабые советские отряды со всех сторон облепили эти два контрреволюционных гнезда, и первое время белогвардейцы были изолированы.

В Самаре появилась «учредилка».

В первое время военный руководитель Высшего военного совета тов. Бонч-Бруевич считал восстание чехословаков пустяковым делом. Однако очень скоро события приняли столь серьезные размеры, что нам пришлось образовать Восточный фронт. Главнокомандующим был назначен Муравьев, а членами Революционного военного совета — товарищи Кобозев и Благодиров.

Группировка сил (схема 1)

Восточный фронт составляли четыре армии: Особая, действовавшая в районе Саратова, 1-я, действовавшая в районе Кузнецк — Сенгилей — Бугульма, 2-я, действовавшая в Уфимском рай-

оне фронтами на восток и на запад, и 3-я, действовавшая в Екатеринбургском районе.

Чехословацкие войска, на которые быстро налипали белогвардейские части, базировались во всех отношениях на захваченные ими центры и снабжались оставшимися еще от империалистической войны значительными запасами вооружения, снаряжения, об-

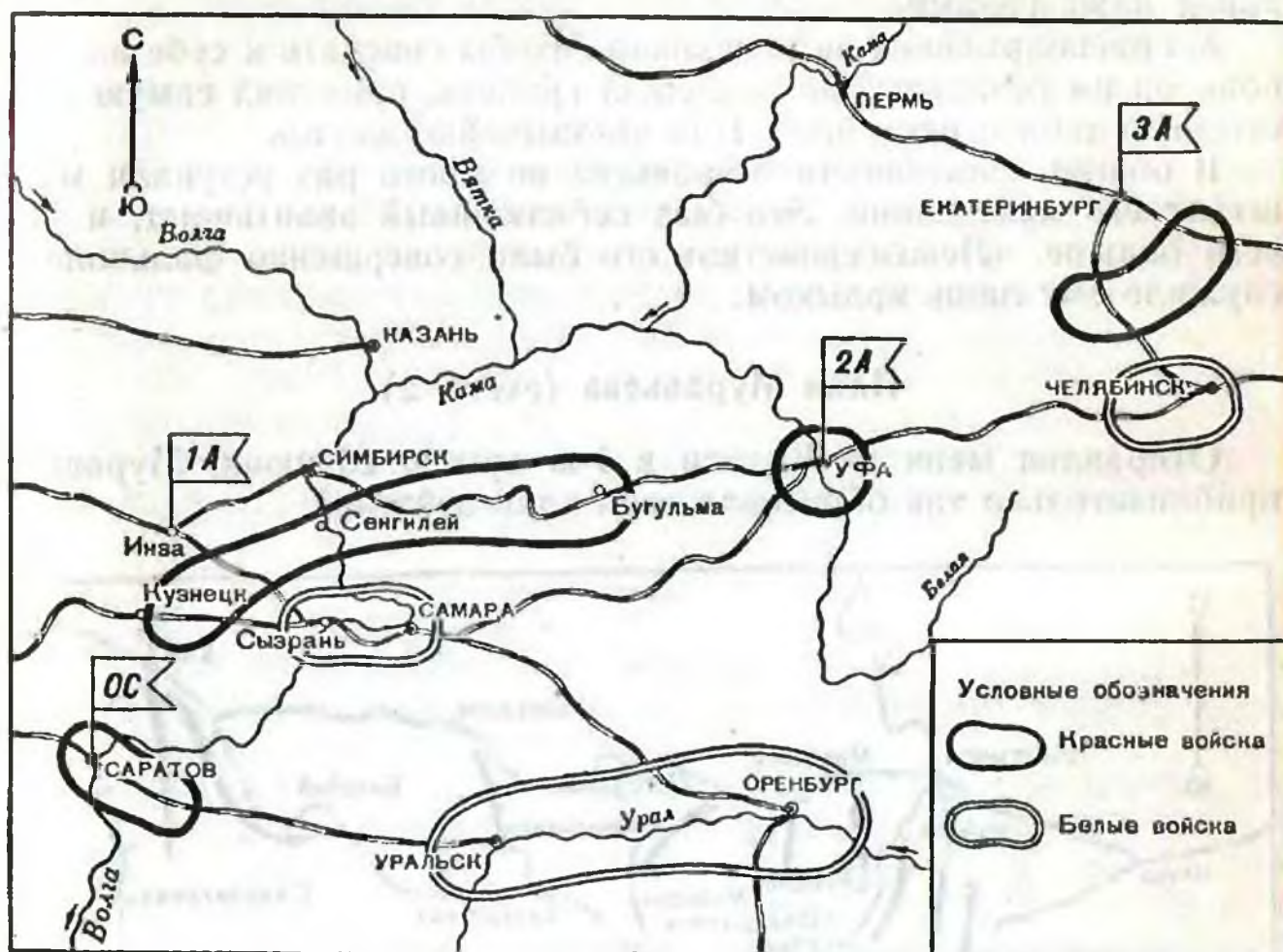

Схема 1

мундирования и прочего. Первое время оба контрреволюционных центра — и Самара, и Челябинск — были изолированы от остального буржуазного мира советской территорией. Только уральские казаки примыкали к Самарскому району.

Таким образом, задача Красной Армии сводилась к тому, чтобы быстрыми ударами разбить далеко разбросанные части контрреволюционных войск и занять центры с диктатурой буржуазии («учредилки»).

Но такая простая задача вылилась у Муравьева в сложный, фантастический и совершенно невыполнимый план.

Муравьев

Муравьев отличался бешеным честолюбием, замечательной личной храбростью и умением наэлектризовывать солдатские массы. Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, почти без-

грамотен. Однако знал историю войн Наполеона и наивно старался копировать их, когда надо и когда не надо. Мысль «сделаться Наполеоном» преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках.

Обстановки он не умел оценить. Его задачи бывали совершенно нежизненны. Управлять он не умел. Вмешивался в мелочи, командовал даже ротами.

У красноармейцев он заискивал. Чтобы снискать к себе их любовь, он им безнаказанно разрешал грабить, применял самую бесстыдную демагогию и проч. Был чрезвычайно жесток.

В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше. «Левозероство» его было совершенно фальшивое, служило ему лишь ярлыком.

План Муравьева (схема 2)

Отправляя меня из Казани в 1-ю армию 26 июня, Муравьев приблизительно так обрисовал свой план действий.

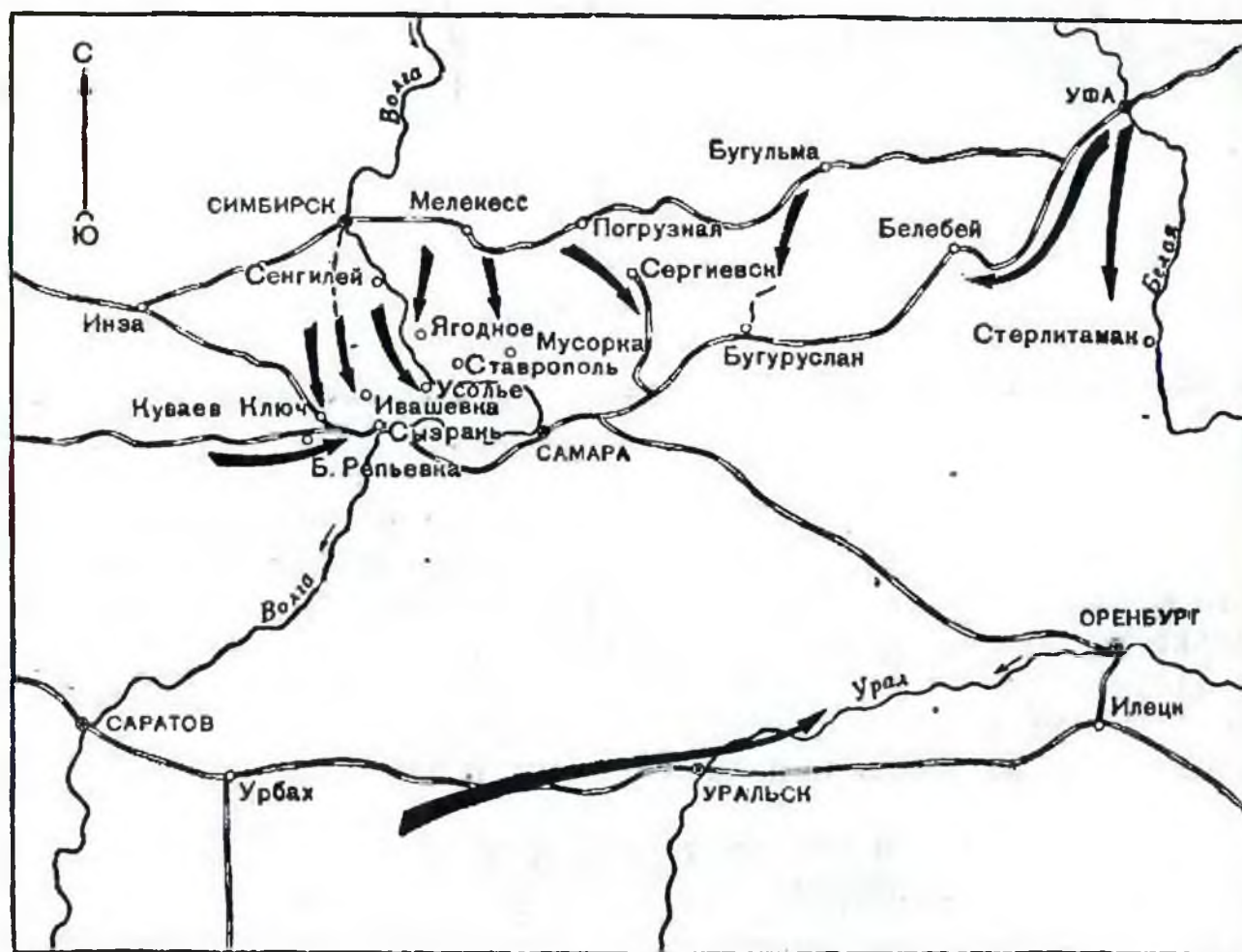

Схема 2

Главные усилия будут обращены на уничтожение самарской группы противника. Она будет уничтожена обходным маневром.

Для этого:

1) Особая армия будет наступать в обход самарской группы на Уральск и далее на Оренбург;

2) 1-я армия должна будет начать наступление на широком фронте: Кузнецк — Сепгилей — Бугульма, и, постепенно сжимая кольцо, должна будет занять Сызрань и Самару, отрезав противнику путь отступления на Уфу со стороны Сургута и Бугульмы;

3) 2-я армия будет содействовать наступлением в юго-восточном направлении. В то же время она будет содействовать действиям 3-й армии на Челябинск.

В это время самарская белогвардейская группа усиленно формировала войска и находила достаточно средств для существования и роста тут же, на месте.

Таким образом, задумывая обход, Муравьев упустил из виду, что самарская группа имела базу при себе, и обходные его замыслы не давали ей ничего, кроме выгод бить по частям наши разбросанные части.

Этот план удара по несуществующим коммуникациям противника заранее обрекал действия на неудачу.

Организационная работа

Прежде чем перейти к описанию дальнейших действий 1-й армии, необходимо остановиться на той организационной работе, которая в ней проводилась.

Я уже упомянул, что отряды были сведены в три дивизии (в дальнейшем была сформирована и четвертая — Вольская). Но для того чтобы эти соединения не остались только оформленными на бумаге, необходимо было создать прочные штабы и регулярную штабную работу. Этот вопрос был трудноразрешим, так как добровольно в армию поступили лишь четыре бывших офицера.

По соглашению с председателем Симбирского губкома тов. Вареиксом приказом по 1-й армии 4 июля 1918 г. была объявлена первая в Республике мобилизация бывших офицеров. Через две недели такая же мобилизация была произведена в Пензенской губернии.

Эта мера дала возможность быстро создать полевые управления дивизий, бригад и полков. Проведение строгой отчетности мгновенно изменило анархический вид частей. Они стали быстро втягиваться в регулярную работу, а вместе с тем произошел резкий перелом в пользу установления строгой дисциплины.

Точно так же впервые в 1-й армии были введены армейский и дивизионные военно-революционные трибуналы. Учреждение трибуналов окончательно закрепило утверждение дисциплины.

После измены Муравьева в армию из центра стали поступать в большом числе мобилизованные коммунисты. Это окончательно укрепило и одухотворило создавшийся армейский организм.

Началась правильная работа политического отдела. Появилась армейская газета «Набат революции».

После измены Муравьева для усиления армии была объявлена мобилизация людей и лошадей в Пензенской губернии и в части Симбирской.

Было начато формирование трех кавалерийских полков.

В Саранске были созданы пехотные, артиллерийские и инженерные части.

В Сердобске был организован Отдел военных заготовок армии, ибо из центра 1-я армия почти ничего не получала.

Таким образом, еще в первую половину июля 1-я армия уже представляла мощный, организованный строевой и хозяйственный аппарат. Этот аппарат быстро креп и разрастался, и к 13—15 июля были определенные данные, дававшие надежду на разгром самарской группы чехословаков и русских белогвардейцев.

Подготовка операции

Верный своей привычке вмешиваться в дела подчиненных, Муравьев расписал подробный план наступления 1-й армии на Самару, где в то время концентрировались главные силы белогвардейцев и источники для ведения с нами войны.

По этому плану 1-я армия должна была поделить свои силы (около 8 тыс. штыков) на семь колонн, которые должны были одновременно наступать на фронте около 300 верст. Главный удар должна была наносить мусорская колонна, силою немногим более 800 штыков. Все остальные силы демонстрировали и «обходили» радиусом верст в 150.

Я не мог проводить сознательно этот сумасшедший план в жизнь и поневоле должен был внести коррективы.

Наши войска того времени почти не были способны двигаться без железных дорог, так как вовсе не имели транспорта, а пользоваться обывательским транспортом еще не умели.

Поэтому двинуть большие силы по кратчайшему направлению от Мелекесса на Самару было затруднительно.

Пришлось остановиться на направлении Симбирск — Самара, как на направлении, по которому был обеспечен подвоз по Волге.

В Симбирске быстро оборудовались четыре парохода и несколько барж под артиллерию. Были набраны достаточные команды матросов.

На это направление перебрасывалось два полка с сызранского направления, и, кроме того, оно усиливалось за счет соседних колонн. Сюда же сосредоточивались все технические войска армии. Этими мерами достигалось сосредоточение в этой, так сказать, волжской, группе главных сил армии.

Передовые части белогвардейцев доходили только до линии Усолье — Мусорка. Отсюда Ставрополь брался коротким ударом.

Порядок следования главных сил намечался такой: главная

масса войск двигалась до соприкосновения с значительными силами противника на пароходах. В авангарде должна была идти флотилия, а по берегам наряду с ней должны были двигаться все броневые автомобили и отряды пехоты на обывательских подводах.

Белогвардейцы располагались довольно беспечно и, кроме чехословаков, легко поддавались панике. В Самаре было подготовлено восстание рабочих.

Таким образом, намеченная операция, позволявшая неожиданно и быстро появиться перед противником, давала все шансы на успех. Численно силы противника точно не были известны, но, во всяком случае, не могли многим превышать наши, так как главные силы чехословаков со взятием Уфы уже успели соединиться с челябинской группой.

В виде демонстрации была предпринята атака Сызрани, которая и увенчалась успехом.

Все приготовления к операции уже заканчивались, когда было получено сведение о том, что Муравьев выезжает в Симбирск для личного руководства операцией. Это было чрезвычайно неприятно, так как, во-первых, Муравьев наглядно бы увидел, что его планы не были точно выполнены, а во-вторых, он мог изменить почти уже законченные приготовления.

Восстание Муравьева

11 июля Муравьев прибыл на пароходе в Симбирск. Я им был вызван для доклада, но как только явился на пристань, то тотчас же был арестован. С сумасшедшими, горящими глазами Муравьев после ареста заявил мне: «Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с чехословаками и объявляю войну Германии».

Так дико и неожиданно было начато это шутовское восстание Муравьева. Приехавшие с ним красноармейцы были взяты им наскоком. Он огорошил их, и они ничего не понимали и шли за Муравьевым, считая его старым «советским воякой». Так же бессознательно перешел на сторону Муравьева и броневой дивизион, стоявший в Симбирске.

В первую минуту, после того как Муравьев уехал осаждать Совет, красноармейцы хотели меня тотчас же расстрелять, но были крайне удивлены, когда на вопрос некоторых, за что я арестован, я им ответил: «За то, что большевик». Они были сильно огорочены и отвечали: «Да ведь мы тоже большевики». Началась беседа. Услышав о левоэсеровском восстании в Москве и получив объяснение измены Муравьева, оставшиеся красноармейцы тотчас же избрали делегацию и отправили ее в броневой дивизион для обсуждения вопроса.

В это время Муравьев, осадив здание Симбирского губисполкома, начал вести с последним переговоры о власти. Между прочим, симбирские левые эсеры ему оказали полную моральную под-

держку. Эти переговоры и послужили главной причиной столь быстрой гибели Муравьева. Товарищ Варейкис проявил колоссальную энергию и находчивость. Им были наспех отпечатаны воззвания к красноармейцам, а в их массу, кроме того, было направлено большое число коммунистов. Началась деятельная работа, и уже через час-полтора на стороне Муравьева почти никого не было. А тем временем в зале заседаний губисполкома шел горячий разговор тов. Варейкиса с Муравьевым. Наконец, взбешенный отказом сдать власть, Муравьев стукнул кулаком по столу и сказал: «Тогда я иначе с вами поговорю!» — и направился к двери. При выходе из двери он был остановлен солдатами, которые объявили ему, что он арестован. Вскрикнув: «Предательство!», Муравьев выхватил маузер и открыл стрельбу, но был немедленно же убит (первое время некоторые говорили, что он сам застрелился последней пулей).

Влияние измены на войска

Эта измена, так быстро и удачно ликвидированная, тем не менее принесла колоссальный вред для армии. За время своего господства Муравьев разослал во все войсковые части телеграммы о заключении мира с чехословаками, войне с Германией и проч. Через несколько часов после расстрела Муравьева эти же части получили телеграммы об измене Муравьева, о его расстреле и проч. Это все произвело колоссальное впечатление на не сформировавшиеся еще окончательно части. Началась паническая боязнь предательств, развилось недоверие части к части, красноармейцев к командному составу и проч. Эсеры, меньшевики и прочие белогвардейцы еще более усиливали это настроение. Начались непрерывные ложные слухи об обходах, изменах и проч. Войска стали отходить даже без боя.

Поход тов. Гая

Пошедшая быстро на лад организация войск стала быстро разлагаться. Быстро нами были оставлены Бугульма, Мелекесс, Сенгилей и, наконец, Симбирск. Последний был взят налетом чехословаков со стороны Сызрани тогда, когда в районе Сенгилея еще действовала сенгилеевская группа тов. Гая. Благодаря личному влиянию тов. Гая, это была единственная часть, сохранившая дисциплину и боеспособность.

Отрезанный со всех сторон, тов. Гай собрал и присоединил к своей группе рассеянные и бродившие отряды, забрал в Сенгилее все народное имущество и с громадным обозом двинулся через Ясачная — Ташла на ст. Чуфарово.

Все белогвардейские атаки были отбиты. Совершив марш до 150 верст по району, занятому противником, тов. Гай, ничего не потеряв, вывел свою колонну на ст. Чуфарово, где и соединился с остальными войсками армии.

За этот героизм колонна тов. Гая была названа «Симбирской Железной дивизией», и это название она сохранила и после получения ею 24-го номера.

После падения Симбирска мы производили на него три наступления.

Наше первое наступление на Симбирск

Первое, по приказу нового главкома тов. Вацетиса, вел отряд тов. Толстого тотчас же после падения Симбирска. Попытка была неудачная. Зато на ст. Чуфарово произошло соединение отрядов тов. Толстого и тов. Гая.

К этому времени мы потеряли и Казань, а Вольск был захвачен белогвардейцами. Против последнего пункта началось формирование Вольской дивизии.

Второе наступление

Товарищ Вацетис прислал на подкрепление бригаду пехоты под командой ветеринарного врача Азарха и приказал вновь перейти в наступление на Симбирск.

В это время велось наступление на Казань и необходимо было перехватить в Симбирске вывозимый оттуда по Волге золотой запас.

Наше второе наступление на Симбирск также окончилось неудачей. На правом фланге, в районе Белого Гремячего Ключа, мы перехватили уже Волгу, но зато на левом фланге, из-за неумения тов. Азарха управлять бригадой, последняя у него расползлась и была разбита каким-то небольшим чешским отрядом. Несмотря на все старания тов. Гая, положение не удалось спасти, и 16 августа наши войска вновь отошли на линию ст. Чуфарово.

Подготовка 3-й операции

Последние две симбирские операции окончательно доказали главкому малую боеспособность войск и необходимость дать им успокоиться и устроиться. Мне было разрешено наконец вновь заняться усиленной подготовкой армии.

Раньше уже говорилось о той организационной работе, которая была предпринята в армии. К середине августа эти все мероприятия начали уже давать положительные результаты.

Штабная работа наладилась отлично.

Войска начали получать пополнения.

Продовольствие и обмундирование доставлялись правильно.

Только в одном — в винтовках — чувствовался острый недостаток. Это очень затрудняло подачу пополнений.

Артиллерия была приведена в полный порядок, сведена в дивизионы и вообще была доведена до штата.

Инженерные части точно так же уже были созданы.

К этому времени менее всего удалось доформировать Вольскую дивизию, которая непрерывно передавалась из армии в армию и была очень оторвана от штаба армии.

В таких благоприятных условиях работа коммунистов, брошенных в части, дала колоссальные результаты.

В частях появилась определенно твердая дисциплина, исполнительность и бодрый дух.

К концу августа 1-я армия организационно и духовно была уже готова к решительным операциям и ожидала только подкреплений, обещанных главкомом Вацетисом с Западной завесы.

Для содействия Вольской дивизии в Саратове началась постройка речной боевой флотилии.

К первым числам сентября в армию прибыл только что сформированный батальон связи и коммунистический авиационный отряд. Это значительно технически укрепило армию.

Средств связи, конечно, все-таки не хватило, и потому зачастую в операциях маневр встречал большие затруднения.

Правда, войска уже успели обзавестись обозом, а главным образом, научились использовать обывательский транспорт, и потому хорошие части уже не держались за железные дороги; но плохая связь долго еще себя давала чувствовать, и мы хотя и бросили «движение по железным дорогам», но долго еще придерживались «движения по проводам».

Кстати, скажу несколько слов о командном составе того времени.

В подавляющем большинстве строевой командный состав был из «низов». Это был командный состав, руководимый революционным экстазом, безгранично смелый, склонный неизменно наступать. У красноармейцев он пользовался большим авторитетом.

Первое время гражданской войны этому командному составу было трудно справиться с обстановкой. Обстановка эта действительно требовала, даже от командира батальона, умения действовать, совершенно не имея никакой связи с соседями, не рассчитывая ни на какую их помощь (такова была редкость боевых порядков).

Эта обстановка требовала, следовательно, от каждого комбата всех качеств полководца.

Энергия, смелость, наступательный порыв в значительной степени разрешали эту трудную задачу, но зато отсутствие теоретической подготовки делало наш командный состав того времени маловыдержанным, непрестанно оглядывающимся, отступающим, как только на фланге появится противник. Почти все командиры проделали всю империалистическую войну. Опыт у них был значительный, но новый фактор, отсутствие соседей, сильно смущал их.

Однако опыт и в гражданской войне научил их воевать. С частыми ошибками, но с постоянной энергией они постепенно приучались и втягивались в маневр и создавали тот незаметный

кадр коммунистического командного состава, на котором держится наша Красная Армия.

Красноармейцы первой половины 1918 г. состояли из добровольцев, в большей части из рабочих. Это была масса требовательная, но глубоко проникнутая классовым самосознанием и революционным духом. Поэтому боевая дисциплина быстро проникала в их ряды.

Противная сторона также была классового состава, из кулаков, белоофицерства и проч. Поэтому бои носили ожесточенный характер. Долгое время пленным не было пощады ни на той, ни на другой стороне.

Возвращаясь к обстановке на фронте 1-й армии в конце августа 1918 г. Как уже говорилось выше, организационно, в административном и хозяйственном отношении 1-я армия уже была готова к решительным действиям. Ожидалось только прибытие подкреплений, чтобы начать новое наступление.

Подготовительные операции (схема 3)

24 августа положение на фронте было следующее: Вольская дивизия готовила атаку на Вольск. Она скоро была передана в состав 4-й армии, где и должна была действовать в направлении Вольск — Хвалынский, а после взятия последнего пункта должна была вновь перейти в состав 1-й армии для дальнейших действий против Сызрани.

Пензенская дивизия занимала линию Лава — Канадей — Троицкий — Сунгур. Противник, находившийся против нас, был в одинаковых примерно с ней силах.

Против Инзенской дивизии белогвардейцы проявляли большую активность и постепенно теснили ее, обходя ее левый фланг. К указанному дню Инзенская дивизия занимала фронт: Сорокино — Аристовка — Богдановка — Гурьевка — Куроедово — Хананеево. Противник, силою до 1200 штыков, занимал линию Русская Темрязань — Нижняя Измайловка — Вителевка, имея резервы в районах ст. Тимошкино и ст. Кузоватово. Инзенская дивизия насчитывала около 1000 штыков.

Симбирская дивизия (2458 штыков) спокойно занимала линию Поповка — Анненково — Прислониха, имея для наблюдения за правым флангом два эскадрона в районе Б. Мура. Противник, силою до 2500 штыков, занимал линию Елшанка — Выры — Петровка — Шумовка, имея резервы в г. Симбирске.

В районе г. Алатыря образовалась небольшая алатырская группа, ввиду того что противник начал тревожить этот район со стороны Буинска. Скопление его сил замечалось в районе дер. Б. Батырево, где он усиленно мобилизовал кулаков.

Таким образом, группировка сторон, имея в виду нашу операцию на Симбирск, была не в нашу пользу. Исправление ее было совершено следующим образом (схема 4).

Схема 3

На правом фланге симбирского направления Инзенской дивизии была поставлена задача разбить и отбросить противника за линию ст. Кузоватово. Пензенская дивизия должна была тревожить противника в направлении левого фланга Инзенской дивизии. Симбирской дивизии было приказано направить Витебский

Схема 4

полк из дер. Поповка в направлении Бесштановка — ст. Кузоватово для атаки в тыл кузоватовской группы противника. Для связи между левым флангом Инзенской дивизии и Витебским полком кавалерийский дивизион тов. Боревица был направлен на Нижнюю Измайловку.

25 августа начинается стремительное выполнение поставленной задачи. Противник сбит и ошеломлен. 27 августа Инзенская

дивизия выходит на линию восточнее деревень Русская Темрязань — Поливанов — Акишоут. Витебский полк, атаковав противника с тыла, вышел того же числа к юго-западу от дер. Баевка. Разбитый противник, стремительно ускользая из мешка, бежал к юго-востоку от ст. Кузоватово (схема 5).

28 августа Инзенская дивизия заняла ст. Кузоватово, и, таким образом, справа наступление на Симбирск было обеспечено.

Для обеспечения операции слева алатырской группе была поставлена задача разбить батыревскую группу противника ударом со стороны ст. Ибреси.

Схема 5

Алатырская группа выставила заслон на подступах к г. Алатырю, а удар главными силами нанесла со ст. Ибреси, в направлении Б. Батырево. Скопление противника было рассеяно, и остатки его бежали на Буинск.

Таким образом, Симбирская операция была обеспечена с обоих флангов.

Я уже говорил, что главнокомандующему были обещаны значительные подкрепления примерно к 25 августа. Однако в начале сентября я получил от него извещение, что подкрепления несколько запоздают.

В связи с этим, а также с тем, что обстановка на фронте армии слагалась благоприятно, пришлось отказаться от мысли ожидать подкреплений. Необходимо было начать операцию наличными силами.

Для усиления симбирского направления и обеспечения здесь нашего превосходства сил пришлось ослабить участки Пензенской и Инзенской дивизий, оставив здесь лишь слабые заслоны.

Первоначально я предполагал нанести удар на Симбирск двумя дивизиями: Инзенской и Симбирской, но затруднения организации связи и тыла заставили все предназначенные для атаки Симбирска силы передать начдиву Симбирской Гаю.

В основу плана операции была положена идея концентрического наступления.

Пензенской дивизии была поставлена задача активной обороны занимаемых рубежей.

Инзенской дивизии на фронте также была поставлена оборонительная задача. Зато кавалерии левого фланга ставилась задача занять с. Тереньга и перервать телеграфное сообщение Сызрань — Симбирск. Кроме того, поставлена задача непрерывно освещать кавалерийской разведкой район Тромбетчино — Собакино — Назайково — Тереньга и участок тракта Тереньга — Горюшки.

Силы ударной симбирской группы тов. Гая достигали примерно 8 тыс. штыков. Противник небольшими силами занимал передовые линии и имел довольно значительные резервы в районе Симбирска (что было выяснено после взятия последнего). С этими резервами, как выяснилось после, белогвардейцы лишь немногим уступали в численности, при составлении же плана наши силы представлялись значительно превосходящими силы противника.

Исходное положение для симбирской группы было намечено по линии Поповка — Анпенково — Прислониха. Кроме того, 5-й Курский полк на грузовиках перебрасывался со ст. Чуфарово в район ст. Алгаим для наступления в обход правого фланга противника, вдоль большака ст. Алгаим — Ногаткино — Симбирск. Таким образом, исходная линия достигала почти 100 верст по фронту.

Первые серьезные силы противника мы могли встретить на линии Елшанка — Выры — Петровка и отдельные отряды — в районе с. Шумовка. Главные силы группы двигались по большакам Поповка — Елшанка и Прислониха — Тетюшское и между ними.

Таким образом, ко времени серьезных боев фронт атакующих частей сокращался до 60 верст к вечеру первого же дня наступления.

Приказом по армии за номером 7 начало наступления было назначено на утро 9 сентября и взятие Симбирска было рассчитано на третий день наступления (схема 6).

В основу этих расчетов было положено: во-первых, превосходство наших сил, во-вторых, выгодность обхода при намеченном концентрическом движении и, в-третьих, быстрота движения и внезапность.

На линии расположения противника наши части уже достигали полного взаимодействия, широко обходили расположение противника и тем предрешали быстрое его поражение.

Все эти расчеты полностью оправдались на деле. К вечеру первого же дня белогвардейские войска охватила паника. В центре

они оказывали ожесточенное сопротивление, но бесконечный обход их флангов совершенно расстроил последние, и отступление приняло беспорядочный характер. На подступах к Симбирску они по-

Схема 6

пробовали устроиться и оказать последнее сопротивление, но дружным натиском наших воодушевленных войск они были быстро сбиты и опрокинуты за Свиягу, а далее — за Волгу.

Таким образом, основательно подготовленная операция одним ударом решила чрезвычайно важную задачу. Сильная симбирская группа противника была разбита и была перерезана Волга, а ста-

ло быть, и наилучший путь отступления для белогвардейцев из-под Казани, павшей почти одновременно с Симбирском.

Этот успех был настолько неожидан для противника, что когда мы прибыли в Симбирск и там расположился штаб Симбирской дивизии, то к тов. Гаю вдруг явился с донесением какой-то прапорщик, посланный из Сенгилея к белогвардейскому начальнику дивизии. Прибыв вечером в город и спросив, где штаб дивизии, этот прапорщик прямо отправился к начальнику дивизии и совершенно неожиданно для себя явился к тов. Гаю.

В Симбирске нами были захвачены колоссальные военные трофеи. Железнодорожный мост через Волгу был захвачен в полной исправности.

Симбирск был взят утром 12 сентября. К вечеру противник опомнился, повел наступление на железнодорожный мост и потеснил наши передовые части. 13 сентября белые начали бомбардировку города.

Буржуазия стала сеять панику. Молодые войска могли легко разложиться. Появились случаи грабежей.

Необходимо было решительно и быстро переправиться на левый берег Волги и опрокинуть противника. Но этот берег был уже прочно занят белыми и в наших руках оставался только один мост, в версту длиной. Вспомогательных средств переправы не было.

В таких условиях приходилось действовать смело. Было решено форсировать Волгу на глазах противника по мосту, находящемуся под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем белых. Такая атака окончательно должна была сломить дух противника и воодушевить наши войска.

Атака началась в час ночи. План атаки был следующий. В первую голову был пропущен паровоз без машиниста, на полных парах, с открытым регулятором, для испытания пути и разрушения бронепоезда противника, если бы таковой встретился. За этим паровозом двигался броневой поезд тов. Гулинского. За бронепоездом двигалась вторая бригада Симбирской дивизии под командой тов. Недзведского. В голове шел 2-й Симбирский полк. Артиллерийской подготовкой руководил инспектор артиллерии армии тов. Гардер. Переправой руководил тов. Энгельгардт. Артиллерия пристрелялась еще днем и с начала наступления наших войск переносила постепенно огонь на тылы противника.

Бешено несущийся паровоз и убийственный артиллерийский огонь сразу же произвели на белых сильное моральное впечатление. За паровозом выступил бронепоезд, и завязалась перестрелка.

Движение по верстовому мосту пехоты было очень тяжелым. Еще днем противнику удалось зажечь на берегу несколько барж с нефтью, и теперь яркое зарево освещало мост.

Белые, пораженные неожиданной атакой, деморализованные артиллерийским огнем и атакой бронепоезда, открыли беспорядочный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь по железнодорожному мосту.

Однако стремительный напор наших войск сделал свое дело. Ближайшие к мосту части противника бежали, и главная опасность — пулеметный и ружейный огонь — была устранена. Артиллерийский огонь, плохо пристрелянный, мало нанесил вреда.

В результате эта дерзкая атака наших молодых красных частей увенчалась полным успехом. Противник был в ночь разбит и оставил в наших руках вполне исправную железнодорожную переправу, и на месте боя оставил много артиллерии, пулеметов и проч. Наши преследующие части быстро выдвинулись на линию ст. Чердаклы.

После такого решительного успеха противник, опасаясь угрозы на пути отступления белых войск от Казани к Нурлату, сосредоточил на симбирском направлении новые подкрепления и вновь перешел в наступление. Наши части были сбиты и вновь отброшены на правый берег Волги. На этот раз белым удалось подорвать крайнюю ферму моста.

В это время правобережная группа 5-й армии, после взятия Казани, перевозилась по Волге в Симбирск, чтобы сменить здесь части 1-й армии. К сожалению, силы эти запоздали.

Необходимо было возможно скорее отбросить противника и произвести смену, так как на сызранском направлении было совершенно необходимо участие Симбирской дивизии.

Схема 7

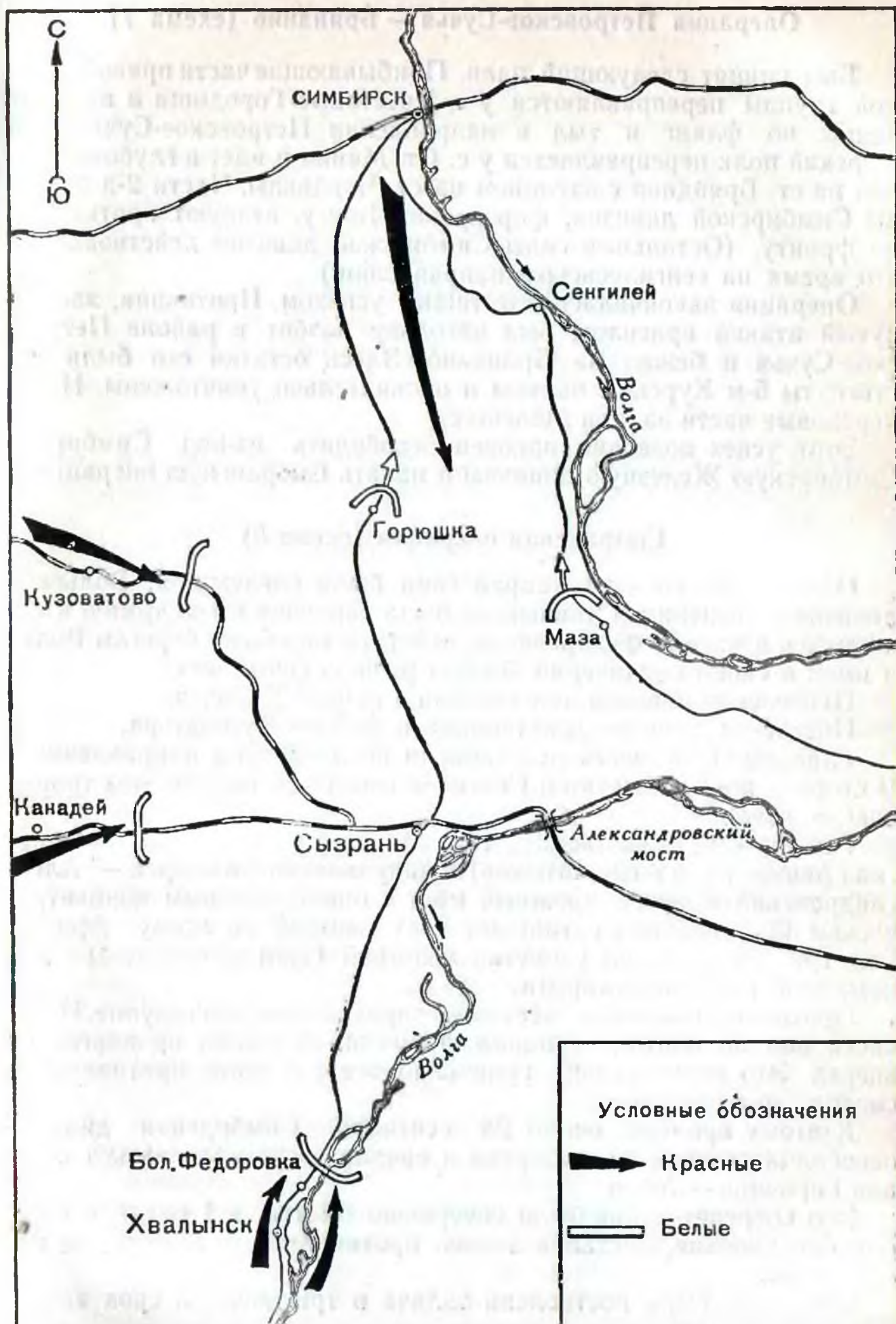

Схема 8

Операция Петровское-Сучья — Бряндино (схема 7)

Был принят следующий план. Прибывающие части правобережной группы переправляются у с. Крестовые Городищи и атакуют белых во фланг и тыл в направлении Петровское-Сучья. 5-й Курский полк переправляется у с. Ст. Майна и идет в глубокий обход на ст. Бряндино с заслоном на ст. Чердаклы. Части 2-й бригады Симбирской дивизии, форсировав Волгу, атакуют противника по фронту. (Остальные силы Симбирской дивизии действовали в это время на сенгилеевском направлении.)

Операция закончилась блестящим успехом. Противник, застигнутый атакой врасплох, был наголову разбит в районе Петровское-Сучья и бежал на Бряндино. Здесь остатки его были настигнуты 5-м Курским полком и окончательно уничтожены. Наши передовые части заняли Мелекесс.

Этот успех позволил наконец освободить из-под Симбирска Симбирскую Железную дивизию и начать Сызранскую операцию.

Сызранская операция (схема 8)

Обстановка на этом направлении была следующая: Вольская дивизия по взятии ею Хвалынска была передана в 1-ю армию и находилась в районе Федоровское, действуя по обоим берегам Волги и имея в своем подчинении боевую речную флотилию.

Пензенская дивизия действовала в районе Канадея.

Инзенская дивизия действовала в районе Кузоватова.

Главные силы белых действовали по этим трем направлениям. В сторону же Симбирска и Сенгилея ими были выставлены только слабые заслоны.

Решено было действовать так: главный удар наносит Симбирская дивизия (до 9 тыс. штыков) в направлении Симбирск — Александровский железнодорожный мост с одновременным концентрическим наступлением остальных трех дивизий по всему фронту. Эти три дивизии для удобства действий были объединены под командой тов. Энгельгардта.

Противник оказывал жестокое сопротивление этой группе. Наши части шаг за шагом, с упорными боями, медленно продвигались вперед. Это окончательно привлекло все внимание противника к своему фронту.

К этому времени, около 28 сентября, Симбирская дивизия освободилась из-под Симбирска и начала сосредотачиваться к линии Горюшка — Маза.

Это сосредоточение было совершено быстро, и 1 октября Симбирская дивизия, выставив заслон против Хвалынска, начала наступление.

Дивизиям была поставлена задача в трехдневный срок закончить операцию.

ОБУЧЕНИЕ ВОЙСК¹

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ КРАСНОЙ АРМИИ

I

Под методикой военного дела я подразумеваю теорию практической подготовки бойца. Сюда относится и подготовка начальника, т. е. наставника и руководителя бойцов, как в мирное, так и в военное время.

Эта теория не будет вне времени и пространства, а в РСФСР. Она задается определенной целью — выработать методы подготовки сознательного советского бойца, хорошо владеющего строевой и тактической сторонами военного дела.

Наша малограмотная, серая крестьянская масса, служащая главным источником комплектования Красной Армии, требует серьезной политической работы для выработки сознательного защитника социалистического государства.

Эта тяжелая работа по «советизации» нашего бойца, вместе с полным почти отсутствием в первый период существования Красной Армии политически зрелого и благонадежного командного состава, повела к тому, что дело подготовки красноармейца со стороны духовной (комиссарской) совершенно отделилось от подготовки военно-технической (спецовской).

Это обстоятельство является чрезвычайным, исключительным злом для Красной Армии.

Только политическая зрелость и сознательность может дать красноармейцу волю к победе, решительность, выносливость, без чего ни строевая, ни тактическая подготовка не может ему быть понятна. То же и наоборот. Словом, эти области подготовки так родственны и так переплетены между собой, что совершенно противоестественным является их разделение.

В настоящий момент, когда выдвинувшийся за три года гражданской войны красный командный состав, правда слабо обученный и подготовленный, вплотную подводит нас к задаче политически воспитать и развить его для проведения окончательной консо-

¹ «Военный вестник», 1921, № 7, стр. 9—14. Печатается с незначительными сокращениями.— *Ред.*

лидации Красной Армии, мы должны особенно резко взять курс на сближение подготовки духовной с военно-технической.

Мы не должны больше допускать разнобоя в этих методах.

Мы должны спаять их воедино.

Необходимо заметить, что методика политической подготовки, которую наши товарищи пытаются обосновать на страницах многочисленных статей, благодаря ее полной оторванности от военно-технических задач почти всегда страдает отвлеченностью, бессодержательностью и часто сбивается на агитационный тон.

Нет прикладной деловитости.

Борьбу с этой слепой оторванностью теперь, в период напряженной обработки и подготовки Красной Армии, мы должны особенно резко повести и провести до конца.

II

Задачи и характер боевой подготовки наших войск определяются в полном объеме задачами и характером Рабоче-Крестьянской Красной Армии в соответствии с политикой РСФСР.

Эти задачи распространяются не только на армию как таковую, но и на тот резервуар, из которого она получает пополнения, т. е. на все трудящиеся массы рабочих и крестьян.

Эти массы должны впитать в плоть и в кровь предстоящие им кровавые задачи неминуемого столкновения с мировым капиталом.

Рабочие и крестьяне должны знать, что Советская власть приложит все силы и средства, чтобы избежать новых войн, но они должны сознавать, что классовые враги Советской России только и ждут случая, чтобы с наименьшими для себя потерями наброситься на нее и задушить ненавистное рабочее государство. А раз так, то за мирным трудом не должна забываться и боевая подготовка. Раз так, то каждый трудящийся Советской России должен быть готов к тому, чтобы с объявлением нам войны не ожидать капиталистического нападения, а, наоборот, самим наброситься на изготовившихся к нападению врагов, опрокинуть их и внести знамя социалистической войны на буржуазную территорию. К такого рода задаче должен быть подготовлен каждый рабочий и каждый крестьянин как духовно, так технически и физически.

Как должна быть организована такая подготовка?

Конечно, эта задача не может быть выполнена одним военным аппаратом. Она может быть осилена лишь общими усилиями и гражданского и военного аппаратов, под общим руководством Коммунистической партии.

Вся эта подготовка должна быть регламентирована определенными тезисами, охватывающими понятия: о целях войны, о неминуемости революционных взрывов в буржуазных государствах, объявивших нам войну, о сочетании социалистических наступлений с этими взрывами, об атрофировании национальных чувств и о развитии классового самосознания и солидарности и проч. и проч.

Задачи эти велики и необычайно трудны. Казалось бы, надо затратить максимум энергии на их достижение. Однако на практике мы видим другое. Война не в моде. Кончилась — и ладно. Поскорее бы ее забыть. Надо забрать у Красной Армии возможно больше хозяйственных предметов и орудий. Довольно войны, да здравствует мирный труд! Такая забывчивость к тем военным задачам, которые нам безусловно предстоят, стала почти нормальным явлением.

Это грозит большими невзгодами нашей Республике. Этот дух произвольного желания отвернуться от неприглядных картин военщины надо искоренить во что бы то ни стало.

Указанные задачи подготовки трудовых масс к идее войны составляют самую тяжелую часть общей военной задачи.

Задача физической и технической военной подготовки (допризывной и послепризывной) точно так же реально в жизнь не проводится.

Если бы эти задачи были достигнуты, то работа по подготовке Красной Армии значительно облегчилась бы. Но так как этого нет, то задача подготовки ее встает во всей своей громадной трудности.

Задачи эти будут те же самые, но проводиться они будут в меньших и более организованных людских массах, правда, исключительно уже только силами одного военного аппарата.

III

Рассмотрим, как же должна осуществляться подготовка Красной Армии в узком ее смысле.

В наших нынешних условиях мирной обстановки мы трояко можем осуществлять ее: во-первых, казарменным порядком (сюда же я отношу и лагерный), во-вторых, порядком гарнизонной службы и, в-третьих, порядком действительного боевого воспитания (действия против бандитов).

В условиях нашей бедноты и разрухи наиболее желательным является способ казарменной подготовки.

Казарма теперь перестала быть страшным словом. Став на службу советским интересам, она потеряла все свои «скалозубовские» свойства. Вместо палочной лаборатории превращения рабочего и крестьянина в забитого защитника прав и богатств помещика и капиталиста казарма сделалась школой революции, школой защиты ее, она сделалась трудовой школой коммунизма.

В столь благоприятных казарменных условиях, где даже и с полубосыми людьми можно кое-как обернуться и вести непрерывные занятия, где можно с полной серьезностью взяться за обучение и улучшение красноармейца и командира, можно лучше всего осуществить необходимую подготовку Красной Армии к предстоящим ей войнам с врагом регулярным и вооруженным по последнему слову военной техники.

Однако громадные потребности в гарнизонной службе и в на-
рядах на борьбу с бандитизмом и ужасающий квартирный голод
далеко не позволяют в полной мере использовать казарменные ме-
тоды подготовки Красной Армии.

Стало быть, обучение войск в условиях гарнизонных и полевых
должно получить у нас широкое применение.

Правда, в условиях нищенского содержания армии и, в общей
массе, слабости командного состава эти рода службы трудно ис-
пользовать для целей регулярной боевой подготовки, но тем не
менее, невзирая ни на какие трудности, надо их обставить так,
чтобы они нам служили кроме своей прямой службы еще и прак-
тическими учениями для воспитания и обучения красноармейца.

В старой армии и гарнизонная служба считалась лучшим сред-
ством для развития в солдате чувства долга, находчивости, реше-
мости и дисциплины.

При правильной постановке дела это и в Красной Армии будет
играть столь же выдающуюся роль. Конечно, голод и холод созда-
ют в этом деле большие затруднения, но далеко не непреодоли-
мые. Надо только правильно ставить военно-воспитательные зада-
чи, пояснять причины голода и холода, и гарнизонная служба бу-
дет вести Красную Армию не к разложению, а к укреплению.

Тут практические упражнения в поле и строевого и тактическо-
го характера, да еще при наличии реальной и постоянной опас-
ности. В сущности, эти условия идеальные для организации регу-
лярной подготовки армии к большой маневренной войне.

То, что Суворов достигал сквозными атаками, зачастую сопро-
вождавшимися несчастными случаями, то, чего Драгомиров мечтал
достигнуть выдачей на учения двух боевых патронов на тысячу хо-
лостых,— реальной опасности и приучения к ней бойца, то у нас,
в общем, в мирной обстановке может быть достигнуто вполне есте-
ственно в борьбе с бандитами.

Однако, надо заметить, эти идеальные свойства значительно
сокращаются следующими обстоятельствами: во-первых, той же
болезнью голода и холода, что в полевой жизни чрезмерно тяжело,
а во-вторых, слабостью, неподготовленностью нашего младшего
командного состава, который в боевой обстановке часто не улуч-
шает, а ухудшает войска.

Но эти недостатки опять-таки не должны ставить крест на под-
готовку войск в условиях борьбы с бандитизмом. Энергичная под-
тяжка, инспектирование и инструктирование младшего командного
состава дадут блестящие результаты в смысле подготовки войск.

Я знаю многих строевых начальников, которые правильной по-
становкой дела воспитания и обучения создали в самых тяжелых
условиях борьбы с бандитизмом блестящие строевые части.

Итак, правильное использование и сочетание этих трех приемов
вполне позволит нам поставить на должную высоту боевую подго-
товку Красной Армии.

Теперь необходимо рассмотреть те органы, при помощи которых можно осуществить намеченное воспитание и обучение войск.

Раньше уже упоминалось о том, что подготовка бойца со стороны его политического самосознания совершенно неотделима от подготовки военно-технической.

Вполне понятно, что это положение требует полного объединения, полной централизации дела подготовки, т. е. объединения ее в каждой данной части в одном лице, лице начальника этой части. Несоблюдение этого условия повлечет за собой отделение мотивов,двигающих бойца на смерть, от техники выполнения этого движения. А раз не будет этой связи, красноармеец не сможет быть регулярным бойцом, всегда и всюду идущим по первому приказанию и точно выполняющим это движение по всем правилам военного искусства.

Тот начальник, который не является духовным воспитателем бойцов, никогда не будет для них в бою достаточным авторитетом.

Итак, принцип единоначалия необходим не только в боевой обстановке, необходим и в мирной, особенно в деле обучения и воспитания войск.

Стало быть, органом, осуществляющим боевую подготовку Красной Армии в полном ее объеме, должен быть красный командир, единоличный и всецело ответственный за подготовку своей части в общем духе подготовки и воспитания Красной Армии.

Только таким образом можно добиться полной спайки командира с политическими задачами Рабоче-Крестьянской Красной Армии и с всесторонней военно-технической подготовкой навыков для движения войск на вероятную смерть во имя идей социалистической революции.

Какова же тогда будет роль военного комиссара?

Мы прекрасно знаем, что одна техническая подготовка войск не может обеспечить победы.

Решающим элементом является дух войск, их готовность идти на смерть ради своих интересов, в данном случае своих классовых интересов.

Институт военных комиссаров, очень многочисленный и до сих пор в полном объеме проводивший эту духовную политическую подготовку войск, конечно, должен занять в командном вопросе первенствующую роль. Те комиссары-полукомандиры, которые фактически в течение трех лет с лишком осуществляли советскую подготовку Красной Армии, которые все это время воспитывали красноармейца твердым, смелым и сознательным защитником Советской власти, находясь все время в строю, должны вступить в число полноправных, единоличных командиров и занять среди них по праву самое ответственное положение.

Итак, орган, осуществляющий подготовку Красной Армии, есть

красный командный состав, в который должен влиться и комиссарский состав.

Но для проведения в жизнь задач подготовки, само собой разумеется, необходимо в первую очередь подготовить самый командный состав к этим задачам.

Эта новая вводная задача имеет две стороны.

Первая сторона — это подготовка красного командира из нашего плохо обученного, но боевого командного состава.

Он должен быть доучен в военно-техническом отношении и почти заново воспитан в политическом отношении.

Вторая сторона — это подготовка военного комиссара, как командира. Его надо заново подготовить в военно-техническом отношении и, конечно, подучить в политическом.

Достигается это школами: повторительными и 2-й и 3-й ступени для командного состава и школами (как правило) 1-й ступени для комиссарского состава.

Учитывая, что многие комиссары довольно сносно знают строй, можно по отношению к ним использовать и такой прием: первоначально заставить комиссара откомандовать ротой, эскадроном, батареей и проч., а затем командировать его для прохождения школы 2-й или 3-й ступени.

В результате каждый командир должен быть отличным инструктором, как в области политической подготовки и общего воспитания бойца, так и в области подготовки бойца со стороны военно-технической.

В том же духе должны быть подготовлены и исполнительные органы, т. е. штабы и политические отделы. Первые должны быть развиты политически, вторые — военно-технически.

Этот вопрос в его целом чрезвычайно важен. Без разрешения его невозможно добиться высокой боевой подготовки Красной Армии.

Особенно надо обратить внимание на то, чтобы командиры отвыкли от деления начальствующих органов на спецов и комиссаров. Они должны чувствовать себя и морально и фактически ответственными за подготовку своей части, и не только в военно-техническом отношении, но и в отношении сознательно-революционного развития ее.

Другой важнейшей задачей является подготовка и перевод комиссаров на командные должности.

При подготовке органов исполнительных необходимо обратить внимание на полное взаимодействие в работе политотделов, военно-революционных трибуналов и особых отделов.

V

Теперь рассмотрим, как надо организовать занятия с командным составом.

Эти занятия могут быть двойные: во-первых, производимые в

частях и, во-вторых, производимые в повторительных и высших командных школах.

Вторая задача осуществляется у нас в Красной Армии довольно хорошо, зато первая разрешается прескверно.

К рассмотрению ее мы и перейдем.

Различные приемы подготовки и воспитания командного состава в свою очередь изменяются по своему значению в зависимости от того, производятся ли они в казарменной обстановке, или в условиях гарнизонной службы, или же в борьбе с бандитами.

Во всех случаях одинаково необходимо требовать от командного состава всех степеней точного знания уставов, точной исполнительности по службе и суровой строгости как к себе самим, так и к своим подчиненным. Это последнее требование далеко не всегда выполняется. Первые годы революции еще до сих пор оставили следы на Красной Армии. Хотя эта последняя уже давно перешла в период дисциплины, тем не менее мы еще не добились строгого выполнения текущих, повседневных обязанностей, а также не добились и строгого наблюдения за выполнением этих обязанностей. Эти текущие упущения почти, как правило, остаются без взыскания, а вместе с тем при наличии их невозможно осуществить регулярного строительства Красной Армии.

На это зло обыденщины надо обратить всю энергию и жестоко искоренить его.

При организации занятий с командным составом необходимо обращать внимание на то, чтобы они не носили эпизодического характера, а заключали бы в себе строгую систему и определенный курс знаний в определенный промежуток времени. Занятия должны вестись систематично и с педантичной аккуратностью. Не может быть никаких пропусков и послаблений. Эти условия должны обязательно соблюдаться как при работе в казарме, так и во всех других положениях.

Рассмотрим теперь, какими приемами можно вести занятия с командным составом во время текущей повседневной работы войск, не вдаваясь в технику деталей обучения: постановку задач, их последовательность и проч.

Строевые занятия

Эти занятия должны и могут вестись непрерывно при всех видах использования войск. Они будут заключаться в инструктировании и корректировании работы командного состава по обучению их подчиненных. Эта работа требует от каждого старшего начальника зоркого наблюдения за ходом занятий, основательного знания устава, живейшего участия в инструктировании. Необходимо добиться, чтобы каждый начальник, вплоть до самых низших степеней, умел безошибочно и без долгого раздумья пользоваться строем, а также умел бы обучать этому искусству своих подчиненных, т. е. был бы опытным инструктором.

Стрелковые занятия

Этот вид подготовки точно так же чрезвычайно важен, как в смысле значения смертоносности огня, так и в смысле укрепления духа бойца. В нынешних условиях боя лишь хорошо стреляющие войска могут быть уверены в своих силах. При этом особое значение для нас приобретает качество стрельбы в связи с тем малым количеством патронов, с которым мы волей-неволей должны примириться.

Каждый командир должен быть, во-первых, сам отличный стрелок, а во-вторых, он должен быть хорошим инструктором и руководителем в обучении других. Занятия стрелковым делом точно так же должны вестись всюду и всегда, несмотря ни на какую обстановку.

Занятия будут вестись: в казарме, в тире и на стрельбище.

Гарнизонная служба

При строгой постановке этого дела, при проведении суровой ответственности каждый караульный начальник переживает не мало волнений и не мало поработает над своей волей и распорядительностью для того, чтобы ничего не упустить и не наделать ошибок.

Эта сторона службы имеет важное воспитательное значение, но может иметь и разлагающее значение распушенности, расхлябанности, если гарнизонная служба будет вестись спустя рукава.

Тактические занятия

Этот род занятий является решающим для боевой подготовки командира. Занятия могут быть следующих видов: решение задач в поле с командованием стрелковой частью, совершение маневров, производство полевых поездок, решение задач на планах, на ящиках с песком и военная игра.

Для младшего командного состава наибольшее значение имеют тактические занятия в поле и на ящиках с песком, а учитывая наш общий недостаток времени, наиболее применимым является последний способ.

Для старшего командного состава наиболее подходящими являются задачи на планах, военная игра, полевые поездки.

Маневры для всех являются совершенно необходимым упражнением.

Военно-научная подготовка

Эта важная задача официально у нас почти даже не ставится в Красной Армии.

Командный состав не имеет литературы, не ведет самостоятельной военно-литературной работы, даже не всегда имеет уставы.

Конечно, голод на бумагу не может объяснить этого явления. Более всего здесь чувствуется голод в области военно-научной мысли.

Это дело необходимо развить и широко поставить.

Прежде всего при каждой части (минимально начиная с полков) необходимо открыть военные библиотеки.

В каждой отдельной части должны быть организованы еженедельные собрания командного состава для чтения лекций, сообщений, докладов с открытием прений. Вопросы тактики и методики военного дела должны получить самое широкое освещение точно так же, как освещение военно-исторических тем из ближайшего прошлого.

Подготовка духа

Для осуществления этой подготовки необходимо прежде всего развить самосознание командира. Он должен выработаться в сознательного советского гражданина, в полной мере усвоившего учение марксизма.

Для этого подготовку придется вести двумя путями: теоретическим и практическим.

Теоретическая часть будет заключаться в чтении лекций, чтении книг и проч.

Практическая часть будет заключаться в выступлениях командного состава с докладами и сообщениями по вопросам социально-экономическим, в его участии в агитации и пропаганде в войсках.

Командиры должны усиленно тренироваться в этой работе, и результаты не замедлят сказаться.

Главное, чего нужно добиться,— это, чтобы командиры забыли дуализм, царствующий ныне в Красной Армии. Они должны стать политически зрелыми настолько, чтобы политическая подготовка была их обыденным делом и не представлялась бы им чем-то к ним не относящимся, «комиссарским».

Только по достижении таких результатов можно быть уверенным в том, что командный состав сумеет дать всю ту волевою мощь, смелость, дисциплину и энергию, которая требуется от командира в бою.

Планомерное, систематическое, строгое проведение в жизнь всех изложенных приемов подготовки командного состава даст нам крепкий, красный командный состав, способный быть и руководителем в бою, и инструктором в мирное время.

VI

Подготовка рядового красноармейца во многом проще подготовки командира.

Красноармеец должен быть отличным бойцом, отличным исполнителем и даже не только исполнителем, но и умеющим самостоятельно решать небольшие задачи на себя, как отдельного бойца,

на звено и на отделение. Зато он может и не быть инструктором, что, конечно, сильно меняет дело.

Красноармеец прежде всего должен быть воспитан как сознательный защитник Советской власти, движимый на защиту ее своим классовым самосознанием. Только на этом самосознании может быть развит в нем естественным путем революционный героизм, смелость, стойкость и дисциплина.

Эта первая и главная задача далеко не так легка. Наша красноармейская масса, крестьянская в подавляющем числе, очень медленно поддается политической обработке.

Для удобства преодоления этого сопротивления надо прежде всего разбавлять эту массу чисто пролетарскими элементами и коммунистами, чтобы сразу же создать удобную среду для пропаганды.

В дальнейшем преподавание и воспитание (советизация) красноармейца будут вестись самым прикладным образом, как говорится, не рассказом, а показом.

К показательным методам духовной подготовки красноармейца относятся:

1) воспитание путем приобщения к экономическим задачам социалистического государства, к чему относится: распахка крестьянских земель, недели: казармы, заботы о достоянии красноармейца, субботники и проч.;

2) пропаганда плакатами, стенными газетами, статистическими диаграммами, кинематографами, театрами и проч.;

3) парады, торжественные празднования революционных событий и проч.;

4) разбор дел и приговоры военно-революционных трибуналов, показательные суды и проч.;

5) личный пример начальников в исполнительности, дисциплинированности и т. д.

Все эти показательные методы должны сопровождаться и популярным, теоретическим их обоснованием. Это должно проводиться путем постоянных бесед, лекций, митингов и т. д. Чрезвычайно важное значение должен играть клуб. На правильную и плодотворную клубную работу надо обратить сугубое внимание.

Вся эта систематическая работа должна закрепляться методическим прохождением самой службы. Требование самой отчетливой исполнительности, поощрение всякого старания и усердия к службе, быстрое выдвижение выдающихся, сочетаемое с суровым взысканием за всякую провинность в порядке дисциплинарном и судебном,— все это создаст крепкого и сознательного красноармейца, готового ко всяким трудам и подвигам.

Эта работа по духовной обработке красноармейца должна вестись по определенному, последовательному плану и не допускает никакого разнобоя. Поэтому вся политика РВТ¹, политотделов,

¹ Революционного военного трибунала.— *Ред.*

штабов и особых отделов, направленная к этой цели, должна быть вполне согласована и не должна давать расхождения даже в деталях.

Специальная военная подготовка красноармейца, в смысле ее методов, разработана гораздо лучше.

Эти методы хорошо были изучены в старой армии и в значительной своей части вполне приемлемы и для Красной Армии.

Надо только более резко провести в жизнь положение: учить красноармейца только тому, что ему понадобится на войне.

Поменьше шагистики, козырянья и побольше боевых навыков и знаний.

. VII

В предыдущих главах были рассмотрены методы подготовки войск регулярные, повседневные. Но необходимо еще рассмотреть боевую методику и как импровизацию, как ударную систему подготовки той или иной операции или войны.

В самом деле, одной регулярной подготовки еще мало. С началом войны необходимо проводить мобилизацию, необходимо разворачивать армию и проч. и проч. Конечно, для таких массовых задач потребуется и массовая поддержка. Надо сделать эту войну популярной, понятной для трудящихся масс.

Массовая агитация и в прессе, и устная (митинговая) должна ясно и резко изложить политическую подкладку войны, политические цели мирового капитала и наши собственные. Должны быть изложены наши хозяйственные задачи в связи с войной и цели и долг каждого гражданина.

Вся эта работа должна вызвать подъем, должна выявить готовность трудящихся масс защищать свои интересы до последней капли крови.

Мне кажется, что такая подготовка должна входить в план войны и иметь в нем совершенно определенное место.

Точно так же и операция должна быть подготовлена в смысле поднятия духа войск, доходящего до энтузиазма.

Очень много или, лучше сказать, очень часто в военной литературе можно читать об этой подготовке войск перед боем (операцией). Однако эти описания не идут далее гимнов полководцу за его гениальное умение воодушевлять войска, совершенно не останавливаясь на методике этого дела.

В нашей гражданской войне методы такой подготовки особенно разнообразны и поучительны.

Подготовка эта совершается не одним человеком, а целым сонмищем людей, хорошо организованными аппаратами, по определенно разработанному плану. Эта подготовка духа дирижируется и комбинируется так же сознательно и по определенным правилам, как производится и управление войсками.

Достаточно указать на грандиозные переброшки и сосредоточения коммунистов, членов профессиональных союзов, ударных политических групп и проч., чтобы увидеть, насколько это дело сложно и требует расчета и системы.

Дело представляется так, как будто недостаток воли к победе в данной массе войск должен быть уравновешен известным количеством воли свежих, убежденных в правоте и необходимости своего дела людей, способных зажечь боевой пыл в войсках.

Это зажигание духа войск как бы подчиняется физическому закону удара. Чем удар короче, тем сила его больше. Если мы медленно и постепенно будем вливать агитационные силы, то влияние их будет ничтожно. Необходимо одновременное, шумное влитие свежего революционного потока, способного сломить апатию и одухотворить войска желанием боя и стремлением к победе.

Но движение этого потока обязательно должно быть поставлено на рельсы.

Должны быть заранее разработаны лозунги и тезисы, с которыми вся агитационная масса должна с полным единомыслием влиться в войска. Только при таких условиях может получиться ударная и успешная пропаганда.

Надо заметить, что хотя по идее в прошлой гражданской войне эти методы и применялись правильно, но с организационной стороны эти удары и концентрации политических сил зачастую оставляли желать много лучшего.

Эти удары должны сопровождаться самыми интенсивными кампаниями литературными, плакатными и проч.

В случаях неудач к этому еще присоединяется и решительная борьба с дезертирством.

Она будет вестись и устной агитацией, и прессой, и жестокими репрессиями трибуналов.

При вливании в войска всех таких ударных политических резервов необходимо подавляющее большинство ударников вливать в передовые ряды простыми рядовыми красноармейцами.

Конечно, и отчетливость работы тыла не должна забываться, что также имеет решающее значение для духа.

Подобными ударными пропагандистскими методами можно не только воодушевлять войска, но и прививать им даже положения военной доктрины. Достаточно вспомнить агитационные кампании для обучения нашей пехоты в борьбе с конницей Мамонтова. Зачастую эти кампании давали блестящие результаты.

Развивая дальше все эти положения, мы должны рассмотреть агитационно-воспитательную подготовку марш-маневра, перебросок войск по железным дорогам, движения пополнений и проч.

Каждая такая операция должна быть тщательно продумана со стороны воспитательной. Организация агитпунктов на всех этапах, самое широкое применение музыки, широкое развитие плакатной системы и прессы, устройство театров и проч.— все это может и должно дать блестящие результаты.

Но тут уместно будет сделать и предупреждение. Неосторожное и неразумное применение всех этих средств легко может повлечь за собой раскрытие военной тайны.

VIII

Бегло и поверхностно были рассмотрены в предыдущих главах методы и способы подготовки Красной Армии как в мирное время, так и в военное.

Эти методы очень просты, но, несмотря на всю эту простоту, для проведения их в жизнь требуется колоссальная, напряженная работа.

Самая трудная часть работы — это подготовка к войне источников комплектования Красной Армии — трудящихся масс РСФСР.

Подготовка самой Красной Армии, в узком смысле слова, точно так же задача нелегкая, особенно при условии невыполнения первого положения. Не слишком благоприятствует этому делу и тяжелая постоянная работа Красной Армии по гарнизонам и против бандитов.

Но, несмотря на все затруднения, при правильном подходе к делу мы сумеем справиться с этой задачей. Искусно поставленная подготовка сумеет использовать в своих интересах даже эти тяжелые условия. Они не только не будут служить препятствием к обучению, но даже, наоборот, будут использованы как средства для воспитания войск.

Основным аппаратом, через который должны проводиться обучение и воспитание войск, — это командный состав. Командный состав должен быть пополнен влитием в него института военных комиссаров и воспитан политически так, чтобы явилась реальная возможность провести в армии единоначалие, чего безусловно требует правильная постановка воспитания и обучения войск.

Работа политотделов должна стать частью штабной работы.

Деятельность политотделов, ревтрибуналов и особых отделов в своей части воспитательной должна быть объединена, согласована.

Подготовка командного состава и красноармейцев осуществима и должна строго проводиться и в казарменной, и в гарнизонной обстановке, и в борьбе с бандитами.

Намечены, наконец, общие черты ударных пропагандистских методов для создания достаточного подъема духа в период мобилизации армии, в период подготовки операции, марш-маневра и проч.

В Красной Армии эти методы не должны быть случайными. Их надо изучить и изложить в виде наставления, воинского устава.

Между прочим, Дисциплинарный устав, по-моему, также надо включить в такое Наставление по обучению и воспитанию Красной Армии. Иначе дисциплинарные взыскания, оторванные от воспитания бойца в целом, могут повлечь за собой падение сознательной дисциплины, заменив ее забитостью и запуганностью.

ВОЙНА КЛОПОВ¹

Нет русского человека, который бы не вел войны с клопами. А людям военным, воюющим по профессии, эти войны особенно знакомы.

Надо сознаться, что это один из самых трудных видов войны. Усталый, измученный вояка ложится после трудного перехода в постель, надеясь на сладкий долгожданный отдых, и вдруг... он становится объектом партизанских действий клоповского населения постели. Он начинает отбиваться, давит одного клопа за другим, но ничто не помогает. Он встает, производит разведку, уничтожает всех найденных клопов и опять ложится. Но лишь только хочет заснуть, как чувствует, что клопы вновь начали свои поиски. Эта картина продолжается всю ночь. Наутро вояка встает разбитый, измученный, раздражительный, неспособный к новым напряжениям и испытаниям. Он проклиная клопов и размышляет о том, что не одной пулей можно вывести человека из строя.

По-видимому, уютные, гостеприимные села бесконечных пространств Сибири заставили не на шутку призадуматься над этими вопросами некоторых членов I Всесибирского съезда командного и политического состава.

Наш уважаемый тов. Петин² в своем докладе «Маневр как основной стимул стратегии и тактики», говоря о задачах войны, доложил следующее: «...я позволю себе, прежде всего, остановиться на выявлении основной задачи войны, а следовательно, и стратегии».

Задача войны — разгром противника, но каким путем. Не путем поголовной резни, бойни, а путем *психологического воздействия* на массу, внушения ей мысли о бесплодности и бесцельности дальнейшего сопротивления и необходимости покориться воле противника.

Достигнуть этого в рамках стратегии и тактики скорее всего можно маневром, который производит ошеломляющее, всепокрушающее впечатление своими молниеносными ударами, если по-

¹ «Революция и война», 1923, сб. 22, стр. 187—189.

² Петин Н. Н. (1876—1938) — видный советский военачальник, комкор. В гражданскую войну — начальник штабов армий, фронтов, командующий армией. — *Ред.*

следние наносятся неожиданно в наиболее уязвимые пункты неприятельского расположения».

Кое-кто из членов съезда позволил себе усомниться в этом психологическом методе ведения операций, выразил это в не совсем удачной форме и был зло высмеян.

Вопрос этот сам по себе чрезвычайно важен, ибо он определяет методы оперативного воспитания армии. Будем ли мы кусать противника, боясь пролить его кровь во имя человечности, и стремиться только к его разложению, или же мы будем встречать армию противника в целях ее уничтожения.

Прежде всего коснусь целей войны.

Разгром противника не является этой целью. Он будет только средством. Целью войны бывают те или другие экономические и политические приобретения для одной стороны и борьба против таковых приобретений — для другой стороны. Обыкновенно приобретения эти выражаются в захвате территории или же во введении на данной территории особых законов, обеспечивающих политические и экономические интересы победившего государства.

Для осуществления такой задачи надо обеспечить себе свободное применение насилия, а для этого необходимо в первую очередь уничтожить вооруженные силы врага. Чем полнее будет такое уничтожение, тем в большей степени будет обеспечено достижение целей войны.

Попробую более обстоятельно охарактеризовать понятие «уничтожение». Оно может выражаться в пленении армии противника, в поголовном ее истреблении и в комбинации того и другого.

Уничтожить армию путем разложения, как правило, задача невозможная, ибо это разложение зависит главным образом от социального состояния вражеской страны. Вместе с тем с разложением остатков армии противника, как следствием уничтожения основной, решающей ее части, не только надо считаться, но и необходимо культивировать его.

Из всех видов уничтожения армии врага самым выгодным является пленение, так как оно не только непосредственно служит целям войны, но и оказывает громадную помощь жизни экономического тыла, где работа военнопленных является вопросом чрезвычайной важности. Можно с уверенностью сказать, что Германия не смогла бы существовать четыре года (1914—1918) в окружении, если бы в ее распоряжении не было миллионов военнопленных.

Как же после всего этого можно бросить такой легкомысленный лозунг, как отказ от уничтожения армии врага!

Замечу только еще, что очень редко удастся уничтожить неприятельскую армию одним ударом. Чаще всего это достигается рядом уничтожающих операций.

Попробуем теперь разобраться, что такое представляют собой идеи малокровной войны тов. Петина, т. е. идеи быстрых, корот-

ких ударов, долженствующих стать агитаторами по разложению противника.

Эти удары не являются при данной системе развитием принципа частной победы. Этот принцип предполагает разгром, уничтожение какого-либо важного участка фронта противника, чтобы отсюда, имея в своих руках все преимущества создавшегося положения, повести развитие операции *по полному уничтожению* армии противника. Без этого условия принцип частной победы был бы досужей затеей. А тов. Петин это важнейшее звено по развитию уничтожающей операции заменяет воображаемым разложением армии врага. Хороший противник от частного удара не разложится, а маневрирует и наложит по первое число своему великодушному агитатору.

Откуда же эти идеи у тов. Петина?

Это — идеи малой партизанской войны, но войны не малокровной, а жестокой и кровавой. Эту войну ведет все население, образно говоря, — ее ведет вся территория. Армия противника, которая на нее вступила, оказывается в окружении, в самом неприятном расчлененном окружении противником, невидимым, ловким и жестоким. Отдельными ударами, нападениями он подтачивает материальные силы армии, заставляет ее разбрасываться по своим коммуникациям и тем еще более ухудшает ее положение. Постепенно армия тает, и растет необходимость прекращения оккупации.

Для регулярной армии это одно из очень трудных положений.

Но остаются ли идеи малой войны, войны с клопами, правильными для борьбы двух стоящих друг против друга организованных армий, надежно прикрывающих свои тылы?

Конечно нет. Здесь отдельные укусы не разрушают системы всей материальной силы вражеской армии, а стало быть, не будет и морального ее распада, ибо таковой является производной от материального состояния.

Эти идеи противостоестественно перенесены на почву, где они должны погибнуть.

В лучшем случае эти маневренные налеты будут деятельным бездельем.

Подход к операции как к борьбе двух волей, как к воздействию на «психику толпы» с той и с другой стороны является вреднейшим военным идеализмом. Операция — это есть организация борьбы каждой из армий по уничтожению живой, материальной силы другой. Не разрушение воображаемой, абстрактной «нервной системы» армии должно быть оперативной целью, а уничтожение реального организма — войск и реальной нервной системы — армейской коммуникации.

ОБ ОБОРОНЕ¹

Сейчас очень сильно увлекаются развитием обороны в глубину и сообщением ей величайшей активности.

Постольку, поскольку это углубление позиций соответствует свойствам нового оружия пехоты и артиллерии, его, конечно, надо приветствовать.

Но при внимательном изучении всей углубленческой пропаганды невольно замечаешь, что расползание укрепленных зон в глубину есть не только лишь следствие вновь введенного вооружения. В гораздо большей степени это направление берет свое родоначальное из эпохи империалистского позиционного сидения.

Когда в 1914 г. закончилась первая схватка миллионных армий, завершившаяся, в общем, вничью, началась грандиозная подготовка новых средств борьбы. Старых оказывалось мало для каждой из сторон. На время этой подготовительной работы надо было закрепиться там, где стояли. Стали расти и наращиваться бесконечные позиции.

Очень часто задают себе вопрос: каким же образом могли возникнуть непрерывные позиции, когда средства разрушения были гораздо сильнее средств защиты с самого начала и до конца войны?

Это правда. Первые были сильнее. Но дело-то ведь в том, что одной из важнейших причин всеобщего затишья после первой грозы была неподготовленность промышленности к массовому производству средств разрушения. Этих средств не хватило, и для того чтобы их произвести, требовалось большое время, ибо надо было перекроить для этого всю промышленность. Вместе с тем производительные силы воюющих стран, поставляющие средства защиты, оказались сразу же на должной высоте. Это и понятно,— проволока и бетон одинаково потребны как для войны, так и для мира.

В течение четырех лет приспособлялась промышленность к производству средств разрушения, и только в 1918 г. она окончательно военизировалась, а с тем вместе позиционность стала испаряться.

¹ О пехоте. Сборник статей. Изд. ВНО, 1923, стр. 49—55. — *Ред.*

Во время этого четырехлетнего позиционного стояния все стороны имели выжидательные, оборонительные цели. Никто серьезно не старался бить на уничтожение врага (за кое-какими исключениями). Оборона на этот период сделалась для войск самоцелью.

Вместе с тем постепенное развитие «уничтожающего» производства, при условии стояния войск на месте, повлекло за собой чрезвычайное развитие артиллерии. В целях во что бы то ни стало выигрывать оборонительные бои приходилось развивать позиции в глубину до чрезвычайности и тратить на их занятие войск не в меньшем числе, чем войска наступающего.

Вот в чем заключается оперативный смысл обороны в период позиционной войны, войны, вызванной совершенно особыми обстоятельствами.

Конечно, для каждого ясно, что нам, в наших будущих войнах, обороной придется пользоваться не для таких целей и не при таких обстоятельствах. Но четырехлетняя привычка, весь этот гипноз прошлого, кладет свою печать на мысли об обороне большинства современных писателей.

Наши будущие боевые столкновения, если не гадать через головы непосредственно ближайших событий, в силу организации и численности армий наших возможных противников, будут маневренного характера, т. е. решительного и подавляющего.

Будущие операции, разыгрываясь на очень протяженных фронтах, вместе с тем необходимо будут связываться единством цели и действий.

Стремление к решительным столкновениям потребует смелых, плотных группировок на решающих направлениях и смелого оголения участков неважных, связующих.

Войска связующих участков на неважных направлениях обыкновенно будут обороняться, а при недостатке сил иногда и отступать.

Зато на решающем направлении наши превосходные в силах войска будут нести гибель и поражение своему противнику. Единственно, что ударные войска потребуют от связующих участков, — это выигрыш времени, позволяющий им завершить поражение противника.

Чем смелее будет группировка, тем быстрее будет следовать развязка, тем легче будет становиться задача обороняющихся. Это прогрессивное понижение требований к связующим участкам делает положение обороняющихся тем безопаснее, чем больше за их счет усилится ударный таран.

Таково значение обороны в стратегическом смысле в перспективе предстоящих войн.

В тактическом отношении должны господствовать, в общем, те же идеи. Тактический кордон опасен не менее стратегического.

Теперь попробуем охарактеризовать методы обороны, которые вытекают из всего вышеизложенного.

Мы знаем двоякую оборону: активную и пассивную. Активная оборона предполагает не только удержание за собой известного рубежа или участка, но и нанесение противнику поражения переходом в наступление. Пассивная оборона скромно ограничивается удержанием своего рубежа, покуда хватит сил.

Немного отвлекусь в сторону и обращаю внимание на то обстоятельство, которое все считают общепризнанным, что наступление вернее всего дает победу. При этом прибавляют, что, чем ты слабее, тем наступление твое должно быть смелее. Отсюда казалось бы логичным сделать вывод, что на оборону можно решаться только при превосходящих силах. Как бы не так! Когда те же самые наступатели говорят об обороне, то заявляют, что оборона имеет такие преимущества, что может с меньшими силами бороться против значительно сильнеею противника. Непоследовательность совершенно очевидна.

Если не закрывать глаза на действительность, то нужно просто сказать, что обыкновенно побеждает наступающий. Оборона же, благодаря возможности заранее приспособить огонь к местности, в течение известного времени, иногда очень значительного, может противостоять значительно превосходящим силам противника. Рано или поздно она будет сбита, но выиграет время и скует на его протяжении значительно превосходящие силы противника.

Вот в чем заключается истинное значение обороны, и если мы вспомним общие основания ведения операции, то увидим, что это значение чрезвычайно велико.

Отвечает ли активная оборона этой своей основной задаче? Конечно нет. Ведь она, кроме общего задания задержать противника, должна еще и нанести ему поражение. Как этого можно достигнуть, если наступление вообще выгоднее обороны? Очевидно, только при превосходстве в силах и, в крайнем случае, при равенстве сил. Совершенно очевидно, что активная оборона была бы ни к селу ни к городу как связующее противника звено в наступательной операции. Тогда лучше было бы наступать и на этом участке.

Задачам связующих участков более всего соответствует пассивная оборона. Она выигрывает время и максимально экономит силы.

На войне нерешительность больше чем где бы то ни было заедает людей. Под всяким благовидным предлогом она старается проникнуть в план боевых действий. И в таких условиях активная оборона, как имеющая эффективную форму, находит себе обширное применение. Но мы не должны закрывать глаза на ее подлую сущность и должны всеми мерами вытравлять ее из тактического обихода наших командиров всех степеней.

Можно заявить совершенно смело, что пассивная оборона есть элемент смелого, а активная — элемент робкого решения. Конечно, если пассивная оборона служит целям только связующих участков. Могут сказать, что ведь вся операция, комбинирующая на-

ступление и оборону, есть операция активно-оборонительная. Но это уже было бы совершенно дикой натяжкой.

Могут быть случаи, вроде позиционного периода империалистской войны, когда оборона будет самоцелью. Но тогда не надо будет драпироваться в активную тогу, и тогда оборона будет поглощать средств даже больше, чем наступление.

Теперь опять возвращаюсь к вопросу о глубине позиций. Необходимо отделить в этой глубине ту часть, которая является выгодным развитием в глубину в целях полного использования оружия (главным образом — автоматического) и живой силы (в целях восстановления утраченных пунктов полосы автоматов) от нагрома в глубину, служащего целям «активности».

Посмотрим, в чем, собственно, заключается главная сила обороны.

Конечно, таковой является огонь. Имея в виду принятый у нас оборонительный порядок в виде полосы автоматных гнезд, разбросанных, но связанных перекрестным огнем и расположенных за ней стрелковых поддержек, мы уточним предыдущие определения, сказав, что основная сила обороны — в автоматической полосе.

Обладая большой прерывчатостью, она почти неуязвима для централизованной артиллерии — этого бича всяких укреплений. Она перекладывает значительную тяжесть боя на наступающую пехоту, которой придется, в конечном счете, разрозненно вести бой за каждое отдельное гнездо.

Там, где отдельно захваченные противником гнезда будут нарушать общую огневую систему, стрелковые поддержки ударами накоротке будут восстанавливать положение. Отсюда ясно, что центр тяжести при обороне падает на мелкие части вплоть до роты.

Что же будут делать более глубокие резервы?

Если противник серьезно прорвет полосу автоматов и сметет взводные и ротные поддержки, то более глубокие резервы обороны станут перед необходимостью встречного столкновения. Те, кто увлекаются обороной, говорят: прорвавшийся уже понес большие потери, он потрясен боем, и, если в этот момент круто взять за жабры резервами, он будет уничтожен.

В громадном большинстве случаев это, конечно, будет не так. Во-первых, я категорически утверждаю и думаю, что всякий строевой командир, бывавший в боях, подтвердит, что обороняющийся при прорыве у него фронта гораздо более бывает потрясен и растерян, чем прорвавшийся. Даже наоборот, прорвавшийся чаще всего бывает воодушевлен, а прорванный — подавлен. И при этой подавленности растет растерянность, ввиду нарушения связи, неминуемого при прорыве. Это первое замечание — контратакующие резервы в моральном отношении в худшем положении, чем прорвавшийся.

Второе возражение будет еще более серьезно. Ведь прорвавшийся бывает сильнее обороняющегося, если только оборона служит правильно поставленной задаче. А если так, то и в численном отношении контратакующий проигрывает.

Словом, на силу глубоких резервов рассчитывать не стоит. Лучше всемерно усилить боевую линию.

Опять повторяю, что картина будет не та при «активной» обороне, но я ее и не рассматриваю.

Я бы сказал, что активные действия глубоких резервов пользы не принесут (в большинстве случаев). Им лучше ограничиваться занятием в тылу новой укрепленной полосы, затыкающей образовавшуюся дыру. Иногда, не занимая полосы, они могут создать ряд опорных пунктов, которые задержат прорвавшегося до подхода помощи более глубоких частей.

Словом, полосу, глубже ротной полосы, надо охарактеризовать как пассивную и второстепенную, комбинирующую заплатки.

Отсюда вывод, что надо всеми силами углублять ротную полосу.

Этого можно достичь путем сокращения фронта ротного участка за счет глубоких резервов.

Разбирая сущность пассивной обороны, я не проповедую принципиальной пассивности резервов, а указываю, что нормально, по большей части, они ничем другим заняться не сумеют.

Я предвижу многочисленные возражения. Особенно выгодно указать на то, что-де, по-моему, оборона заранее обрекается на гибель.

Что поделаешь!

Лучше сознаваться в действительности, чем закрывать на нее глаза. Да, обороной не победишь, но оборона является одним из важнейших элементов в общей системе смелого сражения.

Не было бы только активной тоги на нерешительном, вялом теле.

А когда пассивность рождается от избытка смелости, то это не опасно.

ПОХОД ЗА ВИСЛУ¹

Товарищи, главным источником настоящих лекций являются мои воспоминания. Отчасти же они основаны и на просмотре наших официальных документов оперативного управления штаба фронта. Пользовался также я и книгой тов. Сергеева «От Двины к Висле» и кое-какими французскими и польскими статьями. Недостаток времени не позволил остановиться на этом вопросе в том объеме, как бы этого хотелось и как это было бы нужно. Поэтому лекции будут носить характер общего стратегического обзора операций, и рассмотрения стратегических деталей и тактических действий различных войсковых соединений я в них буду избегать.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЙНЫ

Обзор событий я начинаю с того момента, когда поляки начали свое наступление на нашем Юго-Западном фронте и заняли Киев. В это время обстановка для Советской России складывалась следующим образом: Колчак ликвидирован на востоке; Деникин ликвидирован на Кавказе. Лишь только врагелевское гнездо засело на Крымском полуострове. На севере и западе (кроме Польши) операции уже давно были закончены. С Латвией уже был подписан мирный договор. Таким образом, выступление Польши застало нас в сравнительно благоприятной для нас обстановке. Если бы только польское правительство сумело сговориться с Деникиным еще до его разгрома, если бы оно не боялось империалистического лозунга — «Единая, неделимая великая Россия», то наступление Деникина на Москву, поддержанное польским наступлением с запада, могло бы для нас кончиться гораздо хуже, и трудно даже предугадать конечные результаты. Но сложное сочетание капиталистических и национальных интересов не допустило этой коалиции, и Красной Армии пришлось встретиться с ее врагами последовательно, чем значительно облегчалась ее задача.

¹ Из книги М. Тухачевского «Поход за Вислу». Лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной академии РККА 7—10 февраля 1923 г.

В общем, к весне 1920 г. мы имели возможность почти все наши вооруженные силы перебросить на Западный фронт и вступить в жестокую борьбу с армиями белополяков.

II. РАЙОН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Район предстоявших боевых столкновений на Западном фронте приблизительно по меридиану разделялся течением р. Березина. Берега этой реки, болотистые и покрытые лесами, на всем своем протяжении представляют значительную преграду для ее форсирования. Эти свойства усиливаются еще тем, что в верхнем ее течении, в районе г. Лепель — м. Березино — оз. Пелик находятся почти непроходимые болота, покрытые лесами. Южнее, вниз по течению и к востоку и западу от нее, растянулись непрерывные леса, в значительной части — болотистые и очень мало населенные. Железные дороги пересекают Березину только в трех пунктах: у Борисова, Бобруйска и Иваницы. Вследствие этого наиболее выгодный для форсирования реки район — на игуменском направлении — является чрезвычайно трудным в смысле организации армейской коммуникации. Севернее Березинских болот, между Лепелем и Западной Двиной, имеется сухое пространство, удобное для движения и действий больших войсковых масс. Правда, этот район изрезан озерами, но здесь все-таки войска будут действовать в местности населенной, и, главное, действующая армия имеет здесь удобную коммуникацию: р. Западная Двина и Полоцкий железнодорожный узел. Этот район поляки называют Смоленскими воротами.

К югу от нижнего течения Березины местность становится совсем малоприспособленной для действий крупных войсковых соединений. Леса и болота и слабая населенность являются тому причиной.

В общем, можно наметить два направления, наиболее выгодных для нашего наступления: Смоленские ворота и игуменское направление.

Поляки в это время располагались примерно по линии Дисна — Полоцк — р. Улла — ст. Крупки — Бобруйск — Мозырь. Выгодностью Смоленских ворот для нашего наступления являлось, как уже указано выше, населенность района, твердый грунт и хорошая коммуникация. Неудобством его было то, что прямое наступление от Полоцка встречало на своем пути очень трудное препятствие — Западную Двину. Удар же между Двиной и Лепелем заставлял наши армии по выходе в район ст. Ореховна, круто менять свою операционную линию, делая большое захождение правым плечом градусов на 90. Игуменское направление позволяло удобное прямолинейное движение. Как уже упоминалось выше, движение это должно было происходить по бездорожному лесистоболотистому району, где организация тыла встретила бы при наших скудных средствах непреодолимые затруднения. Вот почему при выработке плана наступательных действий для главного удара были избраны Смоленские ворота.

III. ГРУППИРОВКА СИЛ

По плану главнокомандующего главная стратегическая роль выпадала на долю Западного фронта. Здесь, в районе Витебск — Толочин — Орша, сосредоточились крупные силы, перевозимые с различных ликвидированных фронтов. Выбранный главкомом район сосредоточения развязывал фронтовому командованию руки в смысле выбора того или другого операционного направления. Можно было в несколько переходов подтянуть их к Смоленским воротам и в этот же срок сосредоточиться на игуменском направлении (схема 1).

Состояние наших войск не могло быть приведено к общему уровню. Те войска, которые и ранее находились на Западном фронте, не вызвали к себе особого доверия. Они стояли здесь в течение нескольких лет в самом растянутом положении, причем более активные польские войска постоянными налетами и мелкими поисками тревожили и разлагали наши войска. Они теряли артиллерию, пулеметы и пленных. Вместе с тем ни с какой стороны крупных активных действий не применялось. Все это, а также и неудачи в борьбе с поляками в предыдущем году, вселяло, как казалось, в наши войска некоторую робость и неуверенность. Наоборот, войска, прибывшие с других фронтов, которые только что были победоносно нами ликвидированы, были полны наступательного настроения и самого высокого состояния духа. Боеспособность их была безусловно велика.

Местные войска Западного фронта (48, 53, 8, 10, 17, 2 и 57-я стрелковые дивизии) занимали линию боевого фронта. Войска, перебрасываемые с других фронтов, сосредоточивались в вышеуказанном районе Витебск — Толочин — Орша. Армейских управлений на Западном фронте имелось только два — 15-е и 16-е. Между тем намечаемое сосредоточение (до 21 дивизии) требовало наличия не менее 4—5 армейских управлений. Технических войск, связи и железнодорожных, на Западном фронте имелось самое ничтожное количество, совершенно недостаточное для маломальски серьезных боевых действий. Подтягивание этих войск в общем значительно отстало от сосредоточения основных родов войск, почему последующие операции и были поставлены в чрезвычайное тяжелое положение.

Польские войска кордонно растягивались по всей занимаемой ими линии более или менее равномерно. Каждая дивизия их старалась выделить резерв, и армии, в свою очередь, делали то же самое. Таким образом, равномерно расположенные войска по фронту более или менее равномерно эшелонировались и в глубину. Эта кажущаяся устойчивость польского расположения несла в самом существе своем и опасное положение, а именно то, что никакими усилиями польское командование не могло бы сосредоточить на любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью

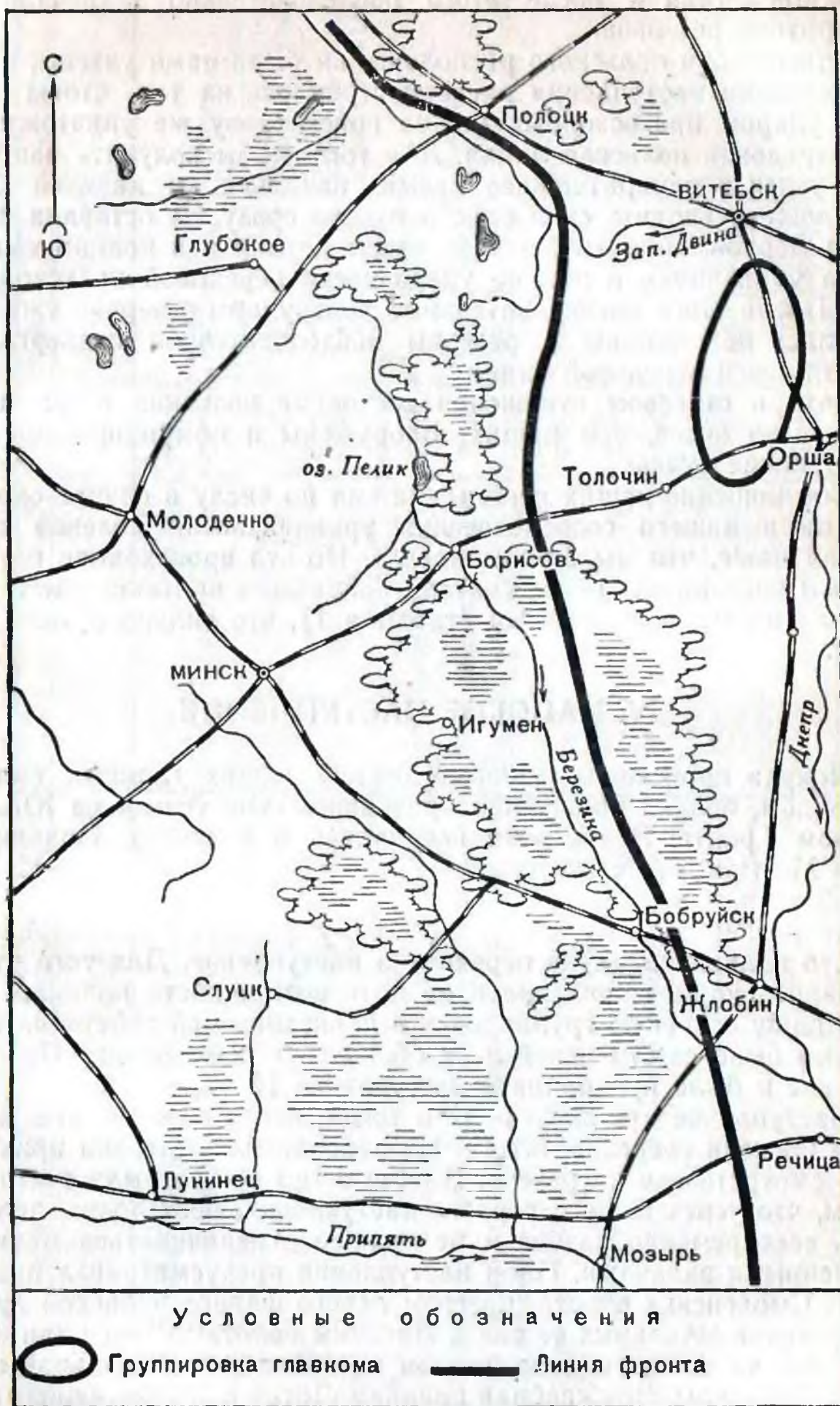

Схема 1

польской армии и после этого последовательно встречало бы контратаки резервов.

Эти ошибки польского расположения были нами учтены, и при организации наступления расчеты строились на том, чтобы сильным ударом превосходных наших войск сразу же уничтожилась бы передовая польская линия. Для того чтобы получить наибольший успех в наикратчайшее время, начальникам дивизий было предложено вводить свои войска в дело сразу, не оставляя никаких резервов. Наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой польской линии. После этого последовательные контрудары резервов уже становились не страшны и резервы последовательно подвергались участи своей передовой линии.

Зато в строевом отношении состояние польских войск в общем было выше, чем наших. Вооружены и обмундированы они были также лучше.

Соотношение наших и польских сил по числу в случае окончания нами нашего сосредоточения уравнивалось. Полевой штаб считал даже, что мы будем сильнее. Но это происходило потому, что мы численность войск считали бойцами, а польские части учитывали штыками и саблями (таблица 1), что сильно путало расчеты.

IV. МАЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Покуда происходило сосредоточение наших главных сил на Западном, поляки продолжали развивать свои успехи на Юго-Западном фронте. Эти успехи передались и к северу. Поляки заняли Мозырь и развили успешное наступление на Речицу. Поиски и действия мелких и средних частей польской армии стали усиленно развиваться по всему Западному фронту. Все говорило за то, что поляки накануне перехода в наступление. Для того чтобы сохранить наше положение и не дать возможности полякам втянуть нашу основную группировку в навязанные ей действия, необходимо было самим перейти от обороны к нападению. По этой причине и было предпринято наступление 14 мая.

Наступление это было начато тогда, когда еще не все наши силы успели сосредоточиться. На запоздавшие дивизии приходилось смотреть как на резерв. Вместе с тем нужно было считаться с тем, что успех нашего первого наступления, безусловно, должен быть своевременно развит и не должен ограничиваться мелкими временными задачами. План наступления предусматривал прорыв через Смоленские ворота, разгром левого фланга польской армии и прижатие остальных ее сил к Пинским болотам. Этот план имел за собой то преимущество, что он позволял в значительной мере экономить силы. Враждебная полякам Литва в случае нашего продвижения с успехом могла обеспечивать наш фланг и тыл. Дальше эту же задачу могла выполнять Восточная Пруссия, даже без

Соотношение сил на Западном фронте к 15 мая 1920 г.

Противник		Наши войска				
Части	Шты-ков	Сабель	Примечание	Части	Шты-ков	Сабель
8-я пехотная дивизия	4 800	400	Боевой фронт } Глубоко рассчитанные резервы, считая и части, стоящие против Литвы	Северная группа		
1-я литовско-белорусская дивизия	3 500	400		48-я стрелковая дивизия	2 028	—
Итого . . .	8 300	800		164-я стрелковая бригада	1 141	—
3-я дивизия легионеров	4 800	—		Итого . . .	3 169	—
6-я пехотная дивизия (1 полк)	1 200	—		15-я армия		
10-я пехотная дивизия	4 800	—		4-я стрелковая дивизия	5 597	—
2-я литовско-белорусская дивизия	4 800	—		6-я стрелковая дивизия	3 162	—
Кавалерийская дивизия	—	1 800		11-я стрелковая дивизия	2 638	72
Итого . . .	15 600	1 800		29-я стрелковая дивизия	9 863	605
				53-я стрелковая дивизия	3 157	—
				56-я стрелковая дивизия	2 500*	—
				Разные части 15-й кавалерийской дивизии	1 144	—
Всего . . .	23 900	2 600		Итого . . .	28 061	2 644
				Всего . . .	31 230	2 644
						48 647
						55 896

Большая часть дивизии на латвийской границе. Кроме того, прибывает 18-я стрелковая дивизия

* Около

Направление Смоленских ворот

Противник				Наши войска				Приложение
Части	Шты-ков	Сзбель	Примечание	Части	Шты-ков	Сзбель	Бойнов вообще	
2-я пехотная дивизия	4 800	400	Боевой фронт	16-я армия				* Около
6-я пехотная дивизия (3 полка)	3 400	600		2-я стрелковая дивизия	2 500*	—	6 500*	
14-я В.-пол. дивизия	4 000	600		8-я стрелковая дивизия	4 291	991	7 972	
9-я пехотная дивизия	5 000	1 600		10-я стрелковая дивизия	2 730	—	6 930	
Итого . . .	17 200	3 200	Резервы	17-я стрелковая дивизия	6 841	301	11 270	Кроме того, прибывает 21-я стрелковая дивизия
17-я В.-пол. дивизия	4 800	—		57-я стрелковая дивизия	1 580	57	3 230	
16-я Поморская дивизия	4 800	—		Разные части	302	—	595	
Итого . . .	9 600	—		Итого . . .	18 244	1 349	36 497	
Всего . . .	26 800	3 200		Всего . . .	18 244	1 349	36 497	
Всего против Западного фронта . . .	50 700	5 800		Всего на Западном фронте	49 474	3 993	92 393	

Южный район фронта

всякого на то ее согласия. Таким образом, после первого же прорыва все наши силы могли быть использованы для активных действий против основных масс польской армии и лишь незначительное внимание мы должны были бы уделять своему правому флангу и тылу. На игуменском направлении действия 16-й армии (командарм Соллогуб, наштабм Баторский) должны были, по форсированию р. Березины, вцепиться с фронта в основную группировку белополяков и не позволить им маневрировать для противодействия главному удару 15-й армии.

Части 15-й армии, действовавшие севернее р. Западной Двины, были объединены под командой тов. Сергеева в северную группу, подчиненную непосредственно фронту, задачей которой ставилось форсирование Западной Двины в районе к западу от Полоцка для действия на фланг и тыл противнику, ведущему бой с 15-й армией.

15-я армия (командарм Корк, наштабм Кук) как таран обрушилась на слабые части литовско-белорусской дивизии, занимавшей примерно течение р. Уллы. Части этой дивизии были разгромлены, деморализованы и рассеяны в первый же день. Последовательный ввод в дело польских резервов еще более усилил поражение и внес еще больший развал в польскую армию. Наше наступление быстро и стремительно стало развиваться (схема 2); 15-я армия без затруднения проделала заворот в Смоленских воротах и продолжала движение в молодецненском направлении.

Успех был настолько решителен и настолько неожидан для поляков, что их главное командование проявило определенную неустойчивость и начало переброску сил с Юго-Западного на Западный фронт.

Ввод в дело этих свежих резервов сыграл свою роль примерно на линии Поставы — Будслав — Зембин. Наши войска встретили ряд согласованных контрударов и были остановлены. Неудача в переправе 16-й армии еще более усугубила положение. Необходимо заметить, что кроме объективных причин, помешавших наступлению 15-й армии, налицо была и некоторая разброска ее сил. Дивизии, растянувшись по трем направлениям (Поставы — Молодечно — Зембин), нигде не имели давящей группировки, а находявшаяся в резерве дивизия не могла вовремя поспевать с одного направления на другое.

Наконец, решительный удар поляков на поставском направлении решил участь операции. Части 15-й армии были здесь прорваны, и вся армия была вынуждена к поспешному отступлению. Как и всегда бывает после больших переутомлений и блестящих побед, опасная неудача на важном направлении с быстротой молнии передается по всему фронту и устойчивость войск мгновенно падает. Начинается поспешное отступление.

Для того чтобы удержать откатывающиеся массы, было решено организовать оборону Смоленских ворот следующим образом (схема 3): северной группе было приказано занять район Герма-

новичи и прочно запереть проход между озерами Белое, Ельно и Жадо; 15-й армии, усилением своей южной группы,—запереть входы в Березинские болота на направлении Большая Черница; прочим силам 15-й армии—оборонять подступы к р. Мнюта. Дальнейшее продвижение польских войск в полоцком направлении попадало в клещи.

Польское командование, опасаясь прямого движения, решило разбить в первую голову нашу северную группировку. Против 18-й дивизии (вновь прибывшей в северную группу) были двинуты 10-я пехотная дивизия и 7-я резервная бригада.

Целые сутки продолжался бой, и наконец 18-я дивизия с большими потерями была принуждена отступить. Зато и наступавший противник разбился и потерял способность к дальнейшим решительным действиям. Это явилось переломным моментом в операции. Некоторая неустойчивость продолжалась еще значительное время, но в общем Смоленские ворота остались в наших руках вплоть до того момента, когда мы перешли во второе решительное наступление.

ВЫВОДЫ

Эта первая наша операция имела для нас очень важное значение. Войска наши увидели, что они могут побеждать поляков. Правда, польские войска в целом ряде боев показали себя по строевым качествам выше, но зато наша энергия, смелость и умение группироваться, в общем, доказали, что наши части тактически способнее польских, и это окончательно рассеяло ту неуверенность, которая еще имелась в некоторых частях. На будущие бои все смотрели с твердой решимостью и с полной уверенностью в победе.

Вторым важным следствием нашего первого наступления было то, что мы облегчили положение Юго-Западного фронта и заставили в самую тяжелую минуту для него снять часть польских войск с киевского направления.

Наконец, наиболее важным для нас результатом было занятие Смоленских ворот. Это позволило нам с гораздо большей легкостью организовать дальнейшее наступление и сразу ставило наши войска на железную дорогу Молодечно—Полоцк.

V. ПОДГОТОВКА ГЛАВНОГО НАСТУПЛЕНИЯ

В первой половине июня на всем Западном фронте установилось спокойствие. Соотношение сил к этому времени видно из таблицы 2.

Конечно, при таких силах и учитывая то, что все подкрепления наконец прибыли, нельзя было надеяться на решительное развитие главной операции. Необходимо было изыскать средства к пополнению наших поредевших частей.

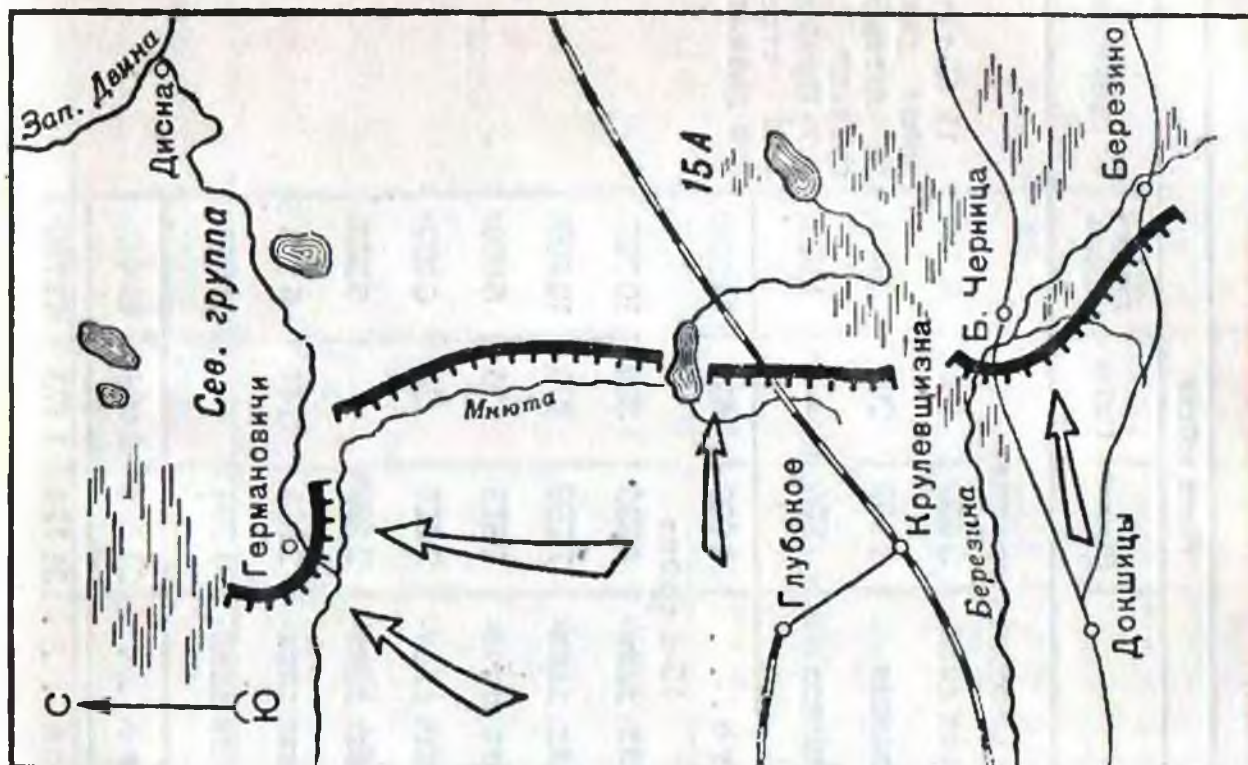

Схема 3

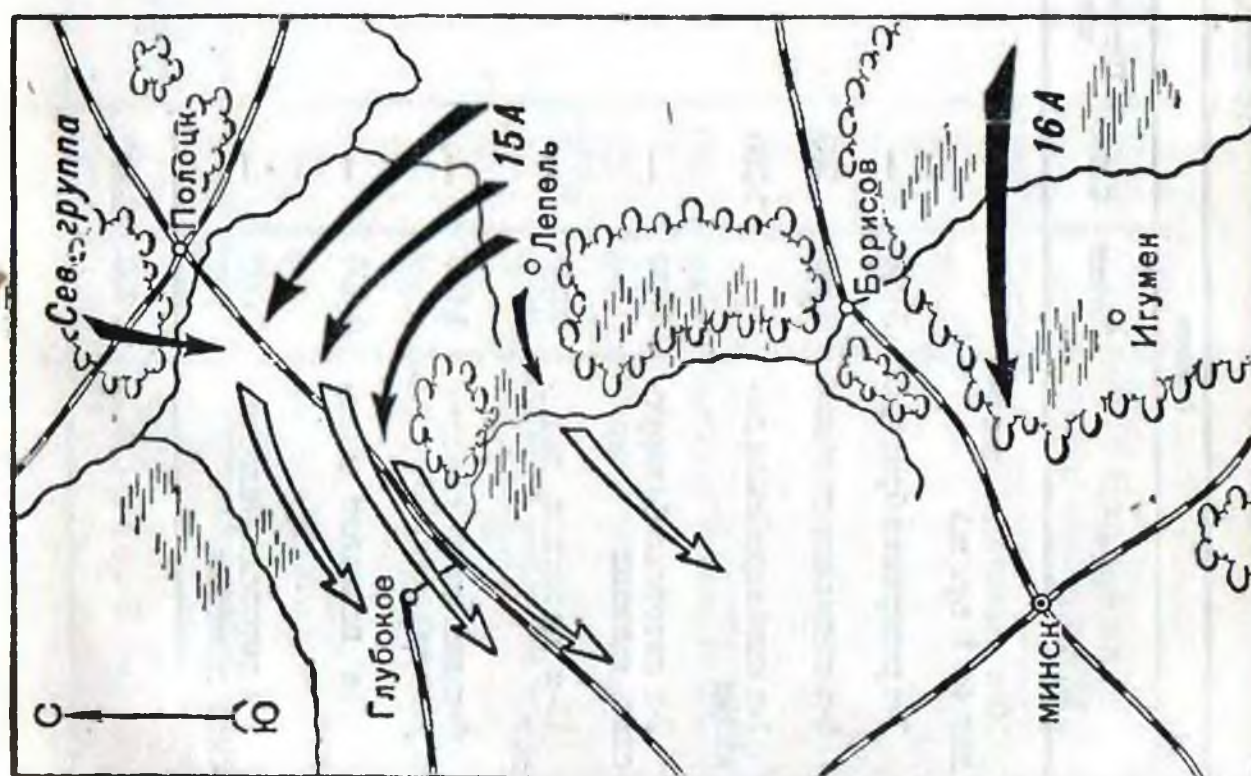

Схема 2

Соотношение сил на Западном фронте к концу майской операции
(с вновь прибывшими частями)

Таблица 2

	Поляки				Наши войска				
	Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Вообще бойцов	Примечание
Направление Смоленских ворот	10-я пехотная дивизия (с 1 пр. п.)	5 000	500		Северная группа				
	7-я резервная бригада	3 000	—		18-я стрелковая дивизия	3 650	260	8 768	1) 48-я стрелковая дивизия на латвийской границе 2) Прибывает 54-я стрелковая дивизия
	8-я пехотная дивизия	1 800	500		160-я стрелковая бригада	2 109	205	3 849	
	1-я кавалерийская дивизия	—	1 800		164-я стрелковая бригада	906	—	1 692	
	2-я литовско-белорусская дивизия	4 800	—		Итого . . .	6 665	465	14 309	
	11-я пехотная дивизия	4 800	—		15-я армия				
	6-я пехотная дивизия (бригада)	1 600	—		4-я стрелковая дивизия	4 385	304	10 727	* Около
	17-я пехотная дивизия	1 800	—		5-я стрелковая дивизия	7 766	490	10 800	
	1-я литовско-белорусская дивизия	2 000	—		6-я стрелковая дивизия	2 815	35	6 000*	
	Всего . . .	24 800	2 800		11-я стрелковая дивизия	2 211	35	6 000*	
					12-я стрелковая дивизия	2 500*	—	5 363	
					53-я стрелковая дивизия	2 938	144	6 286	
					56-я стрелковая дивизия	1 894	—	4 271	
					Итого . . .	24 509	1 008	49 447	
					Всего . . .	31 174	1 473	63 756	

Продолжение

	Поляки				Наши войска				
	Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Вообще бойцов	Примечание
Южный район фронта	16-я пехотная дивизия (3 полка)	4 200	—		16-я армия				
	4-я пехотная дивизия (3 полка)	4 000	—		2-я стрелковая дивизия	2 500*	—	6 500*	* Около
	9-я пехотная дивизия	4 000	1 700		8-я стрелковая дивизия	3 200	177	5 626	
	2-я пехотная дивизия	3 200	500		10-я стрелковая дивизия	2 405	81	7 483	
	6-я пехотная дивизия (бригада)	1 600	600		17-я стрелковая дивизия	3 273	238	7 222	
	14-я пехотная дивизия	4 800	600		21-я стрелковая дивизия	3 358	1 424	5 942	
	Всего . . .	21 800	3 400		Итого . . .	14 736	1 920	32 773	
					Мозырская группа				
					57-я стрелковая дивизия	1 094	63	3 749	
					Разные части	1 833	—	3 597	
					Итого . . .	2 927	63	7 346	
	Всего против Западного фронта . . .	46 600	6 200		Всего . . .	17 663	1 983	40 119	
					Всего на Западном фронте	48 837	3 456	103 875	

Командованием фронта было намечено удвоение по числу штыков всех наших стрелковых дивизий.

Вставал при этой задаче очень трудный вопрос — укомплектования. В это время действовал еще Всероссийский Главный штаб, учреждение глубоко бюрократическое, которое не умело выполнять возложенных на него задач. Работа в запасных частях, работа по мобилизации и по борьбе с бандитизмом велась формально, бездушно и никаких результатов не давала. В распоряжении главного командования имелась запасная армия, на которую и выпала главная тяжесть работы по укомплектованию наших действующих армий. Но и ее средства были ограничены и не могли удовлетворить всех наших потребностей.

При этом, надо заметить, обучение красноармейцев в запасных частях было поставлено очень невысоко. Не получая обмундирования, невозможно было правильно его поставить ввиду весенних холодов, не позволявших заниматься босыми. Как только получалось обмундирование, немедленно сколачивались маршевые роты и батальоны, грузились в эшелоны и отправлялись на фронты.

В таком неприглядном состоянии находилось в тот период дело укомплектования наших армий. Всем фронтам и действующим армиям приходилось изыскивать свои собственные местные средства для того, чтобы пополнять убыль в частях. Конечно, это задача нелегкая, вносящая разноречие в дело призыва, но никакого другого исхода не оставалось.

Кроме чисто технических возражений против местных укомплектований имелись и очень веские политические возражения. Было много сторонников того взгляда, что красноармейцы плохо дерутся на своих родных местах, что малейшая неудача ведет к дезертирству и распылению по родным очагам.

Однако жизнь, которая всех и всюду заставила прибегать к подобным местным укомплектованиям, доказала ошибочность этого осторожного взгляда. В случаях поражения обитатели самых отдаленных районов дезертировали так же легко, как и местные уроженцы. В этом разница была небольшая. Но зато все большие напряжения, все смелые операции и кампании почти всегда выезжали на местных мобилизациях и местных укомплектованиях. Так же случилось и в июне 1920 г. Малочисленность частей, необходимость срочного наступления и безнадежное состояние центральных запасных частей заставили Западный фронт изыскивать пополнения своими собственными средствами.

По сведениям, имевшимся у нас, Западный фронт был переполнен дезертирами из числа призывных годов. Мы рассчитывали, что при правильно поставленной кампании можно будет извлечь из деревень до 40 тыс. дезертиров.

Был разработан тщательный план этой кампании, были брошены на это дело политические и административные силы, была поставлена в самых широких размерах суровая карательная власть, и кампания началась самым интенсивным темпом. Ре-

зультат ее был сверх всяких ожиданий. Начались явки дезертиров добровольно. Особенно старались они под видом добровольцев являться в действующие части. Только редкие элементы извлекались административным порядком. В течение июня месяца было изъято около 100 тыс. дезертиров, что в два с половиной раза превысило наши надежды.

Вся эта масса была двинута в нашу запасную армию и запасные полки действующих армий, где началась лихорадочная работа по подготовке ее для отправления в действующие полки. Затруднения в этом вопросе были очень велики. Полное отсутствие всякого обмундирования, недостаток казарменных помещений затрудняли обучение и понижали его качество.

Прибывшие к нам на фронт мобилизованные коммунисты и профсоюзники были двинуты в эту свеженавербованную массу, быстро обработали ее и влили в нее дух бодрости и решимости к борьбе с панской Польшей.

В общем, к концу июня благодаря несокрушимой энергии красноармейских работников эта колоссальная, почти неодолимая задача была выполнена и пополнения тысячами потекли в наши дивизии. К концу июня намеченный план удвоения боевого состава частей был выполнен почти полностью. Этим самым предreshался наш будущий успех и достигалась возможность широкого и длительного развития операций.

Настроение наших войск было приподнятое. Сознание грозности положения и необходимости во что бы то ни стало отстоять Советскую Россию от нашествия польских панов охватило твердой решимостью воевать до конца не только красноармейцев наших частей, но и все местное рабочее и крестьянское население.

С таким же напряжением шла подготовка организации тыла наших будущих операций. Имевшиеся железнодорожные части (головные ремонтные поезда и железнодорожные дивизионы) были подтянуты, и хотя и не соответствовали по числу предстоящим задачам, но все же давали возможность восстанавливать железные дороги по принципу сосредоточения сил.

Постройка моста через Западную Двину у Полоцка заканчивалась, и к началу операций мы имели железнодорожное сообщение до ст. Зябки. Имея в виду трудность восстановления железнодорожного моста у Борисова (отверстием 75 саженьей), мы начали заранее подготовку постройки этого моста. Агентурная разведка указала нам, что Березина в этом районе имеет около 22 саженьей ширины. Профиль пути нам был известен. Рассчитывая построить ряжевой мост на подъездных путях, мы заранее построили и сложили на платформы составные части этого моста. Такая предусмотрительность позволила нам при наступлении в 5 суток восстановить этот мост 75-саженным отверстием. Наши органы военных сообщений совершенно не верили в возможность столь быстрой постройки.

Учитывая недостаток транспортных средств в наших войсковых

частях, пришлось пойти по пути широкой мобилизации обывательских подвод. 4-я армия мобилизовала их до 8 тыс. штук, 15-я и 3-я — до 15 тыс. и 16-я — около 10 тыс. Конечно, это легло тяжелым бременем на местное население, но его страх перед панским нашествием позволил нам без труда осуществить эту меру. Такое большое количество транспортных средств позволило нашим войскам развивать свои быстрые и смелые операции с сохранением постоянно действующего и работающего тыла. Правда, в этой работе было много хаотического, но вместе с тем вплоть до подхода к Бугу и Нареву наши войска были довольно хорошо обеспечены всеми необходимыми им припасами.

Средства связи точно так же подтягивались со всех сторон, а частью были сформированы в запасной армии Западного фронта. Но как ни велико было напряжение в этой области, мы вышли в июльскую операцию слабо подготовленными в этом отношении. Нам не хватало средств, и самая операция в конечном счете погибла из-за их недостатка. Между прочим, впервые в июльской операции были применены планомерно оперативные пункты и линейные органы связи.

Командование белополяков точно так же не сидело сложа руки, а пополняло и усиливало свои войска (таблица 3).

В приведенной таблице в составе наших стрелковых дивизий учитываются и запасные батальоны дивизий, а потому учтены запасные батальоны и польских действующих полков.

Расположение польских войск, хотя и имело некоторую тенденцию к уплотнению против нашего правого фланга, все же не могло быть названо решительным и носило на себе следы кордонности и пассивности. Эти слабые стороны польской армии были нами учтены и использованы в решительном июльском наступлении.

VI. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

План наступления был очень схож с майским планом. В основу его была положена та же идея упирания нашего правого фланга в Литву и Восточную Пруссию и отбрасывания польских сил к болотистому Полесью. Таким образом, направление главного удара проходило опять-таки через Смоленские ворота. Зато теперь движение по «воротам» для нас было гораздо удобнее. Нам не пришлось загибать своего фланга и можно было прямолинейно действовать во фланг польской армии, прочно оседлав действующую уже железную дорогу Полоцк — Молодечно.

Недостатки управления первой операции были до некоторой степени изжиты. Мы имели четыре армейских аппарата и управление Мозырской группы. Правда, аппараты эти, кроме 15-й и 16-й армий, были очень слабы и лишены специальных технических средств связи. Но тем не менее прогресс в этом отношении был налицо.

Соотношение сил на Западном фронте к 4 июля 1920 г.

Белопольяки				Наши войска			
Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Всего бойцы
8-я пехотная дивизия	3 600	500		4-я армия			
10-я пехотная дивизия	3 700	—		18-я стрелковая дивизия	4 168	220	7 005
7-я резервная бригада	2 900	—		12-я стрелковая дивизия	2 500*	—	5 000*
1-я кавалерийская бригада	—	1 200		53-я стрелковая дивизия	2 047	252	4 500*
5-я пехотная дивизия	4 100	—		164-я стрелковая бригада	1 000*	—	1 500*
1-я литовско-белорусская дивизия	2 400	500		3-й конный корпус**	—	3 644	4 911
4-я пехотная дивизия	3 700	—		Итого . . .			
15-я пехотная дивизия	4 000	—			9 715	4 116	22 916
6-я пехотная дивизия (бригада)	2 000	—		15-я армия			
2-я литовско-белорусская дивизия	3 200	—	Вильно-против Литвы	4-я стрелковая дивизия	5 000*	238	10 000*
11-я пехотная дивизия	3 000	—		11-я стрелковая дивизия	5 441	207	8 854
				15-я стрелковая дивизия	4 417	837	9 660
				33-я стрелковая дивизия	3 060	1 289	7 569
				54-я стрелковая дивизия	4 401	171	8 596
Всего . . .	32 600	2 200		Разные части	885	—	2 254
				Итого . . .			
					23 204	2 762	46 933

Направление Смоленских ворот

	Белополяки				Наши войска					
	Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Вообще бойцы	Примечание	
Южный район фронта	2-я дивизия легионеров	4 000	1 100		3-я армия				* Около	
	6-я пехотная дивизия (бригада)	2 000	1 200		5-я стрелковая дивизия	7 000*	509	10 000*		
	14-я пехотная дивизия	5 000	600		6-я стрелковая дивизия	3 500*	50	6 386		
	16-я пехотная дивизия	4 800	—		21-я стрелковая дивизия	4 000*	1 424	8 805		
	3-я дивизия легионеров (1 полк)	1 000	—		56-я стрелковая дивизия	3 222	272	5 987		
	1-я горная дивизия (бригада)	2 000	—		Разные части	151	—	445		
	9-я пехотная дивизия	4 000	1 700		Итого . . .	17 873	2 255	31 623		
					Всего . . .	50 792	9 133	101 472		
					16-я армия					* Около
					2-я стрелковая дивизия	4 282	—	8 354		
					8-я стрелковая дивизия	4 194	324	7 842		
					10-я стрелковая дивизия	4 370	130	7 637		
					17-я стрелковая дивизия	5 624	249	12 920		
					27-я стрелковая дивизия	5 000*	250*	9 000*		
					Разные части	575	—	575		
					Итого . . .	24 045	953	46 328		

	Белополяки				Наши войска				
	Части	Штыки	Сабли	Примечание	Части	Штыки	Сабли	Вообще бойцы	Примечание
Южный район фронта	2-я пехотная дивизия (ков. стр. п.)	—	600		Мозырская группа				
	17-я пехотная дивизия	4 000	—		57-я стрелковая дивизия	3 142	170	6 438	* Около
	Всего . . .	26 800	5 200		Сводный отряд	1 547	313	3 000*	
					Разные части	1 416	—	3 000*	
Резерв	Запасные батальоны и эскадроны действующих полков	27 000	1 200	Готовые к влитию пополнения	Итого . . .	6 105	483	12 438	*** Включено в состав дивизий
	Всего против Западного фронта . . .	86 400	8 600		Всего . . .	30 150	1 436	58 766	
					Запасные батальоны и эскадроны действующих дивизий	***	***	***	
					Всего на Западном фронте	80 942	10 569	160 238	

На решающем направлении мы сосредоточили три наши армии: 4-ю (командарм Сергеев, наштарм Шуваев (бывшая Северная группа), 15-ю (командование прежнее) и 3-ю. 16-я осталась на игуменском направлении (командование прежнее) и Мозырская группа (командарм Лазаревич, наштарм Лисовский) — на мозырском (командгруппы Хвесин). Такая группировка позволяла сосредоточить на глубокинском направлении подавляющие наши силы и вместе с тем сохранить прочное и гибкое управление ими.

4-я армия насчитывала (не считая 48-й стрелковой дивизии) около 14 тыс., 15-я армия — до 26 тыс. и 3-я армия — до 20 тыс. штыков и сабель, 16-я армия имела 25 тыс. и Мозырская группа — около 6 тыс. штыков и сабель.

Таким образом, на нашем правом фланге против 30 тыс. с небольшим польских мы выдвинули до 60 тыс. наших штыков и сабель. При этом надо иметь в виду, что поляки держали свои силы глубоко эшелонированными, но без определенной группировки, передовая же их линия была кордоно растянута. Вместе с тем резервы их не могли составить, даже путем перегруппировки, какого-либо угрожающего для нас сосредоточения в случае нашего перехода в наступление. Они были для этого слишком малочисленны, раздроблены и разбросаны. Нашим планом опять-таки являлось одновременное введение в бой всех наличных сил для того, чтобы сразу же упразднить передовую боевую линию противника. Последующий ввод польских резервов шел бы уже не в их, а в нашу пользу, ибо позволял бы нам поочередно разбивать эти силы.

На участке 16-й армии соотношение сил было примерно одинаковое. Зато на не важном левом фланге (мозырское направление) мы были в два с лишком раза слабее поляков (схема 4).

Распределяя таким образом силы, командование фронта имело в виду обходное движение 4-й армии севернее оз. Б. Ельна, фронтальный прорывающий удар 15-й армии на Глубокое и фланговый удар 3-й армии в парафьяновском направлении. 16-я армия сосредоточенными силами должна была наступать в игуменско-минском направлении, связывая весь центр противника; мозырская группа, занявшая к этому времени г. Мозырь, должна была содействовать 16-й армии в глусском направлении.

Приведенное выше распределение наших сил было отдано в приказе командзапа от 30 июня. В состав 4-й армии, не считая 48-й стрелковой дивизии, включались 12, 18 и 53-я стрелковые дивизии, 164-я стрелковая бригада и 3-й конный корпус, сведенный из 10-й и 15-й кавалерийских дивизий под командой тов. Гая. В состав 15-й армии включались 4, 11, 16, 33 и 54-я стрелковые дивизии; в состав 3-й армии — 5, 6, 21 и 56-я стрелковые дивизии; в 16-ю армию — 2, 8, 10, 17 и 27-я стрелковые дивизии. Состав Мозырской группы — прежний.

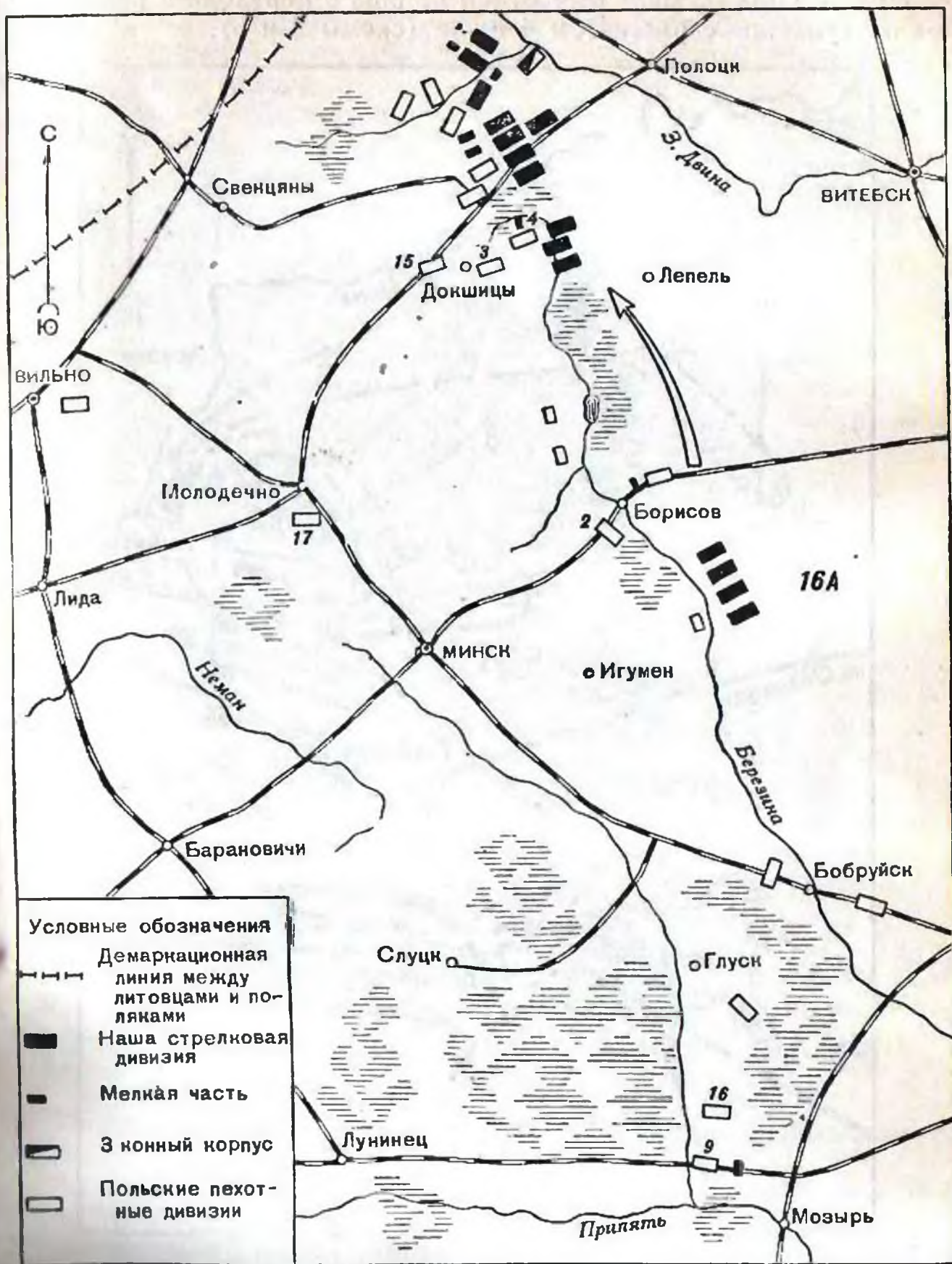

Схема 4

VII. НАСТУПЛЕНИЕ 4 ИЮЛЯ

2 июля командзапом был отдан приказ о переходе в решительное наступление с рассветом 4 июля (схемы 5 и 6).

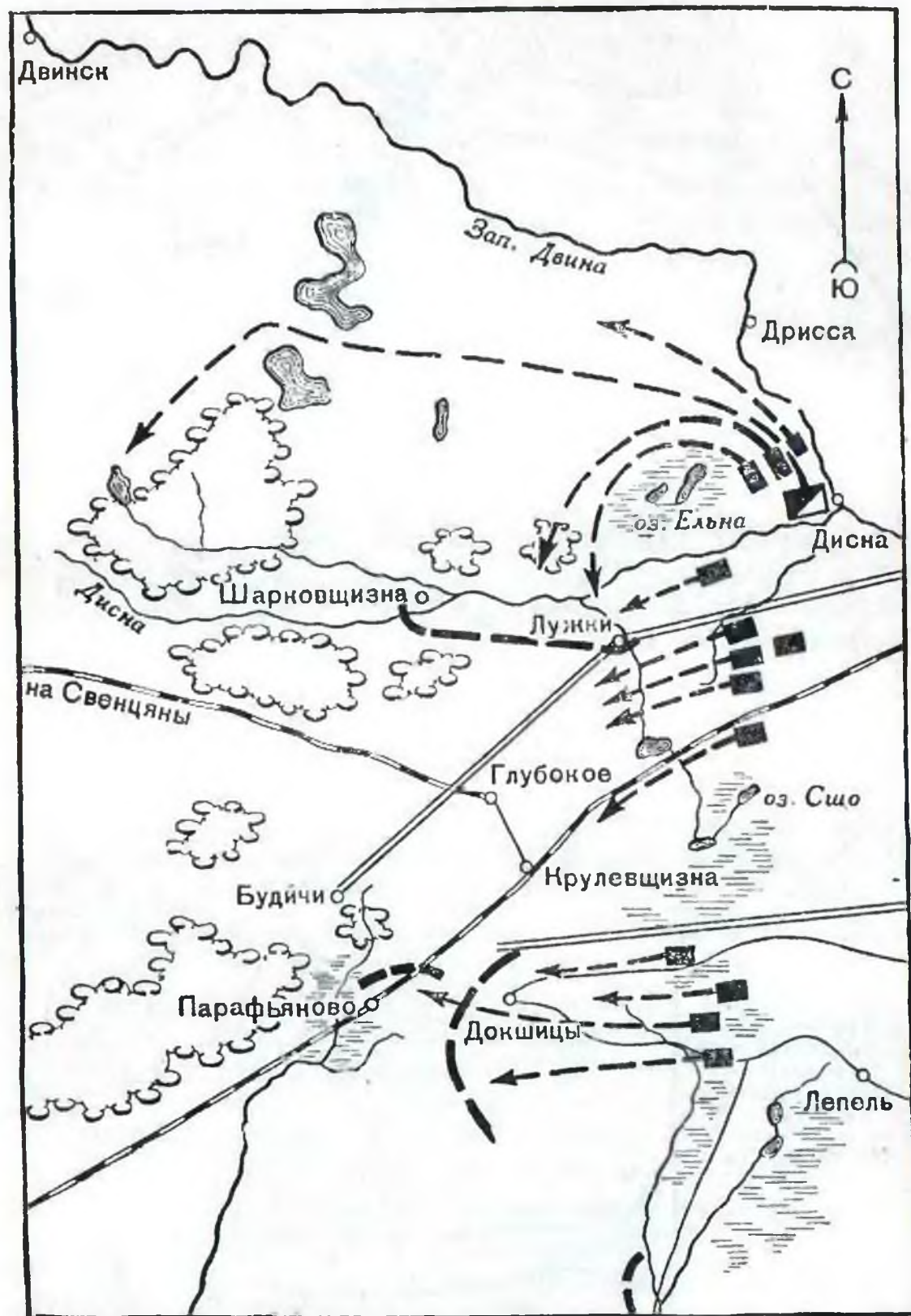

Схема 5

4-й армии было поставлено задачей нанести главный удар к северу от оз. Б. Ельна и 5 июля выйти в район Шарковщина — Лужки. Конные массы выбросить по левому берегу Западной Двины в свенцянском направлении.

15-й армии приказано было нанести удар в глубокинском направлении.

3-й армии ставилось задачей занять 5 июля Докшицы, а 6-го отрезать противнику путь отступления по железной дороге в районе ст. Парафьяново.

16-й армии — форсировать Березину с 5 на 6 июля для наступления в игуменском направлении.

Схема 6

Мозырской группе — содействовать 16-й армии действиями во фланг противника.

Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями — устье р. Ушач — м. Лужки — Будичи; между 15-й и 3-й армиями — Дзвони — верховье р. Березина; между 3-й и 16-й армиями — оз. Пелик — верхнее течение р. Гайна.

Наступление развивалось очень успешно, 4-я армия двинула к северу от Б. Ельня 12-ю и 53-ю стрелковые дивизии и 164-ю стрелковую бригаду, за ними двинулся конный корпус: вдоль р. Дисны наступала 18-я стрелковая дивизия.

Легко прорвав оборону незначительных пехотных частей противника, ударная группа 4-й армии быстро и решительно повела свое обходное движение. Однако на пути она встретила неожиданно для себя части 8-й пехотной польской дивизии. Мы имели еще и ранее сведения о том, что поляки сами готовятся к переходу в наступление и что первой задачей их является очищение от нас Дисненского района. По-видимому, движение 8-й стрелковой дивизии от Германовичей по северному берегу оз. Б. Ельна и являлось подготовкой этого маневра. Части 8-й дивизии были атакованы на походе, разбиты и потеряли всякую способность к сопротивлению. Но и наши части не достигли того, что могли бы извлечь из обстановки. Недостаток средств связи у командующего 4-й армией не позволял ему твердо держать свои части в руках, и поэтому действия 12-й и 53-й дивизий носили несколько разрозненный характер. Как бы то ни было, противник был разбит и наши части продолжали свое наступление, лишь немного не выполнив поставленной им задачи. 18-я дивизия вела упорные бои с противником, и лишь только обход ударной группы и успех соседней 15-й армии позволили ей сдвинуться с места.

15-я армия, против которой находились главные силы противника, целый день вела упорный, кровопролитный бой. Однако к вечеру на всем участке польские войска были разгромлены, раздавлены и с большими потерями опрокинуты на Глубокое. Были захвачены пленные, пулеметы и орудия.

3-я армия форсировала Березину, разбила стоявшие против нее польские части и к сроку заняла Докшицы и точно так же к сроку прорвала железную дорогу в районе Парафьянова. Противник, сбитый на этом направлении энергичным движением частей 3-й армии, должен был в беспорядке отступить в северном и северо-западном направлениях, отступая по болотистым местам, что севернее железной дороги.

Уже к 7-му числу выяснилось с полной определенностью, что войска противника подверглись полному разгрому в районе нашего главного наступления.

Действия 16-й армии точно так же были вполне успешны. Переправившись через р. Березину и разбивая встречающиеся на ее пути польские части, она быстро продвигалась в игуменском направлении.

Мозырская группа своим наступлением в северо-западном направлении из района Глуска оказывала ей активную поддержку.

Чтобы еще более обеспечить успех 16-й армии, командование фронта 6 июля приказало поддержать ее движением 3-й армии в минском направлении (схема 7).

7 июля отдается приказ, по которому 4-й армии ставится задачей к 9 июля выйти в район Твереч — Годушишки — Комай; 15-й армии 10 июля занять район ст. Молодечно; 3-й, 16-й и Мозырской группе — задача прежняя. Наступление на всем фронте разбивается с полным успехом.

Конный корпус, далеко оторвавшись от главных сил своей армии и действуя севернее озерно-болотистого Дисненского района, вышел в глубокий тыл армии белополяков и 9-го числа после успешного боя занял Свенцяны, нанеся противнику серьезные

Схема 7

потери и захватив большую военную добычу. Деморализация, внесенная этим ударом конного корпуса в войска противника, была настолько велика, что они даже не сумели оказать сопротивления главным силам 4-й армии по линии мощно укрепленных германских позиций. 9-го числа 4-я армия выполнила поставленную ей задачу. 15-я армия точно так же в пазначенный срок

заняла Молодечно, 3-я и 16-я армии, разбивая своим концентрическим наступлением всякое сопротивление противника, продолжали успешное наступление.

Нами были перехвачены польские приказы, из которых видно, что польское командование, видя свое полное поражение на северном участке, предписало планомерный постепенный отход на участке нашей 16-й армии. Однако предпринятый нами маневр совершенно спутал их карты, не позволяя им занять и удержать своевременно ни одного намеченного ими рубежа. Организация отступления их была нарушена и приняла характер полного беспорядка.

Теперь перед Западным фронтом встала новая стратегическая задача. По Березине, впадающей в Неман с ее многочисленными притоками, раскинулись труднопроходимые болота, покрытые густыми лесами и имеющие лишь несколько удобных для движения дорог. Верхнее течение Немана не представляет собой никакой серьезной преграды для наступающих войск. Зато от Березинского болотистого района он течет в западном направлении вплоть до устья р. Шары и на всем этом протяжении представляет уже довольно серьезную преграду благодаря скорости течения и ширине русла. Таким образом, фронтовому командованию необходимо было решить вопрос, где оно поведет свои главные силы, севернее или южнее этой продольной преграды.

По основным соображениям упирания нашего правого фланга в границы враждебных Польше государств и по соображениям меньшей потери времени на перегруппировки было решено главное наступление повести севернее Немана (схема 8). 9 июля отдается приказ, по которому 3-й армии надлежит сосредоточиться в районе Холхло—Першай—Раков 11 июля, 16-й армии приказано 11 июля занять Койдонов; Мозырской группе дано направление на Слуцк и Лунинец. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Будичи—оз. Нарочь—Ошмяны; между 15-й и 3-й армиями м. Илия—р. Березина—ст. Листопады; между 3-й и 16-й армиями р. Гайна—м. Вольма. Северным армиям продолжать дальнейшее наступление.

Части 3-го конного корпуса, поддерживаемые 164-й стрелковой бригадой, продолжали свое наступление от Свенцяи в вилениском направлении. Стрелковые силы 4-й армии двинулись к р. Вилии для ее форсирования в направлении Михалишки. Здесь, благодаря недостатку средств связи и затрудненности управления вследствие этого частями армии, произошла досадная задержка. Командование 18-й дивизии непроизводительно теряло время в районе оз. Свирь—Михалишки, действуя разрозненно и разбросанно своими частями. Связи между отдельными дивизиями точно так же не было. Командарму лично пришлось выехать в штабы дивизий, получить от них необходимые сведения и на месте дать указания. Организованные, сосредоточенные усилия трех стрелковых дивизий наконец имеют успех, и р. Вилия фор-

сирована. Противник, понесши здесь серьезный урон, начинает поспешное отступление.

3-й конный корпус точно так же не имел первоначально успеха. Несколько попыток его форсировать р. Вилию были каждый раз отражены пехотными польскими частями. Наконец при помощи 164-й бригады эта задача была выполнена, и части корпуса ворвались в предместье г. Вильна. Некоторое время и здесь

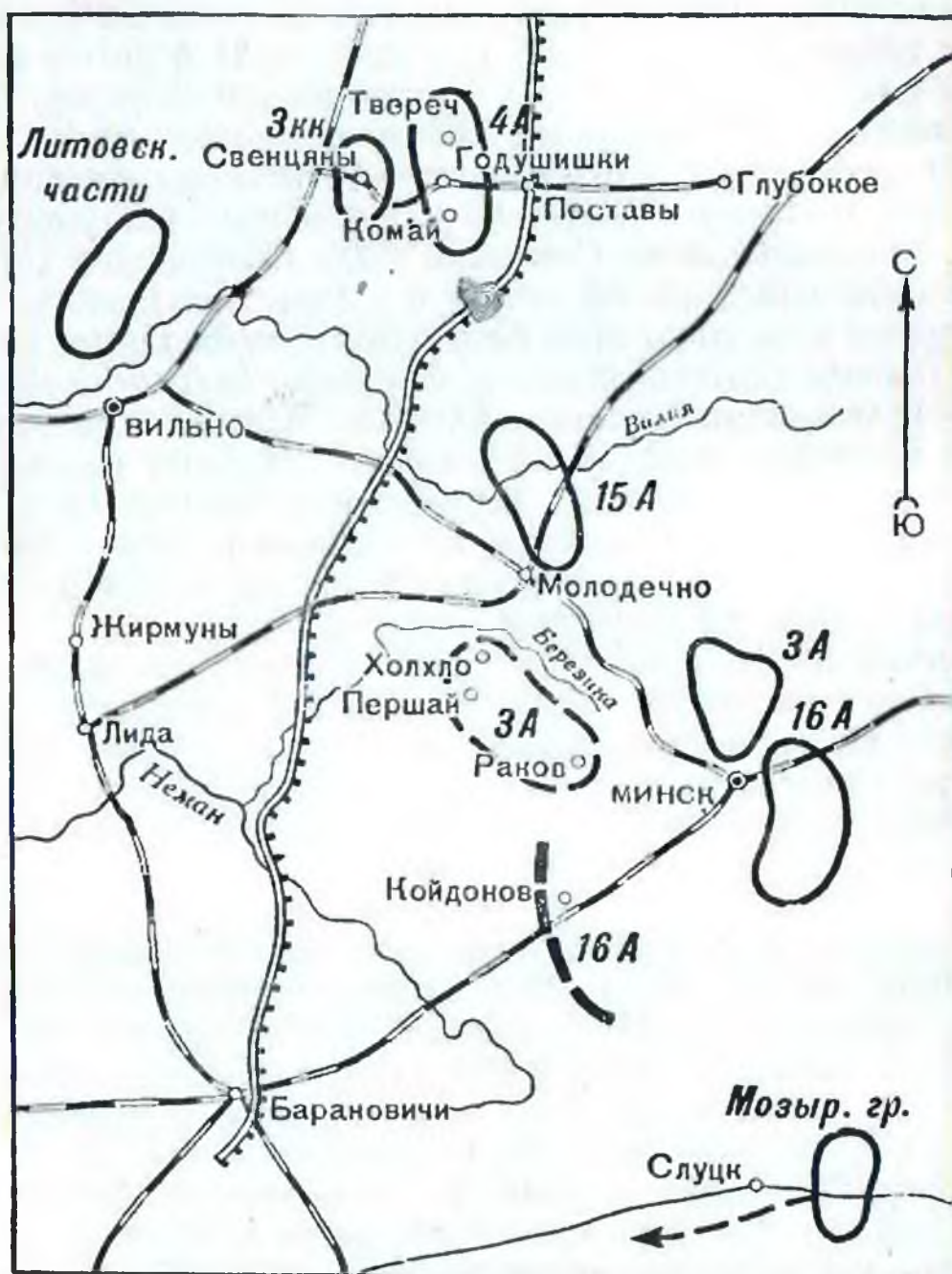

Схема 8

продолжались упорные бои, но 14-го утром Вильна уже нами была окончательно занята.

Как только литовцы почувствовали, что Красная Армия имеет совершенно определенные успехи, их нейтральная позиция немедленно сменилась на враждебные отношения к Польше, и литовские части ударили полякам по тылам, заняв Новые Троки и ст. Ландварово.

Стремительное обходное движение конного корпуса и помощь литовских войск отрезали северной польской армии путь отступления на Ораны и Гродно. Часть ее начала поспешный отход в направлении на г. Лиду. Таким образом, в этом направлении, куда концентрически двигались три наши армии, должны были отступать польские войска и с севера и с востока. Являлось жизненно необходимым удержать наступление 15-й армии на германских позициях для того, чтобы дать время отойти главным силам и тылам этих войск. Действительно, наступление 15-й армии встретило жестокий отпор по всей линии старой германской укрепленной полосы. Завязался упорный бой в районе Сморгони.

Чтобы дать скорейшее развитие событиям на правом фланге 15-й армии, связав его действия с успешным наступлением 4-й армии, в направлении на Сморгонь была двинута 5-я стрелковая дивизия, выведенная из 3-й армии в резерв командзапа.

15-я армия несколько дней безрезультатно бьется на линии германских окопов. Однако обходное движение 18-й стрелковой дивизии 4-й армии наконец опрокидывает польское сопротивление в районе Сморгони, и части 15-й армии начинают последовательно справа налево овладевать германскими позициями. Наступление снова решительно продолжается, причем в задачу 15-й армии входит также помощь по последовательному очищению позиций от польских войск на участке 3-й армии.

Приказом от 12 июля 4-й армии поставлено задачей выйти в район Ораны к 17-му числу; 15-й и 3-й армиям к этому же сроку приказано занять линию Жирмуны — Лида; 16-й армии к этому же сроку занять район Барановичи; Мозырская группа должна наступать в пинском направлении. Чтобы облегчить 16-й армии последовательное очищение германских окопов, начиная с правого фланга, к нему была направлена 2-я стрелковая дивизия, выведенная в резерв фронта. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Ошмяны — Вороново — Скидель; между 3-й и 15-й армиями Листопады — Субботники — Лида — ст. Мосты; между 3-й и 16-й армиями Волма — устье р. Березины — Деречин. Таким образом, 3-й армии ставилось задачей частичное форсирование Немана и движение части сил по его левому берегу. Эта мера должна была облегчить 16-й армии ее трудную задачу форсирования германских окопов на большом протяжении и дальнейшее ее продвижение к р. Шаре.

Являлось вполне возможным предположить, что польское командование решит упорно обороняться на фронте 16-й армии, для чего использует линию германских окопов и течение р. Неман. В таком случае наша северная группа была бы поставлена в положение, когда ей необходимо было бы остановиться. Предусматривая это, армиям было указано, что в случае задержки 16-й армии на германских позициях и в случае сосредоточения в районе к югу от Немана крупных польских масс задачей 3-й и 15-й армий будет перемена их основного направления и удар с севера

на юг во фланг и тыл польским массам; 4-я армия должна была бы обеспечить эту операцию наступлением в гродненском направлении. Однако это предположение не осуществилось. 16-я армия своими силами сумела сбить расстроенные части польской армии, но самый факт маневрирования и готовность к маневру нашей основной группировки надо разобрать несколько подробнее.

При современных широких фронтах является совершенно невозможным наступать всюду с одинаковой насыщенностью. Смелое ведение операций непременно должно предусматривать сосредоточение больших войсковых группировок на решающих направлениях и оставление минимальных сил на направлениях второстепенных. В случае успеха, в случае благоприятного развития дальнейших операций перед командованием больших войсковых соединений встает неминуемо вопрос: надо ли продолжать операцию, сохраняя прежние группировки и прежнее операционное направление, или надобно избрать новое? Надо ли сохранять в боевой линии все двинутые в бой массы или их нужно разредить путем вывода части сил в резервы? Не лучше ли продолжать преследование слабыми силами и лишь только тогда, когда обнаружится новая группировка неприятельских сил, обрушиться на нее сильными сохраненными резервами?

Эти вопросы являются решающими в современных операциях, так как, за редкими исключениями, нет возможности неприятельскую силу уничтожить одним быстрым решительным движением. Неминуемо приходится вести операцию за операцией, удар за ударом, нанося противнику непрерывные потери. Ответить на эти вопросы раз навсегда пригодными формулами — невозможно. Обстановка слишком разнообразна для того, чтобы к ней применять навсегда определенные правила. Но вместе с тем обычное развитие современных операций неизбежно заставляет сделать кое-какие определенные выводы. Во-первых, протяжение фронта общего наступления и неизбежное разрушение железных дорог отступающей армией не позволяет делать своевременные железнодорожные переброски, и потому раз принятое массирование войск, при условии быстро развивающегося наступления, может быть изменено лишь с большим трудом, и то частично. Во-вторых, оставление в боевой преследующей линии лишь небольших сил легко может позволить противнику собраться; остановить наше наступление и привести в порядок свои дезорганизованные части. Это вовсе не означает, чтобы неприятель сейчас же согласился с нами вступить в новое сражение. Наоборот, в целом ряде случаев он будет всячески избегать его, покуда не организует нового мощного контрудара. В этом случае ввод в дело образованных нами крупных резервов для разгрома остановившегося противника может оказаться ударом по воздуху и не приведет ни к каким положительным результатам, но зато будет связан с неизбежной потерей времени. Невозможность при современных

широких фронтах уничтожить армию противника одним ударом заставляет достигать этого рядом последовательных операций, которые стоили бы дороже противнику, чем нам. Чем стремительней будем мы его преследовать, тем меньше мы ему дадим времени на организованный выход из боя, тем более мы разложим его вооруженные силы и сделаем невозможным или очень затруднительным новое генеральное сражение. Словом, ряд последовательно веденных уничтожающих операций, соединенных непрерывным преследованием, может заменить собой то уничтожающее сражение, которое было лучшим видом столкновения в прежних армиях, имевших не такое протяжение фронта.

Против подобного рода доводов возражают довольно основательно в том смысле, что такие образовавшиеся на решающем направлении таранные массы слишком ярко обнаруживают свою основную оперативную идею. Исчезает всякая возможность внезапности. Сама наступающая таранная группировка облегчает противнику заранее подготовить свой контрудар и в нужный момент из нужного района будет встречена его контрнаступлением.

Всякое дело — очень сложно и разносторонне. И те недостатки таранного наступления, которые сейчас приведены, действительно соответствуют истине. Но если вопрос рассмотреть шире, то мы увидим такие его стороны, которые эти недостатки в полной мере сглаживают. Во-первых, не надобно забывать, что разбитый противник, в смысле располагаемых вооруженных сил, находится в худшем положении, чем победившая армия. Инерция подавленности и сознание безвыходности положения охватывают отступающего, если ему нигде не дают возможности зацепиться, не дают возможности перегруппироваться, заставляют его каждый день принимать бои и терять все новые и новые силы. Поэтому если основная таранная группировка стоит на правильном направлении и правильно обеспечена на фланге и на второстепенных направлениях, то всякий переход противника в наступление является для этих масс не неприятностью, а желанной, заветной мечтой. У наступающего победителя всякое активное проявление со стороны противника может вызвать только радость, ибо оно дает ему наконец возможность настигнуть главные поколебленные силы врага и нанести окончательный, сокрушающий удар.

Скопление таранных масс, как и упоминалось уже выше, является неминуемым следствием характера современной войны. Германская армия на французском фронте в 1914 г. и целый ряд наших кампаний в период гражданской войны являются этому прямым доказательством. И на примере нашей кампании против белополяков в 1920 г. можно с большой пользой проследить вопрос об использовании таранных масс. Когда 16-й армии требуется помощь с севера, таранная масса, в лице 3-й армии, ведет ее немедленным наступлением на Минск. Если бы 16-й армии потребовалась помощь на линии старых германских окопов, то мощный удар, не менее как двух наших армий, обрушился бы на

фланг и тыл действовавших против нее польских войск. В дальнейший период операций, во время наших боев на Буге, могла встать потребность в таком же маневре наших северных армий. И если бы она встретилась, то, конечно, могла быть немедленно выполнена. Неудача нашей последней операции на Висле не должна путать существо вопроса и не должна вести к неправильным легкомысленным выводам. Там имела место не ошибочность нашей основной ударной группировки, а наш пробел в деле ее флангового обеспечения. Об этом разговор будет дальше.

IX. ФОРСИРОВАНИЕ НЕМАНА И ШАРЫ

Дальнейшее наступление нашей основной северной группировки развивалось безостановочно и с постоянным успехом. В районе

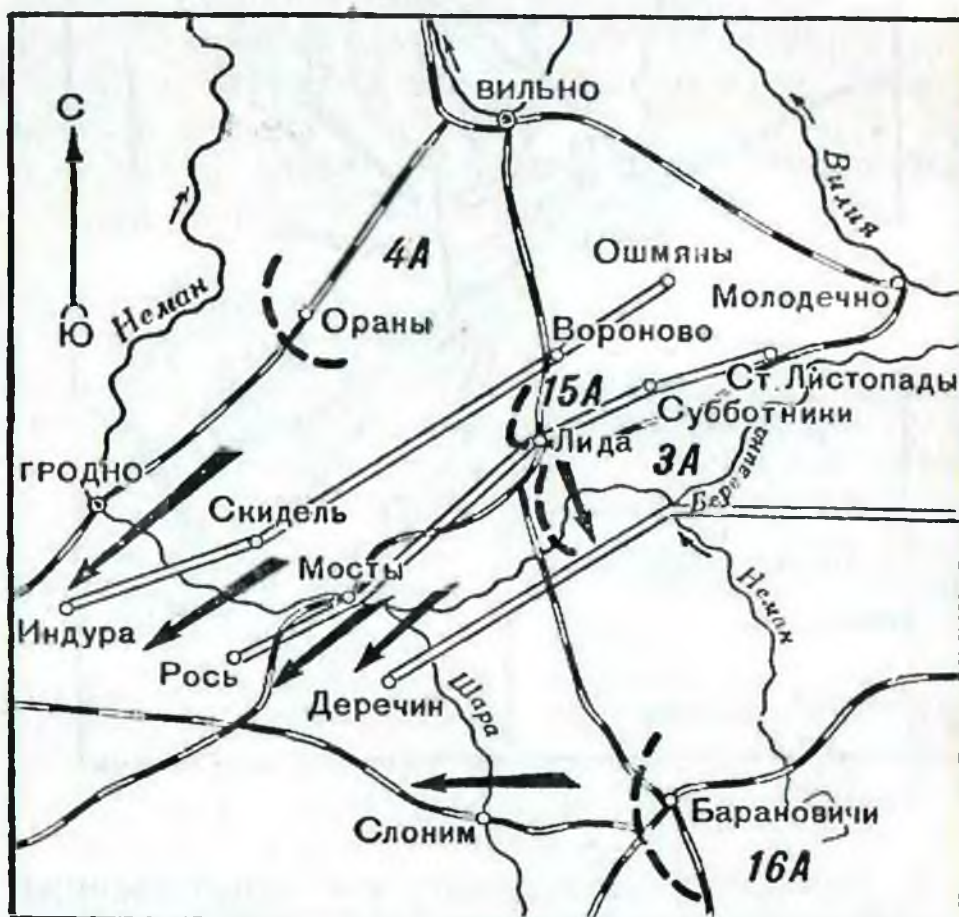

Схема 9

Жирмуны — Лиды противнику было нанесено серьезное поражение и захвачено большое число пленных и артиллерии. 16-я армия и Мозырская группа точно так же успешно развивали свои действия.

18 июля фронтовым командованием была поставлена дальнейшая задача (схема 9). 4-й армии было приказано 21 июля форсировать р. Неман в районе южнее Гродно; 15-й армии приказано форсировать р. Неман 22 июля; 3-й армии — форсировать главными силами р. Неман в районе устья Шары; 16-й армии — форсировать р. Шару в районе к северу от Слонима. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Скидель —

Индура; между 15-й и 3-й армиями ст. Мосты — Рось; между 3-й и 16-й армиями — прежняя.

Между тем польское командование со своей стороны точно так же организовало новую операцию. Имея намерение во что бы то ни стало удержаться на линии рек Немана и Шары, оно намеревалось сосредоточить ударную группу в шесть пехотных дивизий в районе Гродно для удара во фланг нашей главной армейской группировке. Для этой цели из района Лиды двигались на

Схема 10

Гродно 5, 8, 10-я пехотные дивизии, а сосредоточенные в Белостоке 9-я и 17-я пехотные дивизии и три уланских полка двигались через м. Кузницы на Гродно с запада. 2-я литовско-белорусская дивизия уже находилась в этом районе (схема 10).

Стремительные действия 3-го конного корпуса разбили все польские планы. Еще 19-го числа с налету была занята крепость Гродно. Литовско-белорусские части были потрепаны и в беспорядке отброшены на западный берег р. Неман. Части 15-й кавалерийской дивизии заняли м. Кузницы, а 10-я кавалерийская дивизия заняла м. Скидель, ожидая подхода пехотных сил 4-й армии. Тем временем польская пехотная масса, придя к расположению наших кавалерийских дивизий, перешла в решительное наступление и успешно начала теснить эти части. В то время как на западном берегу р. Неман 15-я кавалерийская дивизия была

потеснена в крепость и закрепились на берегу, 10-я кавалерийская дивизия вела упорный бой с развернувшимися дивизиями белополяков на подступах к Гродно со стороны г. Лида. Тем временем пехотная масса 4-й армии дебушировала из Гродненской пуши и обрушилась на тылы и фланги наступающих польских дивизий. Они были смяты, раздавлены и в полном беспорядке отброшены к югу, на ст. Мосты. По дороге они были перехвачены подходившими частями 15-й армии, окончательно разбиты и деморализованы и отброшены на западный берег р. Неман. Так неудачно кончилась для поляков намеченная ими контрударная группировка. Наши войска продолжали решительное наступление и на всем фронте после ряда боев форсировали р. Неман. 16-я армия, по форсировании р. Шары, на подступах к Волковыску встретила сильное контрнаступление польских частей. Это наступление было смято, причем поляки потеряли большое количество пленных и орудий. На всем фронте наступление наше продолжало развиваться.

После известия о взятии Гродно главнокомандующим были даны директивы о занятии Западным фронтом Варшавы к 12 августа.

Вопрос о том — нужно было или не нужно останавливаться на этнографической польской границе — является точно так же одной из любимейших полемических тем. Большая часть наших писателей указывает на то, что на этом рубеже было бы выгодней нам остановиться, организовать свои тылы, исправить связь и построить железные дороги, влить в части пополнения, которые в количестве 60 тыс. человек уже находились в эшелонах и следовали за наступавшими войсками, и после этого подремонтированным, окрепшим начать новое наступление для окончательного уничтожения польской армии.

Такое предположение, конечно, очень соблазнительно. Куда приятнее наступать, когда железные дороги исправны, когда связь работает без перебоев, когда войска пополнены до положенного им по штату и когда противник вместе с тем разложен и деморализован. Но так ли на самом деле складывалась обстановка? Непрерывность нашего преследования вконец деморализовала польские войска. По свидетельству французских и польских офицеров, войсковые части потеряли всякую боевую устойчивость. Польские тылы кишели дезертирами. Никакой надежды на спасение не оставалось. Все бежали назад, не выдерживая ни малейшего серьезного боя. И эта неустойчивость царила не только в войсковых частях, но и в среде высшего командного польского состава.

Осталось бы это положение, при котором мы, даже численно слабейшие, все-таки оказывались сильнее противника, в том случае, если бы мы оставались на границе Польши? Конечно нет. Если для нас эта остановка дала бы возможность провести пополнение, укрепить свои тылы, привести в порядок весь организм

наступающих армий, то, конечно, для поляков в этом смысле было гораздо больше возможностей. Не надо забывать, что на карту ставилось существование капиталистического мира, не только Польши, но и всей Европы. Бесконечные транспорты и эшелоны с амуницией и вооружением следовали на помощь польской армии из Франции и Англии. Забастовки и активные противодействия германских рабочих в Данциге и на железных дорогах силою подавлялись французскими и английскими войсками, которые принимали на себя заботы о разгрузке и погрузке необходимого снаряжения. Польский капитал напрягал все свои силы, развивая бешеную агитацию против большевистского наступления. Ксендзы служили ему в полной мере и призывали польское население к национальной самообороне. Формирование буржуазных добровольческих частей проходило очень успешно. И если бы только мы дали полякам спокойно провести эту работу, то через две-три недели, потребные нам для устройства наших дел, мы встретили бы против себя значительно сильнее, чем наши, армии и должны были бы снова ставить на карту наше стратегическое будущее. При том потрясении, которому подверглась польская армия, мы имели право и должны были продолжать наше наступление. Задача была трудная, смелая, сложная, но задачами робкими не решаются мировые вопросы.

Х. БОИ НА НАРЕВЕ И БУГЕ

В конце июля начинаются наши бои на Нареве и Буге.

Впервые после начальных боевых операций поляки оказали нам здесь упорное сопротивление.

На участке 4, 15 и 3-й армий нам необходимо было форсировать болотистые реки Бобр, Нарев и Нурец, которые имели очень мало переправ и представляли собой серьезную преграду. Поляки использовали ее и, устроив несколько за нею свои войска, оказали нам очень серьезное сопротивление. Этому успеху их помогло и то обстоятельство, что средства связи наши неизменно оставались недостаточными и управление войсками было до чрезвычайности затруднено, что часто придавало боям несколько разрозненный характер и, конечно, замедляло успех. Особенно сказалось это обстоятельство на участке 16-й армии, которая занимала широкий фронт, около 80 верст, имея всего только 5 стрелковых дивизий. Положение 16-й армии осложняло еще наличие на фланге Брест-Литовской крепости.

После форсирования Немана приказом от 23 июля было намечено дальнейшее наступление. Армиям фронта к 3 августа было приказано выйти на линию Остроленка—Остров—Коссов—Дрогичин—Бела—Влодава. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Индура—Соколка—Замбров—Пасеки для 4-й включительно; между 15-й и 3-й армиями Рось—Страбля—Брок, все для 15-й армии; между 3-й и 16-й армиями

This map illustrates the railway network and military positions in the Brest-Litvinsk region during the early stages of the Polish campaign in 1939. The map shows the following locations and features:

- Locations:** Августов, Гродно, Соколка, Индура, Рось, Белосток, Бабино, Странкова Гора, Осовец, Бобр, Нарев, Ломжа, Остроленка, Пасеки, Замбров, Остров, Брок, Коссов, Медзна, Дрогичин, Бельск, Страбля, Гайновка, Боцки, Клещели, Бела, Межуречье, Влодава, and Брест-Лит.
- Railways:** Represented by solid lines, showing a dense network connecting major hubs like Brest-Litvinsk and Grodno.
- Rivers:** The Narew (Нарев) and Bug (Буг) rivers are shown, with the Bug labeled as 'Зап. Буг' (Western Bug).
- Front Lines:**
 - A dashed line in the upper left represents the German front line.
 - A thick, solid line in the lower left represents the Soviet front line.
 - A dashed line in the lower right represents the Polish front line.
- Orientation:** A compass rose in the bottom left corner indicates North (С) and South (Ю).

3-й конный корпус, продолжая выигрывать 1—2 перехода по отношению к главным силам 4-й армии, двинулся на Осовец и с боя занял эту крепость. Дальнейшее его движение продолжа-

лось на Ломжу. Вслед за конным корпусом шла 12-я стрелковая дивизия. 18-я и 53-я дивизии, подойдя к берегам Нарева на участке Стренкова Гура—Бабино, завязали с противником решительные бои, форсировали реку, но бой развивался с переменным успехом, без существенных результатов.

15-я армия, выйдя на болотистые берега Нарева, точно так же повела безрезультатные фронтальные бои.

3-я армия, дойдя до болотистых берегов Нуреца, вела здесь довольно бестолковые бои. Командарм 3 тов. Лазаревич в это время заболел, не мог двигаться, и управление армией пришло в некоторое расстройство. По существу, 3-й армии давалась самая легкая задача, она не имела серьезных естественных преград перед собой и обладала достаточной ударной способностью.

Конный корпус, подойдя к Ломже, атаковал ее с севера 15-й кавалерийской дивизией и переправился на южный берег Нарева 10-й кавалерийской дивизией. Однако бои здесь привели к успеху не сразу, и лишь с помощью 12-й стрелковой дивизии удалось овладеть этой крепостью 2 августа.

53-я дивизия 1 августа форсирует наконец Нарев в районе Стренкова Гура, сбивая во фланг противника, сопротивляющегося перед 18-й дивизией.

18-я стрелковая дивизия форсирует Нарев в направлении Ежова и с упорным боем продвигается далее. Таким образом, на севере противник сбит по всему фронту 4-й армии и, обойденный, начинает отступление перед 15-й и 3-й армиями, которые по пятам преследуют его, досаждая непрерывными арьергардными боями.

В 16-й армии дело сложилось не так благоприятно. Командование фронта, учитывая растяжку фронта этой армии, предлагало ей группировать свои главные силы к правому флангу, чтобы совместно с нашей основной фронтовой группировкой быстро сломить сопротивление противника. Но Брест-Литовская крепость привлекала к себе внимание 16-й армии и отвлекла на себя ее главные силы, хотя при наличном польском гарнизоне крепость нам не представляла никакой угрозы. Растянутые на громадном протяжении 27-я и 8-я стрелковые дивизии безрезультатно ведут бои по р. Западный Буг, не будучи в состоянии ее форсировать. Лишь только по занятии Брест-Литовска 16-я армия производит наконец указанную ей группировку и форсирует Западный Буг. Наступление снова начинает успешно развиваться. Мозырская группа, оказавшая поддержку 16-й армии в захвате Брест-Литовской крепости, точно так же форсирует Западный Буг и выполняет поставленную ей задачу.

Учитывая то, что 4-й и 15-й армиям придется вновь форсировать р. Нарев, а также принимая во внимание усилившееся сопротивление противника, разграничительные линии между 4-й и 15-й армиями от Замброва проводятся на г. Остроленка, и, таким образом, вся 4-я армия беспрепятственно обходит р. Нарев.

Бои нашей главной фронтовой группировки на Нареве и Бобре затянулись, в общей сложности, с 28 июля по 1 августа. Это была первая наша серьезная задержка. Зато на участке 16-й армии дело обстояло гораздо хуже. В силу указанной выше разброски сил 16-я армия лишь 6 августа сумела форсировать Западный Буг.

Эта последняя задержка, основанная не на силе неприятельского сопротивления и не на трудности форсирования реки, а главным образом на недостатках в группировке сил, послужила причиной несколько различной оценки обстановки между командованием фронта и главным командованием. В разговоре по прямому проводу от 8 августа мы видим мнение главного командования, определяющее главные силы польских армий сосредоточенными по левому берегу Западного Буга и готовыми к принятию нового решительного сражения. Вследствие этого главное командование находило более целесообразным прекратить густое наступление нашей северной группировки на запад и обрушиться главной массой сил на левый фланг этой основной группировки противника с тем, чтобы еще до Вислы окончательно разгромить польскую армию.

По данным разведки Западного фронта, обстановка рисовалась совсем в другом виде. Главная группировка польских войск по-прежнему оставалась на направлении нашего главного наступления. Соотношение сил видно из таблицы 4.

Таким образом, естественной и единственно правильной задачей являлось стремление к разгрому основной северной группировки противника. И это было тем более естественно, что оно требовало менее всего сложных движений, менее всего потери времени, и, главное, можно было с полной уверенностью уже чувствовать, что противник начал свое отступление за Вислу. Таким образом, снижение к югу нашего ударного тарапа знаменовало бы собой удар по воздуху, потерю времени и вывод всей этой массы войск на самое труднопреодолимое варшавское направление. В силу этих соображений командование фронта оставило в силе данные армиям задачи и продолжало наступление.

Теперь, когда нам известно то, что происходило в то время на польской стороне, мы с полной достоверностью можем засвидетельствовать, что Западный фронт был прав в своих действиях. Еще 6 августа состоялся военный совет в Варшаве, на котором было решено оторваться от нашихседающих войск и, произведя за Вислой основную перегруппировку, перейти в контрнаступление. Конечно, вступить в решительное сражение до Вислы было бы для нас гораздо приятней, но, противник отходил, и надо было готовиться к самому трудному, к самому тяжелому и к самому опасному действию, к сражению со всеми польскими силами, опирающимися на широкую, быструю и труднопереходимую Вислу.

Наши северные армии с боями среднего напряжения

Соотношение сил на Нареве и Западном Буге

	Белополяки			Наши войска				
	Части	Шты- ки	Сабли	Примечание	Части	Шты- ки	Сабли	Примечание
Район севернее р. Западный Буг	2-я литовско-белорус- ская дивизия 5 дивизия (бригада) 9 дивизия (бригада)	7 300	1 400	В общем	4-я армия			
					12, 18, 53, 54-я стрел- ковые дивизии 164-я стрелковая бри- гада 3-й конный корпус	9 568	4 861	В общем
	10-я пехотная дивизия 3-я резервная дивизия 17-я пехотная дивизия 1-я резервная дивизия 8-я пехотная дивизия	17 200	1 555		15-я армия			
					4, 11, 16, 33-я стрел- ковые дивизии	12 729	465	
	1-я литовско-белорус- ская дивизия 4-я дивизия (бригада) 6-я дивизия (бригада)	5 100	900		3-я армия			
					5, 6, 21 и 56-я стрел- ковые дивизии	9 205	914	
	Всего . . .	29 600	3 855	.	Всего . . .	31 502	6 240	

Продолжение

	Белополяки			Наши войска				
	Части	Шты- ки	Сабли	Примечание	Части	Шты- ки	Сабли	Примечание
Район южнее р. Западный Буг	15-я пехотная дивизия 4-я дивизия (бригада) 2-я пехотная дивизия 16-я пехотная дивизия 14-я пехотная дивизия 5 запасных батальо- нов	10 900	1 000		16-я армия 2, 8, 10, 17 и 27-я стрелковые дивизии			
	1-я горная дивизия 9-я пехотная дивизия (бригада) группа Яворского отряд Булак-Балахо- вича	4 900	1 000		Мозырская группа 57-я стрелковая диви- зия и Сводный отряд			
	Всего . . .	15 800	2 000		Всего . . .	14 777	244	
	Резервы		?	?	Прочие части обнаружены быть не могли ввиду нахождения их в глубоком тылу			48-я стрелковая дивизия на лат- вийской границе
	С польской стороны участвовало в боях	45 400	5 855		С нашей стороны уча- ствовало в боях	46 279	6 484	Без 48-й стрелко- вой дивизии, в ке- торой было 4262 штыка и 198 сабель

непрерывно продвигались вперед. 16-я армия и Мозырская группа легко, местами потеряв соприкосновение с противником, продолжали свое наступление.

Приказом от 3 августа армии ставилось задачей — к 8 августа достигнуть линии Прасныш—Маков—Вышков—Парчев.

Задача была выполнена.

XI. ОБСТАНОВКА НА ВИСЛЕ

Постоянные неудачи, непрерывное отступление окончательно сломили боеспособность польской армии. Это уже были не те войска, с которыми нам приходилось бороться в мае и в июле этого года. Полная деморализация, полное неверие в возможность успеха подорвали силы и командного состава и солдатских масс. Отступали иногда без всякого повода. Весь тыл был загроможден дезертирами. Никакие репрессивные меры не могли восстановить порядка и провести дисциплину. К этому еще примешивались обостренные классовые взаимоотношения.

Мобилизацией всей польской буржуазии и интеллигенции рабочие центры были задавлены, но глухо волновались.

При поддержке французского генерального штаба и французского вооружения и снаряжения Польша при виде своего полного поражения принялась лихорадочно за воссоздание своей боевой силы. В это время польская армия еще не достигла своей окончательной структуры, но зато теперь формирование было в полном ходу. Второочередные дивизии с номерами полков от 101 и выше одна за другой появились на нашем фронте. Наконец, были обнаружены третьеочередные, так называемые добровольческие формирования. Эти формирования, несмотря на свою молодость и необученность, были достаточно боеспособны, ибо комплектовались в значительной мере буржуазными и интеллигентскими элементами, которые, понимая, что судьба их ставится на карту, проявили большую решительность и упорство. Словом, в тылу, за Вислой, шла усиленная подготовка новых сил, мобилизация и формирование. Все спешно сколачивалось и подтягивалось на главнейшие направления. Перед Варшавой возводились усиленные укрепления. Был создан очень сильный плацдарм от Новогеоргиевска на Варшаву и несколько южнее. К этому направлению подтягивались силы со всех сторон. Если во время наших боев на Немане и Шаре соотношение наших сил было еще в нашу пользу, то теперь положение резко изменилось. Западный фронт насчитывал в своих рядах едва только 40 тыс. штыков. Зато польские силы возросли до 70 тыс. с лишком, по нашим разведывательным данным того времени, а на самом деле они были еще больше.

Понимая всю безвыходность положения, польское командование, по-видимому, не без участия французского генерального штаба, 6 августа принимает правильные, смелые решения об отрывании своих войск от нашихседающих частей и о коренной

перегруппировке сил на всем польском фронте. Видя, что судьба Польши должна решаться на Висле, польское командование подтягивает сюда все свои силы. С львовского направления снимаются почти все польские части. Оставляются только партизанские украинские части армии ген. Павленко и остатки 6-й армии, согласно польским источникам, в составе лишь одной кавалерийской дивизии¹. Однако надо полагать, хоть кое-что от пехотных дивизий здесь да осталось. Задачей всей этой слабой группе ставилось — прикрытие нефтяного района. Все прочие польские силы перебрасываются по железным дорогам на северное направление. Польское командование рискует потерять Галицию, но надеется выиграть генеральное сражение и тем спасти буржуазную Польшу. И потому вся польская армия сосредоточивается на Висле.

С нашей стороны обстановка складывалась в следующем виде. Войска Западного фронта были истощены и ослаблены, но зато они были сильны духом и не боялись противника. Вдвое-втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления. Такова была инерция удара, инерция победы. Но если оценить наше общестратегическое положение, то дело рисовалось далеко не в розовом свете. Еще до начала польской кампании поднимался вопрос о том, чтобы объединить Западный и Юго-Западный фронты под общим командованием Западного фронта. Но тогда главное командование считало такое объединение преждевременным и намечало его осуществление при нашем выходе на меридиан Брест-Литовска. Действительно, болотистое Полесье не позволяло непосредственного взаимодействия Западного фронта и Юго-Западного, поэтому такое решение было вполне допустимо. Но когда, по выходе нами на указанную линию, мы попробовали осуществить объединение, то оказалось, что оно почти невыполнимо в силу полного отсутствия средств связи. Западный фронт не мог установить последней с Юго-Западным. Мы, при наличии тех несчастных средств, которые имелись в нашем распоряжении, могли эту задачу выполнить не скоро, не ранее 13—14 августа, а обстановка уже с конца июля настойчиво требовала немедленного объединения всех этих войск под общим командованием. Мы находим в разговорах с главнокомандующим по прямому проводу и в телеграммах непрерывное обсуждение этого вопроса и тех мер, которые предпринимались для его осуществления.

Рассчитывая со дня на день получить в свое подчинение 12-ю и 1-ю конную армии, командование Западного фронта уже заранее предопределяло им подтягивание к левому флангу основных армий фронта, но дело затягивалось, и эта задача осталась висеть в воздухе.

Силы Юго-Западного фронта не были во взаимодействии с основными силами Западного фронта. Особенно резко подчеркивалось это тем обстоятельством, что перед Юго-Западным фрон-

¹ См. Стан. Кюнстлер. Наше августовское наступление.

том вставала его местная и сама по себе чрезвычайно важная задача овладения центром Галицийской области — г. Львовом. Сюда-то и направлялись основные усилия Юго-Западного фронта, расходясь, таким образом, с усилиями Западного фронта не менее как на 90 градусов.

Обстановка сложилась крайне неблагоприятно для Западного фронта. Выходя на подступы к Висле, он был предоставлен своим собственным силам, в то время как против него были сосредоточены силы всей польской армии. Это последнее обстоятельство было выяснено нами уже к началу наших боев на Висле. Разведка полевого штаба оспаривала наши указания на производившуюся польскую перегруппировку, считая, что все силы, бывшие на Юго-Западном фронте, остаются против него. По этому вопросу мы имеем спор в разговоре по прямому проводу.

Во всем этом деле мешалось еще и то обстоятельство, что Юго-Западный фронт смотрел по двум направлениям — на Львов и на Крым, откуда в это время активно действовал Врангель. Непрерывные успехи Западного фронта вселили большую уверенность в нашем конечном успехе. Намечалось снятие целого ряда дивизий с Западного и Юго-Западного фронтов для переброски на крымское направление. Приходилось отстаивать неприкосновенность частей.

В общем, стратегическое положение можно оценить следующими словами: поляки совершали смелую правильную перегруппировку, рискнули галицийским направлением и сосредоточили все свои силы против решающего Западного фронта ко времени решающего столкновения. Наши силы к этому решающему моменту оказались раздробленными и глядящими по разным направлениям. Те усилия, которые были предприняты главным командованием для перегруппировки основной массы Юго-Западного фронта на люблинское направление, к сожалению, в силу целого ряда неожиданных причин успехом не увенчались, и перегруппировка повисла в воздухе.

Французские и польские писатели любят сравнивать сражение на Висле с операцией на Марне. Однако на самом деле сходства в них нет никакого.

Напрашивается другое сравнение — с операцией в Восточной Пруссии в 1914 г. Там Ренненкампф задался целью взять Кенигсберг и двинул на северо-запад всю свою армию, в то время как Гинденбург отходил на юго-восток, во фланг армии Самсонова. Это позволило ему сосредоточить безнаказанно все свои силы против половины русских войск, рассчитывавшей на взаимодействие соседа.

XII. РЕШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Тем временем наше наступление развивалось безостановочно. Становилось очевидным, что не приходится думать о колебаниях, передышках, остановках, что настал момент, когда надобно ре-

шать одним последним ударом далеко зашедшие вперед события. Неоднократно в этом направлении даются указания, и 12 августа они вновь подтверждаются директивой главкома о необходимости возможно скорее занять Варшаву.

Для Западного фронта было совершенно очевидно, что главные силы противника сосредоточены против нашей основной группировки в районе Цеханов—Новогоргиевск—Варшава. По нашим подсчетам, возросший в числе противник имел в этом направлении до 70 тыс. штыков и сабель. На прочих направлениях были гораздо меньшие силы. Лишь только Мозырская группа встречала на своем пути более упорное сопротивление белополяков.

Левый фланг, т. е. группировка Юго-Западного фронта, все время беспокоил Западный фронт. Ожидая с минуты на минуту передачи конной армии Западному фронту и установления с ней связи, проектировалось создать более сильное сосредоточение на люблинском направлении, сконцентрировав на нем главные силы 12-й и 1-й конной армий (схема 12). Как уже говорилось выше, обстановка создавалась такая, когда необходимо было быстро и решительно действовать. Вместе с тем силы Западного фронта не превышали 40 тыс. штыков и сабель. Таким образом, пришлось атаковать противника вдвое сильнейшего, и притом опирающегося на столь мощную преграду, как Висла. Было очевидно, что только на основе частной победы, на основе первоначального разгрома одного из участков польского фронта можно было выиграть решающее сражение.

При направлении главного удара приходилось думать не только о тактических удобствах сражения, но и об основных жизненных магистралях противника. Нанесение удара в центр, в варшавском направлении, было для нас непосильной задачей. Оставался разгром одного из флангов — правого или левого. Выходя на левый фланг противника, мы тем самым угрожали его сообщениям с Данцигом. Учитывая, что революционное движение в Германии прекращает нормальный подвоз из Франции снаряжения и вооружения для польской армии, что главной артерией является Данцигская коммуникация, это движение выводило нас не только на фланг основной польской группировки, но и угрожало основной линии польской коммуникации. Дальнейшим преимуществом этого направления являлось то, что наши войска для совершения этого удара не должны были делать никаких существенных перегруппировок, чем выгадывалось время, и, сверх того, не приходилось менять своей основной коммуникации. Эта последняя направлялась у нас от Вильны и Лиды к юго-западу.

Невыгодой этого направления было то, что обходящие части становились несколько тылом к границе с Восточной Пруссией и, таким образом, оперативная свобода их, в случае неудачной операции, значительно уменьшалась и даже подвергалась угрозе.

Схема 12

Атака правого фланга основной польской группировки, по существу, ставила армии Западного фронта перед задачей прорыва всего польского стратегического фронта, что кроме основных трудностей самих по себе, при превосходстве в силах противника, усложнялось еще необходимостью форсировать в этом же месте р. Вислу. Кроме того, это наступление требовало довольно сложных перегруппировок наших сил и неизбежную перемену коммуникации на Клещели и Брест. Было очевидно, что противник, значительно усилившийся, не позволит нам безнаказанно произвести такую манипуляцию. Наступление двумя группами для нас являлось совершенно невозможным ввиду нашей численной слабости. Итак, оставалось решиться на атаку польского левого фланга, выставив заслон на ивангородском направлении и рассчитывая на подтяжку, в период выполнения операции, сил Юго-Западного фронта на люблинское направление.

8 августа командованием фронта отдается приказ об атаке польских сил и форсировании Вислы, каковое назначается на 14 августа. Главный удар намечается в район севернее Варшавы. 4-я армия выставляет некоторый заслон в торнском направлении, а главными силами форсирует Вислу в районе Плоцка; 15-я армия форсирует ее в ловичском направлении; 3-я армия форсирует Вислу в районе Вышгород—Новогеоргиевск; 16-я армия, выставив заслон в гарволинском направлении, главными силами форсирует Вислу севернее Варшавы. Мозырская группа продолжает наступление для форсирования Вислы в районе Ивангорода. Она усилена, по просьбе Западного фронта, 58-й стрелковой дивизией из состава 12-й армии Юго-Западного фронта. Разграничительными линиями назначались: между 4-й и 15-й армиями Маков—Ойржень—Плоцк—Пионтек; между 15-й и 3-й армиями Брок—Насельск—Вышгород—Сохачев; между 3-й и 16-й армиями Медзна—Новогеоргиевск—Блоне; между 16-й армией и Мозырской группой Брест—Литовск—устье р. Вепрж; между Западным и Юго-Западным фронтами главнокомандующим назначена линия Влодава—Новая Александрия.

Таким образом, против правого фланга польской основной группировки мы направили не менее 14 наших стрелковых дивизий и 3-й конный корпус. Учитывая моральное превосходство наших войск, мы имели полное право рассчитывать здесь на победу.

Обращает на себя внимание очень глубокий обход наших армий. Однако таковой имел под собой твердую почву. Если бы противник встретил нас контрнаступлением на правом берегу Вислы, то наша группировка оставалась бы очень плотной и охватывающей. Если же белополяки не были бы в состоянии вступить с нами в открытый бой и отошли бы за Вислу, то для удобства форсирования этой чрезвычайно трудной переправы необходимо было совершать ее на широком фронте. К этому особенно вынуждало отсутствие у нас понтонных средств.

6 августа, на два дня раньше этого решения, поляки при-

нимают в своей главной квартире следующий план действий (схема 12).

На люблинском направлении оставляются только украинские партизанские части и польская конная группа в 1½ дивизии. Все остальные силы перебрасываются на Вислу и распределяются по 5 армиям.

Против нашего правого фланга сосредоточивается 5-я армия, в составе 3 пехотных дивизий, 1 пехотной бригады и большого числа пограничных частей и разных новых формирований, общей численностью в 29 тыс. штыков и сабель. Район действий — Ново-георгиевск—Маков. Задачей ей ставится: недопущение дальнейшего наступления большевиков за Буг и Нарев.

1-я армия, в составе 4 пехотных дивизий, 1 пехотной бригады и большого числа добровольческих и различных случайных формирований, сосредоточивается на Варшавском предместном укреплении и насчитывает в своем составе до 40 тыс. штыков и сабель.

2-я армия, в составе 2 пехотных дивизий и различного рода мелких частей, обороняет участок Вислы к югу от Варшавы до Ивангорода и насчитывает в своем составе 16 тыс. штыков.

4-я армия, в составе 3 пехотных дивизий, сосредоточивается в районе юго-западнее р. Вепрж с целью нанесения удара во фланг наступающим нашим главным силам. Сосредоточение 4-й армии прикрывает 3-я армия, составленная из 3 пехотных дивизий и 1 кавалерийской бригады, действующих на люблинском направлении. Численность этих 2 армий простиралась до 22 тыс. штыков.

Оценивая эту группировку белополяков, надо признать ее полную целесообразность в условиях сложившейся обстановки. Однако, думается, что, несмотря на то что она результатом своим дала полную победу, все-таки на решающем направлении (люблинском) было сосредоточено недостаточно сил и, в случае отсутствия ошибок с нашей стороны в сосредоточении Люблинского заслона, эта группировка не только не могла бы проявить себя активным образом, но даже была бы раздавлена (схема 13).

Итак, на участке 4, 15 и 3-й наших армий, имеющих в своем составе 12 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, поляки могли выставить всего 3½ пехотные дивизии, правда полного состава, плюс разношерстные мелкие части. Мы имели полную возможность нанести здесь противнику сокрушительный удар и оголить его левый фланг и коммуникацию. 16-я армия атаковывала с фронта самую мощную польскую группировку и должна была связать ее в продолжении развития всей операции. Зато наш левый фланг был в невыгодном соотношении сил. Против 2 дивизий Мозырской группы и 3 дивизий 12-й армии, действовавших на люблинском направлении, поляки выставили 6 пехотных дивизий, доведенных до полной численности, и, таким образом, имели здесь перевес. Если бы только мы сосредоточили своевременно на

люблинском направлении части конной армии, то и здесь наша группировка была бы угрожающей для белополяков и они не могли бы помышлять не только о наступлении из района Ивангород—Люблин, но были бы сами поставлены в очень тяжелое положение и неминуемо были бы отброшены на западный берег Вислы. Это обстоятельство с полной убедительностью доказывает, что мы могли и должны были решиться на наше наступле-

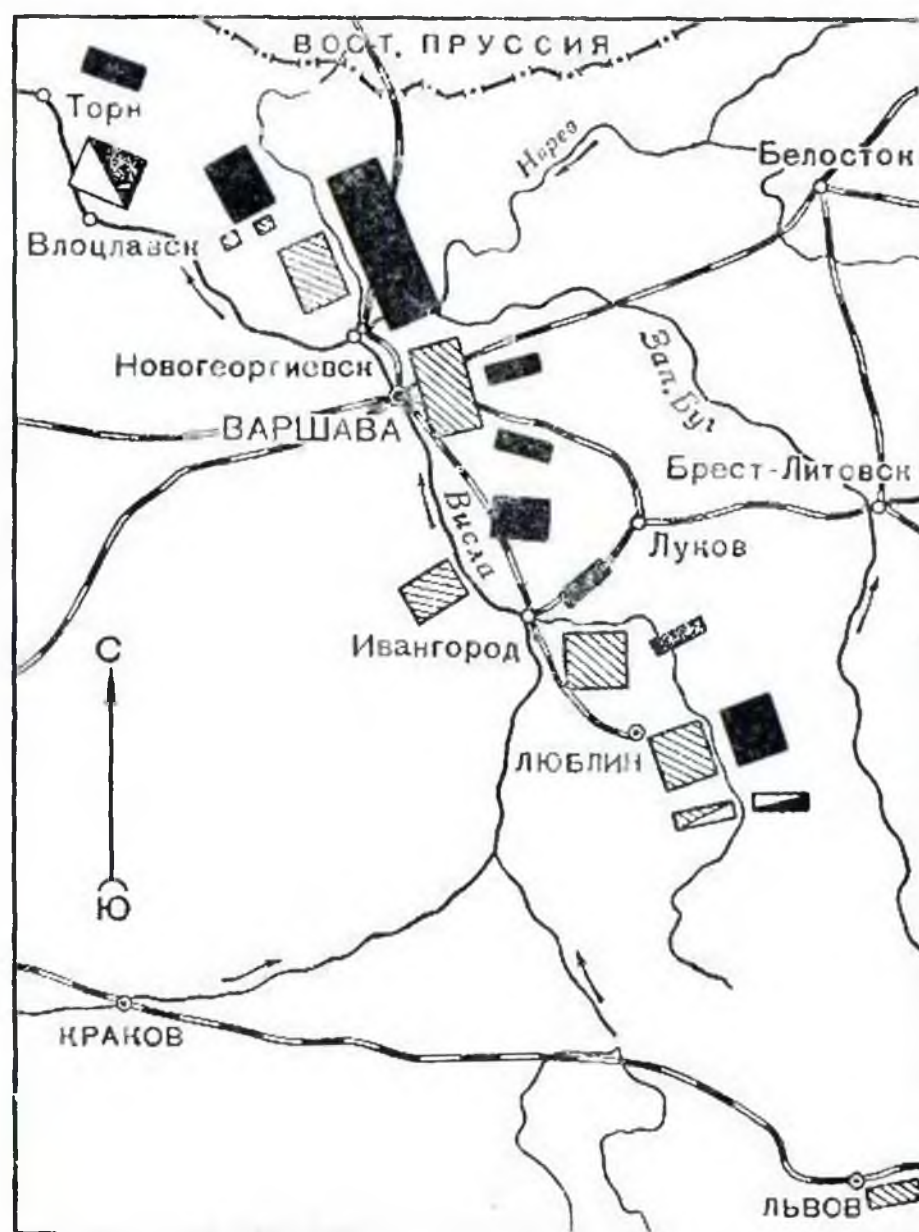

Схема 13

ние за Вислу и что это наступление имело полное основание на успех, если бы с нашей стороны не имел место недочет в стратегическом сосредоточении.

5-я польская армия не в состоянии выполнить своей задачи. Она сбита решительным наступлением наших северных армий и принуждена отступать на западный берег р. Вкры. 16-я армия завязывает бои на варшавском направлении.

В это время на стыке 4-й и 15-й армий имеет место инцидент, незначительный по существу, но сыгравший решающую роль в

ходе всей нашей операции и положивший начало ее катастрофическому исходу (схема 14).

Полевой штаб 4-й армии, перешедший при наступлении в г. Цеханов, был неожиданно атакован прорвавшимися между 4-й и 15-й армиями мелкими частями противника и должен был поспешно сняться и уехать на запад к своим частям. Таким актом нарушалась связь между штабом фронта и 4-й армией, которая больше не восстанавливалась вплоть до начала нашего отступления, что, конечно, произошло благодаря полному отсутствию в нашем распоряжении каких бы то ни было средств стратегической связи.

Самый тактический инцидент был очень скоро ликвидирован. 15-я армия посылает на стык свою резервную дивизию, быстро восстанавливает положение, и наше наступление продолжается. Однако, как показал дальнейший ход событий, это происшествие не было простой случайностью. 5-я польская армия, оттесненная за р. Вкру, получила приказ о переходе в наступление и начала его по всему фронту 15-й и 3-й армий.

Уже 5 недель продолжалось наше безостановочное наступление, 5 недель стремились мы найти живую силу врага, для того чтобы в решительном ударе окончательно уничтожить его живую силу. 5 недель белополяки неизменно уклонялись от решительного столкновения в силу расстройств своей армии, и лишь только на Висле, подкрепленные новыми формированиями, рискнули они на это дело. Заранее мы не знали, где встретим главное сопротивление противника — на Висле или за Вислой. Но мы знали одно, что где-нибудь мы его главные силы найдем и разгромим в решительном столкновении. И вот теперь противник сам давал нам возможность осуществить эту задачу. 5-я армия, слабейшая по числу единиц и слабейшая духом, перешла в наступление против наших 15-й и 3-й армий, когда над ее оголенным левым флангом нависли самые свежие, самые боеспособные наши части 4-й армии. Радость этого события для фронтового командования была чрезвычайно велика, и оно отдало приказ 15-й и 3-й армиям на всем фронте встретить наступление противника решительным контрударом и отбросить его за р. Вкру (схема 14); 4-й армии, оставив заслон в торнском направлении, всеми своими силами атаковать перешедшего в наступление противника во фланг и тыл в новогоргиевском направлении из района Рационж—Дробин.

Казалось, гибель 5-й армии противника являлась неминуемой, и уничтожение ее повлекло бы самые решительные последствия в дальнейшем ходе всех наших операций. Однако полякам повезло. Наша 4-я армия, где новый командарм потерял связь со штабом фронта, не отдавала себе ясного отчета в складывавшейся обстановке. Не получая приказов фронта, она выставила в районе Рационж—Дробин какой-то бесформенный полузаслон и разбросала свои главные силы на участке Влоцлавск—Плоцк. 5-я армия противника оказалась спасенной и совершенно безна-

казанно, имея на фланге и в тылу у себя нашу мощную армию из 4 стрелковых и 2 кавалерийских дивизий, продолжала наступление против 3-й и 15-й армий. Такое положение, чудовищное по своей несообразности, помогло полякам не только остановить наступление 3-й и 15-й армий, но и начать шаг за шагом оттеснять их части в восточном направлении.

Схема 14

16-я армия тем временем решительным ударом потеснила польские части и совсем было подошла к переправам на Висле, но контрудар последних заставил ее осадить назад. Она снова переходит в наступление, и здесь завязываются бои с переменным успехом, без решительных результатов.

На левом фланге 16-я армия без боев выходит на линию р. Вислы; правый фланг Мозырской группы точно так же без затруднения достигает ее. Зато на парчевском направлении она завязывает безрезультатные бои.

13 августа в подчинение командзapa передается наконец 12-я армия.

Главное командование, учитывая необходимость консолидации левого фланга Западного фронта, 11 августа в 3 часа отдает Юго-Западному фронту директиву о необходимости изменить группировку сил Юго-Западного фронта и в самом срочном порядке двинуть конную армию в направлении Замостье—Грубешов. Расчет времени и пространства показывает, что эта директива главного командования могла быть безусловно выполнена до перехода южной польской группировки в наступление. Если бы

Схема 15

выполнение несколько и запоздало, то польские части, перешедшие в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного разгрома, получив по тылам удар нашей победоносной конной армии.

Однако в силу сложившейся в Галиции обстановки, где проводившиеся последовательные группировки были до сего времени направлены на Львов, выполнение этой директивы задержалось. 12 августа главнокомандующий в разговоре по проводу указывает на полную непонятность для него отсрочки в выполнении его директивы и им дается подтверждение этого указания. Когда было приступ-

лено к его выполнению, то время было уже в значительной мере потеряно. Но хуже всего было то, что наша победоносная конная армия ввязалась за эти дни в ожесточенные бои за обладание Львовом, где бесплодно потеряла время и силы на укрепленных его позициях, в борьбе против пехоты, конницы и мощных воздушных эскадрилий. Эти бои засосали конную армию, и она приступила к выполнению перегруппировки с таким запозданием, что ничего полезного на люблинском направлении сделать уже не могла¹.

Между тем 12-й армией был перехвачен приказ по 3-й польской армии, из которого было ясно, что поляки готовятся к переходу в наступление против нашего левого фланга из района р. Вепрж. Между прочим, этот приказ вызвал большое сомнение

¹ Директива Главкома о передаче 1-й конной и 12-й армий Западнему фронту была не выполнена по вине члена РВС Юго-Западного фронта И. В. Сталина, не подписавшего приказа. Сталин встал на путь прямого неподчинения директивам Главкома, исходившим из решения Пленума ЦК РКП(б) от 5 августа 1920 г. — *Ред.*

в полевом штабе, что и высказано в разговоре по проводу и указано, что, по данным разведки, все называемые нами части к нам не переброшены, а продолжают действовать на Юго-Западном фронте. К сожалению, приказ был верен.

16-я армия продолжала свои безуспешные атаки севернее Варшавы. Обстановка слагалась так, что необходимо было усилить наш левый фланг и вместе с тем дать возможность 16-й армии проявить себя на менее укрепленном противником направлениях. В связи с этим 14 августа командованием фронта отдается приказ о том, чтобы 16-я армия искала переправы южнее Варшавы и чтобы одну стрелковую дивизию она выделила в резерв фронта в район г. Луков (схема 15), к выполнению чего и было приступлено.

ХIII. ПОЛЬСКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Когда эти перегруппировки осуществлялись, польская армия перешла в наступление. Части Мозырской группы были легко разбиты и рассеяны и начали беспорядочное отступление. 16-я армия стала попадать под фланговые удары, что усугублялось еще производившейся перегруппировкой и тем, что связь дивизий с командованием армии была нарушена в силу слишком далекого расстояния полештарма от боевой линии. Такая обстановка явилась для нас чрезвычайно грозной, особенно в связи с тем, что конная армия упорно продолжала свои действия в львовском направлении вместо люблинского.

К сожалению, о польском наступлении командование фронта узнало всего только 18 августа из разговора по прямому проводу с командармом 16. Последний об этом узнал только 17-го. Мозырская группа совсем ничего не донесла о происшедшем.

Командарм 16 в своем разговоре по проводу, докладывая о сложившейся обстановке, высказал свое мнение о необходимости отойти для того, чтобы устроиться, по считал наступление белополяков не серьезным и предвидел возможность ликвидировать его. Однако сопоставление разведывательных данных о противнике с тем наступлением, которое началось из-за р. Вепрж, заставляло взглянуть на это обстоятельство другими глазами, и командование фронта немедленно дает приказ о резком изменении задачи армиям фронта (схема 16).

На нашем левом фланге обстановка слагалась угрожающе. На нашем правом фланге, благодаря непонятности действий 4-й армии, не было никакой возможности быстро покончить с наступавшим противником. Наоборот, 4-я армия, зарвавшись к Влоцлавску, попадала заранее в очень тяжелое положение.

Приказ отдается следующего содержания: 4-й армии в своем полном составе, оказывая по пути поддержку 15-й армии, к 20 августа во что бы то ни стало сосредоточиться в районе Цеханов—Прасныш—Маков. Телеграммой начштазапфронта 4-й армии ука-

зывалось, что если содействие 15-й армии будет ее задерживать в движении, то его надлежит избегать, имея основной целью сосредоточение в назначенный срок в указанном выше районе. 15-й и 3-й армиям ставилось задачей сдерживание противника и обеспечение сосредоточения в резерве 4-й армии. 16-й армии ставилось задачей отступление на р. Ливец. Мозырской группе ставилось задачей обеспечение левого фланга 16-й армии. 12-й армии приказано перейти в наступление для сковывания противника, наступающего из-за р. Вепрж. 21-ю дивизию 3-й армии и одну

Схема 16

дивизию 16-й армии приказано было форсированным маршем направить в резерв фронта в район Дрогичин—Янов.

Было очевидно, что, упустив время и возможность нанесения противнику поражения, мы сами попали в тяжелое положение и принуждены отступить. Зная характер боев и операций при наших прерывчатых разреженных фронтах, для командования фронта не являлось секретом, что мы не удержимся и что отступление будет продолжаться, вероятно, до линии Гродно—Брест. Здесь мы имели возможность влить те 60 тыс. пополнений, которые уже двигались в эшелонах и шли походным порядком в за-

пасные батальоны наших армий. Здесь мы могли оправиться, устроиться и перейти в дальнейшее наступление. Но основным условием для этого являлся безболезненный вывод наших армий из сложившейся обстановки. Оторванность 4-й армии вселила в этом отношении некоторое беспокойство, и ей были поставлены жесткие сроки отхода.

Однако наши несчастья на этом не кончились. Отсутствие средств связи и бестолковые путешествия 4-й армии по Данцигскому коридору, по-видимому, не позволили получить командарму 4 отданного приказа вовремя. В довершение всех несчастий, командарм 4, оторванный от штаба фронта и от соседних армий и не представлявший, в силу этого, общей обстановки на фронте,

Схема 17

считал таковую вполне благоприятной и отступление находил совершенно несвоевременным. 19-го числа, случайно поймав командзипа по проводу, он изложил ему эти свои соображения, но получил категорическое подтверждение ранее отданного приказа. Само собой разумеется, что времени 4-й армией было, потеряно столько, что своевременно она ни в коем случае не могла выполнить поставленной ей задачи. А это обстоятельство, в связи с тем что расстройство Мозырской группы и 16-й армии достигло крайних пределов и что противник, научившийся у нас смелости, наступал здесь с бешеной быстротой, заранее обрекало 4-ю армию почти на верную гибель. Надежда могла еще быть только на то, что противник для устройства своих тылов хоть на время задержится или замедлит темп своего наступления. Но этого он не сделал. К 20 августа, отбрасывая в беспорядке части 16-й армии и расчлененно сбивая во фланг части 3-й и 15-й армий, противник

занимает линию Прасныш — Маков — Остров — Бельск — Брест (схема 17). Тем временем 4-я армия еще только двигается к Праснышу и находится в районе Цеханова. 22 августа противник выходит на линию Остроленка — Ломжа — Белосток. 4-я армия еще только приближается к первому пункту. Части 15-й и 3-й армий напрягают все свои силы, чтобы сдержать наступление противника

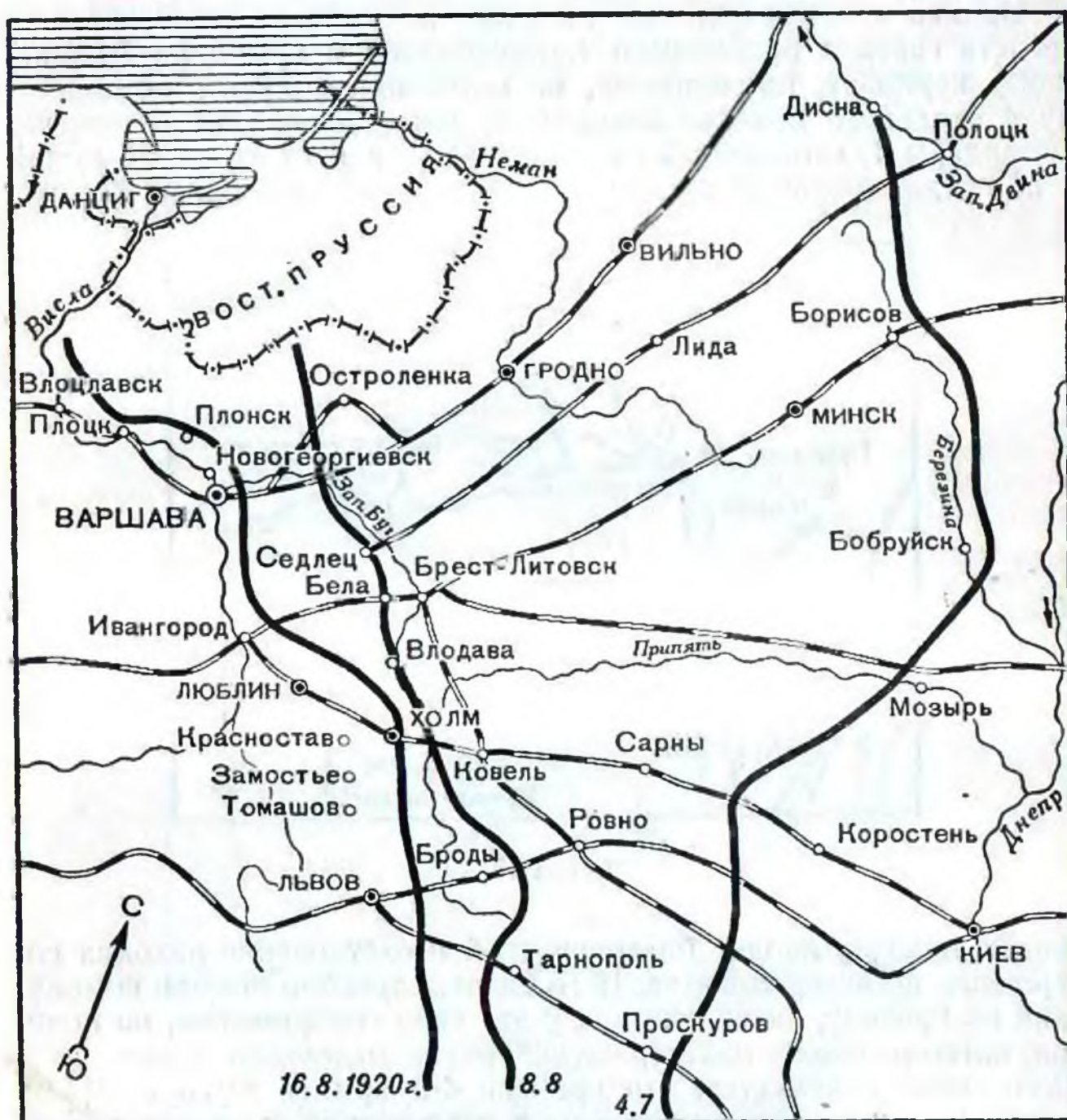

Схема 18

и позволить 4-й армии пройти в узком коридоре между Наревом и восточно-прусской границей. Но эта задача остается невыполнимой. 3-я и 15-я армии в неравных боях, в самом невыгодном для себя положении, теряют значительную долю своих сил и 4-й армии спасти уже не в состоянии. Большую часть ее противник прижимает к восточно-прусской границе и заставляет перейти на германскую территорию (схема 18).

Так кончается эта блестящая наша операция, которая заставляла дрожать весь европейский капитал и которая своим финалом позволила ему наконец свободно вздохнуть.

Поляки, выпалив в свою контроперацию весь остаток своей энергии, выдохлись и не могли развить достигнутых ими успехов. Наши части в самом жалком виде подтягивались на линию Гродно—Волковыск и отсюда распределялись по своим армиям. Снова закипела работа. Пополнения были влиты в оставшиеся кадры, и через каких-нибудь 2—3 недели силы фронта были снова восстановлены. Однако восстановление это было условное. Прибывшее пополнение было не обмундировано, не обуто, а на дворе стояла осень.

О наступлении можно было говорить только по получении обмундирования. А без наступления нельзя было говорить о боеспособности войск. Если бы противник перешел в наступление ранее нас, то никакого не могло бы оставаться сомнения в том, что мы были бы разбиты. Все же войска были настроены твердо. Проигранная операция толкала их на желание нового наступления. Мы имели все шансы на то, чтобы снова повернуть счастье в свою сторону. Вопрос был только в том, кто раньше подготовится и кто раньше перейдет в наступление. К сожалению, хозяйственное положение Республики не позволило нам осуществить нашей задачи. Поляки перешли в наступление первые, и наше отступление стало неизбежным.

Конная армия, прибывшая на люблинское направление с большим запозданием, была двинута главным командованием в глубокий рейд на Замостье, но это уже было поздно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной вывод из нашей кампании 1920 г. необходимо сделать тот, что ее проиграла не политика, а стратегия. Политика поставила Красной Армии трудную, рискованную и смелую задачу. Но разве может это означать неправильность? Не было ни одного великого дела, которое не было бы смелым и не было бы решительным. И если сравнивать Октябрьскую революцию с нашим внешним социалистическим наступлением, то, конечно, октябрьская задача была гораздо смелей, гораздо головоломней. Красный фронт имел возможность выполнить поставленную ему задачу, но он ее не выполнил. Основными причинами гибели операции можно признать недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки управления войсками. Технические средства имелись в недостаточном количестве, в значительной степени благодаря тому, что им не было уделено должного внимания. Далее, неподготовленность некоторых наших высших начальников делала невозможным исправление на местах недостатков технического управления. Расхождение, ко времени решительного столкновения, почти под прямым углом главных сил Западного и Юго-

Западного фронтов предрешило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу. Несуразные действия 4-й армии вырвали из наших рук победу и в конечном счете повлекли за собой нашу катастрофу.

Рабочий класс Западной Европы от одного наступления нашей Красной Армии пришел в революционное движение. Никакие национальные лозунги, которые бросала польская буржуазия, не могли замазать сущности разыгравшейся классовой войны. Это сознание охватило и пролетариат и буржуазию Европы, и революционное потрясение ее началось. Нет никакого сомнения в том, что если бы только мы вырвали из рук польской буржуазии ее буржуазную шляхетскую армию, то революция рабочего класса в Польше стала бы совершившимся фактом. А этот пожар не остался бы ограниченным польскими рамками. Он разнесся бы бурным потоком по всей Западной Европе.

МОДНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ¹

«Старая тактика отжила...

Ее бессильные неуклюжие цепи оказались неудобноуправляемыми... Оказалось, что в боевой обстановке командир может управлять только небольшой группой бойцов...

Огонь настолько силен, что сплошные цепи порваны и заменены рассеянными по полю сражения группками...»

Такие соображения сейчас в большой моде. И на основании этих соображений строится новая тактика пехоты. Основным положением ее является:

«Наступать и обороняться только группками!..

Вся власть группкам!..»

Я пишу не сатирическую статью, и если все-таки приведенные мною отрывки несколько смешны, то в этом виноват не я. В современной тактике пехоты есть действительно много нового по сравнению с тактикой предыдущей эпохи. К этому имеется много оснований, и о них я буду говорить далее. Но все это вовсе не означает надобности прибегать к скороспелым выводам и обобщениям, возводить в правило то, что является частностью, хотя бы и очень яркой.

Для ясности изложения затронутых ошибочных тактических выводов придется сначала обратиться к исторической справке.

* * *

■

Начиная с введения огнестрельного оружия тактика пехоты в своем развитии претерпевает целый ряд эволюций и революций.

Местность по протяжении этого времени оставалась величиной постоянной.

Человек тоже был сравнительно постоянной величиной. Однако все же изменялся, хотя и не влияя резко на развитие тактики. Так, например, благодаря особым этнографическим условиям, швейцарцы были прекрасными стрелками, превосходя в этом отношении войска других стран. То же можно сказать о легкой пехоте австрийской армии и т. п. Эти свойства сильно влияли на тактику своих частей.

Обратимся к истории пехоты.

¹ «Революция и война», 1923, № 21, стр. 66—76 Печатается с незначительными сокращениями.— *Ред.*

Появление мушкета сразу изломало прежнюю тактику. В пехоте появилась смесь мушкетеров и пикинеров. Первые своим огнем могли легко расстроить сомкнутые строи пикинеров. Перед ударом в пики появлялся, таким образом, огневой бой. Пикинеры не могли в нем участвовать. Они ждали момента расстройств противника для того, чтобы окончательно смять его ударом в пики.

Это положение рождает новый строй: цепь мушкетеров, а за ними глубокие, плотные построения пикинеров. Малоопытные войска обрастали мушкетерами со всех сторон. Таковы порядки пехоты XV и первой половины XVI века.

Между прочим, интересно отметить реакционную борьбу робких умов против развития огнестрельного оружия. Как теперь многие боятся машинизации, так же и тогда многие боялись «мушкетизации» армии. Но как теперь, так и тогда развитие производительных сил неумолимо делало свое дело, и огнестрельное оружие все более и более распространялось в пехоте.

К концу XVI века мушкетеров становится столько же, сколько и пикинеров. Это обстоятельство уже не позволяет смотреть на первого только как на огневую силу. В мушкетерах ищут уже и ударной силы. А учитывая, что мушкетный огонь того времени все ж таки не был уничтожающим, мушкетеры получают свои собственные участки в построениях пехоты, из которых они давали перекрестный огонь и вместе с тем служили ударной силой.

В этом отношении характерно построение Нидерландского полуполка. В центре он имел 25 рядов пикинеров, а по флангам по 12 рядов мушкетеров. В глубину те и другие имели по 10 рядов. Такое построение допускало перекрестный огонь из мушкетов и, вместе с тем, обладало достаточной ударной способностью.

Густав Адольф, введя целый ряд улучшений в стрелковое дело и увеличив число мушкетеров, усовершенствовал этот порядок в смысле использования огня возможно большего числа мушкетеров. Он строит их только в шесть шеренг, а перед открытием огня в бою вздваивает ряды и, таким образом, перестраивает в три шеренги. Мушкетеры развивают свой строй в линейном духе, а пикинеры остаются в более глубоких построениях. Это, конечно, правильно, так как этим достигается максимальное развитие огня и достаточно ударная сила (пикинерами). Такая погоня за силой огня объясняется главным образом усовершенствованием мушкета и появлением бумажных патронов, что в значительной мере увеличивало скорострельность.

В конце XVII века изобретается штык к кремневому ружью, гораздо более скорострельному, чем мушкет. Кремневое ружье, гораздо более удобное и легкое, давно уже вело состязание с мушкетом и теперь сгоняет его со сцены вместе с пикией. Таким образом, нормализуется вооружение пехоты. Теперь уже нет необходимости разбивать пехотный порядок на разношерстные участки. Вместе с тем кремневое ружье позволяет развивать мощный и ру-

жейный огонь, не очень меткий в одиночной стрельбе, но очень действительный в стрельбе по площадям.

Ружейный огонь становится самым сильным оружием в бою. Поэтому необходимо использовать его до максимума, а это возможно только при дальнейшем развитии линейного порядка.

Теперь общий боевой порядок представляет собой линию развернутых батальонов, а батальоны строятся в три—четыре шеренги, что допускает одновременно участие в огне всех стрелков.

Фридрих Великий не внес в это построение ничего нового, но зато он усовершенствовал стрельбу и, главное, научил пехоту наступать под прикрытием своего же огня. Для этого выбегали вперед по очереди части или ряды и немедленно давали залп. Под его прикрытием то же самое проделывали и другие. Таким образом, Фридрихом был введен метод, несколько похожий на перебежки наших цепей до и во время империалистической войны.

Французская революция отмечается также революцией и в тактике пехоты. Мы отбросим здесь идеалистические обоснования происхождения этой тактики, как-то: революционный дух, слабая обученность войск и проч. Эти явления могли быть только подсобными факторами, но не решающими. В легкой австрийской пехоте рассыпные действия имели место в силу ряда этнографических условий, о которых упоминалось выше, и, однако, эти действия не могли привиться, ибо материальная сторона — вооружение не позволяло этого. Покуда вооружение оставалось нормализованным, неминуемо сохранялся линейный порядок.

Но вот, в эпоху революции, французская армия получает новое нарезное оружие. Его отличительным свойством являлась меткость. В скорострельности оно уступало кремневому ружью. Но эта меткость давала колоссальное преимущество в деле расстройств рядов противника. Даже массовый огонь кремневых ружей не вносит в них такого опустошения.

Нарезного оружия было немного, но оно было вкраплено во все роты. Таким образом снова была нарушена нормализация вооружения, а тем самым ломался линейный порядок, который вновь распался на часть, ведущую огневое состязание, и часть, продвигающуюся под прикрытием огневых частей к штыковому удару.

Эта революция коснулась цепи и батальонных колонн.

Однако дальнейшее развитие нарезного оружия привело к одообразному вооружению пехоты винтовкой.

Это нанесло удар глубокой тактике пехоты. Вновь появился линейный порядок.

Характерно, что, когда была введена магазинная винтовка, порядок пехоты не подвергся революции. Он только эволюционировал в сторону разреженности линейного порядка.

Чем это объясняется? Да тем, что перевооружение велось не путем вкрапления магазинов, а путем полного нормализованного перевооружения.

Наконец, мы подходим к империалистической войне.

Вошла в нее пехота линейным порядком, а вышла глубоким. Откуда эта революция?

В роту, в отделение был вкраплен легкий пулемет.

Как только появилось в роте это мощное огневое средство, так стрелковый огонь стушевался, отошел на последнее место. В нашей новой роте, например, пулеметов и автоматов в семь раз меньше винтовок, а огонь их в три с лишком раза превосходит по силе стрелковый огонь роты. Ясно, что стрелковый огонь становится вспомогательным, и главной задачей стрелков является продвижение под прикрытием огня пулеметов и автоматов к штыковому удару.

Но также ясно и то, что, как только мы вооружим автоматами всю пехоту, так снова выплывет на сцену линейный порядок. Ибо превосходство в огне будет иметь тот, кто выдвинет в огневую линию большее число автоматчиков.

Таковы злоключения тактики пехоты за последние пять веков, где она, диалектически развиваясь, претерпела немало революций и эволюций.

Возможно, что газовое дело внесет в пехоту такой же переворот, как в свое время изобретение огнестрельного оружия (если не больший), но этого вопроса я здесь разбирать не буду.

Какие обобщающие выводы можно сделать из всего вышензложенного?

1) Глубокая тактика пехоты, т. е. такая, которая при нормальной ширине участка частей развивает порядок в глубину, численно ослабляя боевую линию, есть следствие вкрапленного в пехоту нового сильного оружия.

Таким образом, глубокая тактика пехоты вовсе не есть идеал, как это принято провозглашать, а знаменует собой первоначальный период развития и производства нового оружия. Это есть тактика переходного периода от эпохи старого оружия к эпохе нового, более мощного и совершенного оружия.

2) Линейная тактика пехоты выражает собой расцвет нового мощного оружия, когда им вооружена поголовно вся пехота.

Боевая «линия» не есть что-либо презренное, не есть недомыслие, а есть продукт стремления к извлечению максимума силы из пехоты данной части путем наибольшего использования самого сильного оружия — огня.

Необходимая живая сила для штыкового столкновения может быть достигнута при линейном порядке тем же способом, что и при глубоком, т. е. концентрацией на данном участке нескольких частей и эшелонированным наступлением ими.

Собственно говоря, и глубокая и линейная тактика не изменяет ударной способности части. Например, если мы возьмем для роты участок в 400 шагов и если ударную способность роты оценивать величиной поперечной нагрузки ее строя, то таковая не изменяется от применения той или другой тактики.

В заключение этих выводов надо сказать, что и линейной тактики не надо идеализировать.

Каждая из тактик, как в чистом, так и в смешанном виде, зависит всецело от развития производительных сил страны, и та, которая лучше всего с ними согласована, и является самой «идеальной».

* *

*

Если не очень вдумываться в сущность наступления пехоты, то оно как будто бы исчерпывается огнем и движением. Наша инструкция и весьма распространенные взгляды так и смотрят на этот вопрос. «Огневые группы», «огневая рота» — вот новые термины, выдвинутые ими.

Из предыдущего изложения должно стать ясным, что в самих терминах этих заложены недоразумения.

Огневая рота... Как раз новая рота не является, по существу, таковой. В ней на двести с лишком человек имеется всего только 19 мощных огневых машин. Остальные стрелки, по сравнению с этими машинами, вооружены «дрекольем», и их главная задача далеко не огневая, на чем я подробно остановлюсь позднее. Рота прежнего характера гораздо более походила на огневую, ибо там фактически вся рота участвовала в огневом состязании.

Огневые группы... Здесь уже можно отметить двойственное недоразумение. Во-первых, в них включаются и автоматические машины, и стрелки, а во-вторых, этот термин указывает на слияние для всех частей роты функций огня и движения.

Это последнее положение является верным только для линейных порядков.

К подробному рассмотрению обоих последних вопросов я и перейду.

Выше уже было освещено вооружение нашей новой роты. Оно состоит из 19 мощных автоматических машин, дающих в общем эквивалент огня в 10 стрелковых взводов, и из 189 магазинных винтовок, дающих в бою нормально огонь 3 стрелковых взводов.

Ярко бросается в глаза то обстоятельство, что автоматы являются господами огня в роте. Представляя собою малую редкую цель они в то же время развивают бешеный огонь.

Есть ли смысл впутывать в огневое состязание стрелков? Для того чтобы достичь действительного их огня, потребуется цепь. Это мало усилит огонь (только на 30 процентов), но зато создаст сильно поражаемый уязвимый строй. Игра не стоит свеч. Я говорю о стрелковом огне в крупном масштабе. Одиночный огонь хороших стрелков даже из строя змейкой будет всегда полезен и необходим.

Итак, главная задача стрелков — это продвижение, под прикрытием автоматного превосходства в огне над противником, до штыкового столкновения.

Конечно, на протяжении боя эти задачи будут постоянно перекрещиваться, но я их нарочно резко подчеркнул в их основном значении.

Отсюда ясно, что соединять в одно движение всей роты и огонь — нельзя, неверно. Движение и огонь полностью совпадают только для автоматического оружия, а для стрелковой массы огонь — явление эпизодическое, при выполнении их основной задачи — безубыльного продвижения к штыковой атаке.

Движение автоматов вовсе не должно слепо связываться с продвижением стрелков. Оно согласуется главным образом с условиями удобства стрельбы. Стрелки же (в массе) стремятся к замаскированному следованию за ними или, лучше сказать, под их прикрытием.

Французы лучше нашей инструкции поняли стрелковую картину боя.

Огневое состязание они всецело возлагают на пулеметы. Но зато они путаются в другом. Порожденные империалистической войной боязнь, робость перед решительными штыковыми схватками окутывают всю их тактику дымкой какой-то пассивной вялости. Решительный тон редакции не изменяет осторожного, нерешительного содержания.

Французы правильно оценивают роль огня. Приблизительно правильно понимают характер двойственного продвижения, но они резко путаются в оценке такового.

«Пулеметное звено наступает, стрелковое гранатное звено его прикрывает». Вот каков французский взгляд.

Совершенно очевидно, что задачи по прикрытию пулеметов являются для стрелков столь же эпизодическими, как и ведение огня, и поднос патронов. Они движутся с более активной целью: они стремятся дорваться до штыка и гранаты. Правильнее сказать наоборот: пулеметы прикрывают стрелков.

Таково усложнение наступления пехоты, порожденное введением в роту неодинакового вооружения.

Когда рота получит однообразное автоматическое вооружение, когда порядки ее вследствие этого потянутся в линию, тогда огонь и движение снова совпадут и будут неразделимы в том, конечно, случае, если вопрос идет не о построении волнами. Там опять этот вопрос усложнится и раздвоится.

* *

*

Самым сильным строем для новой роты является строй линией змеек. Этот строй — наиболее разреженный из всех строев и развивающий мощный огонь.

Это вполне естественное явление тоже вызвало немаловажные заблуждения.

Очень распространено мнение, что разреженность строя совре-

менной роты есть следствие невыносимо сильного огня пулеметов и артиллерии. Конечно, эти факторы влияют на разреженность строев, но в данном случае не они являются законодателями. Мы знаем, что германская пехота весной 1918 г. принимала чрезвычайно плотные построения, и притом с полным успехом, несмотря на то что артиллерии и пулеметов тогда было столько, сколько в маневренной войне не встретится. Стало быть, дело не в этом.

Боевой порядок новой роты, даже сохраняя прежнюю ширину участка, будет все-таки более разреженным, чем раньше. Это происходит от замены цепи змейкой. Словом, на разреженность боевого порядка главным образом повлияли активные факторы, вооружение, а не пассивные, как-то: огонь противника и проч.

Часто думают, что наступление пехоты будет происходить тем более редким порядком, чем сильнее огонь противника.

В этом заложено глубочайшее заблуждение. Ведь чем реже наш боевой порядок, тем меньшую силу огня он может развить, а стало быть, тем безнадежнее будет его единоборство с могущественным огнем противника. Превосходство в огне, в смысле его качества, будет всегда на стороне обороняющегося. Силы наступающей пехоты, даже равные обороняющимся, все-таки не смогут с ними бороться. Принципиально требуется превосходство в числе огневых единиц.

Если оставить в стороне артиллерийский огонь, то массирование автоматического оружия в огневой линии будет служить не во вред, а на пользу наступающему. Артиллерийский огонь вводит некоторое изменение в это положение, целиком верное для узко пехотного боя. Однако изменения эти не столь велики практически. Вспомним боевой опыт, вспомним построения германской пехоты весной 1918 г., когда даже позиционная артиллерия не могла запретить ей наступать самыми плотными порядками, и мы увидим, что артиллерийский огонь не в состоянии упразднить густо наступающих автоматических огневых линий.

Само собой разумеется, не следует этот вывод возводить в догмат. Он является лишь общей ориентировкой. Настоящее положение дела можно оценить только на местности, в боевой обстановке. Нужно только было удостовериться — можно ли массировать пехоту при наступлении. И мы видим, что можно. Даже более того — должно там, где направление решающее.

Если опасны в военном деле стратегические кордоны, то в тактике они прямо губительны. А ведь бросить лозунг принципиальной разреженности боевых порядков пехоты — это означает проповедовать тактический кордон. Если он не страшен в столкновениях головных отрядов, то для боев в составе главных сил он является величайшим бедствием. Надо всеми возможными средствами вытравить его из голов командиров всех степеней.

Они должны воспитываться на следующих началах. Для наступления всегда надо создавать на важнейших участках превосходство и в огне, и в штыке. На неважных участках можно зада-

ваться обороной и размещать здесь сил меньше, чем у противника, пользуясь удобством в использовании огня.

Как отразится это на плотности боевого порядка пехоты? На его важных участках будет достигаться уплотнение, иногда очень значительное, а на неважных будет царствовать разреженность.

Вот каковы последствия, результаты стремления к преобладанию в огне.

Посмотрим теперь, какие возможности дают строи и порядки нашей новой роты в деле осуществления наступательных задач.

Выше уже обращалось внимание на то, что наиболее сильным строем новой роты является линия звеньевых змеек. По сравнению с цепью она является гораздо более разреженной по фронту и развитой в глубину. Если для роты взять участок в 300—400 шагов, то, считая даже, что все взводы будут в боевой линии, между звеньями интервалы будут от 18 до 24 шагов (в цепи 2—3 шага).

Из опыта империалистической войны мы знаем, что цепи и волны ходили в атаки в гораздо более плотных построениях даже в самый тяжелый (конечный) период позиционной войны. Весной 1918 г. немцы зачастую строили роты на участке в 150 шагов. Считая, что взводы эшелонировались, все-таки интервалы между стрелками не могли быть более пяти шагов.

Возьмем пять шагов, как предельно малый интервал. Если на таких интервалах мы построим звеньевые змейки, то трехвзводная боевая линия роты займет по фронту 85 шагов. Это надо признать действительно максимальным уплотнением роты.

Положим, что обороняющийся противник растянул свою роту на участке в 850 шагов. Тогда фронту густо наступающей нашей роты он может противопоставить примерно одно отделение (дружину, боевую группу) с легким пулеметом, эквивалентом огня равные одному с третью взводам стрелков. Против этого огня наша рота противопоставит огонь десяти взводов.

Ясно, что такое массирование для роты будет не опасно, а, наоборот, безопасно, если все прочие элементы обстановки учтены.

Могут видеть серьезное возражение в силе артиллерийского огня. Конечно, с этим надо считаться, но надо учитывать и следующее: во-первых, данные опыта. Немецкие волны весной 1918 г. выдерживали при той же самой густоте построения огонь артиллерии значительно сильнейшей, чем та, которую мы встретим в маневренной войне, по крайней мере в ее первый период. Во-вторых, если мы массируем нашу пехоту к главному месту атаки, то тем более мы будем массировать здесь же и нашу артиллерию, которая должна будет забить артиллерию противника. Наконец, хорошая артиллерия противника может ведь сбивать не только густо построенные змейки, но и широко разбросанные.

Подводя итоги, мы скажем, что, наступая, надо маневрировать пехотой. Проповедуя принципиально разреженное построение рот, тем самым проповедают кордон и упразднение ударного тактического маневра. Наоборот, пехота должна быть приучена к самым

разнообразным действиям как в густых, так и в разреженных построениях. Густота и глубина построения не могут быть определены шаблонно. Вышеприведенные примеры ни в каком случае не следует принимать как твердые схемы. Густоту построения определяет задуманный маневр, основанный на оценке сил своих, противника и местности.

* * *

Наконец, надо остановиться на методах управления наступающей пехотой.

Мы все знаем новые модные взгляды на то, что пехота наступает и вообще действует самостоятельными мелкими группками. Управление свыше становится чем-то даже непонятным.

Главная беда подобного рода взглядов заключается в том, что они страдают внутренней неясностью, недостаточной логической связанностью. В чем же, в конце концов, заключается управление, где границы наступательной стихии группок, когда и где эта стихия теряется или завоевывается управлением?!

Наша инструкция не дает на это ясного ответа, более того, она вконец запутывает его, когда после проповеди стихийного наступления группок неожиданно предлагает брать в руки твердое управление тогда... когда нужно преследование. Она даже вовсе упраздняет столь вредное понятие, как «преследование», и заменяет его «закреплением». Это положение не только неожиданно, но и в корне расходится как с данными боевого опыта, так и с просто разумными теоретическими соображениями.

Своевременное наступление пехоты сложно не только в силу чисто внутренних пехотных затруднений, но и благодаря тому, что это сложное наступление приходится согласовывать с артиллерийским огнем. Укрепленная позиция в настоящее время обороняется не прямым огнем. Она вся строится на сложной системе перекрестного обстрела из пулеметных гнезд. Благодаря этому мелкие части, ведя перед своим фронтом огневой бой, вовсе иногда не могут повлиять на понижение обороноспособности противника. Для этого необходимо вмешательство соседних частей и, очень часто, артиллерии.

Как можно решать подобные задачи без управления?! Никакая частная инициатива, умение оценить обстановку не только у себя на участке, но и у соседей не могут заменить управления. Особенно это касается связи с артиллерией. Если в роте нет фактического управления, то не может быть и речи о планомерном взаимодействии артиллерии и пехоты.

Итак, теоретически совершенно необходимо осуществлять твердое управление, по крайней мере до тех пор, пока возможно содействие артиллерии, т. е. до линии штыкового удара, когда артиллерия переносит свой огонь на резервы противника.

Нет ли в природе современного боя каких-либо факторов, физически исключающих возможность управления?

Мне лично не приходилось принимать участия в позиционной войне, но в маневренной войне мне всегда удавалось осуществлять управление взводом вплоть до линии штыкового удара. И это было общим явлением для последних войн.

Во время позиционной войны дело резко менялось. Там войска не знали ни сближения, ни наступления. Они находились всегда на линии штыкового удара, почему задачи, в связи с близостью противника и шириною фронта частей, естественным образом разменивались и решались непременно частной инициативой мелких частей.

Громадное влияние позиционной войны на французские тактические взгляды отразилось полностью и в затронутом здесь вопросе. Французы считают, что вообще дело решается самостоятельностью и искусством группок.

Выше уже указывалось, что одной из важных причин выскользания управления из рук ротного и взводного командира на линии атаки является перенесение артиллерийского огня на резервы противника. Уменьшается потребность в управлении свыше. К этому присоединяются и трудности управления.

Если к этому еще прибавить то, что атака роты производится на довольно широком фронте, благодаря чему перед каждым отделением и звеном встают их собственные, конкретные объекты атаки в виде пулеметного и стрелкового гнезд противника, то самостоятельность малых единиц станет совершенно ясна и понятна.

Точно так же понятна самостоятельность мелких частей при прорыве укрепленной полосы противника. Здесь перед каждой малой частью последовательно встанет целый ряд мелких объектов атаки в виде вражеских пулеметных и стрелковых гнезд.

То же самое относится и к преследованию. Всякая централизация управления в этот период боя является потерей времени, а малейшая потеря времени является громаднейшей прибылью для противника. Преследование должно быть неотступным, смелым и дерзким. Засады бояться нечего. Их сметут соседние части. Лишь бы все стремились вперед. Это должно строго и последовательно проводиться в жизнь.

Надо иметь в виду, что наступающий несет потерь больше обороняющегося. Единственно, чем он может компенсировать свои потери,— это удачным, энергичным преследованием, позволяющим до конца уничтожить живую силу врага.

Вернемся несколько назад и проследим, какие причины влияют на характер управления пехотой, начиная со сближения и до линии атаки.

Эти причины могут быть двоякого рода: пассивные и активные.

К первому относится главным образом огонь противника. Чем ближе дело к атаке, тем сильнее его огонь. Огонь затрудняет управление, и отсюда проистекает пассивная причина децентрализации

управления. Активные причины заложены в том, что, во-первых, перед частями (все более и более мелкого размера) постепенно вырастают их частные задачи. Они требуют самостоятельности, своего собственного маневра.

Во-вторых, последовательный ввод в дело различных видов вооружения роты.

Так, например, ввод в дело ружей-автоматов и легких пулеметов на дистанциях от 600 до 900 шагов, приданных организационно взводам, дает взводному командиру большой интерес самостоятельности, ибо только при свободном распоряжении и напряжении всех своих средств огня можно достигнуть перевеса над противником. Это огневое обстоятельство является одной из главнейших активных причин перехода самостоятельности от ротного к взводному командиру.

Конечно, и пространственные причины играют большую роль. В период сближения взвод по фронту занимает почти несоизмеримо малое протяжение по отношению к дистанции до противника. Его полоса наступления практически более похожа на линию, чем на полосу. Поэтому в этот период у взвода не может быть маневра. Он имеет дело только с прямолинейным движением. Само собою понятно, что при таких условиях над взводами имеется твердая рука ротного командира.

Когда же взвод достаточно близко подходит к противнику, то отношение ширины его участка к расстоянию до противника увеличивается, полоса становится реальной, для нанесения главного удара надо выбрать решающее направление, т. е. избрать маневр, а это обстоятельство заставляет прежде всего разрешить свою задачу, а для этого ему нужна свобода и самостоятельность.

Подводя итоги изложенному выше, необходимо сделать вывод, что наступление пехоты происходит не группками, а гораздо сложнее. Оно распадается на ряд рубежей, полос, в которых управление, чем дальше от противника, тем становится централизованнее.

Приблизительно до ввода в дело легких пулеметов и даже автоматов осуществляется твердое управление ротой. Далее, до линии атаки — взводом. Еще далее — отделением и звеном.

Неправильная характеристика методов наступления влечет за собой и неправильное обучение войск. Только различая последовательную децентрализацию управления, можно правильно его наладить и провести необходимую тейлоризацию обучения.

На этом я и закончу статью.

* *

*

Задачей ее являлось не систематическое изложение боя пехоты, а выяснение наиболее важных заблуждений из всех модных заблуждений в области тактики пехоты. Без их выяснения и устранения нельзя правильно ни воевать, ни обучать. Необходимо научиться анализу, прежде чем хвататься за чужие выводы, особенно когда они являются не истиной, а заблуждением.

СТРАТЕГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ¹

Империалистическая война уточнила понятие о вооруженном народе. Она показала на примере, конкретно, какая связь существует между действующими вооруженными силами и самыми отдаленными окраинами страны. Нарушение в ту или в другую сторону необходимого равновесия, т. е. соотношения между живыми силами, ведущими боевые операции и производящими на них средства истребления и защиты, влечет за собой неминуемую катастрофу.

Каждая армия должна соответствовать экономическим возможностям страны, ибо только на этих возможностях она может реально развернуть свою боевую силу и достигнуть тех боевых результатов, которых требует от стратегии политика. По этому поводу говорилось и писалось уже достаточно, и я на этой теме останавливаться не буду. Мне хочется затронуть вопрос о взаимоотношении организации вооруженных сил и стратегии. Этот вопрос сложный. Он не только состоит в соотношении этих двух сторон дела, но и осложняется экономическими элементами. Империалистическая война и по этому вопросу дала нам очень поучительные примеры.

Значение, которое в исходе империалистической войны имело соотношение экономических сил и средств воюющих сторон,—огромно. Но только ли это соотношение разрешило окончательно исход войны? Конечно нет. Вопрос этот сложен. При известных обстоятельствах, даже уступая экономически соединенным силам и средствам Антанты, Германия имела основание войну выиграть. Первый провал, который предрешил разгром Германии, заключается в стратегическом промахе. Я на нем останавливаться не буду. Коснусь другого вопроса, довольно слабо освещенного,—вопроса о том, как повлияла на исход войны та или другая организация вооруженной силы. Мы увидим, что положение это немаловажное и что оно сыграло в империалистической войне одну из важнейших ролей.

Искусство стратегического вождения войск заключается прежде всего в том, чтобы сосредоточить в нужный момент на решающем направлении все силы, имеющиеся в распоряжении у командова-

¹ «Военный вестник», 1924, № 28, стр. 26—29.

ния. Однако в крупном масштабе такое сосредоточение подготовляется не во время войны, а в очень длительные сроки мирного времени, когда план войны готовится. Это касается, конечно, не только подготовки стратегического развертывания, но и системы вооруженных сил.

Обратимся к германским вооружениям. Мы знаем, что в течение десятилетий Германия готовилась к столкновению с Францией. Мы знаем, что германский генеральный штаб неоднократно доказывал, что наличная сила сухопутной армии недостаточна для этого столкновения. Откуда проистекал недостаток? Неужели по той причине, что германское правительство отпускало недостаточные средства на военные нужды страны? Нет, средства, отпускаемые на эти цели, были грандиозны. Но в организационном плане построения вооруженных сил царил разбросанность, или, образно говоря, «организационный кордон».

Хотя главнейшее оперативное направление шло по сухому пути на Запад от Рейна, хотя здесь должны были решаться судьбы военного и политического могущества Германии,— все-таки громадная часть средств, отпускаемых на военное дело, тратилась не на армию, а на морской флот. Стремление к обеспечению себе мирового господства, которое непременно потребовало бы наличия мощного морского флота после того, как на европейском континенте Германия осуществила бы свою гегемонию, повлекло германских империалистов по пути создания мощного морского военного флота. Безусловно верная сама по себе предпосылка послужила поводом к неправильным организационным решениям. Было бы целесообразнее использовать если не полностью, то подавляющую часть отпускаемых на военные нужды средств по тому пути организации вооруженных сил, который бы давал стратегии возможность сосредоточения в решающем направлении подавляющих сил, способных в короткий срок решить победоносную операцию.

Если бы это было соблюдено, если бы мощь сухопутной германской армии была подготовлена в большем масштабе, а это было вполне возможно, то исход осенней кампании 1914 г. во Франции мог бы окончиться для последней полным крахом, что предрешило бы и исход войны. Конечно, в результате победы Германия была бы поставлена лицом к лицу с английским империализмом, и вот тогда «маневренная» организация должна была бы переменить свое операционное направление и главную часть средств, отпускаемых на военные нужды, должна была бы обратить на строительство мощного морского флота.

Совершенно бесспорным фактом является то, что германская сухопутная армия была недостаточно сильна, чтобы разрешить поставленную ей стратегией задачу. Что же делал в это время флот, на который только с начала XX века было истрачено свыше четырех миллиардов марок? Если не считать отдельных столкновений и боев, то в общем в течение всей войны морской флот Германии бездействовал. Он не оказал и тени решающего влия-

ния на исход столкновения. Подводная кампания была начата лишь во время самой войны, весь подводный флот точно так же был выстроен уже в ходе войны, и, таким образом, затраты морского ведомства в мирное время отношения к этому никакого не имели. Да и сама подводная война оказалась не больше как увлечением, ибо у более мощной морской державы — Англии нашлось достаточно средств для того, чтобы парализовать действия подводного германского флота. Словом, подобно тому как поочередно разбиваются кордоном разбросанные части армии, точно так же разбились в ходе событий организационно разбросанные германские вооруженные силы.

В этом отношении Англия, несмотря на весь блеск германской сухопутной стратегии, показала себя гораздо более дальновидной в военном отношении. Программа ее строительства шла по пути полной организационной сосредоточенности. Она целиком была направлена на создание мощной морской военной силы, а сухопутная армия являлась лишь кадром, который мог бы ей послужить для развертывания значительных сил в случае надобности. Эта английская стратегия организации вполне соответствовала тем задачам, которые перед Англией вставали и которые она в конечном счете блестяще разрешила.

При этом надо заметить, что незначительность сухопутной армии мирного времени ничуть не помешала Англии развернуть в военное время многомиллионную сухопутную силу. Теперь, после войны, мы видим новый подход Англии к организационным вопросам. По-прежнему усиливая свою морскую мощь, она создает и новое боевое средство — мощную авиацию. Эта система позволит ей в случае надобности осуществить сосредоточение всех своих средств на нужном направлении. Мы видим опять-таки развитие военной силы не вообще, а по определенным направлениям, наиболее соответствующим главнейшим, насущным стремлениям.

Царская Россия шла по пути Германии в деле разброски в организационном строительстве. Империалистические мечтания заставили ее строить непомерно сильный флот, в то время как армия, которой предстояло решать основные задачи войны, была недостаточно вооружена и совершенно не обеспечена промышленностью в военном отношении.

Надо заметить, что не только империалистические интересы, но и тяжелая судостроительная промышленность играли важную роль в деле организации вооруженных сил как Германии, так России и Австрии. Без заказов морского ведомства судостроительная промышленность пришла бы в упадок, и давление соответствующих капиталистических групп оказало свое влияние на направление организационных усилий в строительстве вооруженных сил не по тому пути, куда ему следовало бы идти. На эту сторону вопроса следует обратить внимание и хорошенько изучить его.

В общем, надо сказать, что наиболее решающие ошибки в деле строительства вооруженных сил совершены именно в этой обла-

сти — в области сочетания сухопутной армии и морского флота и согласования такового с предстоящими стратегическими задачами. Ни Германия, ни Австрия, ни Россия не разрешили этой задачи правильно.

Необходимо еще отметить и некоторые другие организационные факты, повлиявшие на исход войны.

Германия задавалась широким истребительным маневром. Вся боевая организация строевых частей была в общем рассчитана правильно и целиком оправдала себя. Зато что касается доподготовки средств технического управления большими войсковыми массами как в области связи, так и организации тыла, то здесь немцы допустили ряд серьезных упущений, благодаря которым прекрасно начатая операция в конце концов увенчалась на Марне неорганизованным хаотическим столкновением, окончившимся для немцев неудачно.

Французская армия тоже допустила в организационном отношении значительные погрешности, которые не замедлили сказаться в первых же боевых столкновениях и благодаря которым французы не были способны к наступлению в течение всех трех первых лет войны. Я говорю об артиллерийском вопросе.

Абстрактные теории французских артиллеристов о ненужности массирования артиллерии, что так прекрасно разобрано у Файоля, о том, что не только не нужна, но и вредна тяжелая и, особенно, гаубичная артиллерия, — повели к тому, что французская армия вышла на войну только с легкими скорострельными пушками, хотя и прекрасными по своим качествам, но совершенно непригодными к разрешению всех задач, какие могут встать перед современной армией. В то время как французская артиллерия блестяще справлялась со своей задачей при обстреле живых хорошо видимых целей, она оставалась совершенно беспомощной в уничтожении неприятельских укреплений и в потрясении обороняющих их пехотинцев.

Увлечение тем, что скорострельная легкая пушка может покрыть любой участок местности тем же количеством металла и в тот же срок, что и тяжелое орудие, повело к тому, что боевая действительность заставила французскую пехоту кровью поплатиться за это заблуждение. В то время как германский корпус обладал мощной гаубичной артиллерией, благодаря которой он способен был уничтожать оборонительные постройки и деморализовать их гарнизон, в то время как он мог решать любые наступательные задачи, — французский корпус в атаке оказался бессильным и состязаться с немецкой обороной не мог.

Империалистическая война дает богатейший материал для изучения этого вопроса. В пределах коротенькой статьи нельзя осветить его с достаточной полнотой и ясностью. Я ограничусь лишь теми короткими набросками, которые приведены выше. Этот вопрос — один из серьезнейших вопросов в деле организации обороны страны. Мало признать значение «вооруженного народа»,

мало признать необходимость увязки экономических сил и средств страны с поднимаемой в военное время армией. Надо еще правильно определить наиболее решающие пути развития вооруженных сил и сосредоточенно и смело направить по ним главную часть тех сил и средств, которые страна бросает на дело своей обороны.

Значение сухопутной армии, воздушного и морского флота, химии — всех этих основных факторов современной войны — должно быть правильно оценено, и между ними должно быть намечено то соответствие, которое предрешает в случае возможной войны подавляющее сосредоточение сил, обеспечивающих решительный успех и наиболее быстрое окончание войны.

ВОПРОСЫ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ¹

УНИЧТОЖАЮЩАЯ ОПЕРАЦИЯ

Операции ведутся для уничтожения живой вооруженной силы врага, что необходимо для достижения целей войны. Наиболее выгодное уничтожение достигается путем пленения противника, так как помимо ослабления неприятельской армии пленные экономически укрепляют тыл победителя. Если пленение затруднительно или не удастся, операция должна достигнуть уничтожения путем физического истребления врага.

На активности, изобретательности, на решительном стремлении к уничтожению армии противника должны быть воспитаны командиры всех степеней.

Стремление к уничтожению живой силы врага заставляет начальника, ведущего операцию, мало или вовсе не считаться с приобретением или сохранением территории.

В войне первые операции отличаются от последующих тем, что стратегическое развертывание войск производится тогда, когда еще нет соприкосновения с противником. Оно производится под прикрытием особой завесы. В последующих же операциях перегруппировки и сосредоточения производятся под прикрытием фронта армий.

Насыщенность фронтов армий не должна быть равномерной.

На важных направлениях силы уплотняются максимально, до предельной степени, разрешаемой строевыми уставами. На второстепенных участках, наоборот, оставляются разреженными.

ОСНОВАНИЯ РАСЧЕТА

В маневренной операции для достижения победы необходимо предусмотреть последовательное развитие боевых действий. Этот расчет и является основанием плана операции.

¹ М. Тухачевский. Вопросы высшего командования. М., Госвоениздат, 1924. — *Ред.*

Наметив уничтожение армии противника, нет надобности атаковать ее по всему фронту. Для этого намечается последовательно расчлененная операция (на основе частной победы). Противник подвергается разгрому, уничтожению на решающем направлении, и из этого района, используя создавшееся превосходство положения, главные победоносные массы развивают дальнейшую операцию по окружению (уничтожению) оставшихся сил врага.

Таким образом, в течение одной и той же операции решающее направление может меняться, например: при прорыве оно будет перпендикулярно фронту, а при дальнейшем обходе для окружения — параллельным ему и т. п.

Направление для главного удара избирается такое, чтобы, учитывая расположение противника, местности и своих сил и средств, можно было наилегчайшим и наикратчайшим путем достигнуть уничтожения неприятельской армии.

Необходимо отметить, что само по себе уничтожение противника в районе главного удара еще не означает выигрыша операции. Только соединенное с дальнейшим развитием операции по уничтожению оставшихся сил противника это уничтожение частных переродится в уничтожение всей армии врага.

Для того чтобы предусмотреть ход развития последовательных расчленений операций, необходимо прежде всего знать исход первого труднейшего акта: атаки главных сил. Если быть уверенным в ее успехе, то дальнейшее развитие можно предусмотреть со значительной долей вероятности.

Заранее предусмотреть победу в атаке главных сил можно с тем большей вероятностью, чем легче будет поставлена задача самим главным силам. Не на героизм войск надо рассчитывать. Стратегия должна обеспечить тактике легко выполнимые задачи. Это достигается в первую очередь сосредоточением к месту главного удара во много раз превосходных над противником сил не только пехотных, но и артиллерийских и авиационных и прочих технических войск.

Должен быть создан всесокрушающий таран.

Кроме того, для тактики задача облегчается соблюдением внезапности, построшкой хорошей сети связи, военных сообщений и проч.

Технические войска на главном направлении точно так же должны получить легкие задачи, для чего число их должно быть даже больше, чем это требуется средними расчетами по военно-урочному положению.

Словом, для уверенности в выполнении поставленных задач требуется постановка как отдельным людям, так и войсковым частям таких задач, которые требовали бы минимальных затрат усилий и энергии. Надо так задумать и организовать операцию, чтобы каждая частная ее задача на главном направлении была проста и не трудна.

Обеспечив стратегическую вероятность победы в первом решающем столкновении, можно рассчитывать при условии энергичного, смелого, стремительного развития маневра по окончательному уничтожению противника достигнуть полного успеха.

Если отдельные этапы этих действий будут хорошо организованы и не будут содержать в себе необходимости наличия элементов «высокого героизма», то операцию часто можно предусмотреть до самого ее конца.

При этом не надо смешивать трудностей физических с трудностями моральными. Например, для пехоты легче сделать самый форсированный переход, чем выдержать лишний бой и т. п. В войсках же технических (связь, железнодорожные, мостовые и т. п.), которым нормально не приходится участвовать в боях, легкость задачи определяется количеством затраты потребного физического труда.

Для облегчения задач на решающих направлениях приходится рисковать на прочих направлениях, оставляя там слабые силы. Чем больше будет риск, тем более обеспеченным будет успех решающего столкновения, а это делает риск основным элементом осторожного решения.

Успех операции будет тем больше, чем упорнее противник будет сопротивляться, так как это заставит его сохранить прежнее расположение значительной части войск. Однако на больших фронтах противник обыкновенно старается и поспевает начать отступление до окончательного своего уничтожения. В таком случае достигнуть этого окончательного уничтожения можно только в ряде последовательных операций. При таком способе действий армия противника тает от потерь в сражениях и от развала, неизбежно сопровождающего отступление.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

В сочетании операций должна быть проведена та же последовательность, что и в проведении отдельных расчленений одной операции.

Разгром противника на решающем направлении и отступательная пошатнутость его остальных сил делают наступающего господином положения, что позволяет ему предусматривать дальнейшее развитие событий со значительной долей вероятности.

План ведения последовательных операций должен учитывать: состояние и расположение сил противника и возможные их перегруппировки в тесном соответствии с характером театра военных действий, главным образом с наличием естественных препятствий и сетью сообщений. Направление наступления наших главных таранных сил должно отвечать возможности разгрома (с последующим уничтожением) на каждом из рубежей остановившихся сил противника как при

данной их группировке, так и после возможной их перегруппировки.

Остановка противника для боя выгодна наступающему. Она дает ему, наконец, возможность закончить уничтожение выскользнувших из под удара сил противника. Поэтому новая уничтожающая операция должна вестись прямо с похода, без малейшей потери времени¹.

В зависимости от обстановки, направления движения таранных масс могут переменяться точно так же, как и состав их, путем перегруппировок.

Необходимо иметь в виду, что обычно последовательно проводимые операции составят как бы расчленения одной и той же операции, но рассредоточенные, в силу отступления противника, на большом пространстве.

В этом случае таранные массы сохраняют большее однообразие направлений, если этому же будут отвечать и географические условия. Обеспечивая, с одной стороны, неотступность наседадения и постоянную готовность к действиям, с другой стороны, это имеет и свои недостатки. А именно: таранные массы резко обнаруживают свое движение и тем облегчают противнику производство контрудара. Но, несмотря на это, при правильном соотношении и сочетании сил, сковывающих противника и наносящих главный удар (таранных масс), контрудар противника будет более всего выгоден победоносно наступающему, ибо дает последнему возможность сломать и уничтожить контрнаступающие силы.

Необходимо помнить, что, достигнув в первой операции даже не уничтожения, а только разгрома, наступающий находится по отношению к разбитому в самом выгодном положении. Он является господином положения, но при непременном условии, что постоянным преследованием он не даст противнику свободы действий и неотступным наседанием будет добиваться окончательного уничтожения всех его сохранившихся сил.

В общем, последовательно проводимые операции открывают для таранных масс такой же простор действий, какой они имеют и непосредственно после прорыва. Если противник после таранного прорыва на прочих направлениях будет упорствовать, то с ним будет покончено одним ударом. Если он начнет отступление, то покончено с ним будет в ряде операций, покуда он не будет приперт к какой-либо преграде или к району, которого он не может оставить.

Постоянное преследование и наседание, связанное с возрастающей дезорганизацией отступающего, чрезвычайно повышают дух войск наступающего, доводя его до состояния, способного на высокий героизм. Наоборот, у отступающего даже при усло-

¹ Здесь речь идет о перерастании одной наступательной операции в другую, последовательную за ней.— *Ред.*

вии сохранения дисциплины боеспособность постоянно уменьшается.

Отказ от последовательно проводимых операций до полного уничтожения армии врага делает победителя уже не господином положения. Остановка ставит его перед необходимостью нового сражения, где шансы на успех для обеих сторон будут более или менее равны, подобно тому как и в первой операции. Такая остановка чаще всего вызывается нерешительностью командования, а также неподготовленностью службы военных сообщений, связи и снабжения.

ОПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ

Выгоднее всего вести наступательную операцию против неприятеля, стоящего на месте. Однако активный противник не будет сидеть сложа руки и постарается сам предпринять наступление.

Чем энергичнее и изобретательнее противник, тем труднее предусмотреть дальнейшее развитие событий. Только еще большей смелостью и быстротой действий можно с уверенностью достигнуть разгрома на главном направлении и оттуда повести дальнейшее стремительное наступление. Только таким способом можно спутать карты противника и остаться диктатором положения.

Основными формами уничтожающих операций являются прорыв и обход.

В современной войне обход редко возможен без прорыва. Зато и прорыв сам по себе не имеет смысла без дальнейшего применения обхода. Обе эти формы служат для осуществления окружения противника, т. е. для самого сильного средства из всех средств уничтожения.

Это касается маневренной войны. В позиционной же можно и легче всего достигнуть уничтожения врага широким прорывом. Чем шире будет фронт прорыва, тем большее уничтожение будет нанесено противнику.

При подготовке операции должен быть тщательно продуман и обеспечен переход от прорыва к обходу. Эти удары должны следовать один за другим без всяких перерывов как во времени, так и в напряжении боя и в организации связи и подвоза.

Надо так строить операцию прорыва, чтобы таранные массы по его исполнении не рассосались бы по всем сторонам, а неослабленными двинулись бы для совершения обхода. Обеспечение этого движения, которое должно развиваться с предельной стремительностью, должно быть особо продумано и подготовлено.

Окружение легче всего осуществить при общем превосходстве в силах, совершая обход с двух сторон. Можно совершить его и с одной стороны, если есть к чему припереть противника (нейтральная граница, озера, болота и проч.). Иногда при-

ходится ограничиваться окружением лишь части сил противника.

Если противник, вовремя заметив обход, начнет ускользать от него и окружение окажется невозможным, то таранным массам следует, не теряя времени, организовать параллельное стратегическое преследование, давя на своем пути всякое сопротивление и не давая обходимым войскам противника выходить из-под непрерывно нависающего удара.

Оборонительные операции предпринимаются для обеспечения сосредоточения и подготовки к боям армии, для устройства отступающих войск путем выигрыша времени и пространства.

В маневренной войне трудно организовать сплошной фронт обороны, когда войск для этого недостаточно или когда они потрясены неудачей. Поэтому надо стремиться прочно занимать и укреплять особо удобные для обороны районы (болота, группы озер и проч.), приходящиеся на флангах главных группировок противника и своим расположением прикрывающие сообщения обороняющегося. Для дальнейшего продвижения противнику понадобится перегруппироваться к этим районам и взять их с бою. На этом можно выиграть необходимое время. Далее можно или повторять вновь ту же систему или, если армия изготавилась, самим перейти в наступление.

Не следует смешивать с оборонительной операцией участковой обороны (иногда на большом протяжении), применяемой зачастую в наступательных операциях.

Оборона выгодных районов на флангах противника очень часто может поставить свои гарнизоны в условия окружения их противником. Такая операция (для каждого из районов) очень трудна, так как малейшая тактическая неудача может повести к пленению гарнизона. Действия этих последних должны отличаться крайним упорством. Если наши главные силы к этому времени перейдут в наступление, то гарнизон должен ударить по тылам противника, играя роль как бы заблаговременного прорыва. Отступить гарнизон может только по приказанию свыше.

Отступательная операция должна прежде всего стремиться вывести свои войска из-под ударов противника; оторваться от него своими главными силами. Это производится под прикрытием арьергардов. Если отступающие войска деморализованы, то сразу же делается большой и очень быстрый отход, желательно за какое-нибудь характерное местное препятствие.

При совершении отхода надо иметь в виду, что переход от отступления к наступлению очень труден, ввиду постоянных нападений противника. Поэтому для выигрыша времени в план отступления заранее должен быть заложен план перехода в наступление.

Войска, оторвавшись от противника, должны быстро и скрытно отойти в район будущего главного удара, что должно маскироваться арьергардами. В этих районах заранее должно быть подготовлено пополнение, снабжение и все необходимое для восста-

новления боеспособности войск. Переход в наступление должен быть заранее подготовлен в отношении восстановления коммуникаций и связи, ибо, отступая, войска разрушат все эти средства.

В маневренной войне громадное значение имеют самостоятельные действия больших конных масс¹. Они предпринимаются только во взаимодействии с главными силами фронта, не должны чрезмерно отрываться от них.

Конные массы необходимо подкреплять сильными авиационными и броневыми средствами.

В связи с развитием авиации придется зачастую предпринимать самостоятельные воздушные операции по разрушению железнодорожных узлов, мостов, складов, баз и проч.

Общевойсковые операции, как правило, всегда включают в себя могучие авиаэскадрильи, действующие совместно с другими родами войск².

Операции на стыках войсковых соединений бывают очень сложны. Поэтому если противник стремится прорвать таковой, то стык в этом месте упраздняется и создается новое участковое объединение.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Задуманная операция должна быть рассчитана и материально обеспечена на все протяжении ее, вплоть до уничтожения противника, по крайней мере на главном направлении, если средств недостаточно на весь фронт.

Первой задачей в этом отношении будет связь. Все войсковые соединения должны прочно обеспечиваться телеграфной связью, для чего к каждому подчиненному штабу ведется отдельный провод. В силу больших расстояний эти телеграфные линии будут комбинироваться из постоянного тяжелого и полевого провода и дублироваться всеми прочими видами связи.

Войск и средств связи должно быть сосредоточено за каждым штабом столько, чтобы связь поспевала за ними устанавливаться при всякой обстановке и при максимально возможных переходах.

Кроме линейных проводов, должна строиться еще и широкая сеть их, которая позволит в любой момент давать частям какие угодно направления без перебоев управления путем переключения проводов в узлах связи.

Следующим решающим элементом операции являются военные сообщения. Каждая армия, каждая часть должна иметь свою

¹ Это положение было справедливо до второй мировой войны. Уже во второй мировой войне место конных масс в самостоятельном глубоком оперативном маневре заняли крупные оперативные объединения бронетанковых войск.— *Ред.*

² Здесь речь идет о крупных авиационных группировках, именуемых автором «авиаэскадрильями». — *Ред.*

военную дорогу, которая даже при самом быстром продвижении войск должна бесперебойно снабжать их всем необходимым для боя и для существования.

В условиях ведения войны в Восточной Европе обычно на каждую армию будет приходиться не более одной железной дороги. Поэтому нормально в армиях не будет сложных железнодорожных перебросок. Дело будет исчерпываться только головным участком железной дороги. Вся остальная сеть железных дорог будет находиться во фронтовом распоряжении.

Таким образом, сообщения армии чаще всего будут состоять из головного участка железной дороги и грунтового (шоссейного) его продолжения или разветвления. Иногда могут включаться участки водного транспорта. В основном задача армии — это своевременное восстановление разрушенной железной дороги и сочетание с этим восстановлением движения автомобильных и гужевых транспортов.

Для обеспечения непрерывности работы сообщений на каждом направлении должно быть сосредоточено такое количество восстановительных и эксплуатационных средств, которое бы позволяло восстановление со скоростью намечаемого наступления на этом направлении.

Снабжение должно быть обеспечено на все время операции, а при ведении последовательных операций и на все их время как за счет местных средств, так и за счет подвоза недостающего с тыла. Должна точно согласоваться доставка всего необходимого с органами военных сообщений.

Чрезвычайно важно хорошо продумать и точно рассчитать санитарную эвакуацию больных и раненых, а также и ветеринарную эвакуацию. Необходимо согласовать четкую работу санитарных транспортов с возвращающимися пустыми армейскими и автомобильными и с вновь открываемыми головными станциями железной дороги. Часто может потребоваться широкая организация санитарных этапов. При правильно налаженной санитарной эвакуации вывоз далеко не всегда будет производиться сразу в тыл, иногда он будет комбинироваться с оставлением раненых в санитарных этапах (полевых госпиталей) на предполагаемых к открытию станциях железных дорог и даже с движением за войсками вперед к станциям железных дорог, долженствующим открыться. Только тесное общение с органами военных сообщений позволит разрешить эту труднейшую задачу.

Необходимо также предусмотреть и обеспечить постоянное питание войск пополнениями, что возможно производить даже во время операции, вливая пополнения в части, выводимые в резерв.

Необходимо предусмотреть и заранее обеспечить постройку тех или других инженерных сооружений, которые могут встретиться по плану и по ходу операции.

Словом, операция или последовательно проводимые операции должны быть на 100 процентов материально обеспечены хотя бы

на решающем направлении. Командование, предпринимающее операции, составившее план их, но не согласовавшее его с материальной подготовкой,—является преступным. Только на основе всех материальных ресурсов как в виде вооруженных сил, так и в виде всей материальной службы можно составить правильный, обоснованный план операции. Вот почему всякий командир обязан лично руководить не только оперативными замыслами, но и всей материальной стороной дела.

Все вышесказанное, конечно, не означает, что раз мы имеем мало средств, то не должны быть смелыми и активными. Решаться приходится и тогда, когда абсолютное количество средств недостаточно. Но в этом случае на помощь должен прийти маневр техническими средствами, т. е. сосредоточение на главном направлении всего необходимого за счет второстепенных участков.

Подготавливая и выполняя операцию, необходимо учесть возможность появления новой дальнейшей операции и заранее приступить к ее подготовке.

РАЗВЕДКА

Для составления плана и руководства выполнением операции требуется хорошо знать расположение, состав и действия противника. Для этого штабы должны правильно построить агентурную разведку, а также обработку и систематизацию войсковой и воздушной разведки.

Только энергичные и изобретательные меры в этом деле обеспечат правильное и своевременное получение необходимых сведений о противнике. А это позволит реально и успешно задумывать и выполнять оперативные планы.

ОХРАНЕНИЕ

Возможность бомбометных налетов противника в тыл, возможность контрреволюционных действий заставляют принимать меры охранения в тылу: складов, баз, мостов, железнодорожных узлов и проч. Средствами к этому являются: маскировка, разброска (рассыпание) зданий, установка зенитных батарей и пулеметов и сочетание артиллерийской обороны с действиями авиаистребителей. План воздушного охранения должен тщательно разрабатываться и проводиться в жизнь.

Кроме того, необходимо разрабатывать план борьбы в тылу со шпионами, бандитами, дезертирами и проч.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МАНЕВРИРОВАНИЕ

Маневр в районе фронта и армий гораздо сложнее, чем в постоянных войсковых соединениях. В то время как в последних обычной формой маневра является походное движение, во фронте

и в армиях к этому простейшему передвижению прибавляются еще переброски по железным дорогам, водным путям и на автомобильных транспортах. В ближайшем будущем появится и воздушный транспорт.

Так же как в дивизии или в корпусе каждый командир должен хорошо знать технику походного движения, так же точно в управлениях фронта и армий каждый командир и вообще весь высший командный состав должен отлично знать технику железнодорожных, водных и автомобильных перебросок. В этом деле должна быть достигнута полная точность и четкость.

Маневр в стратегическом масштабе может осуществляться комбинацией всех наличных средств переброски и передвижения.

Маневренные передвижения могут быть самые разнообразные: прямые и фланговые, концентрические и эксцентрические и проч. Они должны отвечать идее операций и точно согласованы с ней по времени и пространству.

Исполнительными органами маневра по переброскам являются управления военных сообщений.

ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ

Сознательное вождение войск, оценка и предвидение развития операций требуют твердого и четкого руководства войсками. Никакие расчеты на самоуправление младших начальников недопустимы. Не зная общей обстановки, младшие начальники всегда могут принять несоответствующие ей решения, а это может повлечь катастрофу, так как смело задуманная и веденная операция, требующая четкого взаимодействия составных частей, начнет разлагаться.

Красная Армия должна быть строго воспитана в духе твердого управления, а не самоуправления.

Вместе с тем в пределах поставленной задачи каждый начальник должен проявлять максимальную самостоятельность, смелость и изобретательность. И в пределах своей задачи у каждого начальника столько забот по управлению подчиненными, что на этом деле и должна сосредоточиваться вся его инициатива и изобретательность. Однако каждый такой начальник должен хорошо знать не только свою, но и высшую общую задачу и следить за общей обстановкой, чтобы, в случае непредвиденной потери всякой связи со старшим начальником, иметь возможность самостоятельно принять решение, наиболее соответствующее обстановке.

Все это подчеркивает, какое исключительное значение для правильного руководства имеет непрерывное поддержание связи, а также и то, что более всего заинтересован в поддержании связи старший начальник, управляющий всеми членами операции, почему и установлен принцип ответственности за проведение связи сверху вниз.

ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Операциями командование управляет приказами, где подчиненным даются определенные задачи по времени и месту.

Задания, даваемые подчиненным и имеющие характер общих указаний о цели действий, называются директивами. Они даются, когда действия подчиненного совершенно самостоятельны и не связаны с остальными силами или если средства связи совершенно недостаточны для управления и нет времени на их сосредоточение. Это совершенно исключительное положение.

Все оперативные приказы, приказания и директивы, которые должны отвечать правилам, изложенным в части 1-й Полевого устава, передаются по телеграфу, телефону или по другим средствам связи обязательно через ответственного дежурного по оперативному управлению штаба, который о времени передачи и вручения адресату или о задержках немедленно докладывает начальнику штаба и начальнику оперативного управления.

В целях осуществления сложного вопроса управления при командующем имеется его штаб с начальником штаба во главе. Для упорядочения работы командование все свои распоряжения проводит через штаб, являющийся, таким образом, его рабочим органом. Все руководящие указания, даваемые службам и управлениям, не входящим в состав штаба, если они не передаются через штаб, должны даваться в присутствии или с оповещением начальника штаба.

Командующий, неся полную ответственность за деятельность всех непосредственно подчиненных ему начальников, за состояние и действия всего вверенного ему соединения, обязан:

а) своевременно давать руководящие указания подчиненным ему начальникам, учитывая и соразмеряя свои замыслы с реальными средствами;

б) проверять и, если надо, исправлять распоряжения подчиненных ему начальников, даваемые в развитии его руководящих указаний.

Начальник штаба, являющийся доверенным лицом командующего, проводит в жизнь при помощи штаба план и руководящие указания своего начальника. Он имеет право отдавать приказания от его имени, являющиеся для всех лиц, подчиненных командующему, столь же обязательными, как и приказы последнего.

Начальник штаба должен изучить ход развития оперативной идеи командующего и всю свою работу согласовывать с нею. Вместе с тем он докладывает ему и свой взгляд на развитие обстановки, являясь, таким образом, советником командующего.

За все распоряжения, в порядке общего управления, отдаваемые начальником штаба от имени командующего, ответственность несет последний.

Штаб должен быть всегда в курсе обстановки, должен иметь все данные о войсках своих и противника и о работе и состоянии

таковых во всех управлениях. Таким образом, штаб является рабочим органом командования, регулирующим и контролирующим работу всех специальных управлений, как-то: связи, военных сообщений, снабжения, санитарии, ветеринарии, инженеров, артиллерии и проч. Для правильной и своевременной организации местной власти штаб должен своевременно давать задания политическому управлению и соответствующим органам о подготовке ревкомов и прочих местных административных аппаратов для тех или других районов¹.

Штаб обязан не только рассчитать, но и добиться своевременного материального обеспечения операции. Он должен быть всегда в курсе производимых и произведенных работ во всех областях подготовки операции.

Штаб должен заранее учитывать возможность новой дальнейшей операции и обязан заранее подготовить для нее материальное обеспечение через соответствующие управления.

Низшие штабы должны обо всех изменениях в обстановке и о достигнутых результатах немедленно доносить высшему штабу и проверять своевременность вручения донесений адресату.

ОПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Кроме постоянных войсковых соединений, для целей оперативного руководства составляются особые группы войск: армии, группы и фронты.

Для удобства управления каждая группа должна иметь только одно направление ударных действий. Таким образом, для выполнения операции групп надлежит иметь столько, сколько основных ударных направлений предполагает план операции.

Самостоятельные действия по нескольким направлениям, хотя бы и на одном театре, чрезвычайно трудны и обыкновенно поручаются фронтам или отдельным армиям. Таким образом, фронтовая операция выразится в распределении и в создании армий на каждом направлении. При этом надо заметить, что на главном направлении всегда бывает несколько частных направлений, которые также необходимо поручать или армиям или особым группам.

В армии то же самое будет делаться по отношению к корпусам.

Давая задачи группам на каждом из направлений, необходимо в приказе указать конечные задания для каждого из них по времени и месту. Иногда требуется указать промежуточные рубежи для достижения их также к известному сроку.

Каждое направление должно быть так избрано, чтобы позволяло действующей на нем группе войск с наименьшей затратой сил выполнить поставленную задачу, при условии, конечно, сохра-

¹ Вопросы организации местной власти не являются функциями штабов. Этим ведают военные советы фронтов.— *Ред.*

нения идеи самого движения. Районы для движения войсковых групп обозначаются разграничительными линиями включительно или исключительно для одной из групп.

Смело и разумно задуманная операция, будучи занесена на карту в виде разграничительных линий и поставленных группам задач по рубежам, сразу даст ясную и простую картину действий.

Расплывчатость заданий, отсутствие смелости и твердости сразу выдаст себя в схеме, которая будет непонятна и не показательна. Занесение на карту решения в виде схемы и проверка такового на схеме являются обязательными.

Командующий и его штаб должны тщательно проверить, каким образом в различных положениях и на разных рубежах будут обеспечены низшие штабы связью, а войска их подвозом и эвакуацией (военные дороги). В этом деле не может быть никаких непредвиденностей.

МЕСТА ШТАБОВ

Места для штабов избираются такие, откуда было бы наиболее удобно организовать связь до низших штабов. Такое место выбирает командующий, при котором штаб находится, и высшие штабы в это дело не должны вмешиваться.

Армия обычно будет устанавливать связь от своего штаба к штабам корпусов средствами полевой связи. Поэтому штаб армии не может отрываться далеко от этих штабов. В общем, расстояние от штаба армии до боевой линии не должно быть более ширины фронта армии. Штаб армии должен быть подвижен, передвигаться на автомобилях, верхом или на повозках. Не следует привязываться к поездам железной дороги. Если перевозочных средств не хватает, то надо выделять подвижной полевой штаб. Командующий армией должен иметь постоянную возможность навещать командиров корпусов, что и достигается близким расположением.

Штаб фронта обычно может передвигаться по железной дороге, но должен быть готовым к передвижениям и по грунтовым путям. Постройка связи от штаба фронта до штабов армий по тяжелым проводам позволяла бы ему значительно отрываться от последних, однако этого ни в каком случае не следует допускать, так как командующий фронтом должен всегда иметь возможность быстрого личного посещения командармов.

Штаб армии (полевой) должен быть всегда телеграфно (телефонно) связан со своим начальником военной дороги.

Для обеспечения связи штаба фронта со штабами армий за каждым из таковых должен двигаться головной пункт связи (скагол).

Армии за корпусами двигают головные пункты связи в том случае, если связываются с ними по тяжелым проводам.

МАНЕВР И АРТИЛЛЕРИЯ¹

К АРТИЛЛЕРИЙСКОМУ СЪЕЗДУ

Имея в виду предстоящий нам артиллерийский съезд РККА, необходимо поставить на обсуждение целый ряд назревших артиллерийских вопросов. Надо сказать, что в округах мы уже неоднократно имели артиллерийские съезды, неоднократно широко обсуждали во ВНО² артиллерийские вопросы и кое-какие положения проработали. Теперь предстоит нам провести артиллерийский съезд всей Красной Армии, предстоит окончательно наметить директивные пути развития артиллерийской мысли, артиллерийской тактики, артиллерийской техники. Как материал для съезда и предлагается настоящая статья.

ОГОНЬ ОБОРОНЫ И НАСТУПЛЕНИЯ

И по техническим и по тактическим свойствам огонь резко делится на два вида: настильный и навесный. Я не буду касаться технической и баллистической сторон этого вопроса, а остановлюсь на его тактических особенностях.

Оружие настильного огня (винтовка, пулемет, пушка) отличается значительной скорострельностью, меткостью, дальностью и большой убойностью по отношению к живым целям. Наступающая пехота терпит колоссальные потери от настильного огня. Для преодоления его необходимо залечь и начать огневое состязание с противником. Лишь после того как огонь его будет потушен, можно продолжать свое наступление. Таким образом, настильный огонь по своему основному значению имеет оборонительный характер, он, если обладает достаточной мощностью, не позволяет живой силе противника открыто приближаться к ведущему огонь. Зато в деле состязания за огневое превосходство настильное оружие довольно беспомощно. Если противник залег в окопах, хорошо применился к местности и представляет собой незначительные цели, то чрезвычайно трудно настильным огнем заставить его замолчать. Процент поражения уменьшается чрезвычайно. Вместе с тем моральный эффект получается весьма незначительный, так

¹ Отдельная брошюра. Изд. Высш. воен. ред. совета. М., 1924. — *Ред.*

² Военно-научное общество. — *Ред.*

как, с одной стороны, настильное оружие обороняющихся бодрит их неуязвимость, а с другой стороны, настильное оружие не имеет мощного снаряда. Это особенно касается винтовки и пулемета, но и легкая пушка тоже не производит на обороняющуюся пехоту достаточно серьезного впечатления. Лишь только 42-линейные¹ тяжелые пушки производят серьезный, моральный эффект, но таковые слишком громоздки и немногочисленны. Отсюда проистекает вывод, что по роду своему настильный огонь, являясь мощным оружием обороны, в то же время довольно бессилён в деле выполнения наступательных задач. Настильным огнем трудно заставить замолчать обороняющегося, а поэтому трудно дать возможность наступающей пехоте начать открытое передвижение. Конечно, он может оказать содействие наступающему, но это свойство его значительно уступает по силе и качеству оборонительным его возможностям.

Навесный огонь, основным представителем которого является гаубица, обладает совершенно противоположными качествами. Благодаря крутой траектории, значительно меньшей скорострельности и меньшей дальности он менее действителен в деле уничтожения живых и открытых целей врага. Зато по целям закрытым, по целям неглубоким действительность его чрезвычайно велика. Пробивая любое закрытие, легко пристреливаясь к мертвым точкам и, благодаря пропорционально большему калибру, производя на обороняющегося удручающее впечатление, навесный огонь в состоянии в самый короткий срок разрушить материальную и моральную упругость обороняющегося. Если настильный огонь приземляет противника, то навесный огонь, наоборот, выкуривает его из насиженного гнезда. Он не дает возможности спокойно сидеть за закрытием и вести прицельный огонь. Правда, теоретически можно предположить, что шрапнельный огонь, ураганно обстреливающий укрепленное расположение противника, не даст ему возможности поднять головы из окопов и, таким образом, заставит его прекратить огонь. Но боевая действительность показывает другое: шрапнельный огонь весьма мало действителен по небольшой цели, какую представляет собой голова стрелка. Рассеивание шрапнели значительное, пристрелка трудная, и, наконец, она не производит такого удручающего впечатления на обороняющуюся пехоту, какого достигает гаубица. Последняя, стреляя медленно, но зато легче пристреливаясь по мертвым неподвижным целям, окутывая обороняющегося черными облаками дыма и пыли и вызывая в нем чувство полной незащитности, очень быстро подрывает его моральную устойчивость и заставляет его отказаться от продолжения боя. Каждый пехотинец, испытавший тяготы боев, хорошо знает и чувствует это различие между пушкой и гаубицей.

¹ Линия — русская мера, применявшаяся до введения метрической системы в 1918 г. Линия равна 2,54 мм, 42-линейная пушка соответствует 107-мм калибру.— *Ред.*

Совершенно ясно, что пехота в огневом отношении является в первую очередь оружием оборонительным. Она обладает самым скорострельным и самым настильным огнем. Артиллерия всеми видами своего вооружения в огневом отношении является орудием наступления значительно более сильным, чем пехота. Даже пушка значительно легче может бороться с мертвыми целями противника, загоняя стрелков на дно окопов, чем пулемет или винтовка. Но вместе с тем пушка не дает полного эффекта разрушительного огня, какого требует наступление. Этому требованию в полной мере отвечает гаубица. В то время как пушка могущественна против живых, подвижных целей противника, гаубица для этих задач приспособлена слабее. Зато для подавления обороняющегося, для разрушения его материальной и моральной силы она является первым незаменимым орудием. Таким образом, в среде артиллерийских образцов вооружения пушка имеет оборонительный уклон, гаубица — наступательный. Вот почему наступающая пехота так любит гаубицу и так настоятельно требует ее огня при своем продвижении.

ОБЩЕВОЙСКОВАЯ И АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ТАКТИКА

Характер тактики пехоты резко отличается от тактики артиллерийской. Пехота — это тот род войск, который должен своим наступлением, своей атакой поразить, уничтожить или пленить живую силу противника и его средства борьбы. Пехоте некому содействовать; в своем наступлении она сама должна решать основную задачу. Но вместе с тем, имея оружие настильного огня, по существу оборонительного характера, пехота не всегда может самостоятельно решать наступательные задачи. Артиллерия же сама по себе, без пехоты, никакого значения в бою иметь не может. Артиллерия имеет смысл постольку, поскольку она содействует наступлению пехоты или конницы. При этом надо учитывать, как уже упоминалось выше, что хотя пехота и может самостоятельно выполнять задачи, но все же огонь обороны теперь настолько силен, что без содействия артиллерии пехоте весьма редко и, можно даже сказать, никогда не удастся ворваться в укрепленную полосу противника. Поэтому артиллерийская подготовка и артиллерийское сопровождение в наступлении пехоты являются абсолютно необходимыми. И в этом смысле артиллерийская тактика целиком подчиняется интересам пехоты.

Однако это не должно приводить к неверным выводам о том, что артиллерия должна поддерживать усилия наступающей пехоты по всему участку. Быть может, эти усилия пехоты и будут одинаковы на всем фронте части, но значение таковых далеко не одинаково. Артиллерия придается войскам в таком количестве, которое не в состоянии проложить пехоте верную дорогу на всем фронте части. Ей удастся лишь на известном участке настолько

поразить, настолько потрясти полосу обороняющегося, что пехота сможет уверенно выполнить здесь поставленную ей задачу. Вот в этом-то взаимодействии пехоты и артиллерии и надо искать ключ разгадки общевойсковой тактики.

Мы привыкли много говорить, привыкли проводить и в жизнь широкое маневрирование. Но вместе с тем построить самый решительный, самый смелый маневр пехотного удара и не обеспечить его артиллерийской подготовкой — это значит провалить наступательную попытку. Необходимо исходить из предпосылки, что пехота только тогда с ручательством может опрокинуть обороняющегося или наступающего ей навстречу противника, когда артиллерия на участке ее главного удара сумеет развить такой мощный огонь, который не даст противнику возможности обороняться. Иначе наступление пехоты всегда будет вестись под знаком вопроса, чаще всего будет топиться в реках крови. Отсюда ясно, что самый характер маневра, что самый характер группировки пехотных масс в значительной мере предопределяется артиллерийскими возможностями. Если, например, дивизия наступает на участке в пять километров, а артиллерии она имеет лишь столько, чтобы серьезно поразить один километр позиции противника, то совершенно очевидно, что нет смысла производить главный удар пехоты более чем на один километр пространства. Вместе с тем это означает и то, что главные силы пехоты должны будут двигаться густо построенными на этом небольшом участке, в то время как остальные четыре километра будут заняты или обороняющимися, или демонстрирующими пехотными частями.

Разумеется, в применении вышеприведенного тактическо-артиллерийского метода надо знать разумный предел. Общевойсковая тактика, считаясь с артиллерией как со своей основной силой по прокладыванию пути наступления и соответственно этому намечая реальный участок главной атаки, не должна всецело подчиняться артиллерийским интересам в деле выбора направления и места главного удара. Эти условия должны подсказываться общетактическими интересами, т. е. расположением сил противника, местностью, характером путей сообщения, препятствиями в тылу у него и т. д. Дальнобойность артиллерии в настоящее время настолько велика, что она должна в нормальных условиях быть готовой поддержать своим сосредоточенным огнем наступление главных сил пехоты на любом направлении и на любом месте по фронту данного соединения. Разумеется, частично и в этих вопросах артиллерийский интерес будет диктовать свое. Если, например, открытая местность, отсутствие закрытых позиций, отсутствие наблюдательных пунктов совершенно не позволяют артиллерии сосредоточить свой огонь по наиболее выгодному в практическом отношении участку, то, конечно, общевойсковой начальник должен будет подчиниться печальной необходимости и сделать уступку артиллерийским интересам. Но это случай исключительный, почти никогда не встречающийся, и нормально артиллерия может и дол-

жна обеспечить своим огнем любую наступательную задачу общевойскового начальника.

Если общевойсковая тактика основывается на таком практическом и трезвом расчете, проникнутом реальными и материальными возможностями, то, во-первых, пехота, наносящая главный удар и поддержанная сокрушающим артиллерийским огнем, почти всегда легко выполнит поставленную ей задачу и при этом быстро и без задержек, чем спутает расчеты противника, не даст ему возможности подтянуть резервы и обеспечит полное его поражение. С другой стороны, и артиллерия будет иметь совершенно определенную конкретную задачу массового поражения небольшого участка расположения противника. Она должна сокрушить здесь все живое и мертвое, она должна совершенно потрясти моральную мощь противника и поставить на этом участке «землю дыбом».

Расчет возможной ширины и глубины участка для его верного поражения артиллерийским огнем не может быть случайным и не должен делаться на глазок. Полигонный опыт маневра, а главным образом опыт войны, дает совершенно определенные выводы и данные о количестве потребной артиллерии для поражения одного километра расположения противника. Правда, конкретные цифры, имеющиеся в нашем распоряжении, более относятся здесь к области позиционной войны. Но не надо забывать, что форма обороны в позиционной войне в 1918 г. очень близко приближается к форме обороны в предстоящих нам маневренных войнах, судя по всем уставам и наставлениям в армиях возможных наших противников. Как в укрепленной полосе позиционной войны, так и в главной полосе обороны войны маневренной глубина расположения колеблется от одного до двух километров. Конечно, и глубже будут иметься резервы, отдельные пулеметные очаги, но основная полоса обороны в среднем может быть принята в один и не более двух километров глубины¹. Разница будет заключаться лишь в том, что в укрепленных полосах имелось целое море проволочных заграждений и бетонированных построек, а в маневренной оборонительной полосе ничего этого не будет. Но самый характер расположения пехоты приблизительно одинаков.

Отбросив из количества артиллерии, потребного для разгрома одного километра укрепленной полосы, некоторое количество, требовавшееся для уничтожения проволочных заграждений и бетона, мы можем найти то число, которое приблизительно потребуется в войне маневренной для выполнения такой же задачи. В позиционной войне на один километр укрепленной полосы в среднем требовалось семь четырехорудийных батарей. Это данные немец-

¹ Такая глубина главной полосы обороны слишком мала и соответствует в нашем понимании глубине всего лишь первой позиции главной полосы; главная же полоса по глубине должна вмещать всю глубину боевого порядка дивизии.— *Ред.*

кого боевого опыта. Надо полагать, что в войне маневренной для этой же задачи потребуется не более пяти батарей. Опыт наших артиллеристов за время гражданской войны вполне подтверждает это. Если мы возьмем польский полевой устав, то найдем там примерно те же цифры.

Наступление польского батальона пехоты на организованного и хорошо укрепившегося на местности противника развивается в открытом поле в полосе шириной 500—1000 метров. При наступлении на укрепленные позиции полоса эта суживается до 300—400 метров. Батальон считается способным без поддержек прорваться на 1500—2000 метров в глубину позиции противника. Если батальону придать один дивизион артиллерии (три четырехорудийных батареи), то он сможет осуществить свой прорыв, безусловно, не взирая на сопротивление пехоты обороняющегося. Устав, приводя эти данные, ссылается на то, что они обоснованы опытом.

Отсюда мы можем сделать следующие выводы.

В маневренной войне для прорыва хорошо укрепившегося противника требуется на один километр от трех до шести батарей¹, что в среднем дает четыре с половиной.

В позиционной войне для прорыва укрепленных полос на один километр потребуется от семи с половиной до десяти батарей, а в среднем восемь и три четверти. Имея в виду, что польский устав составлен под французским влиянием и что французы благодаря малому числу гаубиц должны были сосредоточивать артиллерию для прорыва в большем количестве, чем немцы, нам станет понятным, почему поляки на один километр укрепленной позиции затрачивают почти на две батареи больше немецкой нормы.

При такой силе артиллерийского огня оборона пехоты противника становится совершенно невозможной. Разрушаются все искусственные препятствия, рассыпаются окопы и совершенно деморализуются бойцы. Если при этом огонь будет вестись гаубицами, имеющими навесную траекторию и малое рассеивание по дальности, то атакующая пехота может безболезненно на самое близкое расстояние подойти к обороняющемуся противнику. И лишь в последний момент самой атаки она будет предоставлена своим силам в занятии передовых окопов противника, в то время как артиллерия перенесет свой огонь в глубину расположения его оборонительной полосы. При такой подготовке наступления, общевойсковой начальник может заранее предусмотреть развитие хода боя, ибо в результате первого столкновения, обычно наиболее трудного для учета, он будет вполне уверен, а дальнейшее рассчитывать уже значительно легче.

Что касается до борьбы с артиллерией противника, то здесь надо различать два положения. Если противник обороняется

¹ Такие артиллерийские плотности уже к началу Великой Отечественной войны были признаны крайне заниженными и в ходе войны были увеличены в несколько раз.— *Ред.*

активно, или ведет встречное наступление, или же останавливается под влиянием нашего энергичного встречного удара, то у противника может иметься значительное количество артиллерии, которое может оказать нашей пехоте серьезное препятствие в ее наступательном движении. Но может быть и другой случай, наиболее распространенный в маневренной войне, когда обороняющийся противник имеет лишь незначительную силу против нашей значительно превосходящей численности. При таком положении его артиллерия решающего значения в остановке нашей наступающей пехоты сыграть не сможет. Но и в том и в другом случае все-таки необходимо уделить самое серьезное внимание борьбе с артиллерией противника. В маневренном бою это состязание становится весьма трудным. Расположение артиллерии разведать нелегко, времени на эту разведку достаточно не имеется, и поэтому дело пристрелки и дело нащупывания закрытых артиллерийских позиций противника становится очень трудным. В позиционной войне эта задача осуществлялась гораздо легче. Там артиллерия стояла долгое время на одних и тех же позициях и могла быть разведана и с воздуха, и звукометрическими приборами и проч., и в конце концов можно было собрать достаточно данных для того, чтобы открыть сосредоточенный убийственный огонь. Из опыта позиционной войны мы знаем, что для достижения этой задачи было необходимо иметь против каждой батареи противника от одной до полутора контрбатарей наступающего. Относительно маневренного боя установить точную цифру затруднительно, но надо полагать, что $1\frac{1}{2}$ контрбатарей на каждую батарею противника было бы совершенно достаточно¹. Польский полевой устав дает цифру значительно меньшую, а именно: против одной батареи противника — один взвод артиллерии наступающего.

Вообще, надо заметить, что для контрбатарейной борьбы число орудий батарей не должно играть той роли, как имеет место в разгроме оборонительной полосы противника. В то время как там успех зависит от числа орудий и от числа выпущенных снарядов, в контрбатарейной деятельности главное значение имеет количество отдельных единиц, состязающихся с батареями противника. Двухорудийная батарея не хуже четырехорудийной может мешать батарее противника вести огонь по нашей наступающей пехоте². Поэтому при наличии двухорудийной батареи контрбатарейная группа может вести удачную борьбу с артиллерией противника и уступая ему в числе, если только тот имеет четырехорудийные батареи. Но подробнее об этом будет говориться ниже.

Теперь опять вернусь несколько назад к вопросу о решении общевойсковых задач.

¹ Количество контрбатарейной артиллерии возрастает по мере увеличения дистанции стрельбы и степени укрытого расположения батарей противника $1\frac{1}{2}$ батареи на одну батарею противника — это минимальная норма. — *Ред.*

² Это справедливо, если батарея противника была предварительно подавлена огнем более многочисленной артиллерии. — *Ред.*

Если исходить из понятия об артиллерии как об основном, самом мощном средстве, обеспечивающем наступление, то общевойсковой начальник, посоветовавшись с начальником артиллерии, должен разрешить следующие вопросы. Во-первых, учитывая данные о противнике, о вероятной численности его артиллерии, он должен будет решить вопрос о контрбатареинной борьбе и о количестве необходимой для этого артиллерии, во-вторых, он должен будет определить реальные возможности артиллерии, предназначенной для разгрома пехотной оборонительной полосы противника. Эти возможности определяются отношением наличного числа артиллерии, оставшегося за выделением контрбатареинной группы, к числу артиллерии, потребной на поражение одного километра оборонительной полосы. Другими словами: разделив имеющееся число батарей на пять, общевойсковой начальник определит ширину участка, на котором возможно произвести вполне обеспеченный удар главных сил пехоты. Сопоставив полученные данные с расположением противника и с характером местности, общевойсковой начальник может дать конкретный план своего маневра и боя.

Может показаться такой подход несколько формальным. Как можно подчинять действительность главного рода войск — пехоты возможностям содействующего ей артиллерийского собрата? Однако боевая действительность доказывает, что, хотя пехота и является самостоятельным родом войск, все же оборонительные возможности в современном бою так велики, что наступающая пехота почти никогда не сумеет преодолеть их собственными силами. Все кровавые потери в царской армии, которые несла пехота, именно и были основаны на том, что замыслы тактических наступлений пехоты не соразмерялись с артиллерийскими возможностями. Вместе с тем отказ от такого строгого соразмерения артиллерийских возможностей со штыковыми ударами ведет к притуплению сознательного чувства маневренности. Маневр, сам по себе, не основанный на принципиальных базисах, не обеспеченный материальными техническими средствами, не имеет никакой ценности и служит вернейшим залогом поражения. Если общевойсковой начальник без определенного метода распределяет подчиненные ему части, то в массе решения его будут получаться расплывчатыми. Даже и при наличии массовой группировки пехоты, таковая может оказаться неподдержанной артиллерией. Если же свой тактический расчет основывать на вышеизложенных началах, то действия войсковых частей неизбежно примут маневренный характер, ибо участки войскам всегда даются шире тех, которые может серьезно поразить имеющаяся у них артиллерия.

Поэтому общевойсковой начальник поневоле должен на каком-то небольшом участке своего фронта организовать главный удар, в то время как на других ему придется ограничиться или демонстрациями, или обороной. Назначение частям участков более широких, чем фактически могут разгромить их артиллерийские силы,

не является ошибочным. Ведь не требуется непременно опрокинуть весь фронт противника без всяких перерывов. Если рядом соседних дивизий, занимающих в среднем по четыре километра, противник будет прорван и разгромлен на полтора километра каждой, то нет никакого сомнения в том, что весь прорванный и поколебленный фронт противника подвергнется бы жестокому поражению. Такой метод действий вполне соответствует духу маневренного вождения войск и вместе с тем он дает самые широкие возможности предугадывать исход боевых столкновений, так как основывается не на гадании и не на надеждах на героизм войск, а на трезвом учете материальных возможностей.

Артиллерийские задачи

По характеру задач, по роду своей деятельности в бою артиллерия распределяется на полковую, дивизионную и корпусную. Я не буду касаться армейской или стратегической артиллерии.

Прежде всего надо остановиться на полковой артиллерии. Этот вопрос у нас еще далеко не ясен. Мы различаем артиллерию полковую и артиллерию сопровождения. Вместе с тем в жизни, на практике вряд ли возможно будет провести такое деление. У нас полкам придаются «игрушечные пушки» 37—47-миллиметровые и проч., которые в лучшем случае могут считаться сверхтяжелыми пулеметами и под понятие артиллерии вряд ли подходят.

Вместе с тем боевая обстановка всегда требует наличия настоящей артиллерии. И в старой армии, и в Красной Армии в период боев полкам всегда придавалась часть дивизионной артиллерии. Это считается всеми вполне целесообразной и необходимой мерой, и норма такого выделения иногда достигает 50 процентов дивизионной артиллерии. Что это означает? В первую очередь то, что такие мелкие калибры полковой артиллерии, которые намечено иметь в полку, не смогут удовлетворить и разрешить все встающие перед полком самостоятельные задачи. Полку необходима будет нормальная полевая артиллерия. Без нее централизованная дивизионная артиллерия не всегда сумеет оказать полку поддержку в нужные моменты и в нужных пунктах. Более подробно о задачах полковой артиллерии при наступлении, при обороне будет ниже. Но здесь я коснусь лишь некоторых положений о полковой артиллерии. Необходимо ли ей двигаться вместе с пехотой, вместе с передовыми пехотными частями наподобие пулеметов? Конечно нет. Ведь даже тяжелые пулеметы трудно продвигать по открытому полю наступления. Теперь эту задачу гораздо легче будут осуществлять легкие пулеметы и ружья-автоматы. Даже 37-миллиметровая пушка не должна передвигаться бесцельно по мере наступления пехоты. Обладая достаточной дальностью и занимая удобные укрытые места, она, не меняя боевого

положения, сумеет оказать пехоте поддержку в нужную минуту. Конечно, в период прорыва ей придется двигаться вместе с пехотой и даже догонять ее передовые части. Но эту задачу и в старое время, и в маневренной войне, и в позиционной войне выполняли вовсе не игрушечные пушки, а настоящие 3-дюймовые и даже легкие гаубицы.

Таким образом, нет особых оснований к тому, чтобы делать полковую артиллерию резко отличной от обычной полевой. Конечно, она должна быть облегченного типа для удобства передвижения, но здесь не нужно увлекаться фантастическими задачами катания ее на руках по всему полю боя. При такой манере передвижения пехота бросила бы эту пушку как ненужный балласт. Если эта пушка будет мало действительна, небольшого калибра, то она будет брошена еще скорее, так как существенной пользы оказать не сумеет. Вместе с тем каждый пехотный командир желает и никогда не откажется иметь в своем распоряжении настоящую 3-дюймовую пушку¹. Практика империалистической и гражданской войн подтверждает, что такая артиллерия существовала фактически всегда в виде артиллерии сопровождения. У энергичных артиллерийских начальников эти батареи умели как прорывающимся, так и преследующим войскам оказывать поддержку в критические моменты. Все это заставляет прийти к заключению, что для полка необходима мощная артиллерия, что эта артиллерия ни в коем случае не должна быть «игрушечной». Она должна выполнять все частные полковые задачи. Стало быть, при наличии такой артиллерии, как правило, отпадает надобность в наличии артиллерии сопровождения. Это, мне кажется, один из существеннейших вопросов, и нельзя разрешить правильно задачи артиллерийского боя без осуществления этого мероприятия. Лишь при таких условиях дивизионная артиллерия не будет дробиться, и, наоборот, основным правилом ее использования будет централизация управления. Более подробно о задачах и калибрах полковой артиллерии будет сказано ниже. Но уже сейчас определенно отметим, что полковая артиллерия должна быть нормальным типом полевой артиллерии, возможно более облегченным и подвижным.

Дивизионная артиллерия — это основная артиллерийская масса, своим сосредоточенным огнем должна прокладывать путь наступающей пехоте. Перед ее огнем должны казаться бессильными как укрепления, искусственные препятствия, так и моральная стойкость врага. Для достижения этой цели дивизионная артиллерия должна быть централизована в своей боевой работе, ее цели не должны быть разбросанными, неопределенными, т. е. должны точно соответствовать ее материальным возможностям. Об этих возможностях уже говорилось в предыдущей главе.

¹ 76-мм калибра. — *Ред.*

Наконец, корпусная артиллерия. Ее основной задачей будет борьба с артиллерией противника. У нас сейчас на корпусную артиллерию существует взгляд совершенно неправильный. В нее включаются тяжелые образцы, и самое назначение корпусной артиллерии совершенно не ясно. Получается, как будто бы корпусная артиллерия своими тяжелыми калибрами должна дополнять дивизионную артиллерию там, где последней придется бороться с бетоном или вообще с серьезными закрытиями. Таким образом, функционального разделения между корпусной и дивизионной артиллерией не существует, а вместе с тем практика боя требует разделения этих основных вопросов. Борьба с пехотой противника, являющаяся основной задачей артиллерии дивизионной, может лишь с основным нарушением удобств быть соединена с борьбой против артиллерии противника. Эта борьба, безусловно, должна быть выделена в особые руки, именно в корпусную артиллерию. Если при этом учитывать возможность придания корпусам в решающих направлениях авиации и воздухоплавательных частей, чего нельзя сказать про дивизию, то удобства борьбы с артиллерией противника с полной очевидностью могут быть осуществлены только в корпусном масштабе. Но как артиллерия дивизионная в целом ряде случаев не сможет отказаться от борьбы с артиллерией противника, так и корпусная не сможет не отвлекаться на борьбу с пехотой противника. Ниже задачи артиллерии различных соединений в различной боевой обстановке будут освещены подробнее.

НАСТУПЛЕНИЕ

Резолюция II съезда ВНО Западного фронта о задачах полковой артиллерии при наступлении говорит следующее: «Полковая артиллерия ведет огонь по быстро появляющимся живым, техническим и воздушным целям, по пулеметным гнездам и прочим отдельным точкам. Она зачастую распределяется в период наступления, атаки, прорыва и преследования по батальонам. В период сближения действует сосредоточенно».

Полковая артиллерия будет иметь два рода задач: по живым целям — в виде отдельных перебегающих групп, а также танков, бронемашин и проч. и по целям мертвым — в виде пулеметных гнезд, отдельных окопов и проч. Отсюда полковая артиллерия, долженствующая быть достаточно подвижной и немногочисленной, должна быть способна к ведению как настільного, так и навесного огня. Она должна уметь открыть огонь и сбивать пулеметные гнезда на обратных скатах укрепленной полосы противника. Вместе с тем она должна отличаться большой скорострельностью, но может обладать меньшей дальностью, чем полевая 3-дюймовая пушка. 5—6 километров достаточно для нее с избытком. Снаряды,

необходимые ей, — граната и шрапнель. Достаточный калибр — 3 дюйма.

Полковая артиллерия должна располагаться примерно в том районе, откуда пехота должна будет окончательно развернуться и завязать огневой бой с противником. На средней пересеченной местности артиллерию можно подвести к противнику даже на 1000 шагов.

Во всяком случае, она всегда должна быть готовой к быстрому прохождению открытого пространства. Поэтому она будет кататься не на руках пехотинцев, а ездить на крепких, выносливых лошадях. Конечно, в отдельных случаях для скрытного занятия позиции, для перекатки по замаскированной местности иногда и придется отказаться от лошадей и перекатывать их на руках. Поэтому вес ее не должен быть слишком велик. Но перемена позиции, более или менее значительная, должна производиться конной тягой.

При движении пехоты в атаку полковая артиллерия поддерживает ее фланговым огнем, и, как только цели для нее будут закрыты, она снимается с позиции и, невзирая на опасность, следует за своей пехотой. При общем потрясении, при прорыве фронта, при сосредоточении обороняющимся всех своих усилий против прогрызающейся пехоты такое движение артиллерии не является фантастическим. Она должна оказывать пехоте при прорыве последней в глубину оборонительной полосы неприятеля постоянную поддержку в преодолении пулеметных гнезд, отражении контратак и проч. Такое применение может показаться маловероятным. Если представлять себе наступление пехоты равномерно распределенным по всему фронту атаки, которое только лишь «поддерживается» артиллерией, то, конечно, такие задачи для полковой артиллерии будут малоосуществимы прежде всего потому, что пехота не сможет выполнить своей задачи, т. е. не сможет ни ворваться в укрепление противника, ни развить в глубину свой прорыв. Но если дивизионная артиллерия подготовит и протолкнет мощным огнем продвижение пехоты, если контрбатареинная борьба стоит на высоте своих задач, то открытое продвижение полковой артиллерии становится совершенно реальным фактом, проверенным на боевом опыте не только маневренной войны, где обороняющийся обычно имеет меньше сил, чем наступающий, но даже позиционной борьбы, где обороняющийся обладает громадным количеством артиллерии. Действительно, и французы, и немцы неизменно тащили за своей пехотой 75- или 76-миллиметровые пушки, а немцы даже 105-миллиметровые гаубицы. Эта громоздкая артиллерия сопровождения, несмотря на все силы позиционной обороны, все-таки умела прокладывать дорогу не только себе, но и продвигающейся пехоте.

Тот же съезд ВНО по вопросу о дивизионной артиллерии принял следующие положения: «В период сближения дивизионная

артиллерия ведет борьбу с артиллерией противника. В период наступления пехоты — ее главной, ударной задачей является огонь по полосе обороняющейся пехоты противника. Этот огонь необходимо вести сосредоточенно, избегая дробления артиллерии, что вполне осуществимо при наличии 3-дюймовой полковой артиллерии, позволяющей отказаться от особой артиллерии сопровождения». Эти положения совершенно ясно и конкретно очерчивают круг деятельности основной артиллерийской массы войсковых соединений. Дивизионная артиллерия должна проложить открытую дорогу наступающей пехоте. Конечно, эта открытая дорога будет иметь целый ряд непотушенных гнезд сопротивления, но с этими мелкими задачами справится сама пехота, путем охвата гнезд и огнем своей полковой артиллерии. Дивизионная артиллерия должна сломить организованное сопротивление обороняющегося противника. При этом надо иметь в виду, что действия наступающей дивизионной артиллерии по форме довольно близки как при борьбе с обороняющимся, так и со встречным противником. Дело в том, что встречного наступления нельзя представлять себе в виде двух движущихся навстречу лавин, безостановочно приближающихся и не задерживаемых никакими рубежами.

Наступление пехоты сопровождается мощным ружейно-пулеметным огнем. Этот огонь заставляет каждую из сторон на целом ряде рубежей останавливаться и вступать в состязание за перевес в огневой силе и, опираясь на свою артиллерию, постепенно сближаться с врагом. Поэтому в общем масштабе даже наступающая сторона будет представляться дивизионной артиллерии как нечто малоподвижное, прикрепленное к определенным рубежам в определенные периоды боя. Она будет иметь достаточно времени для того, чтобы пристреляться и взять этот участок под мощный сосредоточенный огонь. Если только дивизионная артиллерия вовремя выполнит эту задачу, то она сумеет разбить в неприятеле его наступательную силу. Огонь пехоты, пулеметов и автоматов будет систематически приземлять противника, вместе с тем огонь артиллерии будет его выкуривать. Если только артиллерийский огонь будет достаточно мощным и сосредоточенным, не будет разбрасываться, то выкуривание противника никогда не толкнет последнего на наступление, а, наоборот, принудит его к отходам и в лучшем случае крепкого врага заставит неподвижно стоять на месте. А в этом состоянии нервы быстро изнашиваются и вместо порыва создается апатия.

Периоды наступления и атаки для пехоты наиболее тяжелы. Во время сближения пехота страдает только от дальнего артиллерийского огня противника. Поэтому все артиллерийские средства в этот период как дивизии, так и корпуса должны быть сосредоточены по артиллерии противника. Полковая артиллерия в этом состязании не участвует, ибо должна выполнять свои задачи по помощи пехоте в преодолении полосы прикрытия обороняющегося противника. Когда же пехота вступает в сферу действительного

ружейного и пулеметного огня, когда местность не позволяет ей дальше продвигаться, пользуясь скрытыми подступами, она открыто выступает и начинает ружейно-пулеметное состязание. Тогда дивизионная артиллерия переносит центр своих усилий на обороняющуюся пехоту противника.

Мы знаем, что у нас в старой армии не было правильных взглядов на сочетание артиллерийского огня с наступлением пехоты. Каждый участвовавший в войне пехотинец по собственному опыту знает, как бессмысленно строились атаки, как напрасно создавались массовые волны пехоты и как такие удары захлебывались в своей собственной крови. Если атаки нам удавались против австрийцев, которые не желали драться, то почти, как правило, они разбивались в пух и прах против немецкой пехоты. Не нужно закрывать глаза на то, что, как бы ни была хорошо подготовлена пехота, как бы ни был высоко поднят ее боевой дух, она все-таки в целом ряде случаев, предоставленная самой себе в борьбе с пехотой противника, будет бессильна продолжать наступление до поддержки ураганного артиллерийского огня. Вот эту-то задачу и должна выполнить дивизионная артиллерия. Оборонительная полоса в современном бою представляется глубоко развитой и вместе с тем прерывчатой как по фронту, так и в глубину. Отдельные пулеметные гнезда, отдельные стрелковые точки, тщательно замаскированные и примененные к местности, расположенные как на передних, так и на обратных скатах неровностей, — вот внешний вид оборонительной полосы. Само собою понятно, что по такой полосе достигнуть сосредоточения эффекта гораздо труднее, чем по окопам линейной тактики. В предстоящей борьбе придется широко применять методы стрельбы по площадям. Отсюда понятно, почему требуется такой громадный расход огнеприпасов и сосредоточение артиллерии и почему нельзя задаваться широкими участками для ударного продвижения в полосе дивизионного наступления. Даже те цифры, которые приведены ранее по поводу соразмерения сил артиллерии с участком прорыва, не позволяют одновременно поражать всю полосу обороны на прорываемом участке. Начальнику дивизионной артиллерии придется составлять совершенно определенный план последовательного поражения площадей. Переноса огонь с одних рубежей на другие, от переднего плана полосы к заднему, среднему и наоборот, он должен будет мощным ураганным огнем артиллерии смести здесь сопротивление и создать в обороняющейся пехоте гнетущее ожидание повторных палетов. Лишь при подобных методах «площадной брани», сопровождающейся потрясением организованного сопротивления обороняющейся полосы, возможен успех наступающей пехоты.

Необходимо иметь в виду при организации борьбы дивизионной артиллерии, что в наступательном бою на применившуюся к местности и окопавшуюся пехоту противника моральный эффект производит не так скорострельность, как мощность самого огня.

Десять 3-дюймовых гранат не производят на пехоту такого впечатления, какое производят две 48-линейные бомбы¹. Поэтому при наступлении дивизионная артиллерия должна иметь мощные калибры. Чем больше она будет иметь гаубиц, тем легче будет наступающей пехоте осуществлять свою задачу. Это основное положение, признаваемое всеми пехотинцами, прошедшими тяжелую школу наступательного пехотного боя. Однако значительная часть артиллеристов имеет свою собственную точку зрения в этом вопросе. Ссылаясь на скорострельность, на пробивную способность и проч., они часто доказывают, что наступающая пехота не заинтересована так сильно в гаубицах, что пушки легко могут выполнить те же самые задачи. Это спор не новый. Французские артиллеристы, проникнутые теоретическими подсчетами, каким сортом артиллерии, сколько металла можно выбросить в тот или другой промежуток времени на данный участок местности, горделиво утверждали до войны, что их пушечная артиллерия гораздо более могущественна, чем артиллерия германская, насыщенная гаубицами. Однако боевая действительность с первых же полевых боев доказала как раз обратное. Французы не могли выдержать германского наступления. Их пехота оказалась бессильной и не могла оказать нужного сопротивления. Правда, пушечная французская артиллерия, как на это и ссылается Гаскуэн², в целом ряде случаев наносила немцам жестокие потери, но это бывало лишь тогда, когда немецкая пехота наступала нахально, не применяясь к местности, недостаточно разведывая и не неся правильной сторожевой службы. Если рассматривать все эти случаи больше, чем записки Жоффра³ и других французских и немецких исследователей, то увидим, что в маневренном бою французы, с одной стороны, не могли успешно наступать против немецкой армии, а с другой стороны, немцы легко выполняли наступательные задачи. Вместе с тем количество и подготовка французских бойцов мало чем уступали немецким. Однако и Жоффри и другие определенно указывают на то, что французские войска оказались недостаточно стойкими. Не нужно закрывать глаз на действительность, на то, что это происходило от недостатка французской артиллерии. Последняя обладала пушками, способными бить по живым целям, которых так мало появляется в достаточных размерах на наших пустынных полях сражений. Вместе с тем она не имела гаубиц, которые так верно прокладывают путь наступающей пехоте, которые так жестоко разрушают укрепления противника, которые так неизбежно разлагают моральную устойчивость сопротивления.

¹ 122-мм снаряда.— *Ред.*

² Гаскуэн — известный французский военный писатель-артиллерист, популярный в послевоенный период (20-е годы).— *Ред.*

³ Жоффри — начальник французского генерального штаба перед первой мировой войной, а в маневренный период ее в 1914 г.— главнокомандующий французских войск на Западноевропейском фронте.— *Ред.*

По вопросу о корпусной артиллерии съезд ВНО принял следующую резолюцию: «В период сближения корпусная артиллерия ведет борьбу с батареями противника, координируя таковую с работой дивизионной артиллерии. В период наступления ее главной основной задачей должно быть освобождение дивизионной артиллерии от борьбы с артиллерией противника. Во время атаки свободными силами содействует дивизионной артиллерии по обстрелу пехотной полосы неприятеля. Корпусная артиллерия управляется централизованно, если фронт корпуса не превосходит семи — восьми километров. Если же таковой больше, то, обыкновенно, придется разделить артиллерию корпуса по дивизиям».

Выше уже упоминалось о том, что у нас сейчас положение корпусной артиллерии совсем неопределенное, можно даже сказать, неприличное. Корпусная артиллерия — это затычка на тот случай, если дивизионная артиллерия не сможет разбить какое-нибудь препятствие. Вместе с тем она вооружена тяжелыми калибрами, которые при наших быстрых передвижениях зачастую отстают от войск. В силу этого корпусной артиллерией как-то пренебрегают и в среде артиллеристов, и в среде общевойсковых начальников. Конечно, такое положение совершенно ненормально. Учитывая сложные и конкретные задачи дивизионной артиллерии по борьбе с пехотой противника, корпусная наступающая артиллерия должна освободить ее от контрбатарейных задач. Она должна иметь достаточное количество пушечной артиллерии, дальнобойной и скорострельной, при помощи которой она смогла бы успешно вести борьбу с батареями противника.

Мне приходилось слышать возражения по этому поводу, что в маневренном бою такое функциональное разделение задач совершенно невозможно, что это теоретический подход, что это наследие позиционных взглядов. Конечно, это совершенно неосновательно. Раз обстановка усложняется, то она требует еще более ясно очерченных прав и обязанностей. Вваливать на дивизионную артиллерию всевозможные артиллерийские задачи — это значит поставить под знак вопроса целесообразность ведения артиллерийского боя, а стало быть, и успех пехотного наступления. Если к этому прибавить то упоминаемое выше обстоятельство, что дивизия не может иметь воздушных средств наблюдения, то задачи корпусной артиллерии и начальника артиллерии корпуса в деле борьбы с батареями противника становятся совершенно ясными и неопровержимыми. Нам необходимо внимательно пересмотреть структуру нашей артиллерии и найти те нужные организационные формы, которые соответствовали бы боевым потребностям и действительности. Вместе с тем надо более внимательно поштудировать вопрос о подборе родов артиллерийских орудий для каждого из артиллерийских соединений. Более подробно об этом будет ниже.

ОБОРОНА

Оборона может быть активной и пассивной¹. Однако активная оборона вовсе не означает, чтобы сражение, в которое она входит составной частью, являлось бы решительным и смелым. Пожалуй, как раз наоборот. Активная оборона требует очень больших сил для успешного окончания боя, и потому все сражение обычно вырождается в оборону. Это происходит потому, что активность заключается в контратаках и глубоком эшелонировании резервов. Если прорвавшийся противник, который обычно бывает значительно сильнее обороняющегося, должен быть разбит контратаками, то вполне понятно, какой величины должны быть выделяемые при активной обороне резервы. Если к этому добавить, что наступление вообще выгоднее обороны, что оно даст в руки инициативу и вносит в оборону при прорыве ее передовой полосы сопротивления большой беспорядок и панику, то станет вполне понятным, что для успешности действий активная оборона должна располагать силами, по меньшей мере равными силам наступающего. Но если это условие выполняется, то гораздо выгоднее наступать, чем обороняться. Благодаря этому активная оборона встречается довольно редко. Она применяется в тех случаях, когда к активным действиям еще не готовы, а отступать не хочется по тем или другим соображениям.

Наоборот, пассивная оборона является необходимым составным элементом смелой наступательной операции. Она имеет задачей сковать противника на второстепенных направлениях, употребив на это минимальное количество живой силы. Каким образом можно этого достигнуть? Только лишь путем создания оборонительной пехотно-пулеметной полосы, хорошо примененной к местности и усиленной искусственными препятствиями. При этом можно достигнуть упорной обороны, не вводя в бой крупных сил.

При такой системе резервы нужны не для контратаки, а для обволакивания прорывающегося противника новой пехотно-пулеметной полосой.

Само собой разумеется, что возможности артиллерии при активной и пассивной обороне будут совершенно различны.

Как говорилось уже выше, активная оборона требует для своего существования войск по меньшей мере столько же, сколько их у наступающего. Отсюда следует, что и артиллерия точно так же должна быть в равных силах.

Наступающая пехота не так боится артиллерийского огня, как ружейно-пулеметного. Этот последний является камнем преткно-

¹ Советская военная наука не подразделяет ныне оборону на активную и пассивную, считая, что оборона должна быть способной не только отражать натиск наступающего противника, но и все время наносить ему удары с воздуха и на земле, т. е. быть предельно активной. Современные средства борьбы допускают успешное ведение активной обороны и при отсутствии больших сил, но при условии смелого маневрирования ими.— *Ред.*

вения для наступающего. Вот почему атакующий свои главные артиллерийские силы направит на позицию обороны пехоты. От исхода этой артиллерийской подготовки зависит, быть ли обороне сбитой или быть опрокинутым наступлению.

Поэтому оборонительный бой можно, безусловно, выиграть, если удастся помешать артиллерии наступающего разгромить пехоту обороны. Эту задачу обороняющийся сможет выполнить только тогда, когда силы его будут в общем равны наступающему. Тогда артиллерия обороны сможет выделить необходимое число орудий на контрбатареиную оборону, а остальными, если таковые окажутся, сможет даже оказать активную поддержку обороняющейся пехоте, обстреливая метким шрапнельным огнем наступающие части противника. Очень многие артиллеристы особенно упирают на огонь обороняющейся артиллерии по наступающей пехоте, видя в этом залог успеха обороны. Но все это только громкие фразы, совершенно не обоснованные реальными возможностями.

Для примера возьмем дивизию, обороняющуюся на участке в пять километров.

На каждые 100 шагов позиции пехота может выставить 1 тяжелый пулемет, 2 легких пулемета и 5 ружей-автоматов, не считая стрелков. Артиллерия, даже самая мощная, как, например, польская, на том же участке может выставить не более $\frac{2}{3}$ одного орудия! Совершенно понятно отсюда, почему центр тяжести обороны подступов к позиции лежит не на артиллерии, а на пехоте. Разумеется, и артиллерия могла бы заградить путь наступающей пехоте, но для этого ей было бы необходимо иметь не менее шести четырехорудийных батарей на каждый километр позиции¹. Но тогда даже такой мощной дивизии, как, например, польская, пришлось бы занимать при обороне участок не шире двух километров. Это было бы очевидным абсурдом, так как, имея такую группировку, выгоднее было бы не обороняться, а энергично наступать.

Пассивная оборона имеет гораздо более широкое применение. Всякая смелая операция обычно включает в себя пассивные участки обороны.

Пассивная оборона должна при наличии минимальных средств задержать максимальные силы противника на возможно больший срок времени. Основа пассивной обороны — это полоса пехотного огня. Счастливый исход атаки зависит от того, сумеет ли наступающий организовать планомерный и мощный артиллерийский огонь по пехотной полосе обороны. Если он сумеет это сделать, то оборона обречена на гибель, ибо резервов серьезных нет, а артиллерия через известный промежуток времени всегда может забить и деморализовать обороняющегося. Поэтому самая большая по-

¹ Такое количество орудий, по прежним взглядам, давало возможность создавать «заградительный огонь». — *Ред.*

мощь, какую могла бы оказать обороняющейся пехоте артиллерия, — это, как и при активной обороне, мешать артиллерии противника вести массовый огонь по полосе обороны. Если эта задача могла бы быть достигнута, то шансы обороны возросли бы до чрезвычайности, ибо наступающая пехота одними своими силами почти не в состоянии преодолеть хорошо организованную оборонительную полосу. Но, учитывая слабость артиллерии обороны по отношению к артиллерии наступающего, станет вполне понятным, что эта основная задача артиллерии в полной мере будет для нее невыполнима. Вот почему оборона недолговечна. Во всяком случае, ясно одно, что и при пассивной обороне и при активной основная задача артиллерии лежит в борьбе не с пехотой, а с артиллерией противника.

Теперь посмотрим, какие задачи встают перед артиллерией обороны в разных соединениях.

Полковая артиллерия помогает пехоте в ее огне по наступающим живым целям противника. Она обстреливает его небольшие группы, поражает скрытые подступы, борется с танками, самолетами и прочее. Словом, ограничивается задачами теми же, что стоят и перед пулеметами пехоты.

Дивизионная артиллерия при обороне в период сближения наступающего обстреливает главным образом его пехотные цели. Если эти задачи может выполнить полковая артиллерия, то дивизионной артиллерии выгоднее от огня воздержаться, дабы не обнаружить себя, и в период наступления противника обрушиться на его дивизионную артиллерию. Когда противник встает для атаки, то она переносит огонь на его штурмующие части. В этом духе была выработана резолюция по артиллерийской обороне II съездом ВНО Западного фронта. Это вполне понятно. Самое тяжелое время для обороняющейся пехоты — это период наступления и атаки. Она должна принять все меры к тому, чтобы не допустить противника до рубежа атаки или по крайней мере допустить его на этот рубеж сильно потрепанным и деморализованным. Такую задачу лучше всего могут выполнить пулеметы и стрелки. Но для этого они должны быть освобождены от артиллерийских нападений. Вот почему дивизионная артиллерия бережет себя в период сближения, старается остаться для противника незамеченной и обрушивается на атакующую дивизионную артиллерию в тот момент, когда она перенесет свой огонь на пехотную оборонительную полосу.

Корпусная артиллерия при обороне, как и при наступлении, несет задачу контрбатарейной борьбы.

Из перечисленных выше задач становится совершенно ясным, что полковая и корпусная артиллерия должна быть такого же типа, какого требуют наступательные действия. Вообще то же можно сказать и про дивизионную артиллерию с той только разницей, что если при наступлении дивизионной артиллерии, безусловно, выгоднее иметь одни гаубицы, то при обороне некоторое коли-

чество пушечной артиллерии могло бы быть полезным. Однако это не является необходимым во что бы то ни стало. Имея корпусную артиллерию, снабженную достаточным количеством пушечных батарей, можно всегда скомбинировать огонь по батареям противника и при наличии гаубичной дивизионной артиллерии.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРТИЛЛЕРИИ

Подводя итог всему вышесказанному, мы неминуемо придем к следующим выводам. Полковая артиллерия должна иметь трехдюймовые пушки типа горного, но облегченного. Дивизионная артиллерия целиком или в подавляющем числе должна состоять из легких гаубиц. Корпусная артиллерия должна быть вооружена дальнобойными пушками и некоторым количеством гаубиц.

Интересно сравнить артиллерию русских, французских и германских корпусов в начале войны 1914 г. Из предлагаемой здесь таблицы I ясно видно, что французская артиллерия имела наибольшее число батарей, но она состояла из одних пушек, совершенно не имея гаубиц. Русская артиллерия по числу батарей значительно уступала и немцам и французам, но она имела все же небольшое число гаубиц. Германская артиллерия обладала мощной гаубичной артиллерией, но несколько уступала французам в числе батарей.

Таблица I

Артиллерийская характеристика двухдивизионных корпусов (пехотных) к началу войны 1914—1918 гг.

Армии	Число пушек		Число гаубиц		Общее число		На один б-н приходится			на один б-н приходится батарей	Примечание
	легких	тяжелых	легких	тяжелых	орудий	батарей	пушек	гаубиц	вообще орудий		
Русская . . .	96	—	18	—	114	15	3	0,5	3,55	0,45	Тяжелые дивизионы здесь не учтены, ибо они были приданы лишь во время войны (корпусам)
Германская	108	—	36	16	160	28	4,3	2,1	6,4	1,12	Кроме того, многочисленная армейская тяжелая артиллерия
Французская	120	—	—	—	120	30	5	—	5	1,25	Кроме того, некоторое количество армейской тяжелой артиллерии

Каковы же боевые результаты такой организации артиллерии? Мы видим, что немцы легко осуществляли наступательные действия против русской армии. Если здесь это еще можно объяснить тем, что немецкие солдаты в культурном отношении стояли выше русских, то это уже не применимо к французской армии. Французская организация и обучение стояли на должной высоте, и, несмотря на это, мы видим, как французы с самого начала войны терпели непрерывные неудачи в боях с немцами. В то время как французы плохо осуществляли наступательные действия, немцы их совершали запросто. Для всякого, имеющего опыт войны и знающего германскую наступательную тактику, совершенно ясно, что одним из важных элементов германского превосходства было наличие в их артиллерии гаубиц. Вот почему правильно было бы оценивать наступательные способности войсковых частей не отношением орудий к тысячам штыков, а отношением к штыкам числа гаубиц.

II съезд военно-научного общества Западного фронта предложил следующую организацию войсковой артиллерии.

Полковая артиллерия: тип горной пушки на разборном лафете. Дальность 5—6 километров, не более 25 пудов весом. Приспособить к перетаскиванию ее на руках. В полку — 6 пушек.

Дивизионная артиллерия: 3-дюймовых пушек — 12; 48-линейных гаубиц — 24.

Корпусная артиллерия: 42-линейных пушек — 18; 6-дюймовых гаубиц — 12. Это даст на трехдивизионный корпус 108 пушек и 84 гаубицы. При такой организации на один батальон приходится орудий около 7,1 и гаубиц около 2,8. Кроме того, корпусу признано необходимым иметь 12 зенитных пушек.

Армейская артиллерия должна иметь всю свою материальную часть приспособленной к маневренной войне и в своем составе иметь 42-линейные пушки и 48-линейные гаубицы.

Имея в виду, что при нашей бедности трудно сразу перейти на такое обилие артиллерии, съезд ВНО все же считал необходимым приступить и теперь же к кое-каким реорганизациям, а именно: изъять из каждой дивизии, входящей в состав корпуса, по одной батарее и передать их в состав корпусной артиллерии для образования постоянной контрбатарейной группы. Если при этом ввести двухорудийную батарею, о чем разговор будет ниже, то корпусная артиллерия будет достаточно сильна, чтобы вести на своем участке состязание с артиллерией наиболее современных армий.

Такое деление артиллерии вызывается идеями боевого тейлоризма. До сего времени наша войсковая артиллерия не имела правильного организационного построения, благодаря чему во время боя она запутывалась в задачах и не умела их ясно и четко выполнять.

Лично мой взгляд идет дальше мнения съезда ВНО. Я бы считал более целесообразным, в случае большого проекта, дивизион-

ную артиллерию иметь исключительно в составе одних гаубиц. Тогда действительно вся артиллерия была бы построена по принципу своих задач и тактические функции ее соответствовали бы ее материальной части.

Я не утерплю, чтобы не добавить еще нескольких слов о цифрах, даваемых Брюхмюллером в своей книге «О германских прорывах» (таблица 2)¹. Правда, ссылка на этот источник тактически быть может и опасна, так как многие артиллеристы, желая дискредитировать мои взгляды на артиллерию, неоднократно упрекали меня в том, что я основываю все свои выводы на опыте позиционной войны, в частности на книге Брюхмюллера. Но я думаю, что для вдумчивого читателя такой вывод был бы невозможным, а с людьми несерьезными можно и не считаться.

Мы хорошо знаем, чем отличались германские прорывы от французских. Французы должны были затрачивать целые недели на артиллерийскую подготовку прорыва, а немцы эту подготовку осуществляли в течение нескольких часов, обычно не более пяти. Чем это объясняется? Все, в том числе и французские писатели, определенно указывают, что французы не могли осуществлять внезапных прорывов потому, что у них не было гаубичной артиллерии. Если мы посмотрим на данные таблицы 2, составленной на основании материалов Брюхмюллера, то мы увидим, чем немцы обеспечивали пехоте верный прорыв после пятичасовой артиллерийской подготовки. В этой таблице число батарей, действовавших по французским укреплениям, разбито на четыре группы. Первая группа, поражающая передовую часть укрепленной полосы: во всех четырех приведенных боях мы видим подавляющее количество гаубичной артиллерии. К этому надо прибавить минометы как оружие навесного боя, хотя и свойственное лишь позиционной войне. Отсюда ясно видно, что обороняющаяся пехота легче всего может быть потрясена и оборона ее дезорганизована гаубичной артиллерией. Далее, во второй группе, где показана артиллерия, обстреливающая тылы укрепленной полосы (ходы сообщения, резервы), немцы допускали уже и серьезное участие пушечной артиллерии, так как по мере продвижения атакующей пехоты к ней присоединялась и гаубичная артиллерия первой группы. Третья группа — вспомогательный огонь: пушек тоже довольно много. Наконец, четвертая группа — контрбатарейная: отношение между гаубицами и пушками неустойчивое.

Эта иллюстрация из опыта позиционной войны, той войны, где обороняющаяся пехота имела исключительные преимущества, ибо была заплетена проволокой, имела бетонированные укрытия, эта иллюстрация ярко подчеркивает, какое значение для наступающей пехоты имеет гаубичная артиллерия.

¹ Брюхмюллер — видный германский артиллерийский генерал, прославившийся организацией использования артиллерии при прорывах позиционной обороны. — *Ред.*

¹ Включено в предыдущую графу

Сражение			Батареи, ведущие огонь по пехотным окопам противника												Контр-батареи		Примечание	
Место	Время	Ширина участка (км)	Глубина укрепления (км)	По передовым			В глубину полосы			Заградительный нейтрализующий огонь			Общее число		на км укрепл. пехот. полосы среднее число батарей	батарей		пушечных
				батарей	минометов (число)	пушечных	батарей	минометов (число)	пушечных	батарей	минометов (число)	пушечных	батарей	минометов (число)				
Винтонаж. Предмостное укрепление на р. Стоход	2/XI 1916	4—5	1	14	33	3	1	—	1	6	16	10	20	13	7	4	2	¹ Включено в предыдущую графу
Переправа на р. Серед	19/VII 1917	9—10	4	44	176	14	1	—	1	7	—	37	51	51	10	20	17	² Сведений точных нет, но большое число
Переправа на р. Зап. Двина (близ Риги)	1/IX 1917	10	4—5	55	230	17	20	—	5	—	—	19	75	41	11	4	32	³ Кроме того, при пехоте артиллерия сопровождения
Chemin des dames	27/V 1918	38	4	300	2	42	87	2	206	1	2	1	387	248	16	94	193	

ДВУХОРУДИЙНАЯ БАТАРЕЯ

В последнее время по поводу двухорудийной организации батарей возникли оживленные прения. Есть сторонники четырех- и двухорудийных батарей. В истории царской артиллерии мы систематически наблюдаем, как большая часть артиллеристов отстаивает привычное для них число орудий в батареях при каждой попытке сокращения этого числа. Находилась масса аргументов в пользу сохранения прежнего числа орудий, и его уменьшение каждый раз происходило с боя. Каковы же основные положения, выдвигаемые консервативными элементами в защиту полновесных батарей, а ныне, в частности, четырехорудийных?

Главными мотивами являются соображения о скорострельности. Считается абсолютно необходимым быстрый захват в вилку скоропроходящих живых целей с тем, чтобы несколькими очередями уничтожить их. Для того чтобы эту цель достигнуть, необходимо иметь весьма скорострельную артиллерию, это во-первых, а во-вторых, выгоднее для этой цели иметь возможно более полновесную батарею. Из всех возражений четырехорудийных консерваторов этот пункт по уничтожению быстро появляющихся живых целей является для них решающим. Уже упоминалось о том, что для артиллерии сравнительно мало будут появляться открытые живые цели. Наши поля сражений пустынные. Уже в период сближения пехота расходится по скрытым подступам и движется по ним вплоть до того момента, когда ей необходимо будет развернуться и вступить в огневое состязание с обороняющимся. Обычно это бывает уже в полосе действительного ружейно-пулеметного огня. Есть ли надобность в поддержке этого огня со стороны артиллерии? Конечно, отказываться категорически не следует, но значение ее невелико. Пулеметы поражают гораздо основательнее и являются для пехоты гораздо более страшным оружием, чем шрапнель. Это тем более ясно, что при обороне артиллерия расположена сравнительно разреженно и она не может всюду открыть действительный огонь по редко наступающей пехоте. Если пулеметы и отдельные стрелки могут открывать огонь по каждому отдельно перебегающему человеку, а наступающая пехота действует именно так, то артиллерия такой роскоши себе позволить не может. Стрелять же по залегшему и применившемуся к местности противнику ей нет никакого смысла. Поэтому мне думается, что эти основные соображения четырехорудийных консерваторов вряд ли могут быть оправданы боевой действительностью. Следующее веское возражение, приводимое артиллеристами, заключается в том, что если только разделить четырехорудийную батарею на две, то в каждой из таковых непременно выйдет одно из орудий. Вряд ли, конечно, это может являться таким неизбежным законом. Ведь мы же знаем, что и в старой армии, а тем более в Красной Армии, наша артиллерия зачастую разделялась на взводы. В целом ряде случаев это рекомендуется и иностран-

ными уставами. Таким образом, это возражение против двухорудийной батареи не может быть признано серьезным. Боевая действительность все равно заставляет четырехорудийную батарею постоянно разделяться на два отдельных взвода.

Какие же доводы можно привести в пользу двухорудийной батареи?

Прежде всего, то, что все равно артиллерия по опыту прошлых войн постоянно должна разделяться повзводно. Вместе с тем взводы не обладают достаточной материальной самостоятельностью, чтобы вести гибкий огонь. Поэтому выгоднее этот факт оформить, взводы реорганизовать в батареи, снабдить их необходимыми средствами связи, разведки и наблюдения. Это, безусловно, поднимет их боеспособность, а стало быть, и усилит мощность артиллерийского огня. Если понадобится по обстановке вести огонь по живым массовым целям, то командиры дивизионов всегда могут свести свои батареи в одно место и восстановить таким образом не только свои нынешние четырехорудийные батареи, но даже шести- и восьмиорудийные. Таким образом, при двухорудийной системе переход к многоорудийной возможен. Однако этого сказать нельзя про переход от четырехорудийной к двухорудийной батарее. При нынешней структуре артиллерии деление батареи на части всегда вредно отражается на управлении огнем.

Эту слабую сторону нашей батареи учитывают даже четырехорудийники. Они изыскивают различные способы, как выйти из тупика, но серьезных предложений что-то не видно. Наша четырехорудийная батарея, разделенная на два взвода, определенно теряет в своей боеспособности, а вместе с тем боевая обстановка требует такого разделения. Эти соображения с полной очевидностью доказывают, что переход на двухорудийную батарею может принести только выгоды, но, конечно, он будет затруднен наличием необходимых технических средств связи, оптических приборов, подготовленных командиров батарей и прочее.

Немногочисленность нашей артиллерии с особенной настойчивостью требует перехода на двухорудийную батарею. Для успешности наступления необходимо выделение контрбатарейной группы, которая, разумеется, ослабляет мощь дивизионной артиллерии и тем самым затрудняет наступление пехоты. Чем меньше мы выделим артиллерии на контрбатарейную борьбу и чем больших результатов вместе с тем достигнем в этой области, тем более мы облегчим положение наступающей пехоты. Разумеется, нет никакой необходимости выделять на каждую батарею противника непременно свою четырехорудийную батарею. Достаточно выделить для этой цели два орудия, которые с одинаковым успехом могут заставить замолчать любую батарею противника, если только нащупают ее расположение. Это мы знаем из опыта и гражданской и империалистической войны, и это же подтверждают иностранные полевые уставы. Польский устав по этому поводу говорит сле-

дующее: «Для определения собственной артиллерии, необходимой для борьбы с артиллерией противника, допускается, что достаточно одной полубатареи для обезвреживания одной неприятельской батареи, однако постольку, поскольку собственная артиллерия в предыдущих боях, например при завязке боя, выказывала вообще свое превосходство над неприятельской батареей». Если при таком положении мы будем выделять против каждой батареи противника по одному взводу артиллерии, то вполне очевидно, что справиться со своей задачей таковым будет довольно тяжело. Не имея достаточного количества связи, не имея необходимых оптических и прочих приборов, наконец, не имея подготовленного для самостоятельного артиллерийского огня командира, этот взвод сумеет извлечь из своих орудий лишь часть той боевой пользы, какую они могли бы оказать на самом деле. Совсем другое дело будет, если мы эти два орудия сформируем как батарею. Действительность огня поднимается, шансы на подавление неприятельской артиллерии возрастут. Благодаря этому мы сумеем ограничиваться выставлением против неприятельской четырехорудийной батареи двух наших орудий. Этого совершенно нельзя сказать про отдельно действующий взвод. Отсюда ясно, что двухорудийная батарея позволит нам наиболее экономно применять нашу артиллерию в бою.

Но и при обстреле пехотной оборонительной полосы противника двухорудийная батарея имеет определенные преимущества. Хотя по большей части обстрел этой полосы будет производиться по площадям, все же в целом ряде случаев придется поражать и отдельные мертвые точки. Требуется ли для этих последних задач четырехорудийная батарея? Конечно нет. Двухорудийная может выполнить такую же задачу и с тем же успехом, а раз так, то и здесь, в деле поражения закопавшейся пехоты, двухорудийная в целом ряде случаев будет экономнее четырехорудийной батареи.

II съезд ВНО Западного фронта по этому поводу принял следующую резолюцию: «По тактическим соображениям признать целесообразным двухорудийные батареи, а по техническим соображениям признать таковую допустимой. Переход на двухорудийные батареи возможен лишь при обеспечении их всеми техническими средствами и комсоставом, подготовку которого надо произвести своевременно». Кроме того, съездом ВНО поднят вопрос об испытании на практике и трехорудийной батареи. Такая батарея будет экономнее четырехорудийной. Убыль одного орудия сравнительно мало ослабит действительность огня, и, наконец, число три как-то соответствует нашей тройничной организации: три роты — батальон, три батальона — полк и т. д. Я лично считаю, что трехорудийная батарея хотя и выгоднее четырехорудийной, но означает собой какое-то соглашательство.

Съезд ВНО считает, что двухорудийная батарея не должна иметь хозяйства. Хозяйство имеют только дивизионы, причем по-

следние объединяют три батареи. Таким образом, двухорудийная батарея дает выгоду и в соотношении между тылом и строем.

На артиллерийском съезде Западного фронта вопрос о четырех- и двухорудийных батареях точно так же оживленно дебатировался. Оказалось, что число сторонников двухорудийных батарей растет непрерывно. Правда, число четырехорудийников все же оказалось немного больше числа двухорудийников: первых — 23, а вторых — 16. Четырехорудийники приняли следующую резолюцию: «Вопрос о реорганизации четырехорудийной батареи в двухорудийные возник исключительно благодаря маневрированию пехоты новыми строями, разработан только теоретически и не имеет за собой большого опыта войны. Артиллерия сильна могуществом своего огня и должна обладать достаточной гибкостью такового, а именно: масшированием и дроблением в зависимости от целей, появляющихся во время различных фаз боя, что осуществимо четырехорудийной батареей с изменением огневой тактики. Кроме того, неоспоримым фактором является то обстоятельство, что артиллерии придется работать не только по пехоте, но также по артиллерии и резервам (большие группы), танкам, броневикам, аэропланам; стрелять химическими снарядами, вести заградительный огонь, что потребует могущества оттенков и методики огня, а это осуществимо только при четырехорудийной батарее».

Экономическое положение Республики также стоит на стороне четырехорудийной батареи, ибо при переходе на организацию двухорудийных батарей увеличивается число организационных единиц, что влечет за собой лишний расход. Недостаток материальной части требует бережного отношения и ухода за ней, что при двухорудийной батарее невозможно, так как отдых орудия получать не будут и порча одного орудия (что бывает очень часто) оставит батарею с одним орудием.

Единственным минусом четырехорудийной батареи может явиться то обстоятельство, что расположение четырехорудийной батареи на позиции (колесами) в одну линию демаскирует таковую, но это обстоятельство может быть уничтожено установкой взводов орудий на увеличенных интервалах.

Приняв во внимание все вышеизложенное, а также и то обстоятельство, что некоторые цели в период сближения, ввиду своей незначительности в смысле размера (пулеметы, отдельно фланкирующие звенья, мелкокалиберная артиллерия), потребуют огня лишь двухорудийной батареи, а некоторые, благодаря своей величине и тактической важности, — четырехорудийной, то мы предполагаем изменить тактику ведения огня так, чтобы батарея могла быстрее выполнять вышеуказанные задачи. Для этого командир четырехорудийной батареи, поставив батарею на позицию (колесами), выставляет два основных наблюдательных пункта с приданными взводами, которые и ведут огонь в период сближения по незначи-

тельным мелким целям. В тот момент, когда потребуются более мощный огонь для поражения значительных целей, командир батареи, находящийся на одном из наблюдательных пунктов, присоединяет огонь второго взвода и продолжает стрельбу. Таким образом сохраняется могущество, оттенок и методичность огня. Противники четырехорудийной батареи говорят, что это может сделать командир дивизиона с двухорудийными батареями. Но это не так просто. Для того чтобы соединить огонь нескольких батарей по одной цели, необходимо таковую видеть и комбатам и комдивам¹, что на 99 процентов в маневренной войне неосуществимо. Комбат же четырехорудийной батареи это может сделать быстро и легко, ибо он будет видеть то, по чему будет стрелять, и, основываясь на своей стрельбе, будет знать все данные (дистанцию, угол доворота и т. п.). Конечно, квалификация комбата должна быть повышена, ибо он явится уже технико-тактическим руководителем.

Этим несколько не уменьшается роль командира дивизиона, как это говорят сторонники двухорудийных батарей. Роль командира дивизиона остается та же, а именно: управление огнем дивизиона в тех случаях, когда фронт остановится, и участок, данный дивизиону, будет виден командиру такового.

При этом необходимо помнить, что легче разделить четырехорудийную батарею на взводы, чем свести для временной работы совершенно отдельные двухорудийные батареи. Огнепитание в связи с децентрализацией усложнится при двухорудийной батарее и потребует лишних транспортных средств».

Сторонники двухорудийных батарей выработали следующую резолюцию: «Историческое развитие артиллерии шло параллельно техническому усовершенствованию орудийных систем».

Техническое усовершенствование неизбежно вело за собой эволюцию огневой тактики. В этом отношении всякая новая война изменяла опыт предыдущих в соответствии со своим характером. Поэтому, основываясь на опыте гражданской войны, когда зачастую вследствие требований маневра приходилось делить батареи на отдельные взводы, а также учитывая то обстоятельство, что будущая война будет носить преимущественно маневренный характер, который требует от артиллерии создания гибких, подвижных и хорошо применяющихся к местности артиллерийских единиц, невольно возникает вопрос об уменьшении количества орудий на батарею с тем, чтобы практически осуществить приспособляемость артиллерии к требованиям новой войны. Уменьшение количества орудий на батарею приводит к мысли о создании батареи из двух орудий. Переход к двухорудийной батарее имеет крупные положительные стороны.

¹ Командиры батарей и командиры дивизионов.— *Ред.*

А) Тактические

1) Принимая во внимание возможность в будущем войны для Красной Армии исключительно маневренного характера с целью противопоставить машинизированному противнику гибкость и маневренность живой силы при недостатке технических средств, необходимо создание большого числа гибких и способных к маневрированию при всякой обстановке тактических и технических единиц, что возможно при организации двухорудийной батареи, не выходя из нормы количества орудий на дивизию.

2) Обстановка современного боя, для которой явится характерной активность противника в многочисленных пунктах поля сражения, требует повсеместного воздействия артиллерийского огня, а вследствие этого — значительного увеличения числа стреляющих батарей.

3) Требования, предъявляемые артиллерией в условиях современного боя, в зависимости от значительного количества важных для поражения артиллерийским огнем целей (гибкость огня, маневренность, могущество и способность к маскированию огня в нужные моменты) с большим успехом могут быть выполняемы двухорудийной батареей.

4) Наличие значительного количества важных для поражения артиллерийским огнем целей, для которых не требуется сосредоточения огня четырехорудийной батареи, вызывает необходимость насыщенности полей сражения большим числом стреляющих батарей.

5) Переход к большому количеству батарей и дивизионов: а) облегчает разрешение вопроса по обслуживанию пехотных соединений и б) противопоставляя неприятельской артиллерии большое количество стреляющих батарей, облегчает борьбу с противником, обладающим многочисленной артиллерией.

6) Увеличенная степень маскировки и применяемость противника к местности и наличие целей, важных и разбрасывающих внимание комбатов, требуют усиления количества вполне самостоятельных наблюдательных пунктов, что возможно при усилении числа батарей и при существующей норме вооружения.

7) Удобство в выборе позиции, что в значительной степени сокращает время рекогносцировки позиции и изготовления к бою.

8) Увеличение маневренных способностей для артиллерии вследствие большого удобства сочетания фронтального огня с фланкирующим.

9) Значительные удобства в маскировке как в бою, так и на походе.

10) Создание гибких и маневренных единиц приблизит командира дивизиона к тактическому руководству огнем, чего до настоящего времени в большинстве случаев не было.

11) При свойствах удушающих газов химборьба вполне обеспечивается двухорудийной батареей.

12) Борьба с артиллерией противника нисколько не ослабляется, так как удачная стрельба даже одним орудием вызывает нервность работы номеров и, кроме того, для противобатарейной стрельбы может быть произведено сосредоточение огня нескольких батарей под руководством командира дивизиона.

Б) Технические

1) Характер целей, узких по фронту и глубоких (группы, звенья, станковые пулеметы, танки и бронемашинны и т. п.), не требует сосредоточения огня четырехорудийных батарей, так как цели вполне могут быть поражаемы огнем двухорудийной батареи.

2) Размеры целей по фронту и в глубину исключают необходимость четырехорудийной батареи. Убойность огня двухорудийной батареи вполне достаточна, что выгодно также и вследствие уменьшения расхода и непроизводительной траты снарядов.

3) Обеспечение большими средствами наблюдения и связи.

4) Большая вероятность к сохранению числа стреляющих батарей вследствие трудности нащупывания их противником.

5) Достаточная обеспеченность успешного ведения пристрелки и стрельбы на поражение.

6) Простота работы на батарее.

7) Ускорение готовности к открытию огня.

Для устранения несовершенства материальной части, что вызывает опасение выхода из строя всей батареи в случае, если одно орудие будет выведено из строя, требует улучшения материальной части, а с другой стороны, может быть устранено включением в штат батареи артмастеров и снабжением батареи необходимым количеством запасных частей, особенно из числа наиболее ломких.

Нет никакого сомнения, что движение в пользу двухорудийной батареи есть движение прогрессивное. Я совершенно уверен в том, что Красная Армия перейдет в ближайшее время на двухорудийную батарею. Этим она увеличит свою мощность, свою оперативную способность. Число батарей имеет колоссальное значение, и недаром Гаскуэн так настойчиво обращает внимание своих читателей на то обстоятельство, что французские корпуса имели батарей больше, чем германские. Он справедливо видит в этом большую маневренную способность французской артиллерии по сравнению с германской¹.

Коснусь еще немного вопроса о механической тяге, хотя она и не связана с вопросом о двухорудийной батарее. Нет никакого со-

¹ Красная Армия перешла в 20-х годах на трехорудийные батареи, затем, когда материальной части стало больше, — на четырехорудийные батареи, с которыми наша артиллерия и вступила в войну. Во время Великой Отечественной войны наращивание числа орудий в артиллерии шло как по линии увеличения числа артиллерийских (батарей, дивизионов, полков), так и по линии укрупнения орудийного состава батарей.— *Ред.*

мнения в том, что, чем более будет идти развитие промышленности и техники, тем более конская тяга будет заменяться тракторной. Но тем не менее состояние нашей промышленности не позволяет сделать к этому решительных шагов. Это надо отчетливо сознавать, но вместе с тем нам полезно научиться обращению с тракторной артиллерией, так как, во-первых, по мере развития нашей промышленности нам, конечно, придется серьезно переходить на новые рельсы в этом отношении, а с другой стороны, не надо забывать и того, что наши возможные противники если и не сильнее нас в промышленном отношении, то будут снабжаться всеми техническими усовершенствованиями за счет западноевропейского капитала. А в этом случае не может быть сомнения в том, что мы такую артиллерию будем у противника отнимать и, конечно, мы должны ее уметь использовать немедленно и обратить ее против своих врагов.

Затрону, кстати, и вопрос о зарядных ящиках. Нам необходимо стать на путь максимального их сокращения путем замены парными повозками. Расчеты показывают, что этим путем можно значительно увеличить емкость артиллерийского транспорта при наличии тех же самых конских средств.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Я буду говорить здесь лишь о качестве материальной части артиллерии как в настоящем ее виде, так и в теоретически возможном.

Прежде всего об орудиях.

В основном гаубица выгоднее пушки как в техническом отношении, так и в боевом. Благодаря меньшей начальной скорости, гаубица при одном и том же калибре всегда будет легче пушки и при одном и том же весе всегда будет иметь больший калибр. Таким образом, в смысле подвижности и мощности огня гаубица стоит выше пушки. Достаточно сравнить 42-линейную пушку и 48-линейную гаубицу, чтобы понять это соотношение. И притом надо учитывать, что конструкция нашей гаубицы заставляет желать многого. Так как наступление пехоты лучше всего обеспечивается помощью крупнокалиберной артиллерии, то мы имеем полное право сделать тот вывод, что гаубичная артиллерия является в полном смысле слова артиллерией наступления и маневра, как по мощи своего огня, так и по относительной легкости своей материальной части.

То обстоятельство, что наша пушка сконструирована удачнее гаубицы, является случайностью и не должно оцениваться как нечто закономерное.

Если мы коснемся артиллерийских снарядов, то и здесь увидим, что гаубица выгоднее пушки. В то время как в пушке колоссальное давление газов требует снарядов, сделанных из стали са-

мого высокого качества, гаубица допускает снаряды из худших сортов стали. Немцы делали их даже из чугуна.

Пушка не имела бы никаких преимуществ, если бы не существовала шрапнель. Но в этой самой сильной стороне пушки кроется и неизбежная ее слабость. Дело в том, что производство дистанционных трубок является вещью весьма деликатной, требующей большой точности и аккуратности. В мирное время заводы имеют возможность спокойно изготавливать эти трубки, и точность их бывает действительно велика. Но во время войны, когда начинается массовое и сверхмассовое производство снарядов, качество дистанционных трубок постоянно понижается. Благодаря этому точность стрельбы по живым целям сводится на нет. Мы замечали упрямые факты, повторяющиеся каждую войну. Артиллерия выходит по горло начиненная шрапнелями, а кончает гранатами. Разумеется, кроме технической стороны вопроса, есть еще и боевая действительность. Артиллерия, уступая голосу пехоты, отказывается от своего излюбленного снаряда — шрапнели и волей-неволей должна бывает перейти на гранату и бомбу. Так было и в японскую войну и в империалистическую. Особенно в последнюю. К концу войны шрапнель была совершенно вытеснена гранатой. Если мы к разрушительной способности гранаты прибавим еще новое средство, то постепенное умирание шрапнели станет совершенно очевидным. Если же дело обстоит так, а оно обстоит именно так, то есть ли надобность, есть ли основание иметь столь мощную пушечную артиллерию, как это мы видим у нас, и держать в загоне гаубицу. Ни интересы пехотного боя, ни тактические возможности артиллерийской стрельбы, ни, наконец, экономические интересы страны не могут признать такого положения целесообразным.

ЭКОНОМИКА АРТИЛЛЕРИИ

В предыдущей главе уже говорилось о тех данных, благодаря которым производство гаубицы может обойтись дешевле пушки. Малая начальная скорость требует меньшего давления пороховых газов, а это допускает понижение качества стали. В отношении снарядов эта разница особенно велика. Гаубица по сравнению с пушкой ложится гораздо меньшим бременем на хозяйство страны в деле изготовления снарядов. Если к этому добавить еще нормы расходования снарядов, то экономия, достигаемая при наличии более мощной гаубичной артиллерии, станет еще более очевидной. Гаскуэн в своей книге об эволюции артиллерии подробно останавливается на этом вопросе и, несмотря на всю свою любовь к пушке и французской артиллерии, все же приходит к определенным выводам, что пушка является самым расточительным оружием, наиболее тяжело высасывающим хозяйственные соки страны. Если к техническим преимуществам гаубицы прибавить еще и моральный эффект, достигаемый ею, то экономность ее поднимется еще

более резко. Хотя пушка и может, в конечном счете, произвести такое же разрушение, какое производит и гаубица, но для этого она должна выпустить гораздо большее количество снарядов. При этом, как ни странно, все-таки разрушение, производимое пушкой, не может сравниться с разрушением гаубицы. Чем это объясняется? Да тем, что сосредоточенный эффект ураганного обстрела гаубицей-пушкой распыляется. Эту разницу можно пояснить самым обыденным примером. Если взять пуд пуха и пуд железа и ударить по голове человека сначала одним, а потом другим, то разница не замедлит сказаться. Вот эту-то простую разницу, которую так хорошо понимают пехотинцы, далеко не всегда хотят уяснить артиллеристы.

В своих выводах об артиллерийской экономике Гаскуэн говорит, что Германия, благодаря наличию многочисленной навесной артиллерии, гораздо экономнее разрешала наступательные задачи, чем Франция. Французы на свои прорывы должны были затрачивать колоссальнейшие средства. Миллионы и десятки миллионов снарядов выбрасывали они там, где немцам бывала достаточной в несколько раз меньшая затрата. Благодаря этому германские возможности к сопротивлению растянулись очень надолго, несмотря на всю тяжесть экономического положения страны. Наоборот, Франция и ее союзники, обладавшие гораздо большими ресурсами, тем не менее быстро шли по пути истощения своей промышленности.

Мне неоднократно приходилось слышать от артиллеристов, что выводы Гаскуэна ошибочны. Однако те попытки опровержения, которые мне приходилось слышать, серьезного внимания не заслуживают. Мне кажется, что вопрос этот ясен, что пушка обходится для страны дороже, а вместе с тем для армии она является менее нужной. Гаубица и может и должна быть признана экономически более выгодной. А принимая во внимание, что гаубица является материальной предпосылкой наступления, что она создает наступательные возможности для пехоты, а стало быть и для армии вообще, мы можем сделать и другой, вытекающий отсюда вывод, а именно: наступление экономически дешевле обороны.

ВЫВОДЫ

Какие основные выводы можно сделать из всего вышеизложенного? Первый вывод будет касаться того, что артиллерия является, по самой природе своей, оружием наступления. Пехота без артиллерийской помощи в значительной мере бессильна. Не оборона, не поражение живых наступающих целей, которые в современной войне бывают мало заметны, ибо применяются к местности и представляются чаще всего в виде одиночных людей, а атака противника, разгром его пехоты, разгром ее организованного сопротивления, удушение ее пулеметного и ружейного огня — вот

основные задачи артиллерии. В то время как мелкие цели возлагаются на полковую артиллерию, дивизионная артиллерия выполняет основную роль своего рода войск — она прокладывает путь пехоте.

Для осуществления этой своей главной задачи артиллерии приходится отбиваться от артиллерии противника, конечно, активно — путем приведения ее к молчанию. В основном это задача корпусной артиллерии.

Тейлоризм в боевой деятельности артиллерии — верный залог победы.

Двухорудийная батарея назрела и является необходимым этапом по пути увеличения мощи нашей артиллерии.

Гаубица, как самый жесткий бич пехоты, является основой дивизионной артиллерии.

Конечно и признавая, что основной задачей артиллерии является проложение дороги пехоте, нельзя забывать, что она в целом ряде случаев имеет и вспомогательные задачи, как-то: борьба с отдельными живыми и техническими целями и проч.

Наконец, необходимо обратить внимание всех артиллеристов на то, что в целом ряде войн, не исключая и империалистической, многие артиллеристы недостаточно ясно понимали свои задачи. Далеко не все и не всегда были проникнуты той идеей, что артиллерия существует для пехоты, что ее боевая деятельность реальна лишь постольку, поскольку она помогает пехоте осуществлять самую тяжелую ее задачу — наступление.

У многих артиллеристов сложилось косное мировоззрение, основанное на уверенности, что артиллерия — это самодовлеющий боевой фактор, способный единолично разрешать любые задачи боя. Она при наступлении поражает обороняющуюся пехоту, а при обороне расстреливает наступающие пехотные части. Понятие о разделении труда между огнем пехоты и артиллерии не вкладывается в это мировоззрение никак. Это пахнет артиллерийской схоластикой.

Не страшно то, что такой уклон артиллерийского мышления страдает захватническими замыслами, а страшно, что этот путанный взгляд влечет за собой неопределенность артиллерийского строительства.

Нельзя найти артиллерии, которая была бы одинаково способна и к наступлению и к обороне. В то время как наступление настойчиво и определенно требует усиления гаубичного строительства, интересы обороны говорят о другом. Но, как в своем месте уже достаточно много говорилось, оборона, по самой сути своей, во всех наиболее распространенных формах, никак не может возложить на артиллерию решающих задач. Эти задачи лежат в основном на огне пехоты, а огонь артиллерийский является лишь вспомогательным. В наступлении дело обстоит как раз наоборот: огонь пехоты — вспомогательный, огонь артиллерии — основной и решающий.

Увлечение артиллеристов живыми целями — отдельными танками и проч. — вполне понятно; гораздо веселее стрелять по веселой цели. Не так увлекательно переворачивать вверх дном какое-нибудь кладбище, огород, склон холма и проч., где не видно, что делается, не видно, есть ли там пехота и какие она терпит потери. Но эта картина, малоотрадная для артиллеристов, вселяет в пехотинца подъем духа и героизм. В нем непроизвольно растет наступательный порыв, когда он видит, что в районе расположения противника «земля встает дыбом», и когда он начинает чувствовать потрясение противника по его ослабленному пехотному огню. Именно на такую цель и должны быть направлены все помыслы и все интересы артиллеристов. Дело не в увлекательности ведения артиллерийского огня, а в его основном результате — продвижении пехоты.

Я нападаю в этих строках не на всю массу артиллерийского комсостава, которая имеет живые силы, а лишь на патентованных артиллерийских алхимиков. Этот орден очень сплочен, стар и зловреден. Его влияние надо забраковать и изжить. Только тогда Красная Армия станет неотразимой в наступлении, когда в артиллерии возьмут верх разумные взгляды, когда она проникнется тем здоровым убеждением, что артиллерия существует для пехоты, и когда будет искоренен старый схоластический принцип, считающий, что артиллерия — для артиллеристов.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ¹

При наших сокращенных сроках вневойсковой подготовки необходимым условием боеспособности армии является широкое распространение военных знаний не только в ее кадрах, не только в обучающемся призывном возрасте, но и среди более молодых годов, проходящих допризывную подготовку. Необходимо длительное соприкосновение с военным делом, необходимо заранее проникнуться хотя бы простейшими представлениями о свойствах родов войск и об их элементарной тактике для того, чтобы затем в короткий срок, в течение нескольких месяцев, пройти полный курс военных знаний, необходимых для каждого красноармейца, и чтобы при этом прошедший курс вневойсковой школы был бы не хуже подготовлен, чем прошедший кадры нашей армии.

План милитаризации² допризывных годов намечается в широких размерах. Предполагается милитаризация гражданских учебных заведений, при которых учащиеся во всякой школе будут отдавать некоторое количество часов военным предметам. Таким путем мы откроем себе широкую дорогу не только в деле быстрой подготовки рядового красноармейца, но и в ответственнейшем деле выработки хорошего командного состава. Намечается широкое распространение военно-научных организаций не только в войсковых частях, но и в партийных, советских и профессиональных организациях, для того чтобы популяризировать военное дело, для того чтобы сделать его близким трудящимся массам, не отрывая их от своего непосредственного труда. Наконец, важнейшим фактором в деле такой широкой милитаризации должна явиться наша литература. Все популярные издания: газеты, журналы, сборники — должны отвечать этой идее, т. е. помогать рабочему и крестьянину, продолжая занятия своим мирным трудом, из года в год усовершенствоваться в военном деле и следить за всем тем новым, что появляется в области военной техники и тактики.

Особенно важна популяризация новой тактики пехоты. Это нужно не только для нашего молодняка, но и для наших старших возрастов, уволенных в бессрочный отпуск, которые имеют богатейший опыт империалистической и гражданской войн, но которые

¹ «Военный вестник», 1925, № 1, стр. 23—25.— *Ред.*

² Имеется в виду — военная подготовка.— *Ред.*

практически прошли курс тактики пехоты в составе рот старой организации, действовавших по основам старой тактики. Одного краткого призыва для переобучения этих возрастов было бы недостаточно. Требуется опять-таки систематическая работа по популяризации идей новой тактики в самой общедоступной форме, понятной для каждого рабочего и крестьянина.

Эта пропаганда военных знаний не должна ни в какой мере носить характера надуманных, вымученных статей, искусственно подсовываемых всем изданиям, какого бы характера и назначения они ни были. У нас достаточно разработанных методов для проведения в жизнь своей задачи. Одним из самых ярких и полезных видов популяризации военного дела является фотохроника. Даже и не подозревая, что такая хроника, такой подбор специальных фотографий с военным содержанием могут иметь какую-то воспитательную цель, читающий журнал и рассматривающий его картинки невольно и с интересом знакомится с новостями военной техники и тактики. Фотографии и иллюстрации с военным содержанием всегда просматриваются с особым вниманием, интересом и увлечением. Если, кроме того, эти фотографии сопровождались бы интересными комментариями, то значение их еще более увеличилось бы. Разумеется, помещение ряда интересных статей военного содержания, написанных живо, увлекательно, но правдиво, по вопросам военного дела, хотя бы и в беллетристической форме, точно так же является чрезвычайно желательным и необходимым.

На эту работу военно-научным организациям необходимо обратить самое серьезное внимание. Наиболее характерные эпизоды из тактического обучения, а также случаи, характеризующие вообще наше строевое и политическое воспитание, должны фиксироваться на фотографиях, и этот материал должен собираться и обрабатываться ВНО для помещения в соответствующих изданиях. За эту работу должно взяться именно ВНО, так как те иллюстрации и фотографии, которые сейчас помещаются в наших журналах, не только не могут послужить на пользу дела допризывной и вневойсковой подготовки, но определенно идут во вред последней, так как зачастую коверкают сущность и формы военного дела и учат вовсе не тому, чему на самом деле надо учиться. Как на пример можно указать на фотографии, помещенные в журнале «Огонек» № 44 (83) от 26 октября 1924 г., изображающие действия десанта, высаженного Балтийским флотом.

Трудно себе представить что-либо более убогое, в смысле военной подготовки, чем те примеры, которые мы видим на страницах «Огонька». Если взять журналы времен русско-японской войны, то мы увидим там точь-в-точь такие же картинки, и даже внешнее сходство подчеркивается тем совпадением, что фотографии как тогда, так и теперь принадлежат фотографу Булла. Прежде всего мы видим действия небольшой группы пехоты, по-видимому отделения по новой организации, которое вступило в бой с противником.

Казалось бы, что это является интересным моментом для того,

чтобы оттенить все особенности новой тактики, все характерные черты современного боя пехоты. Мы видим как раз обратное. Командир стоит на одном колене, красноармейцы точно так же в большинстве случаев стреляют с колена, совершенно не применившись к местности и, очевидно, выполняя не то, чему их всегда учат, а то, что хотелось видеть привычным глазам фотографа. Повторяю, картина такая, какую мы можем видеть во всех журналах времен русско-японской войны. Но ведь если русские войска вышли с такими приемами на эту войну, то даже с этой войны они уже вернулись обученными наново. Они уже умели применяться к местности и знали, что стрельба с колена — самая ненадежная и бесцельная стрельба. Конечно, требовать от фотографа, чтобы он интересовался новостями военного дела, нельзя, но не могу понять, как решился командир снять свою часть в таком нелепом, опереточном положении.

На той же странице, внизу, помещен снимок обстреливания самолетов из «зенитных орудий».

Как видит читатель, «зенитные орудия» представляют собой всего только станковые пулеметы. Как полезно допризывнику посмотреть такую картинку!

Пулеметы поставлены, по-видимому, так, как это представлялось наиболее красивым фотографу. Растяпистые фигуры, их окружающие, своим видом выявляют величайшую скуку, апатию, и, по-видимому, никто из них и не помышляет о борьбе с воздушным противником.

Я думаю, что не стоит много распространяться о достоинствах такого сорта популяризации. Надо только поскорее покончить с подобным озорством и положить начало энергичной и целесообразной популяризации военных знаний.

Эта задача чрезвычайно важная; ее будущее велико. Необходимо, чтобы наши военно-научные организации своевременно взялись за это дело и поставили его повсеместно на правильные и твердые основания.

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ПЕХОТЫ¹

Настоящая статья не претендует на рассмотрение и изучение вопросов организации и тактики пехоты во всем объеме. Я попытаюсь остановиться в ней на основных моментах, которые сейчас являются для нас чрезвычайно важными. Хотя прошлым летом нам всем приходилось неоднократно думать по вопросам и организации, и тактики пехоты, но тем не менее некоторые детали и некоторые положения, которые в летнее полемическое время мало затрагивались, сейчас полезно было бы осветить.

Новая пехотная тактика народилась главным образом в силу того, что развитие вооружения во время империалистической войны, к концу последней, повлекло за собой снабжение роты большим числом ручных пулеметов; это требовалось и по условиям обороны и по условиям наступления. Могушественное развитие артиллерийского огня, полное потрясение и уничтожение передовой полосы настоятельно требовали от обороняющейся пехоты оставить минимальное количество бойцов в этой выдвинутой полосе, отводя свои главные силы подальше в тыл, где они могли бы организовать прорвавшемуся противнику и огневой отпор, и энергичный контрудар сосредоточенными силами. Вполне понятно, что отдельные стрелки, как бы хорошо они ни стреляли, не могли бы выполнить задачу удержания наступающего противника после солидной артиллерийской подготовки. Приходилось искать более легкое оружие, которое позволило бы одиночным людям, прячущимся в воронках от снарядов, самостоятельно развивать такой могущественный огонь, чтобы быть в состоянии остановить значительные атакующие массы противника. Станковый пулемет, конечно, весьма пригоден был для такой цели, но не всегда, так как обслужить его не может один человек и перемена позиции для него чрезвычайно затруднительна, точно так же как и затруднительно применение его к местности на близких дистанциях. Приходилось искать более легкий пулемет, с которым мог бы справиться один пехотинец, который не затруднил бы для этого пехотинца перемену позиции и который не демаскировал бы его даже на самых близких дистанциях. Ручной пулемет явился таким новым средством, который был в большом числе вкраплен в стрелковые пехотные части,

¹ «Выстрел», 1925, № 2, стр. 7—17.— *Ред.*

вплоть до отделений. При помощи этих пулеметов действительно удавалось создавать, комбинируя их огонь с огнем станковых пулеметов, редкую, глубокую, трудноуязвимую и для артиллерийского, и для пулеметного огня противника укрепленную полосу. Прорывая ее, противник нес здесь большие потери, расстраивая свои ряды, доходил до второй укрепленной полосы в значительно потрепанном виде, с ослабленным порывом, где его ожидали главные пехотные силы.

При наступлении ручные пулеметы играли еще большую роль. Станковый пулемет, тяжелый и малоподвижный, очень трудно было применять в условиях чрезвычайной пересеченности укрепленных полос конца позиционной войны. Сплошные поля воронок, проволочные заграждения, хотя и разрушенные, но все же непрерывно разбросанные, бесчисленные ходы сообщения и т. п. — все это делало передвижение станкового пулемета весьма затруднительным, и не иначе как в разобранном виде. Вполне естественно, что в таких условиях ручные пулеметы являлись самым лучшим оружием для передовых пехотных частей, которые к тому же, действуя против огневых гнезд противника, должны были, естественно, разбиваться на отдельные группы, обладающие значительной огневой силой, способные выполнить самостоятельные задачи. Этот метод наступления вполне оправдал себя: во-первых, он является наиболее целесообразным способом для действий против разбросанных пулеметных гнезд; во-вторых, он позволяет самое широкое использование местности и всех мер маскировки и, наконец, несет меньшие потери от артиллерийского, пулеметного и ружейного огня. Немцы, использовав впервые этот метод наступления весной 1918 г., совершая новые операции, шли в этом направлении дальше по пути развития самостоятельности мелких пехотных единиц, вооруженных легкими пулеметами.

Разумеется, первоначально пехотную тактику вырабатывали эмпирически, от случая к случаю, так как времени на теоретическое ее обоснование не оставалось. Лишь по окончании войны опыт 1918 г. начал обобщаться и приводиться в силу; становилось совершенно очевидно, что отношение между огневой силой в пехотной роте, между стрелками и пулеметами, невыгодно для стрелков. Пулеметов хотя по числу и меньше, но они развивают гораздо большую силу. Вместе с тем эти пулеметы и их пулеметчики по внешнему виду ничем не отличаются от обыкновенных стрелков и поэтому ничем не привлекают к себе особого внимания противника. Вполне естественно встал вопрос о том, чтобы центр тяжести огневой борьбы снять с станковых и переложить на ручные пулеметы. Что достигалось этим? Прежде всего, сила огня не ослаблялась, но зато боевой порядок значительно разрежался, и благодаря этому являлась возможность ручные пулеметы вести не одни, как это требуется для стрелковой цепи, а эшелонировать их в глубину с организацией перекрестного обстрела в интервалы между соседями. Благодаря такому разделению огневых наступающих

единиц, как по фронту, так и в глубину, достигалась значительная маскировка всего наступательного нашего движения. Разумеется, стрелки, вооруженные винтовками и гранатами, точно так же должны наступать, но раз на них не выпадает задача ведения массового огня, то, следовательно, им нет надобности постоянно занимать открытые стрелковые рубежи, а, наоборот, имея задачей дойти в наиболее свежем состоянии до рубежа, с которого начинается атака, стрелкам в большинстве случаев выгоднее бывает менять позиции не от стрелкового рубежа к стрелковому рубежу, а от одного укрытия к другому укрытию. Эти перебежки совершаются под прикрытием массового огня ручных пулеметов, поддержанных огнем пулеметов станковых.

В обороне центр тяжести выпадает на перекрестный огонь сосредоточенных по фронту и в глубину ручных и станковых пулеметов. Стрелки располагаются на обратных скатах и в резервах, а частью содействуют одиночным огнем своим пулеметным силам.

Надо сказать, что эти основы в новой тактике, безусловно, отвечают и свойствам автоматического оружия, и свойствам стрелкового огня, и требованию штыкового удара. Но здесь же надо оговорить, что вся эта, безусловно, живая картина новой глубокой тактики не обошлась без того, чтобы не породить крайне абстрактного и вредного увлечения. Образование понятной резкой грани между стрелками и пулеметами и происшедшая отсюда новая глубокая тактика повлекли за собой дальнейшее ее углубление, не столько на основе боевого опыта, сколько на основе формальной логически правильной и стильной аналогии. Важнейшее увлечение заключается в том, что станковый пулемет, раз он не так подвижен, как ручной пулемет, раз он требует обслуживания несколькими людьми, то он настолько демаскирует себя и требует потери такого времени для открытия огня и перемены позиции, что на него не следует смотреть как на орудие передового боя, что для точности боя станковый пулемет возможно снабдить оптическими прицелами и т. п. Развитие вышеприведенных соображений повлекло к тому выводу, что станковый пулемет выгоднее использовать в больших массах для стрельбы через голову наступающей пехоты, и при этом главным образом на дальних дистанциях и не ближе средних. На дистанциях, ближайших перед атакой, будто бы станковый пулемет вовсе не имеет применения и служит скорее элементом, связывающим войска, а не элементом, их проталкивающим.

Безусловно, этот вывод совершенно не жизнен. Правда, было бы вредно отрицать способность станкового пулемета действовать в массах и удачно бить по отдаленным целям; но прямо-таки абсурдно утверждать, что станковый пулемет не имеет применения в ближнем пехотном бою и является элементом,отяжеляющим маневры пехоты. Боевая практика, боевой опыт маневренной войны нам доказывают с полной очевидностью, что станковый пулемет, даже такой тяжелый, как пулемет Максима с бронзовыми частями,

все-таки всегда являлся самым надежным другом передовых пехотных цепей и никогда от них не отставал. Правда, мы замечали в течение войны и империалистической, и гражданской, что станковые пулеметы, объединенные пулеметной командой или ротой, мало имели привычки действовать небольшими единицами в составе небольших пехотных частей. С другой стороны, и низшие пехотные начальники точно так же мало умели обращаться со станковыми пулеметами, плохо зная их технические и тактические основы их использования. Эти вредные условия, конечно, всегда отражались на целесообразном использовании станковых пулеметов. Но, несмотря на это, все-таки пехота всегда держалась за максима, никогда не отпускала его из передовых частей. Казалось бы, этот опыт говорит не о тех абстрактных выводах, о которых я упоминал выше, а о том, что мы недостаточно воспитывали наши мелкие пехотные единицы в духе применения и использования станковых пулеметов. Казалось бы, что самым правильным выходом из этого положения явились бы известная децентрализация станковых пулеметных сил, внедрение их в более мелкие единицы, тактическое сближение их еще в мирное время, с тем чтобы на войне мы бы имели дело с полным контактом и пониманием друг друга.

Обратимся теперь к различным армиям и посмотрим, как они организовано ответили на новые условия, предъявляемые тактикой.

Франция, а за ней и Польша пошли по пути максимального упрощения пехотного маневра. Французский пехотный взвод имеет четыре боевые группы, из них каждая распадается на две ячейки: пулеметную и гренадерскую (волтижерную). Французская боевая группа, а у поляков — дружина имеют низшие, и при этом неделимые тактические единицы. Боевые группы имеют значительную самостоятельность и в период сближения, и в период наступления. Мы видим, что выполнение основного пехотного маневра возложено на начальника такой группы; он должен согласовать продвижение своих гренадер для удара в штыки и гранаты с огнем своей пулеметной секции. Надо заметить, что это дело, конечно, не легкое, и не легкое по следующим обстоятельствам. Во-первых, признавая, что стрелковый огонь может быть только одиночным и не в состоянии состязаться с пулеметным огнем противника, тем самым приходится признать, что продвижение вперед ручного пулемета никем в боевой группе всерьез не поддерживается. Если он действительно проталкивает вперед гренадер, то эти последние не могут, в свою очередь, протолкнуть его вперед, когда это потребуется. Очевидно, потребуется помощь соседних боевых групп, что, по всей вероятности, будет делом частной инициативы последних, так как, отдавши свободу организации маневра вниз, командиры взводов вряд ли сумеют в пылу боя взять в свои руки управление. С одной стороны, командир взвода является при франко-польской системе пехоты, в полном смысле слова, коридор-

ным командиром. Другими словами, в его распоряжении нет такого специального средства, которым бы он мог регулировать маневр своих боевых групп, ибо все средства огня находятся в руках последних. С другой стороны, и боевые группы, как это уже указывалось выше, не обладают полностью маневром, так как для последнего необходимо иметь не менее двух боевых единиц. Очевидно, в смысле маневренности была бы более правильной организация боевой группы, если бы в ней было два ручных пулемета и одна гренадерская секция, но, по-видимому, такая организация, и на французский взгляд, является чрезмерной механизацией пехоты.

Во-вторых, нужно учитывать, что унтер-офицерский кадр, который будет стоять во главе боевых групп, вряд ли будет настолько подготовленным, чтобы полностью удовлетворить все требования, предъявленные командиру современным сложным пехотным маневром. Быть может, кадр сверхсрочных унтер-офицеров и будет принципиально справляться с такой задачей, но унтер-офицеры, пришедшие из запаса, и тот унтер-офицерский кадр, который будет оставаться к концу войны, вряд ли будут хорошо справляться с этой задачей. Довольно рискованно перелagать основное тактическое руководство с офицеров на унтер-офицеров. Нет никакого сомнения в том, что, какие бы меры ни принимало французское военное управление к затратам на подготовку унтер-офицерского состава, вряд ли оно сумеет приравнять таковых к офицерскому уровню. Еще меньше сумеет справиться с такой задачей польское правительство.

Румыния, по всей вероятности, в связи с недостатком ручных пулеметов, приняла несколько урезанную французскую организацию. Румынский пехотный взвод имеет три боевые группы, из которых две организованы по типу французской, но с большим числом стрелков и третья является чисто стрелковой без ручного пулемета. С первого взгляда может показаться, что организация огня и движения в румынской пехоте передана в руки взводного командира, который пулеметным огнем двух боевых групп проталкивает последние вперед и под их прикрытием выводит на линию атаки и свою третью ударную единицу. Однако более внимательное изучение румынской структуры показывает, что она является лишь выходом из недостатка ручного пулеметного оружия. Боевые группы пулеметные перегружены стрелками, вместе с тем эти боевые группы, имея, как и французские, две секции пулеметные и гренадерскую, должны организовывать маневр внутри себя, и поэтому естественно, что огонь ручных пулеметов всегда будет на деле использован в интересах самой боевой группы, а не в интересах всего взвода. Благодаря этому влияние командира взвода будет так же ничтожно, как и при французской организации, с той только разницей, что третьей ударной группе дойти до линии атаки будет труднее, чем французской или польской пехоте.

Германия, несмотря на то что она по Версальскому договору

установила в своей армии 12-летний срок службы и тем, казалось бы, могла подготовить действительно надежных унтер-офицеров, все-таки пошла не по французскому пути организации, а по своему собственному, при котором руководство огнем и движением возлагается не на боевую группу, а на взвод. Немецкий взвод имеет две пулеметные группы и две-три стрелковые группы. Под прикрытием подвижного огня легкопулеметных групп пехота пробивается к исходным положениям для атаки. Быть может, в этом вопросе для немцев сыграло роль и то обстоятельство, что по Версальскому договору они лишены возможности иметь большее число оружия и вследствие этого, подобно нам, должны были перейти на такую организацию. Но думается, что основной причиной все же являются тактические соображения, которые не позволяют центр тяжести пехотной тактики снять с офицера и переложить на унтер-офицера.

Станковые пулеметы во всех армиях объединены в пулеметные роты и придаются батальонам и полкам. Ни одна западноевропейская армия не стала на путь децентрализации станково-пулеметного оружия и тем самым выделяет его из непосредственного участия в кипящем котле пехотного боя.

Наша организация во многом сходна с немецкой организацией не потому, конечно, чтобы мы очень полагались на немецкий боевой опыт и способности, а потому, что, во-первых, не могли остаться со старой показной организацией из-за недостатка ручных пулеметов и автоматов, и, во-вторых, потому, что в силу целого ряда обстоятельств, в связи с упразднением командных одногодичных курсов, мы должны были нашу ставку пехотного командира с отделенного перенести на взводного. Если раньше каждый кончающий курсы должен был обязательно протянуть лямку отделенного командира, то переход на нормальную трехгодичную пехотную школу заставил нас от этого отказаться и службу командира начинать со стрелкового взвода. Это два основных обстоятельства, которые заставили пойти нас по пути новой организации, хотя, конечно, имелся и целый ряд других соображений, которые нас побуждали к тому же.

В нашем стрелковом взводе идея сочетания огня и движения подчеркнута очень ярко. Все, что возможно иметь во взводе ударного, мы ввели в стрелковое отделение. Отделения же пулеметные являются только огневыми единицами и имеют число людей, необходимое для всестороннего обслуживания ручных пулеметов. Высказывалось немало соображений в том смысле, что было бы полезно сделать наши стрелковые отделения более компактными, человек этак в 11—13. Конечно, это увеличило бы ударную силу взвода, но, во-первых, это понизило бы насыщенность пехоты пулеметами, и, во-вторых, это затруднило бы пулеметам перекрестный обстрел пространства при расположении их в глубину, если бы стрелковым отделениям пришлось наступать не змейками, а в каких-либо других строях (стайки, цепи). Эти соображения и

заставили остановиться на трех отделениях по 9 человек в каждом. При этом решении вопроса вставало еще и другое сомнение: не слишком ли мы обременяем командира взвода числом ему подчиненных единиц. По опыту всех иностранных армий мы видим, что командиру взвода подчинено не менее четырех единиц. Таким образом, для нас является страшным не сам по себе факт подчинения пяти единиц, а резкий скачок с трех до пяти. Конечно, некоторый минус, если не в первые дни войны, то в последующие, когда качество нашего комсостава понизится, в этом обстоятельстве есть. Но не нужно забывать, что, во-первых, командир взвода может пользоваться третьим стрелковым звеном как органом своего управления. Даже в старом взводе командир всегда вызывал себе связных и имел их не менее четырех человек; в современном бою, когда управление стало значительно труднее, этого числа командиру взвода ни в коем случае хватать не будет, и поэтому, водя за собой целые стрелковые отделения, командир взвода будет иметь более широкие возможности в деле управления остальными своими четырьмя единицами. Вместе с тем это отделение не сумеет провести к линии удара и двинуть его в штыки. При этом выгода будет заключаться в том, что командир взвода не будет нарушать организацию подчиненных ему частей, вызывая к себе отдельных людей из их состава. Наконец, у командира взвода имеется помощник, которому он всегда может поручить объединение двух и даже трех отделений. Иногда, по обстановке, он сумеет объединить действие стрелковых отделений, иногда пулеметных, и, во всяком случае, в этом вопросе у командира взвода всегда будет широкий простор для тактического творчества.

Совершенно самостоятельным решением в нашей организации является произведенная нами резкая децентрализация станково-пулеметного дела: мы ввели станковые пулеметы в роту и даже во взвод. Правда, в последнее время заменяем их пулеметами ручными, но и это является большим шагом вперед. При этих условиях мы, безусловно, приучим наших ротных и взводных командиров к тактическому употреблению станковых пулеметов еще в мирное время, что в военное время уже не может удалиться.

Часто приходится слышать, что станковый пулемет утяжеляет взвод, лишает его возможности маневрировать, а главный недостаток включения тяжелого пулемета во взвод видят в том, что наши младшие начальники не сумеют совладать с таким сложным оружием. Мне кажется, что эти доводы, безусловно, говорят в пользу новой организации. Ведь даже самые ярые сторонники централизации станково-пулеметного дела все-таки признают, что в бою станковым пулеметам постоянно придется находиться в передовой линии. Раз это так, раз это необходимо, то не для того же это делается, чтобы утяжелить наши передовые части, а для того, чтобы содействовать их продвижению вперед. Во-вторых, если мы считаем, что наши младшие начальники не сумеют сейчас воспользоваться станковыми пулеметами, то как же сможем мы пере-

давать им таковые на войне, в действительном бою. Ведь там они совсем не сумеют справиться с этим сложным и трудным делом. Совершенно очевидно, что, только включив станковые пулеметы в наши низшие пехотные единицы, мы сумеем приучить и наш средний и наш младший командный состав к целесообразному использованию станковых пулеметов и к четкому взаимодействию между ними, ручными пулеметами и стрелками. Наш стрелковый взвод является единицей очень гибкой, он имеет две огневые единицы, и при этом одна из них станковопулеметная, другая легкопулеметная. Это позволяет командиру взвода самые широкие и разнообразные тактические комбинации. Если мы даже и предположим, что на совершенно ровной местности, лишенной возможности удачно применить к местности станковый пулемет Максима, командир взвода и столкнется с затруднением проталкивания последнего, что, во всяком случае, может быть не далее 500—600 метров, то под прикрытием станкового пулемета командир взвода всегда сумеет выдвинуть на последний огневой рубеж свой ручной пулемет и под прикрытием перекрестного огня обоих пулеметов продвинуть вперед стрелков. Если даже в конце концов станковому пулемету и придется прекратить свой огонь, то ручной пулемет возьмет на себя эту задачу и сумеет обеспечить дальнейшее продвижение стрелка. Даже в этом худшем случае, какой только можно себе представить, и тут станковый пулемет взвода, лишенный возможности действовать, непосредственно после атаки и прорыва явится лучшим средством для закрепления занятого пространства и позволит взводу, не прекращая своего стремительного наступления и не ослабляя своих живых сил, прочно и окончательно закрепить за собой занятое пространство. Нет никакого сомнения и в том, что в период боя от своего ротного командира командир взвода получит в поддержку и другой станковый пулемет, и, конечно, никогда от него он не откажется.

Безусловно, приходится признать, что станковый пулемет является очень тяжелым; было бы желательно всемерно его облегчить, к чему, конечно, имеются возможности. Но это обстоятельство, т. е. тяжелое состояние пулемета сегодняшнего дня, вовсе не является основанием для того, чтобы выкинуть станковый пулемет из игры ближнего пехотного боя.

В общем, мы безусловно должны признать, что наша новая организация пехоты является вполне отвечающей современным требованиям пехотной тактики. В этом отношении мы не отстаем от западноевропейских армий, зато в области станковопулеметного дела мы безусловно превосходим их, так как резко откололись от принципа централизации и вкрапили станковые пулеметы и в роту, и во взвод.

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИИ¹

РАЗВИТИЕ ФОРМ ВОЙНЫ И СТРАТЕГИИ

Вопросы стратегического исследования нельзя рассматривать отдельно от той эпохи, к которой они относятся. На всем протяжении истории мы видим, как формы войны, вооруженные силы, методы ведения войны, ведения операций и т. д. — все это постоянно изменяется по мере развития производительных сил и общественных отношений.

Если в период родового быта мы замечаем отсутствие постоянной вооруженной силы, ибо в родовом быту обычно все общество является вооруженной общиной, которая выступает целиком и полностью на войну, — то по мере классового расслоения мы замечаем рост государственной власти и вместе с тем рост постоянной вооруженной силы, которая отрывается от всего общества и на которую государство — господствующий класс — опирается для обеспечения своего классового господства. А вместе с параллельным развитием производительных и вооруженных сил меняются и формы ведения войны. Таким образом, рассматривая ведение войны и соответствующую ей стратегию, мы должны внимательно оценивать все те условия, которые относятся к данной эпохе.

Формы войны меняются также и в зависимости от задач, характера и целей войны. Например, мы знаем войны, которые ведутся народами, ведутся государствами из-за своих основных экономических интересов, для сохранения своей территории и т. д.

Знаем мы также формы войны активной, захватнической, когда, помимо сохранения своей собственной территории, достигается еще отторжение от противника той или другой части его территории или захват тех или других промышленных источников. В этом смысле мы знаем войны двух категорий: наступательные и оборонительные. Я должен предупредить, что эти термины не совсем точные, но они до известной степени характеризуют основные положения.

¹ Отдельная брошюра. М., изд-во «Военный вестник», 1926.

Наконец, мы отмечаем еще формы войны гражданской и внешней. Когда государственная власть в том или другом государстве крепка, когда это государство ведет войну с другим государством для достижения тех или других целей господствующего класса, мы имеем форму войны внешней, и, наоборот, в том случае, когда положение господствующего класса начинает шататься, мы замечаем возникновение гражданской войны, которая, по существу, является борьбой за государственную власть. В зависимости от развития производительных сил, формы внутренней войны принимают различный характер. Например, формы гражданской войны в Китае совершенно не похожи на формы той гражданской войны за диктатуру пролетариата, которую мы вели в 1918—1920 гг.¹

В общем, характер войны изменяется в зависимости от эпохи, в зависимости от той ступени общественного развития, на которой находится данная страна. Поэтому говорить о стратегии, как о чем-то таком, что относится ко всем эпохам, что было всегда присуще военному делу, совершенно не приходится. Наоборот, даже оставив в стороне вопросы широкого ведения войны, войны как крупного общественного явления, оставив в стороне ту роль, которую эти вопросы могут играть в настоящее время, когда поднимаются многомиллионные массы, когда до 10 процентов всего населения страны выходит на театр военных действий, оставив в стороне все эти сложные вопросы, развивающиеся соответственно развитию самого общества, мы замечаем, что в различные эпохи и самые принципы, на которых основаны узко военные действия на театрах войны,— *меняются*. Если, скажем, в эпоху Наполеона мы видели, что в основном стратегическое искусство заключалось в том, чтобы сосредоточить на поле сражения возможно большее количество войск для придания им глубоких массированных построений, то теперь мы видим явления обратные. Русская армия во время русско-японской войны была постоянно бита именно из-за стремления к массированным группировкам на узких фронтах. Эти массированные группировки, дававшие победы Наполеону, в эпоху русско-японской войны являлись основным источником поражений царской армии. Таких примеров можно привести немало.

Вот почему нужно к поставленному вопросу о стратегии отнестись не как к вопросу стратегии вообще, не как к исследованию основных ее принципов, пригодных на все времена и для всех народов, а надо наметить те основные пути стратегического мышления, основные пути стратегического руководства, по которым нам придется идти в нашу эпоху, тогда, когда нам приходится отстаивать завоевания Октябрьской революции от нападения окружающего нас капитализма и когда во всем мире назревает социалистическая революция.

¹ Автор имеет в виду здесь вооруженную борьбу в Китае в 20-х годах, приведшую к власти чанкайшистскую клику.— *Ред.*

Вот направление, которое я должен взять в своем докладе для того, чтобы основные вопросы стратегии, которые я в нем загну, имели практически деловой, а не абстрактный характер.

ВОЙНЫ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Переживаемая нами эпоха империализма усложнилась сейчас тем, что уже появился первый социалистический остров, охватывающий $\frac{1}{6}$ часть земли. Этот социалистический остров должен отстаивать свою независимость, возможность своего дальнейшего процветания. Если до мировой войны и до возникновения нашей советской страны мы имели дело только с империалистическими войнами¹, то в настоящее время, стараясь наметить основные вехи для будущего ведения войны, мы должны учитывать, с одной стороны, возможность возникновения новых империалистических войн, а с другой стороны, неизбежность столкновения капиталистического мира с нашим Советским Союзом. Задача чрезвычайно усложняется.

Каковы характерные черты войны, бросающиеся в глаза в эпоху империализма? Прежде всего, грандиозные размеры этой войны. Характер монополистического капитализма ведет к тому, что экономические и политические интересы господствующих классов различных стран настолько перепутываются, представляют в мировом масштабе такой запутанный клубок, что война даже двух отдельных государств постепенно может вылиться в войну двух частей земного шара — одна против другой. Это мы видели в империалистическую войну 1914—1918 гг. Начавшаяся, по существу, как будто из-за ничтожного предлога на сербской границе, вылившаяся первоначально в форму борьбы Центрального тройственного союза против Франции и России, — эта война в конце концов привела к тому, что весь мир разделился на два враждебных лагеря и вел ожесточенную войну в течение *четырёх* лет.

Таким образом, основной чертой современных войн является грандиозный размах и по тем экономическим средствам, которые применяются в войне, и по людским ресурсам, которые ее питают, и по пространству, занимаемому воюющими, и, наконец, по продолжительности. До 1914 г. большинство полагало, что войны будут поглощать столь огромное количество средств и ресурсов страны, что не смогут продолжаться больше нескольких месяцев. Никто не предполагал, что война может затянуться на четыре года. Лишь Энгельс определял будущую войну трех — четырехлетней да Мольтке сказал, что она будет очень длительной, одной из самых тяжелых войн и длиться, может быть, семь, может быть, тридцать лет, а может быть, и больше.

¹ Автор имеет в виду, конечно, первую четверть XX в. — *Ред.*

В общем, до мировой войны никто не ожидал того колоссального размаха, который она на самом деле приняла. Ни одно государство во всем мире не было подготовлено к этой войне, и поэтому мы должны внимательно на основных вопросах, выдвинутых ею, остановиться и поглубже их изучить.

ПЕРИОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Для большей конкретности изложения я останавлиюсь на примере империалистической войны 1914—1918 гг. Современные войны ведутся, конечно, не отдельными армиями, а всей страной в целом, всеми силами и средствами. Характеризуя империалистическую войну 1914—1918 гг., интересно прежде всего проследить те ресурсы, которыми она велась с той и другой стороны.

Если мы обратим внимание на конец войны, то увидим, что силы населения стран, которые вели войну, совершенно не равны. В то время как Центральный союз имел 133 млн. человек, Антанта со всеми присоединившимися народами имела около 800—900 млн. Таким образом, в людских ресурсах мы замечаем полное несоответствие. Но вместе с тем мы не должны забывать, что империалистическая война не представляет собой чего-нибудь однородного целого. Так, например, в течение первого года, по существу, велась борьба Германии и Австро-Венгрии против России и Франции. Небольшую помощь оказывали и сербская, и бельгийская, и английская армии. Но все же в первый период войны размеры ее не были такими грандиозными, как они оказались впоследствии.

Если мы рассмотрим численность населения, фактическое соотношение количеств населения в первый период войны, то увидим следующее: на стороне Антанты 217 млн. (я должен предупредить, что статистика не всегда дает точные цифры, но все же приведенные цифры характеризуют положение), а Центрального союза — около 113 млн.¹ Таким образом, если мы к концу войны видим полную диспропорцию, полную невозможность ведения войны для Германии, то в первый период людские ресурсы центральных держав составляли более 50 процентов ресурсов их противников. Если прибавить отрицательные качества России — ее отсталость, безграмотность, недостатки организации и развития промышленности, то это соотношение в первый период войны надо признать далеко не таким несоразмерным, как к ее концу.

¹ Приводимые ниже цифры взяты из справок Управления по исследованию и использованию опыта войн штаба РККА, составленных по источникам, указанным в соответствующих сносках.

Население стран ¹

	Антанта	Тройственный союз
В конце войны	800—900 млн. чел.	133 млн. чел.
В первый период войны (фактически — Россия, Франция, Бельгия, Сербия, с одной стороны, и с другой — Центр. союз)	217 млн. чел.	113 млн. чел.

Рассмотрим теперь следующие основные виды промышленности, от которых чуть не на 100 процентов зависело ведение войны на фронтах:

Топливо ²

(в английских тоннах)

	Антанта	Тройственный союз
Каменный уголь	398 679 000	329 169 000
Нефть	10 382 698	1 237 758

Антанта добывала ежегодно каменного угля в тоннах 398 млн., тройственный союз — 329 млн. Таким образом, в каменном угле особой разницы незаметно. Я беру здесь цифры, не учитывая средств Соединенных Штатов. Нефть — Антанта 10, Центральный союз — 1¼ млн. В нефти большое преимущество на стороне Антанты. Но в общем и целом промышленность тройственного союза имела кое-какие шансы состязаться в топливе с Антантой.

Металл ³

(в тоннах)

	Антанта (Без САСШ)	Тройственный союз
Добыча железной руды (английские тонны)	47 545 000	33 381 000
Выплавка чугуна	23 178 000	19 199 000
" стали	20 809 000	20 282 000
" свинца (английские тонны)	276 349	224 052
" цинка	358 768	298 194
Добыча меди	105 839	28 971
" олова	15 635	3 872

Добыча железной руды у Антанты — 47 млн., тройственный союз — 33 млн. Превосходство есть, но не такая диспропорция, которая делала бы невозможным ведение войны. Выплавка чугуна: Антанта — 23 млн. и Центральный союз — 19 млн. Сталь — 20 млн. и 20 млн. Свинец — 276 тыс. и 224 тыс. Цинк — 358 тыс. и 298 тыс. Таким образом, по всей этой первой группе мы видим, что особой диспропорции, на основании которой можно было бы говорить, что в отношении металла и топлива Центральный союз не мог вести борьбу с Антантой, — нет. Только в отношении меди

¹ «Статистический ежегодник мирового хозяйства». М., 1921. Табл. 34 и 36 — по данным 1913 г.

² Там же.

³ Там же. Табл. 37—39 и 43—46 — по данным 1913 г.

и олова Центральный союз уступает значительно, и на протяжении всей войны мы замечаем, как Германия претерпевала большую нужду в меди и изыскивала способы для замены ее какими-либо другими металлами.

Продовольствие ¹

(Пшеница, рожь, рис, кукуруза в тоннах)

	Производство внутри страны	Ввоз	Процент производства к потреблению
Германия	15 400 тыс.	29 962 тыс.	34

Здесь картина представляется в совершенно другом виде. Германия до войны ввозила в два раза больше продовольствия, чем производила сама. Таким образом, та блокада, которой она подверглась в силу географического расположения Центрального союза, ставила Германию в чрезвычайно трудное и даже безвыходное положение в продовольственном отношении.

Из рассмотрения основных источников этих двух коалиций мы видим, что в первый период войны в отношении основных видов промышленности, которая необходима для фронтов, — стали, чугуна, железа и т. д. Германия и весь Центральный союз почти не уступали Антанте ².

В чем же заключается непосредственная причина гибели Центрального союза? Тут два момента — недостаток продовольствия и недостаток людских ресурсов. Значение того и другого для первого периода войны и для последующих — совершенно различно. Чтобы охарактеризовать еще яснее первый период войны, я укажу на цифры вооруженных сил, которые выставлялись обеими странами.

Вооруженные силы первого периода войны ³

Всего дивизий			Фактически могло быть выставлено				
			на Западном театре		на Восточном театре		на Сербском театре
Антанта	Пехотные 230 (приблизительно)	Кавалерийские 59	Пехотные 95	Кавалерийские 12	Пехотные 113	Кавалерийские 40	8
Тройственный союз	184	22	120	11	52	11	12

¹ «Статистический ежегодник мирового хозяйства». Табл. 10, 11, 14 и 16 в среднем за 1909—1913 гг.; сборник «Мировое сельское хозяйство». Изд. Наркомзема, 1922.

² Слабым местом военной экономики Германии было отсутствие собственного жидкого топлива, необходимого для авиации, флота и механического транспорта, а также сельскохозяйственного сырья (хлопок, шерсть, кожа и др.). — *Ред.*

³ По данным, приводимым у Corda — «La guerre Mondiale», у Schwarte — «Der grosse Krieg» и В. Новицкого — «Борьба на французском фронте в 1914 г.».

Антанта имела пехоты всего около 230 дивизий, тройственный союз — 184 дивизии, кавалерии Антанта имела 59, тройственный союз — 22. Таким образом, общее превосходство сил было на стороне Антанты. Но если мы посмотрим на те практические возможности, которые были у обеих сторон, то увидим следующее.

На Западном театре Антанта могла выставить французскую, бельгийскую и английскую армии в 95 дивизий пехоты и 12 дивизий конницы. Германия выставила меньше, чем могла, в силу недостаточно смелой стратегической политики Мольтке. Она могла выставить на Западе до 120 дивизий пехоты и 11 — конницы.

Таким образом, обладая меньшими силами, тройственный союз в отношении сосредоточения сил на главнейшем театре располагал в это время значительным превосходством сил. Если мы это положение охарактеризуем еще артиллерией, то увидим следующее. На Западном фронте Франция, Бельгия и Англия могли выставить только 5400 орудий, а германская армия могла сосредоточить до 11 тыс. орудий, т. е. иметь двойное превосходство артиллерийских сил.

Артиллерия¹ (Первого периода войны)

Всего (примерно)		Фактически могло бы быть орудий		
		на Западном театре (примерно)	на Восточном театре	на Сербском театре (примерно)
Антанта	13 200	5 400	7030	300
Тройственный союз	16 500	11 000	5000	400

Итак, Германия, имея на 30 процентов превосходство в числе дивизий, могла добавить к этому подавляющее превосходство в артиллерии. Положение Центрального союза в первый период войны было совсем не такое, как в дальнейшем. На Восточном театре превосходство оставалось на стороне русской армии. Но, учитывая ее качественный характер, особенности и, заметим, медленность ее стратегического развертывания, мы должны признать возможность смелого маневрирования для Центрального союза. Это не означает, конечно, что силы Германии были достаточны для решения стоящих перед нею задач. Важно понять лишь то, как изменялось соотношение сил по периодам войны.

Какие выводы мы можем сделать из этих основных положений? Выводы следующие. Прежде всего, войну, которая затягивается на годы, питается всеми соками, всеми ресурсами страны, мы не должны рассматривать как неизменяемое целое. Война на протяжении своего развития резко меняет свой характер. Соотношение сил точно так же может резко измениться. В первый период войны

¹ По данным Corda, Schwarte и В. Новицкого.

Германия обладала значительным превосходством вооруженных сил по сравнению с западными соседями. Ее промышленность, непосредственно питающая войну на фронтах, была почти равна промышленности противников. Лишь только в отношении хлеба, *основных продуктов питания и людских ресурсов она была поставлена заранее в угрожающее положение.* Если она на протяжении первого периода войны не добивалась решительных результатов, то дальнейшее развитие войны неминуемо должно было вести Германию по пути все большего падения, ибо все более ставило ее в безвыходное положение.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Таким образом, мы должны выделить в современной войне первый период, в который эта война завязывается. В течение этого периода слагаются и противопоставляются основные силы, причем в таких формах и размерах, которые могут быть предвидены еще в мирное время, если не вполне точно, то приблизительно. Мы должны отличать этот первый период от дальнейших.

Надо сказать, что империалистическая война и после первого периода (1915, 1916, 1917 и 1918 гг.) также не представляла чего-либо одинакового. Каждый год изменялась обстановка всей войны. Каждый год изменялось соотношение сил. Каждый год изменялись достижения в деле вооружений и т. д. Если в 1914, 1915, 1916, 1917 гг. Германия имела против себя Россию, Францию и Англию, то в 1918 г. Россия вышла из антантовской коалиции, зато ее заменила Америка и т. д. Таким образом, империалистическая война не представляет собой чего-либо неизменного, цельного. Она изменяется как по своим формам, по своим размерам, так и по участвующим в ней странам. Это, конечно, резко меняло обстановку и накладывало печать на всю стратегию. Нужно сказать, что в последующие периоды войны, а эти периоды обычно для мировой войны совпадали с годами, ни одна армия не руководствовалась теми военными положениями и уставами, с которыми она вышла в 1914 г. Каждый год армиям приходилось изменять свои уставы, создавать новые инструкции, приходилось переобучать и различные рода войск и свои штабы по этим новым инструкциям. Каждый год видоизменялись и планы войны.

Таким образом, различные периоды войны не могут пользоваться одними и теми же военными положениями, одними и теми же военными доктринами. Эти доктрины постоянно колеблются в зависимости от тех средств и сил, от той степени мобилизации и военизации страны, которые слагались в указанные периоды. Новые ресурсы, новые средства истребления и защиты кладут сильнейшую печать на характер наступления и обороны и самой войны. Достаточно вспомнить и проследить по различным периодам империалистической войны, какое значение имело состязание

в могуществе, состязание в авиационном превосходстве, состязание в танковом могуществе и т. д. Все эти моменты, создавшиеся военизацией страны, милитаризацией производства, клали резкую печать на различные периоды войны, и военные доктрины постоянно менялись в зависимости от характера этих периодов.

Далее, из опыта войны 1914—1918 гг. мы видим, что войны в эпоху империализма ведутся коалициями и, наконец, что борьба ведется за последовательный разгром, ликвидацию членов неприятельской коалиции.

Вот те основные выводы, которые мы можем сделать из империалистической войны. Я не задаюсь целью критиковать те или другие стратегические планы сторон на протяжении этой войны. В задачу настоящего доклада это не входит. Это отвлекло бы меня слишком далеко. В данном случае нам интересно проследить лишь те основные моменты, те характерные стратегические черты, которые лежали в основе империалистической войны и развивались на всем ее протяжении.

ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Оценивая таким образом империалистическую войну, разлагая ее на составные части, по отношению к которым условия постоянно изменялись, мы, естественно, должны поставить вопрос: а в каких же условиях будет вестись война будущего, которая, безусловно, нам предстоит, несмотря на всю политику мира и обороны Советской власти? Нас, конечно, не столько интересуют условия войны империалистических стран друг с другом, сколько главным образом интересно знать — какие формы войны предстоят нам, в какой войне нам придется участвовать, к чему нам нужно непосредственно и конкретно готовиться.

Прежде всего нужно сказать, что ответить на вопрос — какой характер будет иметь *вся* будущая война — невозможно, ибо по мере своего развития война меняет свои формы, свой характер и предугадать их заранее нельзя. Например, в период маневренных сражений в 1914 и даже в 1915 г. никто не мог сказать — какие формы в конце концов примет оборона и атака в 1918 г.

Мы можем предугадать, предусмотреть формы будущей войны лишь для ее первого периода на основе характера развития вооруженных сил, подготовки и милитаризации промышленности стран, вступающих в войну, и т. д. Мы можем на основе постоянного изучения этих основных факторов сделать заключение, дать приближенную фотографию характера первого периода войны. Но нет никакого сомнения в том, что формы войны в дальнейшие периоды ее будут, развиваясь и вытекая друг из друга, изменяться.

Кроме того, не нужно забывать, что при будущих столкновениях с империалистическими государствами мы неизбежно столкнемся с таким серьезным фактом, как социалистическое рабочее движение во враждебных нам государствах. Мы не ждем, конечно,

что это движение скажется сразу после объявления нам войны каким-либо империалистическим государством. Наоборот, обстановка говорит за то, что капиталистические государства и через свою Лигу Наций, при которой, кстати сказать, проектируется уже создание своего рода генерального штаба и которая поддерживается социал-предательскими партиями, и прочими путями сумеют создать такую обстановку, при которой на нас можно будет двинуть достаточно крупные вооруженные силы.

Возможно, что западноевропейский капитал не двинется сам непосредственно против нас, но он благоразумно заранее предусмотрел необходимость создания и создал по нашим границам целый ряд государств, которые воспитываются и через капитал, и через религию в том духе, что, мол, сущность Советского государства не социалистическая, а российская, великодержавная. Это особенно проповедовал Ллойд-Джордж. На этом раздувается шовинизм этих государств, которые хорошо помнят царское «великодержавие». В общем, не исключена возможность того, что против нас будет двинуто кое-какое из этих государств.

В общем, слагается обстановка, при которой мы должны будем встретиться с большой, тяжелой войной, с многомиллионными армиями, вооруженными по последнему слову техники. Конечно, мы должны в этих условиях очень ясно, очень трезво и четко разобратся. Мы не должны понимать наступление против нас капитала как что-то неделимое, целое. Мы должны разобратся и в роли, и в значении наших соседей, и в той помощи, которую им могут оказать западноевропейские капиталисты, и т. д.

Только после изучения всей суммы этих фактов и каждого факта в отдельности мы сумеем правильно действовать и защищать наши интересы. Я думаю, что, несмотря на абсолютное превосходство капитализма в экономическом отношении, мы все-таки имеем достаточно оснований рассчитывать на то, что в этой войне не будем биты, а сумеем выйти победителями. Но для того, чтобы суметь выйти победителями, мы должны теоретически обосновать, теоретически наметить для себя те пути, по которым будет развиваться предстоящая война.

СТРАТЕГИЯ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ВОЙНЫ

Я уже говорил и останавливался подробно на том, что первый период войны характеризует собой очень многое. Он знаменует соотношение государств и их экономики, охватывает собой цели стратегические, тактические, создает военные доктрины и т. д. Будущие войны могут вызвать большие осложнения, изменения, а иногда и полную замену военных доктрин. Поэтому мы должны уметь разбираться в этом вопросе теоретически и для первого периода войны, которая нам предстоит, и для того, чтобы в каждом отдельном периоде войны мы могли наметить те пути военного руководства, которые для нас необходимы.

История капиталистических войн говорит о том, что коалиционные войны, самые коалиции создаются с большими трениями, большими затруднениями. Достижение взаимодействия, четкого планомерного ведения войны является делом крайне трудным и очень сложным. Это для нас является большим плюсом. Мы должны трезво учитывать, каким темпом капиталистические государства могут накапливать и концентрировать свои вооруженные силы. Теперь я попробую рассмотреть по отдельным моментам, как происходит самая борьба.

В борьбе не может быть одинаковых методов у слабейшей стороны и у сильнейшей. Более сильная сторона может себе иногда позволить роскошь затянуть войну, чтобы вести ее хотя и не наиболее экономно, но поспокойнее, а тем временем подготовить достаточные силы, изморить экономически своего противника и раздавить его, когда к тому представится удобный момент.

Но и эта сильнейшая сторона должна обеспечить следующие возможности: 1) возможно более экономически сжать своего врага и 2) обеспечить за собой такие географические театры войны, которые позволяли бы по мере накопления сил применять эти силы для решительной вооруженной борьбы. Без этого никакой рост коалиции, никакое ее могущество и военное преимущество не могут быть использованы, не могут дать тех результатов, которые требуются целями войны. Даже самое сильное государство должно обеспечить себе возможность развертывания как своих отобилизованных вооруженных сил, так и тех вооруженных сил, которые оно будет создавать в дальнейшем, и в то же время все более и более совершенствовать блокаду территории противника.

Шлиффену, как и всему германскому генеральному штабу, было понятно, что если Центральный союз будет окружен и война затянется, то Германия почти лишится возможности вести эту войну. Поэтому основной предпосылкой для возможности ведения войны являлось — лишить противника того основного базиса, на котором он сможет развернуться. Если бы Германия быстро раздавила французскую армию, сделав невозможным дальнейшее развертывание сил Антанты на Французском театре, то она вышла бы из этой войны победительницей. И наоборот, если эта первая попытка не удавалась, дальнейшее ведение войны для Германии становилось угрожающим. Почему? Да потому, что, как я уже говорил, ни в отношении людских ресурсов, ни в отношении продовольствия Германия не могла состязаться со своими противниками и была раздавлена главным образом благодаря недостатку того и другого. Германия несколько отставала в авиационном и в танковом строительстве, но что касается артиллерийских средств борьбы, то она постоянно шла впереди Антанты. Программа Гинденбурга 1916 года была рассчитана в столь грандиозных размерах, что германский фронт не мог поглощать всего того снаряжения, вооружения и всех тех снарядов, которые изготовлялись германской промышленностью. В 1917 г. программу Гинденбурга пришлось искус-

ственно сокращать. Но, с другой стороны, мы имеем налицо голодовку всей страны и голод на рабочие руки. Это было причиной гибели германской армии — мы видим полное истощение людских ресурсов. Начиная с 1916 г. Германии постепенно приходилось сокращать численность частей и число батальонов. В 1918 г. сокращались целые дивизии. Военную промышленность также приходилось сокращать. Снарядов и патронов было в избытке, но людские ресурсы быстро таяли, и Германия принуждена была сокращать свои вооружения.

Ее противники хотя и переживали тяжелые моменты в своих метрополиях, например Франции тоже приходилось сокращать кое-где свои батальоны, но колониальные формирования, рост английской армии, формирования Америки — все это, в конечном счете, обеспечивало им превосходство в людских ресурсах. Это же самое можно сказать и про царскую Россию. В общем, даже самые крупные успехи германской милитаризованной промышленности не могли заполнить той дыры, которая создавалась людским и продовольственным голодом. Затяжка войны на Французском театре войны предreshала разгром Германии.

Таким образом, в первый период войны каждая сторона должна быть особенно активна для обеспечения условий, позволяющих затяжку войны. Например, для Франции выгодно занятие армией прикрытия Рейнской провинции. Германская промышленность стояла бы перед невозможностью планомерной мобилизации всего хозяйства страны. Германия без рейнской промышленности не представляла бы собой победоносной страны. Затяжка войны *при прочих равных условиях* была бы для Франции не страшна, а для Германии опасна.

Таким образом (это особо важно для наиболее слабой стороны), вопрос расположения сил врагов является основным. Это основная загвоздка современной войны. Мы должны учитывать и трезво оценивать не только сумму угрожающих нам опасностей, но и суметь реально, конкретно оценить отдельные элементы обстановки и сделать из этой оценки практические выводы.

СТРАТЕГИЯ КОАЛИЦИИ

Мы должны готовиться к длительной войне. Если война была длительной у империалистов при их столкновении друг с другом, то нет никакого сомнения, что и между нашим Советским Союзом и капиталистическим окружением борьба будет длительной, упорной и ожесточенной. Эта борьба может сопровождаться и отдельными революциями, иногда, быть может, неудачами в революции, отдельными неудачами нашего Советского Союза и т. д. В этой обстановке наши войны будут, по всей вероятности, так же длительны, так же упорны и кровопролитны, как длительно, упорно и кровопролитно может развиваться все движение пролетарской революции в Европе.

Учитывая это, нам интересно теоретически предугадать формы борьбы двух коалиций. Наш Советский Союз не представляет собой распылчатой коалиции капиталистических государств, но мы тоже будем расширяться в социалистическую коалицию, когда будут вспыхивать новые социалистические революции или когда нам придется занимать тот или иной район, находящийся под властью капитала¹. Против себя мы будем иметь капиталистическую коалицию.

Существование коалиции не обуславливает собою равноценного, равномерного распределения всех ресурсов по всей коалиции. Одни имеют хлеб, другие — крупную промышленность, третьи — топливо и т. д. Поэтому, ведя войну против коалиции, нужно уметь построить план ликвидации не всей коалиции сразу, а по частям, последовательно и планомерно. Умение оценить таким образом обстановку, разложить ее на составные части, подметить значение одного, другого, третьего члена этой коалиции и правильно построить план их последовательной ликвидации, пока не создастся выгодное, подавляющее в нашу пользу соотношение сил, — все это является основной трудностью и вместе с тем основой искусства современной стратегии. Борьба в наших условиях должна распасться на целый ряд периодов войны.

Современная стратегия знаменует собой борьбу за соотношение сил и вооруженных и экономических.

Германия была поставлена в безвыходное положение фактом проигрыша первого периода войны. Почему же она сумела продержаться так долго? В значительной степени благодаря тому, что она захватила целый ряд продовольственных районов: Румынию, Польшу, Прибалтийский край и т. д. Она захватила, кроме того, целый ряд районов с топливом, железом и т. д. Все это увеличило ее возможности по ведению войны. Таким путем — путем последовательного ведения войны, путем трезвого решения тех частных задач, которые встают в каждый данный момент перед тем или другим государством, — охватывается сущность и вся трудность современной войны.

Если только эти отдельные сочленения войны правильно намечаются, то в конце концов и слабейшие страны могут прийти к выгодному соотношению сил.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ И НАША СТРАТЕГИЯ

Мы сейчас переживаем такую эпоху, когда после развала капитализма, последовавшего за империалистической войной, в восной мысли наблюдается очень много сумеречных настроений. Это

¹ Предвидение автора о возможности привлечения союзников как за счет вновь возникающих революционно-демократических стран во время войны, так и за счет присоединения в качестве союзника капиталистических стран оправдилось в ходе Великой Отечественной войны и особенно после войны, когда создавалась новая мировая система социалистических стран. — *Ред.*

имеет место во французской литературе, кое-где можно встретить это и у нас. Мы встречаемся с теми упрощенными и мрачными выводами, что войны в современных условиях выдвигают настолько грандиозные силы, что нельзя говорить ни о военных победах, ни о военных достижениях, что вопрос сводится к экономическому состязанию и дальше этого не идет. Экономическое состязание ведется и в мирное время. Но если дело дойдет до войны, то одним экономическим состязанием ничего сделать нельзя. Очевидно, требуется вооруженная сила, военные методы, которые должны внести новый коэффициент в те экономические соотношения, которые существуют. Эти упадочные военные настроения характерны сейчас для всего капиталистического мира. Повторяю, они имеют отдельные проявления и у нас. Однако если это является вполне понятным для отживающего капиталистического Запада, то для нас эти настроения совершенно непонятны, ибо не имеют под собой почвы, и лишь только неверие в социализм, в наше будущее развитие может привести к тому военному нигилизму, который отрицает возможность военным путем изменить соотношение сил, слагающееся в настоящее время.

Германский империализм лопнул под давлением английского империализма. Но мы видим, как английский империализм, не умевший побеждать на войне и затянувший ее, стоит сейчас у разбитого корыта, так как он находится в подчиненном положении к империализму Соединенных Штатов. Таким образом, стратегия достижения крупных результатов является необходимейшим условием экономного ведения войны. Наша страна, которая в достаточной степени бедна и не настолько сильна, чтобы могла затягивать свою войну до бесконечности, должна смотреть на военное дело как на применение такого мощного средства, которое должно доставить победу наиболее быстрым, экономным путем, наиболее планомерным, наиболее целесообразным и наиболее выгодным. Это ничуть не противоречит тому, что предстоящая нам война будет длительной и упорной.

Уж такова мировая обстановка, что будущая война не может быть разрешена одним махом. Но в отдельные периоды войны, в отдельные моменты напряжения наша страна должна стремиться к тому, чтобы наиболее экономным, быстрым и решительным путем разрешать те частные военные задачи, которые будут перед ней вставать. Тут не до сумеречных настроений. Мы имеем полное право рассчитывать на то, что, применяя такие методы, мы выдержим длительную и упорную борьбу. Я говорил уже о том, что силы и средства, которые против нас будут двинуты, будут гораздо больше наших, что нам придется вести с нашими противниками самую ожесточенную борьбу, что капитал обладает гораздо большими средствами, чем мы.

Но мы должны учитывать и то, что наше социалистическое строительство идет вперед. Мы должны помнить постановления XIV партсъезда, которые ставят перед нами задачи индустриали-

зации страны, превращения ее в такой организм, который не являлся бы придатком мирового капиталистического хозяйства, а представлял бы собой самостоятельное экономическое целое. А если наш Союз будет представлять собой самостоятельное целое, то его обороноспособность поднимется. Эти моменты мы должны учитывать, хотя, конечно, и не должны принимать будущие достижения нашего социалистического строительства за реальные данные сегодняшнего дня. Мы должны реально учитывать то, что у нас есть сейчас, но должны предугадывать и будущее.

РАСШИРЕНИЕ БАЗИСА ВОЙНЫ

В современных войнах, упорных и длительных, мы постоянно сталкиваемся с фактами захвата той или другой территории, захвата, который раньше обычно сводился к завоеванию, а сейчас, благодаря своему экономическому и политическому значению, является более сложным и более важным фактом. В современных условиях, как иногда и в прошлых войнах, захват новой территории интересен не только как голый факт завоевания. Он прежде всего интересен с такой точки зрения: послужит ли он средством или причиной стратегического истощения наших вооруженных сил или источником увеличения ресурсов для ведения войны?

В империалистической войне 1914 г. мы видим, что Германия сумела использовать все свои территориальные приобретения как расширение базиса войны (я не касаюсь 1918 г., когда немцы занимались авантюрами на Украине). Этим были пополнены и хлебные, и топливные, и прочие ресурсы страны. Немцы ухитрились благодаря хорошей правильной организации достигнуть того, что занятие территории вызывало не растяжку тылов, не истощение на этих тылах, а, наоборот, приращение сил и средств. Германский капитализм не мог, конечно, использовать захваченные театры для мобилизации там людских ресурсов, для продолжения войны на фронтах. Зато он полностью сумел использовать и выкачать все то, чего не хватало в его стране, и использовать людские мобилизации в военно-хозяйственных интересах.

В наших советских условиях эта задача представляется еще более важной, ибо мы имеем гораздо больше возможностей в виде расширения социалистического базиса войны. Ведь каждая занятая нами территория является после занятия уже советской территорией, где будет осуществляться власть рабочих и крестьян¹. Мы таким образом расширяем нашу территорию и вместе с тем рас-

¹ Это положение автора принципиально ошибочно. Принудительной советизации освобожденных территорий, как известно, не было и не могло быть в ходе Великой Отечественной войны. Это, конечно, не значит, что мы отказываемся от использования экономических ресурсов освобожденных территорий в интересах достижения победы,— *Ред.*

ширяем не только наш базис войны, но и социалистический базис вообще. И вот эти основные моменты должны быть нами учтены. Они, с одной стороны, облегчают нашу военную задачу, но, с другой стороны, выдвигают перед нами сложную политическую задачу, ибо нам нужно справиться с национальными моментами, нужно суметь построить Советскую власть и т. д. Этот вопрос расширения социалистического базиса тоже является одним из основных вопросов, которые мы должны изучать и умело и толково применять. В нашей практике 1920 г. нельзя сказать, чтобы мы всегда толково и искусно применяли этот метод расширения базиса. Мы захватывали территории, но делали миллионы ошибок. Только тогда, когда правильно будут решаться все эти вопросы, мы сумеем охватывать большие пространства, по которым нам придется проходить, и достигать того, чтобы это не истощало армию, а увеличивало ее силы и средства. Конечно, не так интересно здесь увеличение людских ресурсов, которых у нас и так достаточно. Но нужно достигнуть того, чтобы при захвате новых районов мы не теряли нашей живой силы на укрепление тыла и умели использовать местные промышленные ресурсы. Это — задача чрезвычайно трудная и сложная.

ВОЕНИЗАЦИЯ СТРАНЫ

Теперь о военизации. Военизировать всю страну, всю экономику надо так, чтобы, с одной стороны, дать возможно большие ресурсы для ведения войны, а с другой стороны, чтобы эта мобилизация не разрушала основного хозяйственного костяка. Вы видите результат, которого достиг английский империализм. Он отмобилизовал все свои силы, но на этой мобилизации он прогорел и потерял свои прежние позиции.

Задача целесообразного проведения военизации промышленности чрезвычайно трудна и сложна и в различных условиях государственного существования решается по-разному. Капиталистические государства в силу самой природы анархического капиталистического хозяйства не могут справиться с этой задачей планомерно и целесообразно. Благодаря абсолютной численности сырьевых и промышленных ресурсов, они сумеют выставить их больше нас, но зато мы относительно можем достигнуть больших результатов. Наше централизованное хозяйство позволяет нам планомерно подготовить мобилизацию, позволяет, с одной стороны, выжать больший процент военной продукции, а с другой стороны, благодаря планомерности нашего хозяйства, достигнуть более экономного, более целесообразного подхода к разрешению основных хозяйственных вопросов, с тем чтобы война этого хозяйства не разрушила. Задача планомерной военизации в современных условиях является одной из основ нашей стратегии, и в ней необходимо достигнуть такой же гибкости, какой мы умеем достигать в маневрах на театрах военных действий. Генеральные штабы привыкли

обращаться с готовыми вооруженными силами, маневрировать искусно и быстро на театрах войны. Но маневрировать всеми ресурсами страны никто еще не умеет, а этот маневр наши работники должны знать так же хорошо, как они знают полевое вождение войск.

ТЕАТРЫ ВОЙНЫ

Вместе с развитием экономики и подготовкой всей страны организация современных театров войны значительно усложняется. Раньше она охватывала железнодорожную и телеграфную подготовку, постройку крепостей и тех или иных оборонительных рубежей. Сейчас эта подготовка значительно расширяется. Приходится охватывать воздушно-химическую подготовку края, ибо самолеты проносят опасность глубоко в тыл. Далее, электрификация, питающая промышленность энергией на значительные расстояния через электропередачи, совершенно меняет в военном отношении каждый район. Вполне понятно то значение, которое в борьбе за оборону Ленинграда имеет Волховстрой. Расширение электрификации, использование ее на захваченной территории, разрушение электрифицированной промышленности неприятеля — все это имеет чрезвычайно важное, исключительное значение. Изучение этих вопросов в военном деле еще недостаточно углублено. В общем, подготовка театров войны сейчас усложняется и тесно и плотно соприкасается со всем хозяйственным укладом страны.

КАМПАНИИ И ОПЕРАЦИИ

Теперь скажу несколько слов о кампании и операции. Кампании потеряли тот характерный облик, который они имели раньше. Они могут характеризовать то целый период войны, то часть его, то совпадать с рядом последовательных операций.

Особенное внимание надо обратить на операции. Если современные войны ведутся большими силами и если они затягиваются на большое время, то это несколько не означает, как я уже говорил раньше, что мы не должны обращать внимания на искусство уничтожения вооруженных сил противника.

Это искусство является одним из основных искусств, которому военное дело и наша стратегия должны уделять внимание. Эта область должна изучаться полностью и охватываться всецело. Надо опять сказать, что империалистическая война с ее катастрофическими для капитализма последствиями внесла в этот вопрос немало неустойчивости. Сейчас мы часто встречаемся с сомнениями: можно ли уничтожить вооруженную силу в настоящее время, надо ли задаваться такими задачами, является ли это необходимым, не является ли это легкомыслием?.. Конечно нет. Война была бы бессмысленной войной, войну нельзя было бы вести, если бы не было вооруженных сил, если бы они не были готовы громить противника. Эти вооруженные силы необходимы для защиты каж-

дого государства даже и в том случае, когда война ведется всем народом. Отсутствие решающих вооруженных сил может стать гибельным для всякого государства. Чем искуснее войска в деле уничтожения вооруженных сил врага, тем экономнее будет ведение войны. Это основа основ боевого воспитания. И мы должны обучать нашу Красную Армию и воспитывать ее на этих основах, и она этими идеями пропитана насквозь. По опыту гражданской войны мы привыкли к активным действиям, но мы должны продолжать работу, углублять ее, совершенствоваться в этом искусстве уничтожения врага. И это искусство, повторяю, воплощается в операции или в ряде последовательных операций.

Операции не должны вестись анархически, безыдейно. Мы должны проникнуться одним общим методом. Наше утверждение не есть бесплодный крик о необходимости создания единой военной доктрины. Такая доктрина из года в год все больше и больше проникает в толщу нашей Красной Армии. Мы имеем уставы, в которых черным по белому проводятся совершенно определенные методы как оперативного, так и тактического искусства. Поэтому мы готовимся, мы совершенствуемся и должны продолжать эту работу и дальше.

Надо иметь в виду, что в современных условиях ведения войны очень часто одной операцией достигнуть уничтожения врага не удастся. Противник зачастую ускользает из-под удара. Поэтому приходится вести операции одну за другой с тем, чтобы доконать противника хотя бы у последней черты его сопротивления. А эта черта находится там, где начинаются районы, непосредственно питающие войну. Мы должны совершенствоваться в этом искусстве ведения операций, постоянно тренироваться и учиться последовательно их проводить.

Вот в основных чертах те замечания и те основные моменты, на которых я в своем кратком докладе по вопросам современной стратегии хотел остановиться. Теперь я кратко резюмирую.

Мы должны считаться с тем, что нам предстоят тяжелые длительные войны, мы должны уметь различать периоды войны, уметь последовательно, расчлененно ликвидировать коалиции капитала.

Первый период войны должен быть еще в мирное время правильно предвиден, еще в мирное время правильно оценен, и к нему нужно правильно подготовиться.

Мы должны помнить, что искусство уничтожения вооруженных сил врага является основным условием экономного и успешного ведения войны, и в этом искусстве, как и во всем искусстве стратегии, мы должны постоянно совершенствоваться.

КУРГАН — ОМСК¹

Берясь за написание настоящей статьи, я прежде всего должен оговориться, что за недостатком времени не мог подойти к этому вопросу с той исчерпывающей серьезностью, которая необходима в военно-исторических работах. Вследствие этого я смотрю на настоящую статью как на исторические воспоминания, возобновленные просмотром нескольких статей (тт. Вольне, Розенберга, Малышева и Полозова). В полном соответствии с краткостью статьи я постараюсь дать только лишь скелет оперативно-стратегической деятельности 5-й армии в период борьбы за Курган — Омск. К сожалению, должен отказаться от описания полных глубокого интереса тактических действий наших отдельных стрелковых дивизий, бригад и полков в их взаимодействии.

Белые, разгромленные 5-й армией в Златоустовской операции, потерпевшие дополнительные тяжелые поражения под Челябинском, быстро отступали за Тобол, оказывая нам серьезное сопротивление. 5-я армия, заняв Курган, развивала наступление на Петропавловск, 1-я армия, действовавшая в орском направлении, задержалась в своем наступлении, и вследствие этого произошел громадный разрыв между правым флангом 5-й армии и левым флангом 1-й. Положение облегчалось наличием здесь пустынных степей. Были приняты меры и стратегического порядка в районе Троицк — Кустанай и участка железной дороги Троицк — Орск. Был создан Троицкий укрепленный район, гарнизон которого составляли помимо крепостных частей две бригады 35-й дивизии. Одна бригада была выдвинута на ст. Звериноголовскую. Таким образом, правый фланг 5-й армии уступами обеспечивался этими соединительными звеньями. В принятой системе обеспечения фланга армии широко были использованы классовые моменты: организовывались партизанские отряды, организованно вооружались элементы, сочувствовавшие Советской власти, и благодаря этому даже после переброски на фронт всей 35-й дивизии Троицкий укрепленный район продолжал оказывать энергичное сопротивление всем попыткам белогвардейских отрядов занять Кустанай и овладеть Троицким укрепленным районом. Такого же рода организация партизанских отрядов начала применяться и в

¹ Сборник «Борьба за Урал и Сибирь». ГИЗ, 1926, стр. 74—88.— *Ред.*

районе Звериноголовской, но здесь она не получила той степени развития, как в Троицко-Кустанайском районе.

Левый фланг 5-й армии обеспечивался 3-й армией, наступавшей с ней на одном меридиане. Для наступления на Петропавловск 5-я армия избрала два основных направления: тракт Звериноголовская — Петропавловск и железную дорогу Курган — Петропавловск. Учитывая непосредственную обеспеченность левого фланга 3-й армией и наличие на правом фланге степей, хотя и пустынных, но вполне проходимых, и исходя из того, что полоса тракта Звериноголовская — Петропавловск и район Кокчетав — Атбасарск заселены враждебным нам казачеством, что всегда могло создать с этой стороны угрозу новых формирований и обтекания нашего фланга, командование 5-й армии считало главным направлением Звериноголовская — Петропавловск. В этом духе и были отданы соответствующие распоряжения. Однако командование фронта не согласилось с этим решением, вмешалось в деятельность командования 5-й армии и приказало сгруппировать главные силы в районе железной дороги Курган — Петропавловск, оставив на тракте Звериноголовская — Петропавловск лишь наблюдательно-охраняющие части. Это положение осложнилось еще тем обстоятельством, что из состава 5-й армии была выведена 5-я дивизия, расположенная на ст. Варгаши, а 2-я бригада 21-й дивизии была оставлена в районе ст. Чумляк с целью переброски их на юг, учитывая слабость наших сил и опасность положения на правом фланге. 5-я армия протестовала против решения фронта, но в конце концов должна была подчиниться.

Опасения 5-й армии оказались не напрасными. В начале сентября 3-я белогвардейская армия ген. Сахарова, действовавшая против нашей 5-й армии, решила нанести серьезное поражение нашему правому флангу, для чего ею была произведена соответствующая перегруппировка. Части 5-й армии наступали в следующем порядке: севернее железной дороги Курган — Петропавловск двигалась 27-я дивизия. Левым флангом по железной дороге, а правым по тракту Звериноголовская — Петропавловск шла 26-я дивизия, имея за правым флангом бригаду резерва. Одна бригада 35-й дивизии оставалась в Звериноголовской, а другая бригада той же дивизии — в Троицком укрепленном районе.

2 сентября ген. Сахаров перешел в контрнаступление, атаковав 27-ю дивизию частями уфимской группы. 26-я дивизия была атакована с фронта волжской группой, а правый фланг ее получил удар от 2-го конного уральского корпуса и партизанской группы ген. Доможирова, частью сведенной из различных казачьих частей, а частью сформированной за счет местного населения.

Силы 5-й армии, ослабленные выводом в резерв целого ряда частей, были, сверх того, измотаны длительными непрерывными боями и наступлением. Армия ген. Сахарова, наоборот, была пополнена и значительно превосходила нас числом. Вследствие этого создалась серьезная угроза быть отброшенными к северу от же-

лезной дороги и отрезанными от Кургана. 26-я дивизия сразу же понесла большие потери и начала сдавать. Приходилось коренным образом менять группировку, для того чтобы выйти из создавшегося критического положения.

На свой страх и риск 5-я армия решила выдвинуть на фронт 5-ю стрелковую дивизию, ибо все равно ходом событий она должна была быть выдвинута в бой. Кроме того, решено было оставить Троицкий укрепленный район на попечение местных крепостных и партизанских отрядов, благодаря чему явилась возможность привлечь к операции бригаду 35-й дивизии, расположенную в этом укрепленном районе. Привлекалась также в дело и другая бригада 35-й дивизии из района Звериноголовской. 5-я стрелковая дивизия состояла лишь из двух стрелковых бригад. Из этих частей решено было создать новый фланг группировки, уступом за правым флангом 26-й дивизии, с тем чтобы в кратчайший срок, произведя эту перегруппировку, атаковать во фланг обходную группировку противника...

Сведения о пересходе противника в наступление были получены 3 сентября вечером, после чего немедленно было принято вышеуказанное решение. Перегруппировка должна была закончиться к 7 сентября, и в тот же день должно было начаться наступление примерно вдоль тракта Звериноголовская — Петропавловск. Части 35-й дивизии из района Троицка перебросили один полк по железной дороге на ст. Курган, два других полка на мобилизованных подводах были брошены по Звериноголовскому тракту.

Нет никакого сомнения в том, что этот контрманевр, предпринятый 5-й армией, мог бы нанести противнику очень сильное поражение. Однако этого не случилось, хотя в общем и целом намеченная противником операция по разгрому нашей 5-й армии и была сорвана. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что штаб 5-й армии в течение всей этой операции оставался в Челябинске, в то время как ему следовало бы быть от фронта не далее как в Кургане. С этим явлением мы сталкивались во время гражданской войны постоянно и не случайно. Из дальнейшего изложения будет видно, какую громадную роль в деле вождения армий в гражданской войне играли вопросы местного формирования, местной мобилизации, местных заготовок и т. д. Все это заставляло армии быть не только маневренными единицами, но и единицами организационно-административного порядка весьма большого масштаба. Благодаря этому, очень часто в ущерб оперативной обстановке, штабам армий приходилось отставать от боевой линии, чем затруднялась организация и без того бедной связи и в значительной мере нарушалась целостность управления. Указанное обстоятельство очень сильно сказалось и в данном случае.

5-я стрелковая дивизия не проявила необходимой энергии — двинулась медленно и потеряла связь со штабом 5-й армии. Штаб 35-й дивизии, переместившийся из Троицка в Курган по железной дороге для дальнейшего следования в район Звериноголов-

ского тракта, точно так же двигался медленно и к началу операции даже не прибыл в назначенный ему район. Вследствие этого все четыре бригады пришлось передать в подчинение командиру 5-й дивизии, а приказ об объединении и оперативный приказ для дальнейших действий послать командиру 5-й дивизии через командира 1-й бригады 35-й дивизии. Приказ был послан комбригом 1 35-й дивизии в трех экземплярах по трем направлениям, и один из этих экземпляров был перехвачен противником, благодаря чему непосредственно перед самым переходом в наступление внезапность контрманевра была нарушена.

Однако, несмотря на целый ряд организационных неудач, наша ударная группа все-таки перешла в наступление и значительно потеснила обходную группу противника, но ненадолго. Этот последний искусным маневром партизанской группы ген. Доможирова постоянно обходил в дальнейших боях район нашей ударной группы, нанося ей тяжелые поражения. С этого момента встречные действия обеих армий стали носить чрезвычайно напряженный характер, сопровождавшийся переменным успехом той и другой стороны. Но в общем превосходство сил, явно обозначившееся на стороне 3-й белой армии, в конечном результате склонило успех в пользу противника. Наши части после ряда упорных боев, носивших в большинстве встречный характер и состоявших из многих отдельных наступательных звеньев, в конце концов измотались и были оттеснены к р. Тобол. Однако результаты даже сорвавшегося решительно задуманного маневра все-таки сказались, — к концу сентября мы имели вдавленный со стороны противника фронт на курганском направлении, но с выигрышным положением нашего правого фланга.

В двадцатых числах сентября нам мало уже удавались наступательные действия. Войска были чрезмерно истрепаны и утомлены. Для продолжения операций необходимо было освежить и пополнить части, выведя их из состояния непрерывного боя. В тылу армий производились спешные мобилизации крестьян и подготавливались маршевые части. Необходимо было выиграть время и дать войскам отдохнуть. Вследствие этого было принято решение об отводе частей 5-й армии за р. Тобол с сохранением активного плацдарма на правом берегу Тобола в районе ст. Звериноголовской. Это решение и было проведено в жизнь к концу сентября и началу октября.

Сибирское крестьянство, вынесшее на своих плечах все тяготы колчаковщины, охотно отзывалось на наш призыв и быстро вливалось в ряды наших частей. В тылу же колчаковской армии мы насчитывали в это время до 40 тыс. партизан, которые разрушали белогвардейские коммуникации. В общем в социально-политическом отношении, несмотря на наш стратегический проигрыш, мы оставались в благоприятном положении, и нужна была лишь крепкая и энергично проведенная организационная работа, чтобы восстановить наши силы. Все красноармейцы, комиссары и командиры

проявили величайшую энергию. Наши партийные организации напрягали все свои силы для пополнения и вооружения армий. Вся эта работа была проведена с фантастической быстротой. Уже к 14 октября мы оказались способными перейти в новое наступление, причем уже не уступали, а превосходили по численности 3-ю белогвардейскую армию. Эта последняя точно так же находилась в очень тяжелых условиях. Она, дойдя до р. Тобол, своего наступления не продолжала и точно так же спешно подводи́ла подкрепления и готовилась к переходу в наступление. Разведывательные данные говорили о том, что 15 октября возможно было ожидать начала нового белогвардейского наступления. Несмотря на все трудности, мы назначили начало наступления днем раньше, — для того чтобы вырвать инициативу из рук противника. В это время расположение сторон было следующее: на правом фланге в районе Звериноголовской активно оборонялась 35-я стрелковая дивизия. Надо заметить, что эта дивизия, наименее боеспособная из всех частей 5-й армии, была весьма сильно потрепана в предшествовавших боях. Для ее укрепления был назначен наиболее смелый и энергичный 22-летний командир бригады тов. Нейман. Он прибыл в дивизию, когда эта последняя была одно время окружена частями партизанской группы ген. Доможирова. Сколотив наиболее боевую часть из обозов дивизии, тов. Нейман пробился к главным силам дивизии и, вступив в ее командование, решительными действиями вывел ее из затруднительного положения. С этого времени обращает на себя внимание быстрое боевое совершенствование дивизии, причем в дальнейшем, в Омской операции, она уже сыграла наиболее активную и решительную роль. Далее к северу, в районе Кислая, занимала участок 5-я дивизия. К северу от нее, до Кургана включительно, имея в своем составе 2-ю бригаду 21-й дивизии, оборонялась 26-я дивизия, а еще севернее — 27-я дивизия. Противник располагался в составе четырех групп, причем группа ген. Доможирова входила в состав степной группы.

Какие же силы были подготовлены 5-й армией для перехода в наступление?

35-я дивизия была усилена вновь сформированной Степной бригадой, и силы ее были доведены до 6500 штыков и сабель, 5-я стрелковая дивизия была доведена до 4 тыс. штыков и сабель, 26-я стрелковая дивизия, включавшая 2-ю бригаду 21-й стрелковой дивизии, имела до 10 тыс. штыков и сабель, 27-я дивизия была доведена до 7500 штыков и сабель. Помимо того, была сформирована 3-полковая кавалерийская дивизия до 2500 сабель и фронтом были присланы две бригады 54-й стрелковой дивизии в 4600 штыков, но при этом было предупреждено, что эта дивизия, как вновь сформированная, совершенно небоеспособна и нуждается еще в длительной подготовке, для того чтобы она смогла вступить в бой.

Силы противника оценивались в это время нами следующим образом: степная группа, в состав которой входила и партизанская

группа ген. Доможирова, насчитывала 7400 штыков и сабель; качество этой группы было наименее значительное; уральская группа насчитывала до 8500 штыков — это была самая сильная часть 3-й армии, отличавшаяся наибольшей боеспособностью и наибольшей численностью; далее, волжская группа насчитывала 6600 штыков и уфимская группа 6300 штыков — обе по боеспособности не ниже среднего. Таким образом, главные силы противника группировались против фронта 26-й и 27-й стрелковых дивизий. С разгромом этой группы мы могли стать хозяевами положения. На этой идее и был построен план наступательной операции 14 октября. Наша группировка сил приняла следующий характер: 35-я и 5-я стрелковые дивизии оставались в прежнем районе расположения; в район сосредоточения 5-й дивизии была подведена вновь сформированная кавалерийская дивизия; 26-я дивизия была сгруппирована главными силами к своему правому флангу; фронт 27-й дивизии был растянут к югу, и ей был передан значительный участок 26-й дивизии; две бригады 54-й дивизии к началу наступления должны были выйти к р. Тобол между 27-й и 26-й стрелковыми дивизиями. Таким образом, наши главные силы были сгруппированы на стыке уральской и степной групп и направлялись против уральской группы, насчитывавшей в своем составе 8500 штыков и сабель. Мы направили против нее 16 500 штыков и сабель, и, кроме того, 4600 человек резерва двигались в том же направлении. Следовательно, здесь мы имели подавляющее превосходство в силах; 35-я стрелковая дивизия численно была слабее степной группы противника, но качественно могла с ней состязаться. Помимо того, прорыв стыка главными силами должен был облегчить 35-й дивизии выполнение поставленной ей задачи. Волжская группа противника с нами связывалась демонстративными действиями. 27-я дивизия главными силами должна была атаковать уфимскую группу. Соединенными ударами нашей главной группировки и 27-й дивизии 5-я армия надеялась нанести главным силам противника решительное поражение в районе железной дороги Курган — Петропавловск.

Все передвижения были закончены к 13 октября, и 14-го с рассветом 5-я армия перешла в решительное наступление. Наиболее упорное сопротивление оказала уральская группа, несмотря на то что на нее были двинуты наши главные силы. Она упорно оборонялась и даже несколько раз переходила в успешную контратаку, пока не была окончательно сломлена и принуждена к отступлению. К сожалению, действия нашей вновь сформированной кавалерийской дивизии не носили характера достаточной решительности, благодаря чему кавалерийская дивизия не достигла всех тех результатов, которых она могла достигнуть, если бы вовремя заняла ст. Лебяжья, как это ей было приказано общим заданием, — она могла бы захватить штаб 3-й армии ген. Сахарова, и тогда разгром его армии принял бы еще более решительный характер. 35-я дивизия успешно развивала свое наступление и, несмотря на

численное превосходство противника, быстро оттесняла его на восток вдоль Звериноголовского тракта. 27-я дивизия, получившая широкий участок, испытывала большие затруднения в форсировании р. Тобол; несколько раз она переходила ее и вновь бывала отброшена контратакой. Наконец после упорных боев по обе стороны железной дороги главные силы противника были разбиты. Тем временем 35-я стрелковая дивизия успела значительно выиграть пространство на нашем правом фланге и тем создать угрозу общей коммуникации 3-й белогвардейской армии, которая, получив к этому времени серьезное поражение своих главных сил, начала общее отступление. Тем временем ко 2-й бригаде 54-й дивизии присоединилась 1-я бригада со штабом дивизии. Таким образом, наши резервы еще более усилились. В период наибольшего затруднения на участке 26-й дивизии 2-й бригаде 54-й дивизии было приказано форсировать р. Тобол. В этих боях бригада показала чрезвычайно слабую боеспособность. Несмотря на слабые силы противника на ее участке, она только тогда сумела переправиться, когда 26-я дивизия уже выполнила свою задачу.

Дальнейшее преследование противника продолжалось безостановочно, причем 35-я дивизия развивала предельную энергию, постоянно выигрывая все новое пространство на нашем правом фланге и нависая тем самым над коммуникацией противника.

21 октября в связи с успешным развитием нашего наступления 54-я стрелковая дивизия была направлена на Звериноголовский тракт для усиления нашего обходного крыла и для обеспечения нашего обходного фланга на случай контрмероприятий противника.

Непрерывное успешное развитие нашего наступления выдвигало задачу отрезать противнику пути отступления к Петропавловску. Эта задача и была возложена на 35-ю и 5-ю стрелковые и кавалерийскую дивизии. 26-я дивизия с бригадой 21-й дивизии должны были оказать содействие этому общему натиску и двинуться главными силами, в связи с тем что фронт армии все более суживался, также к правому флангу для расширения участка нашего наступления и для обхода оборонительных мероприятий противника на р. Ишим в районе Петропавловска.

Таким образом, по мере обхода левого фланга противника и отбрасывания его к северу от железной дороги Курган — Петропавловск 5-я армия совершала последовательный маневр, удлиняя свой правый фланг за счет освобождающихся в центре частей и тем самым создавая обеспечение успеха Ишимского сражения.

Показания захваченных в плен офицеров говорили о том, что на фронте противника паника и что значительная часть его обозов уже отходит на северо-восток, пересекая железную дорогу. С каждым днем создавалось все более определенное впечатление о том, что нанесенное противнику поражение у р. Тобол постепенно, под влиянием нашего неотступного наседающего и преследования, превращается в полное разложение его боевых сил. Отсюда возникла

идея создания неотступного наседающего и постоянного обтекания фланга, чтобы тем самым достигнуть окончательной победы.

27 октября взята была ст. Петухова, где были захвачены трофеи частями 5-й стрелковой дивизии, чем было внесено еще большее расстройство в общее отступление противника.

29 октября утром, после упорного боя, 35-я дивизия, форсировав р. Ишим, овладела г. Петропавловском. Противник несколько раз переходил в контратаку, но подошедшими силами 27-й дивизии положение 35-й дивизии было закреплено и противник оттеснен. Переправой же 26-й стрелковой дивизии через р. Ишим с юга положение упрочилось окончательно. Вновь обращают на себя внимание недостаточно решительные действия кавалерийской дивизии, которой была дана задача обхода противника и атаки ст. Токуши. 54-я дивизия обеспечивала уступы крайнего правого фланга.

Таким образом, первая часть Омской операции была закончена. Армия противника была совершенно небоеспособна, несмотря на то что на участке нашей 3-й армии действия развивались далеко не так блестяще, и хотя противник там и отступал, но больше в силу давления нашей 5-й армии с юга. Благодаря этому явилось возможным предположить, что противник сможет перегруппировать часть своих сил на направление Петропавловск — Омск. Расчеты же показали, что такую перегруппировку противник намеревался сделать в районе ст. Иссык-Куль 9—10 ноября. Отсюда становилось совершенно ясным, что для полного уничтожения армии Колчака необходимо еще новое напряженное и непрерывное дальнейшее наступление. Между тем войска настолько переутомились, что все командиры дивизий, собравшиеся в полевом штабе армии в г. Петропавловске, докладывали о необходимости приостановки наступления и предоставления частям хотя бы нескольких дней отдыха. Обстановка не позволяла на это согласиться, и наступление пришлось продолжать непрерывно. Высокий героический порыв, охвативший наши войска вследствие стремительно следовавших один за другим успехов, позволил им выполнить поставленную задачу. Задача эта сводилась к тому, чтобы 8-го числа уже занять ст. Иссык-Куль, т. е. предупредить здесь возможное сосредоточение противника. 26-я стрелковая и кавалерийская дивизии наступали степями южнее железной дороги, глубоко охватывая левый фланг противника. Наступление развивалось успешно, противник не мог оказывать достаточное сопротивление, и лишь в районе железной дороги он упорно и ожесточенно оборонялся. 54-й стрелковой дивизии была поставлена задача произвести широкую стратегическую разведку пехотными частями на подводах в направлении Кокчетав — Атбасарск с целью занятия этого района главными силами дивизии и обеспечения, таким образом, правого фланга 5-й армии. Этот опыт со стратегической разведкой пехоты дал блестящие результаты. Было выяснено, что в районе Кокчетав — Атбасарск были казачьи части, которые ушли в Акмолинск, и этот

район был занят славной и теперь уже боеспособной 54-й дивизией.

В этот момент произошли новые разногласия между 5-й армией и Восточным фронтом. В то время как 5-я армия двигала кавалерийскую дивизию в омском направлении, не считая свой фланг со стороны Кокчетавы необеспеченным и надеясь при этом нанести противнику в районе Омска серьезное поражение путем перерыва железной дороги в районе между Омском и Татарском, командование Восточного фронта считало правый фланг армии, а тем самым и правый фланг Восточного фронта необеспеченным и потребовало кавалерийскую дивизию повернуть с полпути до Омска назад, на кокчетавское направление. Несмотря на самые энергичные протесты, приказ был категорически подтвержден. Кавалерийская дивизия была снята с омского направления и не смогла оказать здесь той помощи, которая с ее стороны впоследствии была так необходима. На кокчетавском же направлении никакой положительной роли она не сыграла, так как с этой стороны фактически никакой опасности не угрожало.

После занятия ст. Иссык-Куль наступление продолжалось так же стремительно. Противник не мог восстановить свой фронт, а тем самым и свое положение. На плечах разбитой 3-й белой армии мы продолжали наше движение на Омск. 14 ноября, после жестоких боев на окраинах Омска, белые были разбиты, и колчаковская армия перестала существовать как организованная сила. В дальнейшем характер действий Восточного фронта более напоминал экспедицию, чем войну. С 14 октября по 14 ноября, за 30 дней операции, части 5-й армии прошли с непрерывными боями и форсированием двух крупных рек свыше 600 верст, т. е. по 20 верст в среднем в сутки, — скорость наступления рекордная.

Во время Омской операции нами была захвачена масса пленных. Однако неорганизованность нашего тыла, объяснявшаяся паралитическим состоянием железных дорог, не позволяла нам этих пленных вывозить в тыл, и они тут же распускались по домам. Очень многие насильно мобилизованные Колчаком крестьяне сдавались нам и поступали в ряды Красной Армии.

Таким образом, положение было таково, что не только наступала Красная Армия, но наступало и все сибирское крестьянство. Если же учесть те десятки тысяч партизан, которые действовали в тылу Колчака, то эта картина станет еще более яркой. Поражение самой сильной и наиболее организованной контрреволюции на Востоке — ликвидация Колчака — являет собою одну из успешных маневренных операций, сопровождаемых социальным походом сибирского крестьянства против белогвардейщины под организующим началом Красной Армии.

ЛЕНИНСКОЕ В ТЕРСИСТЕМЕ¹

Мы привыкли подходить к территориальной системе с точки зрения охвата обучением всего призывного возраста. Кадры Красной Армии мирного времени настолько малы, что они не могут пропустить через себя все способное к войне рабоче-крестьянское население. При помощи терсистемы, в которой мы применяем обучение не только казарменное, но и внеказарменное, нам с этой задачей удастся справиться. Таким образом, территориальная система имеет отношение к всеобщему военному обучению. Однако, применяя методы казарменного и внеказарменного воспитания, можно было бы достигнуть тех же самых результатов и без территориальной системы.

Я не буду останавливаться на всех причинах, которые делают для нас эту систему необходимой,— сюда относятся и организационные, и мобилизационные, и учебные основания. Остановлюсь же я более подробно на той задаче территориальной системы, которая позволяет нам наиболее успешным образом не только пропустить через военную учебу многомиллионные крестьянские массы, но и обработать их политически, активно втянув их в дело укрепления рабоче-крестьянской смычки,— основного завета Ленина — в условиях организационного и культурно-политического влияния Красной Армии.

В нашей обывательской военной терминологии постоянно смешиваются понятия о терсистеме и о милиционных основах строительства. Однако это совершенно неверно. Терсистема существует не только у нас. Еще до войны 1914 г. она была проведена в большинстве западноевропейских государств. Однако методы воспитания и обучения в нашей терсистеме и буржуазной совершенно различны.

Лучше всего терсистема была проведена в германской армии. Войсковые части комплектовались из своего района, от мобилизовывались на войну там же, пополнялись во время войны опять-таки из этих районов и туда же возвращали своих больных и раненых. Таким образом, устанавливалась некоторая спайка между населением района и войсковой частью. Однако эта спайка не шла далее развития «боевого землячества». Более глубокого охвата

¹ «Красная звезда», 1926, 21 января, № 17.— *Ред.*

крестьянской, а тем более рабочей массы германская буржуазия достигнуть не могла. Она не могла совладать с задачей политического сближения и руководства интересами и жизнью этих классов. Именно то, что мы в территориальной системе ставим одной из основных задач, буржуазное государство достигнуть не может. Мало того, оно боится даже сформулировать подобную мысль, проповедуя абсолютную аполитичность армии.

«В то время, как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города, подгоняя для этой цели всю издаваемую на счет государства, на счет царских и на счет буржуазных партий литературу, мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата»¹. Так говорит товарищ Ленин в «Страничках из дневника».

Развивая далее эту мысль и указывая, как нужно понимать проведение коммунистических идей в деревню, товарищ Ленин говорит: «Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губительно для коммунизма»².

Товарищ Ленин ограничивает эту постановку вопроса установлением теснейшего общения между городом и деревней в следующих словах: «...установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними может быть легко создана, — это наша обязанность, это одна из основных задач рабочего класса, стоящего у власти. Для этого необходимо основать ряд объединений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии.

Удастся ли «расписать» все городские ячейки по всем деревенским для того, чтобы каждая рабочая ячейка, «приписанная» к соответствующей деревенской, систематически заботилась о всякой оказии, о всяком случае, чтобы удовлетворить ту или иную культурную потребность своей со-ячейки? Или удастся изыскать другие формы связи?»³ и т. д.

Еще далее: «Мы не делаем почти ничего для деревни помимо нашего официального бюджета, или помимо наших официальных сношений. Правда, культурные сношения города с деревней принимают у нас само собой и принимают неизбежно иной характер. Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 425.— *Ред.*

² Там же.

³ Там же, стр. 425—426.— *Ред.*

само собой начинает давать деревне прямо обратное. Но все это делается именно само собою, стихийно, и все это может быть усилено (а затем и увеличено во сто крат) внесением сознания, планомерности и систематичности в этой работе»¹.

Из этих приведенных нескольких выдержек мы видим, какое громадное значение придавал Владимир Ильич изысканию новых форм политического воспитания деревни в виде теснейшей смычки городского пролетариата и крестьянства. Товарищ Ленин указывал, что он ограничивается лишь постановкой вопроса, и указывает на то, что, быть может, удастся изыскать и другие формы связи. К сожалению, в 1922 г. мы еще не имели широкого опыта территориального строительства Красной Армии. Товарищ Ленин не мог указывать на эту форму смычки и политического руководства пролетариата в деревне, которая сейчас играет у нас такую исключительную роль.

XIII съезд партии применил мысли Ленина к территориальной системе, говоря: «В тех районах, где существуют территориальные части, их кадры должны быть использованы в качестве новой формы связи Советского государства и партии с крестьянством»².

Ныне территориальная система широко охватила все части нашего Союза. Красноармеец, приписанный к тердивизии, но работающий у себя в деревне, органически связан со своим кадром, в котором обеспечивается и достаточный процент рабочих и комсомола и Коммунистической партии. Если шефству фабрик с деревнями, установленному случайно на основании частного почина, товарищ Ленин придавал такое исключительное значение, то каких же результатов и успехов можно достигнуть в области политического воспитания деревни при посредстве мощного и революционно-спаянного организма нашей территориальной системы! Этой задачи наши военные работники никогда не должны упускать из виду, выполняя этим самым один из заветов Ильича.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 426.— *Ред.*

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., Госполитиздат, 1954, стр. 52.— *Ред.*

ОБУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ¹

Вышедший осенью прошлого года Полевой устав (часть II) дает все основания для принятия общевойскового тактического решения и проведения его в жизнь.

В бою мы находим много составных звеньев, которые все должны быть учтены, правильно решены и поставлены на свое место. При невнимательности даже к самому незначительному тактическому звену может получиться боевой неуспех. Таким образом, всестороннее изучение вопроса, углубление его, проработка до мельчайших деталей являются неременным условием успешного руководства в бою. Полевой устав останавливается на всех сторонах боя и дает по всем этим вопросам исчерпывающие руководящие указания.

Однако если бы в общей сумме боевых элементов, несмотря на всю важность каждого в отдельности, мы не умели бы выделять главное, руководящее на передний план, то невозможно было бы рассчитывать на успешное практическое выполнение уставных положений. Если невыполнение некоторых отдельных требований боевой службы *может* повлечь неудачу, то невыполнение крупнейших условий *должно* повлечь эту неудачу.

Наиболее крупным условием успешности ведения боя является правильное решение задачи взаимодействия в бою пехоты и артиллерии и проведение такового в жизнь. Этому вопросу Полевой устав уделяет исключительное внимание. Он характеризует артиллерию как основную материальную возможность для маневрирования пехоты. Ширина участка главного удара пехоты, а стало быть, и всего соединения определяется той площадью в полосе расположения противника, которая основательно подавляется нашей артиллерией. Устав приводит методы расчета, которые должны служить основанием для общевойскового тактического решения. Он дает ориентировочные расчетные данные для сосредоточения артиллерийского огня и возможных пехотных успехов. Он дает указания на организацию этого взаимодействия и в период сближения, и в период атаки, и в период прорывания неприятельского боевого порядка. Таким образом, в новом Полевом уставе мы имеем теорию и практику боевого руководства.

¹ «Война и революция», 1926, № 6, стр. 3—8. — *Ред.*

Новый Полевой устав изучается в Красной Армии, как это можно заметить, с живым интересом. Но, конечно, нельзя считать, что в этом мы достигли всего того, что требуется. Умение пользоваться Полевым уставом нужно не только для общевойсковых наших командиров. В такой же степени это необходимо и для командующих армейскими соединениями, так же как и для всех сотрудников их штабов. Рассчитать крупную операцию невозможно без детального учета тактических возможностей подчиненных общевойсковых соединений. Командующий армией, не знающий второй части Полевого устава, мог бы явиться опасным фантазером. Поэтому изучение устава должно продолжаться интенсивно, с особым вниманием к практическим способам ознакомления, т. е. на военных играх, полевых поездках и маневрах.

Эта работа должна идти по двум путям: во-первых, надо изучить и практически научиться применять те руководящие указания, которые дает наш устав, в различных условиях боевой обстановки; во-вторых, наш Полевой устав нужно изучать совместно с изучением полевых уставов иностранных армий, причем это изучение должно идти не путем формального сличения глав, а путем сличения встречного ряда действий. Например, изучая главу о бое в условиях встречного наступления, следует параллельно изучать и анализировать такую же главу в иностранном полевом уставе. Изучая *нашу атаку*, надлежит соответственно изучать *оборону противника*, изучая *нашу оборону*, — *атаку противника* и т. д. Только такое изучение может дать наивысший результат и позволит осмысленно и практически действовать в самой разнообразной полевой обстановке.

Если мы ознакомимся с постановкой войскового обучения в старой армии, то увидим, что артиллерия хотя и стояла весьма высоко по степени своей подготовки, однако это не мешало пехоте при атаке виснуть на колючей проволоке. Качество подготовки отдельных родов войск играет существенно важную роль. Однако без хорошо налаженной общевойсковой подготовки оно может оказаться совершенно бесполезным. Для нас это обстоятельство является чрезвычайно важным, так как оно говорит о том, что мы не получили в наследство от царской армии приемов хорошей методики общевойскового обучения, т. е. взаимодействия различных родов войск. Эту методику и постановку обучения приходится осуществлять нам самим, используя для этого опыт империалистической и гражданской войн. Трезво оценивая постановку у нас этой работы, придется сказать, что мы хотя и имеем Полевой устав, дающий руководящие указания по ведению боя всеми родами войск, тем не менее все же еще не приобрели достаточно навыков в деле обучения их взаимодействию. Правда, это не только наша слабость. Многие армии страдают тем же самым, хотя и считаются передовыми. Однако нас это ни в коей степени не может успокоить. Мы должны разобратся в наших недостатках и суметь их исправить.

Наиболее слабыми местами нашими в этой области, по-моему, будут:

а) далеко отстающая от степени подготовки отдельных родов войск подготовка наших штабов к делу управления взаимодействием и

б) недостаточно твердое и поучительное руководство двухсторонними учениями и маневрами.

На улучшение нашей полевой штабной работы необходимо обратить исключительное внимание. В ближайшее время в войска будет разослано Положение о полевой службе штабов. Это Положение явится как бы приложением ко второй части Полевого устава. В этом последнем даются все необходимые указания для производства тактического расчета.

Положение о полевой службе штабов дает метод проработки решения и проведения его в жизнь в формах управления войсками. С особой обстоятельностью Положение останавливается на даче руководящих указаний по тем вопросам, которые являются наиболее слабыми местами в деятельности наших штабов.

В боевой обстановке штабы должны быть целиком проникнуты оперативно-тактическими интересами своей части. Они должны подготовить для командира все необходимые данные для принятия решения, основанного на четком плане взаимодействия основных родов войск. Эта работа, тесно увязанная с политической работой части, должна решительно порвать с привившимися у нас во многих штабах методами беспардонной медлительности, сопровождаемой бесконечным марианьем бумаги и постоянной потерей связи с войсками.

Конечно, в условиях современного боя техническая связь является абсолютно необходимым средством управления. Однако нужно отдать себе ясный отчет, что в тех же самых современных условиях боя применение огня бывает настолько сильно, что не может быть и речи о постоянном безотказном действии всех видов технической связи¹. Поэтому, всячески тренируя и совершенствуя этот род войск и службы, мы тем не менее должны уметь применять соответствующие штабные меры по живому управлению боем. Это управление должно быть так организовано штабами, чтобы оно могло непрерывно продолжаться и без наличия технической связи. Даже оставив в стороне вопрос о разрушении связи огнем, нужно иметь в виду, что в полевой обстановке, особенно при встречном столкновении, бой завязывается настолько быстро, что связь очень часто будет отставать в своей организации от требований момента. Поэтому во всех случаях между войсковыми штабами всех степеней должна существовать постоянная живая связь, выражающаяся в циркуляции штабных работников, главным образом от низшего штаба к высшему. Эта связь ни в коем

¹ В масштабе армейского управления это положение, конечно, будет иное. — М. Т.

случае не явится формальной и обременительной. Никакие бумажные донесения или даже разговоры по телефону не заменят личного доклада опытного и толкового командира. При этом способе донесений высшему командиру и его штабу гораздо легче принять быстрое решение и тут же передать его подчиненным через присланного работника. Только такая организация может создать ту необходимую дублировку связи, которая будет действовать во всех боевых условиях. Живая связь штабов через ответственных штабных работников, проводимая оперативными органами штабов и притом дублированная органами службы связи, создаст все необходимые предпосылки для непрерывного боевого управления. На деле же мы очень часто замечаем невозмутимое отношение оперативных работников штабов к фактическому отсутствию управления: «Связь, мол, не действует — и моя хата с краю». Какое взаимодействие может быть в таких условиях! Это, конечно, опаснейшая инертность, которую необходимо похоронить решительно и окончательно.

Даже в области разведки в общевойсковых соединениях мы постоянно замечаем недостаточное понимание основ взаимодействия войск и недостаточное внимание и понимание боевых порядков противника. Общевойсковому командиру и его штабу для принятия решения для боя (особенно для атаки) необходимо прежде всего изучить систему (схему) боевого порядка противника. Только изучив этот последний, расчленив его на составные части, можно сознательно наметить целесообразный план боя, путем сочетания действий массового артиллерийского огня и движения пехоты для последовательной ликвидации расчленений боевого порядка противника. Очень редко разведывательные органы войсковых штабов ставят конкретные задачи для достижений этой цели. Постоянно мы встречаемся с чисто формальной постановкой разведывательных заданий: разведать противника в полосе такой-то и т. д. Не может быть и речи о том, чтобы при этой постановке задания можно было бы получить исчерпывающие разведывательные данные. Если штаб не сумел поставить задачу, если штаб не сумел сказать — что именно ему нужно знать в расположении противника, что именно должно быть нанесено на разведывательной схеме, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы командир, выполняющий разведку, мог бы самостоятельно эту задачу решить. Разведка — или, лучше сказать, постановка заданий для разведки — должна прежде всего предусмотреть фиксацию расчленений боевого порядка противника для того, чтобы конкретно на местности найти объекты для массового артиллерийского нападения, сопровождаемого атакой пехоты. Организация и производство разведки точно так же, как и обработка разведывательных данных, являются делом сравнительно более легким. Основная трудность — в четкой и ясной постановке задания.

Отмечу еще одну слабость в работе разведки наших общевойсковых штабов. Тесно связанная с только что высказанным заме-

чанием, разведка очень часто понимается отвлеченно, т. е. не столько помогает решить задачу своему командиру, сколько строится под углом зрения высшей стратегической задачи. Обозначение передовой линии противника, поимка «языка» очень часто успокаивают в своей деятельности наши разведывательные органы, а между тем получение таких данных является существенным для армейских органов разведки, но очень мало дает общевойсковому командиру.

В общем, наши общевойсковые штабы, безусловно, должны усилить пульс своей работы. Они должны быть основным источником боевой активности и деловой заразы и главными организаторами боевого взаимодействия основных родов войск.

Без правильной работы штабов не может быть четкой и последовательной постановки задач отдельным родам войск по взаимодействию. С другой стороны, и практическая тренировка войсковых единиц, при двухсторонних учениях и маневрах, может проходить точно так же лишь при ближайшем участии и руководстве вышестоящих штабов.

Наши маневры за последние годы очень часто носили характер широко стратегический. На командиров дивизий или корпусов возлагали задачи самостоятельного стратегического решения. Несмотря на всю пользу развития оперативного мышления высшего командного состава, все же такие маневры неминуемо отводят на задний план общевойсковую тактическую сторону дела, и прежде всего, конечно, взаимодействие различных родов войск. Поэтому мы должны в этом году центр нашего внимания обратить именно на эту сторону дела. Этого возможно достигнуть лишь в том случае, если командир каждой стороны будет действовать в составе условно обозначенных высших соединений, имея условных соседей справа и слева. В такой обстановке можно с гораздо большей обстоятельностью проводить общевойсковое обучение и проводить определенные взгляды, предлагаемые Полевым уставом.

В этом году вводится усовершенствование и в организацию службы посредников. Эта служба должна обеспечить штабам руководства возможность практического наблюдения за взаимодействием родов войск с тем, чтобы успех каждой стороны мог обуславливаться лишь достижением полного взаимодействия войск. Пока артиллерия не окажет пехоте той помощи, которая от нее требуется, т. е. пока командир не добьется их практического взаимодействия, до тех пор он не получит успеха в маневре. Это не значит, конечно, что на маневрах могут прививаться вредные идеи о том, что пехота сама не ведет боя и сама не может достигнуть определенных результатов. В полном соответствии с Полевым уставом, при прорыве полосы охранения и при развитии успеха после проникновения в полосу главного сопротивления, пехота может достигать успеха и без поддержки дивизионной артиллерии. Полевая артиллерия, станковые пулеметы, ручные гранаты — все это дает пехоте достаточные возможности в деле достижения самостоя-

тельных успехов. Но при атаке организованного противника на главной полосе сопротивления подавление этой полосы артиллерией является обязательным.

В общем, одной из основных задач текущего лета является овладение техникой обучения взаимодействию основных родов войск, для чего надо овладеть и искусством организации работы штабов руководства и состава посредников.

В период наступающего лета нам предстоит осуществить немало задач, задач крупных и важных. Но из всех этих задач мы должны выпятить основную задачу — практическое достижение полного взаимодействия пехоты и артиллерии. На этом стержне должно развернуться обучение всем прочим боевым требованиям. На этом вопросе мы должны построить и обучение наших штабов. Поставив себе правильную задачу, имея определенную программу, сосредоточив огонь по главнейшему направлению, мы сумеем осуществить все практические встающие перед нами учебно-боевые задачи.

ПОЛЕВАЯ СЛУЖБА ШТАБОВ¹

(Объяснительная записка к недавно изданному штабом РККА под тем же заглавием Наставлению).

1

Являясь основным органом боевого управления войсками в руках командира, штаб должен уметь изучить и оценить обстановку, подготовить необходимый материал для принятия решения и провести это решение в жизнь.

Один из основных элементов боевой обстановки, с которым штабу приходится иметь дело в Красной Армии, — это политический элемент. Войска будут боеспособны и готовы на всякие труды и лишения только тогда, когда политическая подготовка, политикоморальное состояние и дисциплина в войсках стоят на достаточной высоте. Организуя управления войсковыми массами, штабы должны отдавать себе ясный отчет в значении и состоянии этого крупного боевого фактора. Вместе с тем большие войсковые массы выдвигают и технически большие трудности в деле их планомерного вождения в бою. Рост военной техники еще более усложняет эту работу. Специализация все больше и больше развивается. Обслуживание войск в бою тылом также представляет крупные затруднения. Задачей штабов является — объединить в одно целое службы различных специальностей, взаимодействие различных родов войск и обслуживание тылом боевых частей.

Развитие огневых средств боя толкнуло боевой порядок на дальнейшее расчленение как по фронту, так и в глубину. Это чрезвычайно усложняет организацию боевых действий, и эта задача организации целиком выпадает на войсковой штаб.

В условиях боя не только часы, но и минуты могут играть решающую роль. Поэтому со стороны штаба требуется организация четкого и безотказного управления. Вместе с тем та же боевая обстановка представляет большие затруднения в деле организации бесперебойной связи. Эти трудности точно так же должен преодолеть войсковой штаб.

В общем, штаб как орган боевого управления в руках командира должен правильно учитывать все составные элементы обста-

¹ «Красная звезда», 1926, 17 августа, № 187. — *Ред.*

повки, подготовить все данные, необходимые для принятия правильного боевого решения, и искусно провести таковое в жизнь.

В условиях боевой обстановки боеспособность войск может быть легко поколеблена боевыми неудачами. И политическое воспитание, и дисциплина, и хорошо налаженное административно-хозяйственное обслуживание войск могут быть нарушены тяжелыми неудачами, особенно в случае частых их повторений.

2

Доверие к искусству командира является важнейшей предпосылкой боеспособности войск. Отсюда понятно, какое значение в этом вопросе имеет хорошо налаженная в тактическом отношении подготовленная работа штабов. Подготовка хорошо рассчитанного взаимодействия пехоты и артиллерии, хорошая разведка противника и постановка прочих служб, соединенные с необходимым боевым воодушевлением войск, являются залогом победы, осуществимой лишь при тесном взаимодействии штабов с политорганами. Как перед наступательным и оборонительным боем, так и при неудачах в случае отхода взаимодействие этих органов должно быть полно и безотказно. Боевые задания командования должны быть обеспечены политорганами полностью, и эту работу штабы должны в полном объеме и своевременно учесть.

Войсковые штабы вводятся в тех соединениях, которые состоят из нескольких родов войск. Отсюда становится понятным, что основная боевая задача штабов заключается в том, чтобы обеспечить боевое взаимодействие всех родов войск, и в первую голову пехоты (конницы) и артиллерии. В полевой деятельности штабов, конечно, встает много задач самого разнообразного характера. Однако, все они должны группироваться вокруг одного центрального вопроса — вопроса взаимодействия пехоты и артиллерии. Только тогда хороша будет подготовка боя, когда это основное условие выполнено полностью. Можно идеально обставить боевое мероприятие всеми видами снабжения, можно задумать смелое тактическое мероприятие, можно иметь вполне боеспособные и закаленные войска и вместе с тем потерпеть полный неуспех, если этот основной, центральный вопрос не разрешен. **На нем-то штабы и должны концентрировать все свое внимание.** И разведка, и оценка обстановки, и разработка плана боя, и исполнение тактовых, и организация управления, тыла, связи и проч. — все это должно быть построено так, чтобы отвечало основной идее общевойскового боя: **взаимодействию.**

3

Целесообразный план боя, а с ним вместе четкое взаимодействие пехоты и артиллерии могут быть достигнуты только тогда, когда основательно и исчерпывающе изучены расположение про-

тивника или его боевой порядок. Не только в стратегии, но и в тактике успех достигается сосредоточением превосходных сил на участках атаки при нейтрализации всех остальных. Всюду сильным быть нельзя. Атаковать равномерно по всему фронту — далеко не всегда возможно, так как войсковые части обладают лишь определенным количеством артиллерии, а участки для боя получают самые различные. Точно так же не может быть намечено наступление одинаковыми методами во всю глубину расположения боевого порядка противника.

Как по фронту, так и в глубину боевой порядок должен быть поражаем атакой соединенных сил артиллерии и пехоты, а также и прочих родов войск по отдельным, наиболее важным, расчленениям его, при нейтрализации всех прочих.

В разных армиях применяются различные боевые порядки войск. Отсюда вытекает для штабных работников всех степеней необходимость основательного изучения иностранных уставов. Помимо того, уставные положения разнообразятся в зависимости от местности. В боевых условиях на штаб выпадает задача определить на данной местности конкретное расчленение боевого порядка противника как по фронту, так и в глубину, что составляет основной материал для принятия общевойскового тактического решения. Когда будет ясна схема расчленения боевого порядка противника и расположения такового на местности, тогда конкретно могут быть намечены план боя, направление и ширина атаки, последовательность в сочетании артиллерийской подготовки с пехотной атакой и прорывание.

Работа всех отделов и всех сотрудников штаба, проводимая хотя бы и отдельно друг от друга, должна быть сосредоточена именно в этом основном направлении: подготовить все необходимое для плана взаимодействия и последовательного поражения технических расчленений противника.

4

Деятельность штаба по управлению заключается в проработке всех данных, необходимых для принятия боевого решения, и в координировании усилий всех служб для осуществления принятого командиром решения. Особенно тесное сотрудничество должен поддерживать штаб с начальником артиллерии и его штабом как при составлении планов последовательной атаки, так и при проведении таковых в жизнь.

В целом ряде случаев политорганы войсковых частей смогут оказать незаменимое содействие по популяризации боевых задач отдельным войсковым единицам, в связи с чем можно достигнуть значительно большей сознательности в действиях и большего боевого напряжения.

Организация бесперебойной связи является необходимой предпосылкой к успешному управлению боем. Связь должна быть по-

строена так, чтобы, во-первых, она была бесперебойна и чтобы, во-вторых, она обеспечивала быстрое доставление донесений и быструю передачу приказаний. Нельзя возлагать все надежды на службу технической связи. Усиленный обстрел передвижения войск служит постоянным источником повреждения технической связи. Поэтому помимо нормальных органов службы связи должно существовать еще постоянное личное общение между штабами путем посылки ответственных сотрудников, которые могли бы на месте ознакомиться с расположением войск, с их морально-боевой упругостью, степенью достижений в артиллерийской подготовке и т. д. Это личное общение должно быть постоянным. Порыв технической связи ни в коем случае не означает допустимости порыва управления. Таковое должно продолжаться непрерывно. Учтя нормальную ширину фронта и расположение в глубину войсковых частей, мы увидим, что требуемого общения достигнуть возможно, причем получение распоряжений и передача таковых могут осуществляться в самое короткое время. Учитывая, что высшему штабу постоянно посылать своих сотрудников в низшие штабы затруднительно, ибо это отрывает слишком много работников, наиболее нормальным видом личного общения будет посылка сотрудников от низшего штаба к высшему. Однако, по обстановке, делаются и исключения из этого правила. Таким образом, в бою осуществляются две системы связи: личная — оперативными отделами штабов снизу вверх, и отделами связи — сверху вниз.

5

Методы управления должны быть возможно проще и гибче. Для успешного взаимодействия вовсе не требуется составления длинных, охватывающих все вопросы приказов. Составление таковых занимает много времени. Помимо того, как показывает опыт, указания по разведке, связи и организации тыла даются в общих выражениях, что совершенно не помогает делу. Поэтому таковые вполне возможно давать в особых указаниях. Если в приказе будет четко изложена правильная тактическая мысль и намечено ясное конкретное взаимодействие, то такой короткий приказ будет самым лучшим. Но и на такой приказ не всегда хватит времени. Зачастую придется отдавать распоряжения отдельными приказами. При этом надо решительно отказаться от манеры давать обязательно письменный приказ. Устное распоряжение, переданное по телефону или через ответственного сотрудника штаба, является достаточным. Такие приказания так же, как и устные донесения, регистрируются штабами, но письменных подтверждений не требуют.

Следует избегать в штабной работе составления письменных докладов, соображений и т. п. Все это требует потери большого времени и совершенно не соответствует условиям боевой обстановки. Материалом для докладов должны служить карты с нанесенными

на них схемами, и, в случае надобности, к ним должны составляться коротенькие легенды в форме цифровых расчетов. Доклад делается словесно.

Помимо выполнения своей собственной работы на штаб выпадает задача наблюдения и контроля за выполнением всеми органами отданных боевых распоряжений.

Штаб организует боевую деятельность всех служб и войсковых управлений. Он ответствен за правильное изучение обстановки и руководство боем. Отсюда становится понятным, какую роль в смысле организующего начала, энергии, практичности и деловитости, быстроты и точности должен представлять собою штаб.

«Полевая служба штабов» охватывает собою главным образом деятельность штабов корпусов и дивизий. Однако методы работы, излагаемые Наставлением, должны быть полностью восприняты и штабами полков, которые, по нашей организации, являются первичными общевойсковыми соединениями. В этом смысле «Полевая служба штабов» является дополнением ко II части Полевого устава РККА.

ТАКТИКА И ОБУЧЕНИЕ¹

Тактика как дисциплина не имела бы никакого смысла, если бы она не обладала прикладным характером, т. е. если бы в существе своем она не носила и учебно-воспитательных целей. И, однако, несмотря на все свое практическое предназначение, тактика неизбежно систематизирует свой материал не в том порядке, как это требуется для непосредственного обучения той или другой части тактическому искусству на местности.

Тактика изучает природу боя и участие в нем родов войск в целом. Одновременно она может изучать боевую роль каждого из родов войск в отдельности. Но тактика не дает ответа на вопросы: как, каким образом надо обучать ту или другую часть тактическому искусству, как достигнуть при этом экономии во времени и наибольшей интенсивности усвоения; как развить в той или другой части способность к гибкому и решительному маневрированию и т. п.? Эти задачи ложатся на методику обучения.

Для удобства и поучительности изложения тактика обычно изучает бой в его наиболее характерных периодах, определяющих форму и содержание действий и взаимодействия родов войск. Не считая походных движений, разведки, охранения и проч. и останавливаясь только на бое, мы можем заметить, что в условиях современного вооружения и организации армий бой довольно четко характеризуется следующими тактическими этапами: сближением, наступлением, атакой, прорыванием и преследованием. Эти этапы характерны не только для пехоты. Весь общевойсковой организм, части которого взаимодействуют между собой, резко и довольно однообразно перестраивает систему приложения своих усилий, переходя от одного боевого этапа к другому. Вполне понятно, что все внимание тактики сосредоточивается на изучении этих этапов. Они являются теми стержнями, вокруг которых тактика группирует свой материал, анализирует задачи родов войск и объединяет свои выводы. Сущность боя лучше всего изучается именно таким порядком, и в этом случае практическое значение тактики выпячивается на первый план.

¹ Из книги М. Тухачевского «Тактика и обучение. Пехота». Изд. 2, переработанное в соответствии с Боевым уставом пехоты, ч. II, изд. 1927 г. М., изд-во «Военный вестник», 1927, стр. 5—45.

Исчерпывается ли этим вопрос подготовки различных родов войск и частей различной величины? Конечно нет. Даже самая ясная и четкая картина, — например, действия пехоты в период сближения — не даст еще точных указаний, как должно решать свою задачу стрелковое отделение на том или другом рубеже или как будет действовать рота и т. п.

Для того чтобы обучение было наиболее экономным и вместе с тем интенсивным, оно должно преломить тактику под углом зрения каждой из частей. Если для тактики стержнем обучения являются этапы боя, то для методики основными стержнями являются войсковые части различной величины, на которые уже и откладываются как элементы тактики и техники данного рода войск, так и основы взаимодействия с другими категориями войск. Мы привыкли к таким терминам, как «тактика роты», «тактика взвода» и проч., и, действительно, это есть тактика, преломленная через призму ротного или взводного командира, но, по существу, мы не видим здесь особых видов тактики. Тут просто доминируют вопросы «организации труда» и тактического обучения.

Таким образом, даже «самая прикладная» тактика останется довольно отвлеченной дисциплиной, если она не будет сопровождаться особой дисциплиной — методикой. Однако если тактика идет у нас в своем развитии крупными шагами вперед, то в области методики мы остаемся консервативными, расплывчатыми, неконкретными и до настоящего времени.

Это означает, что мы не проводим «тэйлоризации» в системе тактического обучения, а без этого, вследствие неэкономной траты времени при расплывчатой постановке задач, больших результатов достигнуть невозможно.

Основа методического исследования форм тактического обучения заключается в том, что отправным стержнем изложения признается данная часть (отделение, взвод, батарея и проч.), а это значит, что методика не может и не должна быть «централизованной», отвечающей сразу на все задачи. Ее ценность только тогда велика, когда она разнообразна и многочисленна, как и сама армейская организация.

* * *

Группируя тактический материал обучения вокруг данной части, взятой за стержень обучения, нельзя руководствоваться одними тактическими этапами развития боя. Сближение, наступление, атака и проч., составляя в общем для тактики совершенно определенные, характерные периоды боя, для отдельных частей, особенно мелких, совершенно не являются уже столь конкретными и понятными и требуют дальнейшей детализации. Таким образом, в зависимости от величины части приемы обучения, масштаб разрешения тактических задач в продолжение одного и того же учения будут постоянно изменяться. Например, для стрелкового отделения сближение, наступление, атака, прорыв и преследование

могут развиваться на протяжении 12—18 километров. При этом фронт отделения может колебаться примерно от 30 до 100 метров. Мы видим, что, при общей длине пути наступления отделения, фронт последнего так мал, что в общем полоса этого наступления будет скорее похожа на линию, чем на полосу. Даже отдельные тактические этапы, как, например, сближение или наступление, настолько велики, что по отношению к ним фронт отделения остается ничтожным, и не приходится говорить о полосе наступления отделения. Дело и тут и там сводится к *направлению наступления*.

Если обучение отделения приравнять к тактическим этапам боя, то фактически мы приучили бы отделение действовать прямолинейно, не применяя никакого маневра и мало оценивая обстановку. Но отделению, на протяжении всего пути его наступления, на протяжении отдельных тактических этапов боя, приходится сталкиваться с большим количеством задач, для решения которых отделенному командиру надо быть тактически развитым и вполне подготовленным начальником. В общем, приемы исследования, методические и тактические, далеко не всегда совпадают.

Правильная постановка обучения не допускает решения задач данной частью оторванно от общей обстановки, от взаимодействия с другими частями и родами войск, а вместе с тем удобство обучения, правильное разделение труда требуют производить первоначальную тренировку самых мелких частей вне состава высшего соединения. Достигается это условным обозначением противника, соседей, пулеметов и артиллерии. Даже занятия с отделениями не должны протекать без участия пулеметов и артиллерии. Необходимо выработать постоянную привычку к взаимодействию, к пониманию задач во всей совокупности обстановки, развить неискоренимую потребность постоянной связи с соседями и другими родами войск, а также умение ставить конкретные, вызываемые обстановкой задания.

Так, например, обучая стрелковое отделение наступлению и ставя ему задачу перемены огневого рубежа, района или укрытия, надо требовать от отделенного командира решения этой задачи во всей ее совокупности: использовать огонь своих соседей или обратиться к командиру взвода за огневой поддержкой; использовать моменты затишья огня противника; определить его огневые точки и своевременно поставить об этом в известность командира взвода; просить, если нужно, артиллерийской поддержки против наиболее мешающего огневого гнезда противника; наконец, определить то расстояние, на которое, по обстановке, есть смысл продвигаться вперед, в тесной связи с характером местности, укрытий, обстрела и т. п. Проводить же занятие с отделением на протяжении всего периода наступления нет никакого смысла. Все положения и задачи, вроде вышеописанных, в которых командиру отделения приходится действовать как самостоятельному начальнику, слились бы для него тогда в непрерывный поток, в какой-то калейдоскоп. Он запутается в своих обязанностях, и в конце концов

из него выработается начальник, умеющий действовать лишь прямолинейно, без учета обстановки и взаимодействия.

Таким образом, учение следует ограничить только одной задачей, дающей тактический, маневренный простор начальнику. По ее окончании должен следовать разбор и тщательная оценка достижений. Разумеется, можно было бы продолжать обучение в условиях вновь создавшейся обстановки после продвижения отделения вперед, но это было бы уже другое учение, и путать одно с другим ни в коем случае не следует. Если самые мелкие части будут достаточно натренированы в своих прямых тактических обязанностях, если они основательно изучат все те пределы, в которых может развернуться их маневр, то тогда, при учении высшего соединения¹ — в данном случае взвода, — выполняя свою общую задачу по наступлению, всякий командир отделения уже не будет бестолково продвигаться вперед, а сумеет проявить на каждом рубеже, на каждом укрытии, при любой обстановке понимание своей задачи и своего частного маневра.

Переходя, таким образом, от обучения самых мелких частей к высшим, можно заставить командиров разных степеней естественным порядком продумать все этапы тактического подразделения боя, причем их отдельные, частные задачи будут нанизываться на стержень общих задач высшего соединения. Здесь младшие начальники получают практику в увязывании своих мелких задач с общими и более крупными. Наконец, от условного обозначения соседей и артиллерии они будут переходить к действительной обстановке и широко тренироваться на практике. Еще далее, двустороннее учение заменит обозначенного противника живым подвижным врагом, привыкать к оценке которого необходимо для достижения высокой боеспособности. Зимой такие же занятия можно вести на планах и на ящиках с песком.

* * *

В отмененной ныне «Боевой службе пехоты», изд. 1924 г., в статье 15, между прочим, говорится: «Бой складывается из наступательных и оборонительных действий, которые, в маневренной обстановке, в ходе всего боя тесно переплетаются между собой для всякой войсковой части.

При наступлении, как и при обороне, части должны располагаться на достигнутом (занимаемом) рубеже и двигаться от одного к другому расчленению по фронту и в глубину, огневыми средствами, занимая наиболее выгодные для ведения огня точки на местности, для живой же силы используя скрытые подступы, в целях накапливания к пункту удара или контрудара. Расположение частей на достигнутом при наступлении рубеже должно обеспечивать прочное его удержание; обратно, расположение частей при

¹ Имеется в виду — подразделение. — *Ред.*

обороне должно обеспечивать возможность быстрого перехода в наступление».

Формулировка этой статьи несколько туманна, и о ней стоит поговорить.

Возьмем обучение стрелка наступательному бою. Мы должны приучить его к тому, чтобы он быстро и правильно умел отыскать противника, умел определить расстояние до него и изготoвиться к огню, с тем чтобы, поборов его, двинуться дальше. При этом основное внимание бойца обращается на то, что он должен открыть огонь так, чтобы противник или вовсе не мог его заметить, или чтобы, по крайней мере, он представлял для последнего самую незначительную цель. Поэтому надо пользоваться каждым

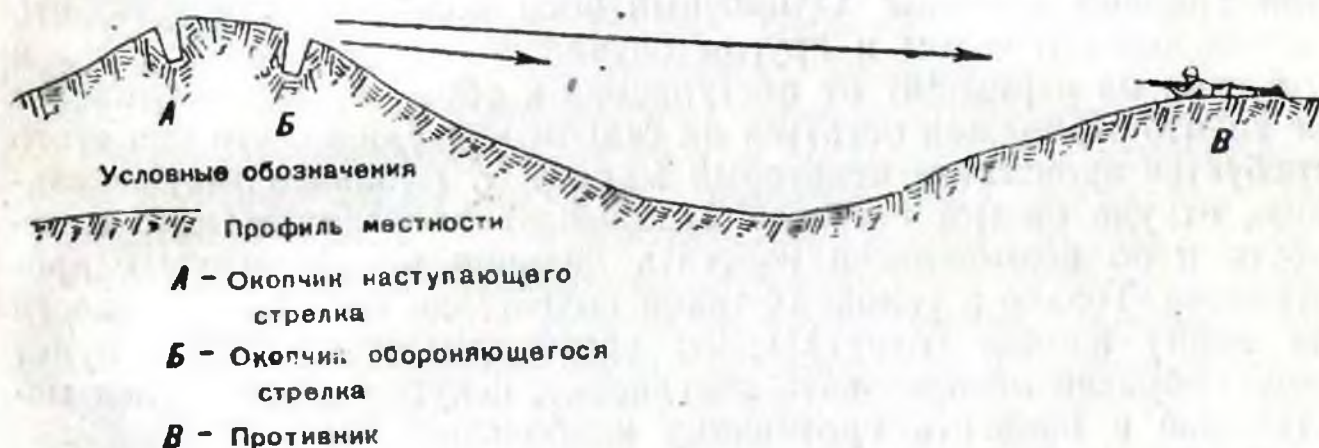

Схема 1

бугром, каждым кустом, каждой ямой, лишь бы только противник был ему хорошо виден и было бы удобно его обстреливать. Эти два момента являются основными для наступающего стрелка: он должен хорошо видеть противника, а сам должен быть тщательно применен к местности. Но из этого вовсе не следует, что наступающий боец, при выборе своего огневого гнезда, должен иметь возможность обстреливать не только назначенную цель или ту цель, которая мешает ему продвинуться, но и весь участок местности, отделяющий его от этой обстреливаемой им цели. Это положение очень удачно разобрано в брошюре тов. Чернавина «Полевое обучение пехоты».

Приводимый рисунок поясняет сказанное (схема 1).

Наступающий боец вовсе не обязан найти такое место, откуда бы он мог обстреливать всю впередилежащую местность, не имея перед собой мертвых пространств. Его задача, в основном, ограничивается возможностью поражения противника при условии самосохранения. Сравним теперь это с тем, что мы требуем от обороняющегося стрелка. Первым условием для него будет выбор такой позиции, с которой бы он мог непрерывно обстреливать наступающего перед собой противника, почему для него, естественно, потребуется не только видимость какого-либо определенного пункта, но и всей впередилежащей местности. Тот же рисунок поясняет это.

Из сравнения расположения наступающего и обороняющегося стрелка видно с полной очевидностью, что ни в каком случае не следует внедрять одиночному бойцу мысли, будто бы его действия при обороне и при наступлении одинаковы. Оставляя моральную сторону боевой подготовки, которая, несомненно, должна считаться с тем, что в бою труднее всего наступать и легче всего остановиться и поэтому нужно внедрять веру в наступление, мы видим, что и требования боевой техники в использовании обстановки — для наступающего и обороняющегося бойца — совершенно различны. Не всякая позиция (месторасположение) одиночного бойца, занятая им при наступлении и очень удобная для поражения препятствующего его наступлению противника, будет пригодна для упорной обороны. Одиночный боец должен постигнуть, что положения его в том и другом случае должны быть различны и что если он переходит от наступления к обороне, то это означает не то, что он должен остаться на старом месте, а то, что для этого требуется произвести некоторый маневр, т. е. занять такую позицию, откуда он мог бы удобно поражать впередилежащую местность и по возможности избегать наличия в ней мертвых пространств. Только в условиях такой подготовки мы сумеем повести на войну вполне сознательного красноармейца, который будет целесообразно использовать обстановку, искусно пользоваться местностью и наносить противнику наибольшее поражение.

Для пулеметного отделения все то, что сказано об одиночном бойце, будет более или менее подходящим. Пулеметное отделение представляет собой точно такую же огневую точку, но обладающую гораздо более мощным поражением. При наступлении пулеметное отделение имеет задачей — обстреливать данную точку или данный участок расположения противника, а не всю впередилежащую местность. Правда, во встречном столкновении этот вопрос несколько усложняется, так как противник тоже не постоянно находится на одном месте, а продвигается вперед. Но здесь с еще большей очевидностью встает вопрос о необходимости понимания задачи момента и умения своевременно производить маневр, для того чтобы перейти от наступления к временному задержанию наступающего противника для дальнейшего перехода в новое наступление. Кстати, Боевая служба пехоты обошла молчанием встречное наступление.

Стрелковое отделение при наступлении всегда должно иметь тенденцию воспользоваться огнем своих пулеметных соседей и под их прикрытием пробираться вперед. При обороне же стрелковое отделение должно понимать, что его место — относительно позади, в интервалах, на обратных скатах, в лощинах и т. п.

Не всякое положение при наступлении должно отвечать условиям упорной обороны местности. Мы, конечно, должны требовать от наступающего, чтобы он, как бы ни было невыгодно его расположение, упорно оборонялся, если противник перейдет в наступление, но это вовсе не означает, что его расположение при наступле-

нии на каждом отдельном рубеже должно соответствовать требованиям организации обороны.

Из этих нескольких примеров мы видим, насколько расположение частей на достигнутом при наступлении рубеже отвечает условиям обороны. Если бы мы требовали от войск такого формального использования обстановки, то мы достигли бы этим только шаблонности действий и полной потери наступательного порыва. Это произошло бы не только потому, что мы, отождествляя наступление с обороной, затуманивали бы идею наступления, но и потому, что, если наступление на всяком рубеже и при всякой обстановке должно отвечать требованиям прочного закрепления за собой занятого пространства, оно неизбежно само собой станет осторожным, черепашьим. Нельзя задаваться одновременно несколькими задачами. А конец статьи рекомендует именно такой способ действий. Все это, конечно, вредно и нецелесообразно. Но особенно это требование становится непонятным и даже курьезным в период атаки и прорыва закрепившегося противника. Ведь совершенно очевидно, что в атаку стрелки идут под прикрытием своих пулеметов и что в период атаки остается весьма мало простора для обороны. Еще меньше найдет его оборона в период прорыва, где каждая часть должна принципиально вырываться вперед и обходить имеющиеся перед ней или перед ее соседями гнезда противника. Если мы приучим части всегда руководиться интересами обороны, то мы автоматически лишим их всякой активности и наступательного порыва.

Активность, продвижение вперед, обход, охват противника, залезание в его тылы — все это требует находчивости, смелости и умения рисковать. Эти качества труднее всего развить и в отдельных бойцах, и в начальниках, и в коллективах целых частей. Лишь тогда, когда они будут понимать совершенно ясно всю сущность боя, когда легко и привычно будут отличать они те формы своего боевого порядка, которые будут отвечать условиям нападения или условиям обороны, — только тогда эти войска смогут стать боеспособными и сумеют выполнить как те, так и другие задачи сознательно, в духе обстановки, а не шаблонно.

В связи с выходом II части Боевого устава пехоты, изд. 1927 г., я постараюсь разобрать основные положения, которые легли в основу составления Устава и определили тактическую сторону его.

Прежде всего нужно сказать, что вообще приходится очень решительно пересматривать основы ведения боя, по сравнению с довоенным уровнем. Соотношение различных родов войск теперь коренным образом изменилось. В зависимости от насыщения войсковых соединений техникой, произошел сдвиг, который самым решительным образом влияет и на задачи и на характер действий в бою того или другого рода войск.

Если мы возьмем общевойсковое соединение — стрелковую дивизию сегодняшнего дня и сравним ее со стрелковой дивизией периода 1914 г., то заметим следующее.

В царской армии на 1 батальон имелось 3 орудия, в нашей Красной Армии на 1 батальон мы имеем 5 с лишком орудий; таким образом, рост артиллерии относительно как будто довольно значительный. Он вырос почти в два раза по сравнению с довоенным уровнем. Но этот метод сравнения, при более тщательном учете всех происшедших сдвигов и изменений в составе пехотных единиц, нужно считать несовершенным и, во всяком случае, односторонним.

Дело в том, что основные затруднения для наступающей пехоты и основные боевые цели для поражения артиллерийским огнем и в довоенное время и теперь представляют собой пулеметные точки. И вот если подсчитать число орудий по отношению к пулеметным точкам, то период 1914 г. является в наступательном отношении более выгодным, чем нынешний.

Старая дивизия 16-батальонного состава имела 48 орудий и 32 станковых пулемета. В иностранных армиях имелось примерно то же количество пулеметов. Таким образом, на 1 орудие имелось менее 1 пулемета. Каждое орудие должно было подавить в течение боя менее чем 1 пулеметную точку, не считая, конечно, остальных целей. К числу последних относятся трудно поддающиеся подавлению артиллерийские позиции.

Итак, на 1 орудие в войну 1914 г. имелось менее 1 пулеметной точки. Современная пехотная дивизия имеет около 400 станковых и легких пулеметов, т. е. 400 пулеметных точек. Количество артиллерии осталось то же, что и прежде, т. е. на 1 орудие у нас сейчас приходится свыше 8 пулеметных точек.

Примерно в 10 раз выросла обороноспособность современной пехоты по сравнению с 1914 г. Эта характеристика касается пехоты всех современных армий.

Отсюда само собой понятно, что и задачи наступления пехоты также усложнились, особенно когда речь идет о прорывании укрепленной полосы противника. Уже в течение империалистической войны мы сталкивались с фактами, когда наступлению пехоты препятствовало то обстоятельство, что артиллерия не могла погасить огонь пулеметов и проложить ей дорогу. Многое здесь объяснялось неподготовленностью царской армии: общевойсковая тактика стояла на низком уровне развития. Но несомненным является тот факт, что пулеметный огонь служил мощной преградой при наступлении. Теперь картина в этом отношении хуже, чем в войну 1914 г. Конечно, это соотношение огневых средств в общевойсковом бою целым рядом мероприятий можно изменить. Никто не велит одной нашей дивизии наступать против одной дивизии противника; никто не велит, кроме артиллерии дивизии, не привлекать артиллерию резерва главного командования и т. д. Словом, путем маневрирования, путем сосредоточения необходимых артиллерийских средств мы всегда можем изменить искусственно — в этом искусство и заключается — то соотношение, которое дает современная организация. Но если говорить вообще о характере

современного боя, то ту тенденцию, о которой упомянуто выше, мы констатировать должны.

Отсюда мы должны сделать вывод, что задача пехоты в современном бою более тяжелая; что задача эта требует гораздо большего напряжения, большей моральной устойчивости, а также большей боевой работы и большей боевой продуктивности, чем раньше. Это — основное требование к пехоте, которое предъявляет современный бой.

Какие же отсюда могут быть сделаны выводы в отношении подготовки пехоты? Прежде всего требуется высокое моральное состояние пехоты. Пехота, недостаточно стойкая, недостаточно активно воспитанная, недостаточно самостоятельная, не сумеет преодолеть всех трудностей современного боя, не сумеет собственными силами, огнем и ударом преодолеть те препятствия, которые встанут на ее пути. С одной стороны, наше положение оказывается наиболее благоприятным. Мы безусловно можем утверждать, что пехота нашей Красной Армии в моральном отношении должна быть наиболее стойкой, наиболее способной проявлять героизм, по сравнению с пехотой всех буржуазных армий. Многие — даже недочеты в обучении, в тактическом воспитании — будут покрываться тем моральным элементом, который присущ одной только Красной Армии.

В соответствии с этим наш Боевой устав пехоты 1927 г. (БУП—27) дает совершенно конкретные указания о политической работе в бою как политических работников и командиров, так и партийной ячейки. Устав четко формулирует основы политического воспитания для того, чтобы возможно выше поставить политикоморальную устойчивость нашего бойца.

Но помимо этого чрезвычайно важного свойства пехота должна еще научиться маневрировать, должна научиться тактически правильно разрешать свои задачи и не только быть способной к героизму, но быть способной к скорости и гибкости выполнения маневра. Наконец, пехота должна уметь пользоваться своим собственным оружием, т. е. главным образом пулеметным и ружейным огнем. Пулеметы легче всего использовать для усиления обороны. Но это, конечно, не означает, что пулеметы не являются мощным оружием наступления.

Вот эти основные положения совершенно общего характера и положены в настоящий Устав: решительность, высокое моральное качество пехоты, умение тактически быстро и целесообразно решать встающие перед нею задачи и, наконец, умение использовать огонь для своего наиболее успешного и наиболее быстрого продвижения вперед — все это является теми основами, на которых должна воспитываться наша пехота.

Одним из основных вопросов, по-новому изложенных в БУП—27, является роль батальона в бою и его тактическая деятельность.

В современных боевых условиях на батальон выпадает особо выдающаяся роль. Нужно сказать, что до мировой войны в царской армии Наставление для действий пехоты в бою, изд. 1914 г., а также и у нас в Красной Армии руководство «Боевая служба пехоты», изд. 1924 г., недостаточно обращали внимание на батальон в общей цепи подготовки пехоты. Это являлось безусловно слабым местом. Тактическая, маневренная деятельность батальона хорошилась в период сближения. Батальон не решал задачи на наступление. Это являлось уделом роты. Остановлюсь на этом подробнее.

Наставление для действий пехоты в бою говорит: «По данным личного наблюдения и разведки, командир батальона *составляет план действий* и разъясняет его ротным командирам.

Перед развертыванием батальона в боевой порядок, в соответствии с планом действий, батальонный командир объявляет ротным командирам: а) *что известно о противнике и о своих соседних войсках*; б) *как предполагается выполнить задачу, данную батальону*; в) *распределение рот в боевые участки и в батальонный резерв — частные задачи, возлагаемые на каждую роту, и направление их*; г) *места патронных двуколок и перевязочного пункта*; д) *место, где будет находиться сам батальонный командир, куда присылать к нему донесения*.

Если при батальоне имеются пулеметы, то им дается задача, если надо, они распределяются по ротным боевым участкам» (статья 131).

Далее: «Развертывание батальона в боевой порядок должно быть произведено вне влияния артиллерийского огня противника, т. е. на открытой местности — в 5—6 верстах от него, а на закрытой местности — ближе, смотря по характеру ее» (статья 133).

Нормальным, таким образом, является развертывание батальона в боевой порядок в 5—6 верстах от противника, вне влияния артиллерийского огня. В таком удалении от противника командир батальона должен был принять решение о своем наступлении. Он должен был решить, какие роты ему выдвинуть в боевой порядок, решить, какой он должен иметь резерв. Наконец, он должен был указать направления для наступления и соответствующие участки для своих рот; указать задачи пулеметам. Вполне естественно и понятно, что в 5—6 километрах от противника никакой задачи командир батальона решить не может за недостатком конкретных данных о противнике. По Наставлению выходит, что батальон вступает в сферу пулеметного и ружейного огня, т. е. подходя на 2—1½ километра к противнику, в том же порядке, в каком он развернулся в 5—6 километрах от него. Решение, принятое в 5—6 километрах от противника, разумеется, не всегда соответствует той обстановке, в какой батальон вступает в пулеметное и ружейное состязание с противником. В таких условиях батальон не развертывается для боя, а влипает в бой. Вот как можно охарактеризовать завязку боя по Наставлению 1914 г.

Эта система влипания в бой подтверждается и в нашем руководстве «Боевая служба пехоты 1924 г.».

Там говорится:

«Дальнобойность современной полевой артиллерии и усовершенствованные методы ведения огня позволяют, при помощи корректирования с аэропланов, вести огонь по наступающему с дальних дистанций (с 12—10 км), что заставляет наступающую пехоту разворачиваться ранее, чем это было прежде» (статья 220).

«Подход к полю боя чаще всего будет совершаться полковыми или батальонными колоннами, которые, при наличии реальной угрозы быть обстрелянными огнем артиллерии противника, разворачиваются для дальнейшего движения «поротно» (статья 221).

Два пункта дополняют один другой. Так как современная авиация обеспечивает артиллерийскую стрельбу на дальние дистанции, то командир батальона имел полное право, по Боевой службе пехоты, развернуться в 10—12 километрах поротно, и в соответствии с этим он должен был решать боевую задачу. Следует обратить внимание, что речь идет не о расчленении, а о разворачивании.

Статья 243 Боевой службы пехоты конкретно перечисляет задачи, которые командир батальона должен ставить при разворачивании батальона.

В этой статье мы читаем:

«Для разворачивания батальона «поротно» командир его лично отдает распоряжения:

а) ознакамливает ротных командиров и оружейных начальников полковой артиллерии (если приданы) с боевой обстановкой, указывает общую цель действий и дает частные задачи ротам;

б) назначает роты в боевую часть и в резерв и дает им по карте или на местности направление и полосы для движения;

в) дает задачу пулеметной роте, указав цель действий и характер движения;

г) указывает район движения приданных полковых орудий;

д) указывает порядок движения патронных и санитарных двуколок или места их расположения;

е) дает указания на случай обстрела химическими снарядами;

ж) устанавливает связь посыльными и сигнализацией с ротами и полковыми орудиями;

з) доносит о разворачивании батальона командиру полка» (статья 243).

Отсюда вытекает, что при разворачивании поротно, обычно вне сферы артиллерийского влияния, от командира батальона фактически уже требуется решение его боевой задачи: он должен выделить боевую часть, должен указать задачи артиллерии и другим родам войск. И это — на расстоянии 10—12 километров! Вот это положение и создало ту ненормальность, которую мы постоянно замечали у нас на наших маневрах.

Наконец статья 282 окончательно расшифровывает эту идею.

В ней сказано: «Вступая в зону дальнего пулеметного огня,

командир роты, на основании личной рекогносцировки и данных разведки:

- а) принимает решение, составляет план действий и намечает пункт главного удара;
- б) руководит движением стрелковых взводов;
- в) следит за надлежащим продвижением станковых пулеметов (если таковые приданы), давая им огневые задачи;
- г) путем непрерывного наблюдения за полем боя и противником изучает расположение последнего и вносит дополнения и некоторые изменения в задачи, ранее данные взводам;
- д) устанавливает порядок питания патронами;
- е) организует наблюдение за полем боя и дает указания на случай обстрела противником химическими снарядами;
- ж) управление взводами командир роты ведет посыльными сигнальщиками и ротными телефонными средствами».

Таким образом, командир батальона, вступая в полосу наступления, когда, казалось бы, он и должен был принять боевое решение, на самом деле уже связан тем, что решение принято вдали от противника. Здесь он может дать только дополнительные указания. Решение он принимал вдали от противника — тогда, когда его фактически не было видно и лично разведать его он не мог. Подойдя же к тому рубежу, откуда он может его обследовать, — к сфере завязывания пулеметного и ружейного боя, — командир батальона, как и командир полка, следит только за развитием боя и боевой обстановки. И только командир роты в этой обстановке оценивает наличные данные, принимает решение, намечает главный удар и т. д.

Фактически «Наставлением для действий пехоты в бою» 1914 г. и нашей Боевой службой пехоты батальон исключался из поля организации наступления; он лишался возможности решать боевую задачу. Основное тактическое пехотное решение возлагалось этими двумя наставлениями на командира роты. Конечно, это являлось делом ненормальным в современных боевых условиях. По нашей организации и по организации вообще всех существующих европейских армий мы видим, что командир батальона имеет очень мощные огневые средства. Кроме стрелковых рот, насыщенных самостоятельными пулеметными средствами, он имеет еще пулеметную роту и т. д.

Таким образом, командир батальона, имея в своих руках мощные огневые средства, может и должен решать основную тактическую задачу на наступление. А огневые средства в руках командира батальона должны быть гибкими, должны обеспечивать захват наиболее выгодных позиций и выигрывать в маневре огня по сравнению с противником.

Решение, принимаемое командиром батальона, будет соответствовать действительной обстановке только тогда, когда командир батальона лично уяснит себе эту обстановку и получит достаточные данные о противнике. На этой основе он сумеет наметить тот

пункт, куда нужно нанести главный удар, правильно выделить роты в боевой порядок и правильно поставить задачи своим пулеметным средствам. Вот почему наступила необходимость пересмотреть те методы вождения, которые предлагались Боевой службой пехоты.

Боевой устав пехоты уделяет батальону исключительное внимание. В Уставе даны вполне исчерпывающие указания для действий батальона в бою.

Начиная с 1924 г. мы провели целый ряд организационных мер для того, чтобы улучшить строение батальона, чтобы обеспечить ему большую подвижность и маневренность.

Организационные мероприятия являются предпосылками для соответствующей учебной работы и увеличения интенсификации боевого использования батальона.

В 1914 г. русская пехота, руководствуясь упомянутым выше Наставлением, разворачивалась поротно и повзводно даже тогда, когда артиллерия еще не начинала обстреливать. Раз предстоял вход в сферу артиллерийского влияния — пехота разворачивалась. Нужно сказать, что это имело место в первые бои, покуда пехота на своей шкуре не почувствовала все неудобства такого образа действий. Она открывала себя противнику издали, подвергалась артиллерийскому обстрелу, ее наступление никогда не могло явиться внезапным.

Новый Устав пехоты исходит из других положений. Мы считаем, что командир батальона, идя во главе своей колонны, должен лично разведать расположение противника, оценить обстановку, наметить пункт для главного удара, наметить маневр, который должны выполнить стрелковые роты для осуществления намеченной задачи, поставить задачу пулеметной роте и соответствующим образом использовать артиллерию. Только при этих условиях решение командира батальона будет целесообразным; только в таких условиях роты войдут в бой не случайно, а по определенному, целесообразно выработанному командиром батальона плану.

Высказываются иногда сомнения, сумеет ли батальон, подойдя по скрытому подступу на расстояние одного километра от противника, — а может быть, и ближе, — развернуться из этого подступа, причем, как это ни странно, скрытый подступ часто рассматривают непременно в виде прямого коридора.

Если бы это был действительно прямой коридор, из него разворачиваться было бы, конечно, не так удобно. Но не нужно забывать, что если бы это был прямой коридор, то он не мог бы быть скрытым подступом, потому что он был бы наблюдаем противником. Скрытый подступ избирается в косом, зигзагообразном или змееобразном направлении по отношению к противнику. Следовательно, расчленение и развертывание батальона в боевой порядок будет происходить не из какой-нибудь перпендикулярной по отношению фронта противника линии, а из некоей кривой, паходя-

щейся в косом направлении. В таких условиях особых затруднений для развертывания не встретится.

Наконец, командир батальона имеет в своем распоряжении мощное станковопулеметное оружие, которое, в соответствии с принятым планом развертывания, он может скрыто выдвинуть на огневые позиции, внезапно открыть станковопулеметный огонь и тем самым облегчить развертывание. Кроме того, не нужно забывать, что если продвижение осуществляется в достаточной мере скрытно, то никогда противник не сумеет так быстро поразить открывающиеся цели. В самом деле, не так-то просто определить расстояние, не так-то просто сразу перейти на поражение того или иного пехотного подразделения, маневрирующего не только ускоренным шагом, но и бегом.

В общем и целом, это я знаю и по личному опыту, стрелковый батальон всегда имеет достаточно и огневых средств и средств скрытности подхода для того, чтобы развернуться беспрепятственно. А это дает чрезвычайно большие преимущества. Какие именно? Противник не знает о подходе пехоты, противник не знает, где намечается главный удар, потому что он не знает, как группируется в движении пехота.

Встает еще вопрос: не будет ли противник заранее пристреливать подступы и не будет ли он их постоянно держать под огнем? Первое вполне возможно, но чтобы он вел постоянный огонь — это, конечно, невозможно. Обстрел может быть произведен наудачу; это — вещь не исключенная, точно так же как не исключено, что, скажем, стрелковая рота, наступающая повзводно, может попасть под артиллерийский обстрел и какая-нибудь шрапнель может вывести из строя целый стрелковый взвод. Такие случаи на войне рассматриваются как вполне «законные». Во всяком случае, артиллерия нанесет большее поражение по открыто движущимся целям, чем по скрытодвигающейся пехоте.

Вот в этих положениях и заключается основное решение вопроса.

Новый Боевой устав пехоты говорит по этому поводу следующее:

«В целях обеспечения наиболее выгодных условий для маневра, быстроты движения и сохранения более продолжительного личного влияния командира, надлежит двигаться общим строем (колонна по одному, змейка) и расчленять пехотную часть только в соответствии с принятым планом наступления. Сближение в преждевременно расчлененном порядке может повлечь за собою несоответствующий плану наступления боевой порядок» (статья 26).

«Как общее правило, сближение с противником производится скрытыми подступами.

Когда скрытый подступ прерывается открытыми местами, таковые проходят разреженными строями или расчлененным порядком.

Открытая местность, лишенная скрытых подступов, и огонь

противника могут принудить пехоту расчлениваться и вдали от противника (батальон — поротно, роту — повзводно, взвод — по отделениям).

Для сближения выгодно использовать ночное время, туман, непогоду и т. д.» (статья 27).

«При наличии хорошо скрытых подступов особенно выгодно подойти к противнику на дистанцию огня ручных пулеметов (800—900 м) и затем внезапно развернуться для наступления. Скрытность сближения является основным залогом внезапности и успешности наступления» (статья 28).

Новый Устав не отрицает возможности движения поротно, повзводно — расчлененным порядком, но он говорит о том, что это является исключением и применяется в тех случаях, когда местность открытая, не допускающая скрытного движения.

Установка, даваемая новым Боевым уставом, резко отличается от установок Наставления 1914 г. и Боевой службы пехоты.

Признавая нормальным движение батальона общим строем по скрытому подступу, мы считаем, что развертывание батальона должно происходить тогда, когда командир его решит задачу на основе личной разведки противника, разведки его сил и средств, оценки различных элементов его укрепления, его боевого порядка, наметит главный удар и в соответствии с этим распределит силы и средства.

Попутно несколько слов о том, как понимать общий строй. Общий строй может быть разреженный и сомкнутый. Преимущество — за разреженным строем. Основное заключается в том, что командир, в особенности командир батальона, не теряя влияния, непосредственно управляет частью до момента развертывания ее в боевой порядок.

Маневренность, решительность, смелость и быстрота ставятся здесь на первое место, конечно, с учетом необходимых мер скрытности и маскировки, которые во всех случаях являются обязательными и категорически требуются нашим Уставом.

Немцы тоже стараются подойти к противнику как можно ближе, не развертывая своих батальонов. Но они чрезвычайно грешат в отношении вопросов скрытности и маскировки. Поэтому немцы и в будущей войне будут нести крупные потери, как они их несли и в 1914 г. Это является их минусом, и в этом отношении Красная Армия никоим образом не должна копировать немецких навыков. Наша установка дает возможность скрытно подойти к противнику, внезапно развернуться в наиболее выгодном для наступления боевом порядке и тем самым обеспечить безостановочность и успех наступления. Это — чрезвычайно важное дело.

Опыт наших маневров за последние годы говорит о том, что наши батальоны, обученные по-старому, являлись чрезвычайно слабым местом. Это вполне понятно, и в этом нет ничего странного. Наша система, существовавшая до последнего времени и перешедшая к нам по наследству от старой армии, или, вернее, от

Наставления старой армии,—эта система заставляла командира батальона принимать тактические решения шаблонно и безотносительно к обстановке — к тому, как расположен противник. В результате — преждевременное развертывание поротно, повзводно, медленное движение вслепую, черепашьям шагом. Боевой устав пехоты исходит из других положений, дающих возможность самым резким образом изжить эти крупные недостатки.

Перейду к вопросу о построении боевого порядка. Построение боевого порядка должно соответствовать той основной тактической задаче, той основной тактической цели, которую ставит себе командир батальона, роты или взвода. Каким образом эту задачу нужно решить? Боевой порядок до сих пор состоял из боевой части и резерва. Уже опыт русско-японской войны указывал, что резервы, в большинстве случаев, в бою постоянно запаздывают. Это объясняется тем, что под огнем пулеметов и винтовок резерву приходится двигаться, подтягиваться к боевой линии с той же медленностью и применением тех же строев, что и боевой части. В результате резервы, как правило, всегда отставали.

Академия генерального штаба, до империалистической войны, в своих тактических трудах предложила следующий способ изжития этих недостатков.

Она объясняла, что затяжка подхода резервов объясняется не только условиями современного боя, но и тем, что командир очень долго колеблется, очень долго принимает «окончательное» решение, вследствие чего резерв отстает от наступающей его части. Поэтому предлагалось иметь два резерва в каждой боевой части: резерв маневренный и резерв старшего начальника. Резерв маневренный должен был довершать главный удар на решающем направлении, а резерв старшего начальника назначался небольшой численности для парирования случайностей.

Это предложение академии, которое не лишено большой доли практической полезности, не проникло в царскую армию и совершенно там не применялось. У нас в Красной Армии этот вопрос до сих пор точно так же оставался нерешенным. Вот почему мы постоянно сталкиваемся с тем фактом, что резерв опаздывает к нанесению главного удара.

Основным недостатком является здесь то обстоятельство, что резерв не имеет заранее совершенно определенного назначения. Поэтому начальник резерва заранее не знает предстоящей ему задачи, а когда эта задача наконец определится, то указания для выполнения ее не всегда своевременно можно получить.

Очевидно, нужно положить с самого начала в решение задачи какую-то основную идею маневра. Конечно, в ходе боя идея эта может видоизмениться, и на основе этого видоизменения командир резервной части должен сам, по личной инициативе, уметь внести необходимые изменения в первоначальную задачу. Но это он может сделать только в том случае, если ему поставлено определенное тактическое задание.

Вот что говорят о резерве соответствующие статьи Наставления для действий пехоты в бою.

«Батальонный резерв наступает за одним из боевых участков или уступом относительно ротных боевых участков» (статья 137).

«По мере выяснения обстановки и сообразуясь с целью действий, командир батальона окончательно намечает направление главного удара батальона и перемещает батальонный резерв, если он еще сохранился, на это направление» (статья 141).

Сущность этих статей сводится к тому, что, во-первых, резерв не получает определенного предназначения, во-вторых, что выделение резерва происходит по шаблону, без учета действительной обстановки. Но что самое важное — это «растаскивание» резерва еще до того, как командир батальона примет решение о нанесении главного удара. Когда фактически определится направление главного удара, когда он будет больше всего нужен, его, согласно Наставлению, может и не оказаться. Он может быть уже израсходованным.

Наше руководство «Боевая служба пехоты» говорит об этом следующее:

«Командир полка в период наступления обязан:

- а) следить за развитием боя и боевой обстановки;
- б) окончательно нацелить полковой резерв и дать ему задачу;
- в) наблюдать за действием полковой артиллерии, указывая ей, на каких участках необходимо сосредоточить огонь;
- г) если потребуется обстановкой, усилить батальонные участки станковыми пулеметами из резерва;

д) в случае охвата противником одного из флангов полка, принять меры к противодействию высылкой на фланг охватываемой части противника части или всего полкового резерва или резервов батальонов» (статья 279).

В период наступления командир батальона, согласно Боевой службе, руководствуется теми же соображениями, что и командир полка, т. е. следит за развитием боевой обстановки. Приведенная статья полностью совпадает с тем, что у нас было в 1914 г., т. е. сначала развернись, выдели резерв, двинь его за тем или другим участком батальона, а потом дай задачу в соответствии с выяснившейся обстановкой.

Но условия современного боя таковы, что передвинуть соответствующую часть с одного направления на другое, с одного фланга на другой является делом почти совершенно невозможным.

Какое разрешение этого вопроса дает новый Боевой устав пехоты? Он решает этот вопрос следующим образом. По Уставу, боевой порядок составляется из ударной и сковывающей группы. Ударная группа, при наступлении боевого порядка, должна составлять не менее двух третей общих сил. Сковывающая группа должна равняться примерно одной трети этих сил. Наконец, смотря по обстановке, командир части может выделить в свое распоряжение и резерв не свыше одной девятой всех сил, т. е. командир

батальона, скажем, может выделить в свое распоряжение не свыше одного взвода. Предназначение резерва — парирование непредвиденных случайностей. Кроме того, в боевом порядке имеются огневые группы, составляемые из пулеметов и артиллерии, имеющих в распоряжении соответствующего пехотного командира.

Каковы же задачи отдельных подразделений боевого порядка? Ударная группа составляется из тех частей, которые должны нанести главный удар по решающему пункту противника. Она разворачивается на направлении главного удара.

Сковывающая группа должна своим наступлением, своим огнем сковать противника на второстепенном участке, чтобы он не мог сосредоточить огня на важнейшем направлении и чтобы он не мог производить необходимых ему перегруппировок. Такое сковывание может произойти тогда, когда сковывающая группа не будет стоять на месте, а будет наступать, ибо сковывание можно произвести, как правило, движением с огневыми действиями. Но нужно сказать, что всякое хорошее правило имеет и некоторые темные стороны. Не исключена, конечно, возможность, что наиболее слабые, наименее решительные командиры, стоящие во главе сковывающей группы, могут решить: мое дело маленькое, я должен сковать противника; я огонь открыл, противника сковал, и двигаться далее мне не требуется.

Тут, конечно, необходима последовательная и систематическая работа в развитие указаний Боевого устава. Нужно внедрить правильное понимание термина. Надо преодолеть те плохие стороны, которые могут явиться следствием плохо понятой терминологии. Сковывание противника в наступающей части может быть произведено только сочетанием огня и движения. Это — основное правило.

Новое положение дает нам возможность и более правильно решать ударные задачи. Мы часто распределяем свои части равномерно на всем участке атаки и забываем отличать наиболее важное от второстепенного.

Новый Боевой устав воспитывает в пехотном командире умение расчленять задачи в зависимости от местности, расположения противника, системы его огня.

Нужно наметить себе какое-либо основное, главное звено во всей цепи и на этом основном звене сосредоточить свой главный удар. Каждый командир должен уметь наметить себе направление главного удара и, в соответствии с этим направлением, построить свою ударную группу. Это положение дает совершенно определенную тактическую установку, которая очень способствует воспитанию активности, решительности и необходимости координирования пехотных и огневых действий.

Каким же образом строится боевой порядок? Как правило, части, входящие в состав той или иной группы боевого порядка, не объединяются каким-либо особым начальником. Разделение боевого порядка на группы является лишь выраженным опреде-

ленной тактической идеи в решении задачи командиром. Подразделения же, входящие в состав той или иной группы, подчиняются непосредственно своему командиру.

Предположим, что командир батальона в ударную группу намечает две роты, в скользящую группу — одну роту. Это не значит, что ударная группа будет подчинена какому-то другому лицу. Каждая рота будет подчиняться командиру батальона. Главнейшей задачей командира батальона будет организация наступления рот, входящих в ударную группу.

Наконец вопрос о резерве. Уставом резерв предусматривается небольшой, но зато с определенным предназначением — для парирования непредвиденных случайностей. Новый боевой порядок и эшелонное построение исключают необходимость выделять большой резерв. Зачастую он и вовсе не нужен.

Я привожу первую часть статьи 42 Устава, где мысль о построении ударной группы изложена ясно и четко:

«При наступлении — особенно на направлении главного удара — части строят боевой порядок по эшелонам, в два-три эшелона (мелкие части обычно — в два эшелона).

Первый эшелон двигается прямо перед собой и прокладывает себе дорогу огнем, гранатой и штыком, опрокидывая противника.

Второй и, если есть, третий, двигаясь самостоятельно за первым эшелоном, поддерживают и развивают атаку первого эшелона, стремясь охватом (обходом) уничтожить атакованного противника.

Каждая часть, входящая в состав эшелона, получает точно определенную (по местности) задачу, с таким расчетом, чтобы по крайней мере последний эшелон захватил район артиллерийских позиций противника» (статья 42).

Таким образом, второй, а при наличии — и третий эшелоны, по сути дела, выполняют роль прежнего резерва. Разговоры о том, что командир, не имея в своих руках сильного резерва, не может влиять на развитие боя, — все эти разговоры совершенно неосновательны. Ведь прежние резервы обычно запаздывали и в большинстве случаев положения не спасали.

Затем не надо забывать, что по новому Уставу развертывание в боевой порядок происходит после того, как командир батальона примет определенное тактическое решение и выберет направление главного удара. А после того как части развернутся в боевой порядок, какие бы то ни было перегруппировки, а в том числе и резерва, будут почти невозможны, так как все это «обычно» будет происходить уже в сфере действительного пулеметного огня.

Боевой устав пехоты требует группировать на главнейшем направлении превосходные силы, с эшелонированием их в глубину. Вместе с тем Устав предусматривает, что никакой эшелон не имеет права ждать особых указаний. Тактическую задачу он получает

при развертывании батальона в боевой порядок, и, в развитие этой задачи, он следует за первым эшелоном. Он намечает, как он сможет охватить атакуемые части противника. Он обязан совершенно самостоятельно, не дожидаясь никаких дополнительных указаний, решать свою боевую задачу.

При таких условиях о запаздывании резервов, по-видимому, не придется уже больше говорить, если мы только правильно, в полном соответствии с духом Боевого устава будем успешно воспитывать нашу пехоту.

Таким образом, скрытное сближение, выбор направления главного удара, сосредоточение сил на направлении главного удара и, в соответствии с этим, построение боевого порядка — проявление инициативы частями боевого порядка — все это составляет чрезвычайно существенные основы, которые заложены в новый Боевой устав пехоты.

Далее, перечислю некоторые другие положения.

Боевой устав пехоты, в отличие от Боевой службы пехоты, предусматривает особую главу о встречном бое. Пехота во встречном бою должна действовать более решительно, более маневренно, более быстро, чем это необходимо при наступлении на обороняющегося противника. Во встречном бою огневые средства должны быстро развернуться и своим огневым превосходством обеспечить выгодное развертывание и быстрое наступление пехоты.

Оборона, в общем и целом, не расходится с положениями, изложенными и в Боевой службе пехоты и во Временном полевом уставе, изд. 1925 г.

Оборона строится таким образом, что основной бой ведется за передний край оборонительной полосы. Сковывающей группой называется та часть, которая выставлена к переднему краю оборонительной полосы и ведет главным образом огневой бой. Вместо прежнего резерва, теперь выделяется ударная группа с задачами производства контрударов. Здесь менее всего пострадало прежнее понимание боевого порядка.

Необходимо только указать на одно положение, которое не совпадает с указаниями Боевой службы пехоты. В последней указывается, что при обороне в стрелковом взводе стрелковые отделения составляют передовую линию, а пулеметные — вторую.

В статье 486 Боевой службы пехоты сказано: «Звенья располагаются в глубину в шахматном или уступном порядке, причем стрелковые звенья — в первой линии точек, ручные пулеметы — во второй».

Эти указания совершенно неосновательны, потому что стрелковое отделение представляет собой сравнительно большую цепь и вместе с тем оно не обладает достаточно мощной огневой силой. Пулеметные отделения являются гораздо меньшей целью для противника и имеют большую огневую силу. С другой стороны, пулеметное отделение мало приспособлено выбить штыковым ударом противника, ворвавшегося в район обороны. Зато стрелковое от-

деление именно к этому и приспособлено. Боевой устав пехоты так формулирует задачу пулеметных и стрелковых отделений (статьи 641 и 644):

«Стрелковые отделения располагаются внутри взводного района в укрытых местах, преимущественно на обратных скатах, откуда наиболее удобен переход в контратаку.

В зависимости от имеющихся укрытий и расстановки огневых средств, стрелковые отделения располагаются или все вместе, или каждое отделение порознь.

При совместном расположении стрелковые отделения объединяются обычно под командой помощника командира взвода. Контратака может производиться по приказанию командира взвода, а также и по инициативе командира, объединяющего действия стрелковых отделений, а при разрозненном расположении стрелковых отделений — по почину командиров последних».

«Командир взвода лично избирает огневые точки для ручного и станкового пулеметов. Ручной пулемет обычно находится на переднем крае оборонительной полосы. Станковый пулемет, в зависимости от местности и важности подступов к району обороны, располагается уступом за ручным пулеметом».

Основательно изложены методы выхода из боя. Выход из боя является совершенно нормальным видом боя. Надо сказать, что обычно пехота слабо выполняет эти задачи. Когда нужно выйти из боя, она просто встает и валом валит назад. Разумеется, это является верным признаком полного поражения или, во всяком случае, больших потерь. Устав дает указания, как сочетать действия во время выхода из боя, какими перекатами организовано переходить в новые районы стрелковым и пулеметным частям, как избрать новую оборонительную полосу где-нибудь в тылу и т. д.

Выход из боя рассматривается в различных условиях: днем, ночью, когда противник ворвется в оборонительную полосу и когда он не успел ворваться.

Имеются кое-какие новые указания по разведке, особенно для встречного боя, и это вполне понятно, так как Боевая служба пехоты совсем не предусматривала встречного боя. Новый Устав в отношении организации разведки исходит из принципа строгой экономии сил.

В статье 289 указывается: «Экономия сил и средств требует самого внимательного отношения к организации разведки: для одной и той же задачи не высылать двух разведывательных органов: если впереди уже имеются части, могущие выполнять требуемые разведывательные задачи, дополнительно разведку не высылать.

Исходя из сказанного, при наличии впереди охраняющих частей разведка боем выполняется этими частями и особых разведывательных органов с этой целью высылать нет надобности.

Поэтому если ранее были высланы вперед разведывательные органы, то при выходе на их линию охраняющих частей эти последние принимают на себя преимущественно дальнейшую разведку.

Каждый разведывательный орган работает, как правило, не более 1 суток».

Эта статья вносит полную ясность и упорядочивает организацию разведки.

В отношении охранения нужно указать, что в Боевом уставе пехоты восстановлены наши старые термины. Во Временном уставе комиссия, незначительным большинством голосов, ввела новые термины подвижного и неподвижного охранения, отказавшись от авангарда, арьергарда и всех других названий. В практике дальнейшей работы, особенно в связи с переобучением командного состава запаса, мы столкнулись с тем, что это вносит чрезвычайно большую путаницу. В связи с этим пришлось восстановить старые термины, т. е. «головной отряд», «авангард» и т. п.

Несколько слов о том, как бороться с воздушным противником.

«Пехота, — говорится в статье 176 Устава, — не рассчитывая на помощь артиллерии, может и должна своими собственными силами и средствами бороться с самолетами, летающими ниже 1000 м».

Кроме активной борьбы тщательно разбирается и пассивная: маскировка и проч. Боевой устав пехоты дает также исчерпывающие указания по взаимодействию с различными родами войск: как им ставить задачи, как их использовать, как с ними держать связь и т. д. Но вместе с тем Устав проводит основную линию, что в современном бою успех пехоты зависит прежде всего от нее самой.

Боевой устав пехоты отнюдь не считает, что все выдвинутые им положения и схемы верны на все случаи и периоды боя. В соответствии с различными этапами боя, Устав предусматривает гибкость видоизменения. В приказе председателя РВС СССР, который предпослан Уставу, имеется по этому поводу следующее категорическое заявление:

«IV. Требую от командиров всех степеней разумного пользования Уставом, памятуя, что Устав не может являться шаблоном на все случаи. Боевые примеры и схемы, приложенные к Уставу как образцы, ни в коей мере не должны стать трафаретом».

Основной чертой нового Боевого устава пехоты является то, что он требует от пехоты решительных и смелых действий, не позволяет пехоте падать духом от современных трудностей и вместе с тем ставит такие задачи, которые для пехоты являются выполнимыми. Устав ведет решительную борьбу с медлительностью и расхлябанностью.

В этом духе Устав выдержан от начала до конца.

Боевой устав пехоты должен развить смелость и решительность, активность, гибкость и величайшую маневренность пехоты, что так необходимо в современном бою.

ЗАДАЧИ ОБЩЕВОЙСКОВОЙ ПОДГОТОВКИ¹

(К новому учебному году)

Мы закончили 1926/27 учебный год. Осенние маневры позволили нам подвести окончательные итоги нашей годовой работы. В программу прошлого учебного года мы не вкладывали большого количества задач. Наоборот, число их было крайне ограничено, чтобы путем сосредоточения на них общих решительных усилий можно было бы наиболее уверенно достигнуть поставленных целей. Эти задачи предполагали прежде всего основательное усвоение армией того тактического ремесла, без которого невозможно никакое тактическое искусство. Прежде всего, дело касалось искусства построения боевого порядка и взаимодействия различных составляющих его родов войск. Быстрота развертывания колонн, непрерывное питание боевого порядка, наступательный удар стрелковыми эшелонами из глубины, взаимодействие пехоты и артиллерии — вот основные задачи, которые ставили мы перед собой в области общевойскового обучения армии. К этим основным, узловым пунктам программы, конечно, присоединилось еще большое число различного рода задач, как-то: взаимодействие стрелковых войск с конницей, пехоты и конницы с авиацией, морским флотом и т. д. Но из всех этих задач главнейший учебный удар мы нанесли по вышеперечисленным немногим задачам. Со времени окончания гражданской войны, а вернее сказать — и во время гражданской войны, тактическая сноровка в этих вопросах была нашим слабым местом. Столь же слабой она была и в старой царской армии. Таким образом, нам пришлось преодолеть тяжелую задачу, которая, прежде всего, требует длительной и методической тренировки войск. Несмотря на это, результаты маневров текущего года показали нам громадные достижения Красной Армии в этих вопросах. Напряжение всеобщего внимания, всех сил и средств на этих немногочисленных задачах позволило нам одержать крупнейшие учебные победы в труднейших вопросах тактического воспитания и обучения: быстрота развертывания колонн, искусство построения и питания боевого порядка из глубины в процессе наступательного боя

¹ «Война и революция», 1927, кн. 10—11, стр. I—XIII. — *Ред.*

и постоянное взаимодействие пехоты и артиллерии на всем его протяжении — вот что характеризует состояние нашей подготовки к осени этого года. В нескольких словах наши достижения можно охарактеризовать, как овладение, в основном, тактическим ремеслом общевойскового боя. Это достижение чрезвычайно важно в том смысле, что оно обеспечивает, во-первых, грамотное ведение боя и, во-вторых, проявление высокого тактического искусства и высокой самостоятельности войсковых частей.

Но, определяя таким образом наши учебные достижения, мы абсолютно не должны увлекаться нашими успехами. Ни на одну минуту не можем мы остановиться на достигнутых результатах. Мы ставим перед собою задачи достижения гораздо более высокого уровня тактической подготовки войск. Уровень западноевропейской подготовки мы не считаем пределом наших возможных успехов. Нам необходима трезвая и спокойная оценка наших достижений для того, чтобы наметить новый учебный план наступающего учебного года.

Оценивая результаты истекшего учебного года, необходимо принять в расчет и целый ряд условий организационного порядка. Боевой устав пехоты поступил в войска лишь в начале лагерных сборов. Боевой устав артиллерии появился незадолго до маневров. Только предварительные циркуляры и указания позволили войскам в кратких чертах немного ранее ознакомиться с этими уставами. Вследствие этого на общих войсковых сборах, когда возможно было проработать детально общевойсковую тактику, и в частности вопросы взаимодействия согласно новым уставам, практически полностью не удалось этого осуществить, и на маневры войска вышли лишь с большим или меньшим знакомством с уставами, но не с основательным их изучением. Все же, несмотря на эти недочеты, Красная Армия сумела в основном выполнить тот учебный план, который перед нею был поставлен. Это доказывает нам громадную тактическую жизнеспособность армии, настойчивость и восприимчивость ее начальствующего состава и красноармейцев. Оценка наших достижений без увлечения и преувеличения говорит, что армия усвоила наиболее сложные моменты общевойскового боя, усвоила их во всем разнообразии динамического развития боя. Для того чтобы с полным эффектом использовать эти достижения, нам необходимо поставить перед собой достижение таких задач, которые давали бы армии возможность использовать все преимущества своих знаний и навыков. Грамотная армия может быть, а может и не быть боеспособной. Не говоря уже о политико-моральном ее уровне, в чисто тактическом отношении грамотная армия только тогда может делать большие дела, когда она во всех своих действиях развивает предельную активность, когда она способна проявлять высшую ступень в тактическом искусстве и когда, наконец, во всей своей деятельности она подчиняется безотказному управлению при любых темпах развития боевого процесса. Гражданская война оставила нам в на-

следство молодого и энергичного командира. Она оставила нам простое, без прикрас и выкрутасов, тактическое творчество, и лишь в области управления она нам оставила весьма невысокое качество. Однако современный уровень подготовки армии требует от нашего командного состава резкого повышения качества подготовки по всем трем перечисленным условиям и выдвигает в качестве основных следующие три важнейшие задачи: повышение активности командно-политического состава, поднятие на высшую ступень тактического искусства и овладение искусством управления.

Конечно, практическая работа армии не может ограничиваться только этими тремя задачами. На практике мы будем изучать большее число задач: тактика дымовых завес, тактика танков, химия, авиация, работа войскового тыла, дальнейшее усовершенствование взаимодействия пехоты, конницы и артиллерии, окончательное усвоение Боевого устава пехоты и артиллерии 1927 г. и Наставления по службе постов воздушной связи и наблюдения, дальнейшее развитие и усвоение методики общевойскового обучения, совместная работа с морским флотом и проч. и проч. — все это должно составить программу общевойскового обучения армии. Но из всего большого числа задач — на этих трех основных мы должны заострить общественное внимание армии и на них сосредоточить основной нажим методики общевойскового обучения. В дальнейшем попробуем кратко остановиться на этих важнейших наших задачах.

Вполне естественно задать себе вопрос — выполнимо ли развитие активности путем тактического воспитания? Социальный состав армии, ее политико-моральный уровень и проч. могут создать такие условия, когда никакая активность в армии не может быть привита. Австрийская и царская армии в империалистической войне являются тому наглядными примерами. Но когда социальный состав армии делает ее готовой защищать интересы своего государства, а это в первую очередь касается революционных армий с их молодым командным составом, то для развития активности имеются все предпосылки, все достаточные основания. При этом правильная тактическая установка и верная методическая линия могут обеспечить исключительное развитие активности. В частности, для Красной Армии развитие активности непосредственно связано с выяснением всего значения тактической самостоятельности, всех тактических преимуществ, проистекающих из смелых решений, всех преимуществ быстроты реагирования на поставленную задачу, быстроты темпа действия и, наконец, упорства в достижении поставленных целей. Эти качества во всей их совокупности и составляют столь необходимую для армии активность.

Развитие самостоятельности прежде всего должно вытекать из понимания ее тактической целесообразности. Наши уставы построены на неприменном ее требовании. Обучение войсковых

частей и их командиров самостоятельности, или, иначе — инициативе и частному почину, должно производиться на ряде тактических тем, которые проходятся с обучаемыми прежде всего на ящике с песком, на плане или карте и на местности. Разумеется, для проявления самостоятельности имеется совершенно неограниченное поле деятельности. Трудно предвидеть и перечислить все те формы, в которых вообще самостоятельность может фактически проявить себя. Составляя учебную программу по развитию этого боевого качества, не требуется пройти с обучаемым все эти разнообразные формы ее проявления. Совершенно достаточно наметить ряд наиболее характерных типических положений, в которых командир должен проявлять свою самостоятельность. Эти задачи, как и обычно, выгоднее всего начинать с более простых и постепенно переходить к более сложным и трудным. Каждый тактический тезис по самостоятельности может быть разобран и показан обучаемому при односторонних занятиях большим числом вводных данных и создаваемых ими новых положений.

Обучающий, например, дает обстановку и задачу для наступления. Командир части получает общую задачу, а также промежуточный рубеж, на который он должен выйти в течение кратчайшего срока. Обучаемый организует огонь и движение и выходит на намеченный его начальником рубеж. Обучающий дает вводные данные о том, что соседние части отстали, вместе с тем огонь противника не слишком мешает продвижению обучаемого, — от начальника новых указаний нет. В данном случае обучаемый уже имеет конечную цель своего наступления. Поэтому рубеж, который ему назначен для скорейшего достижения, не должен его гипнотизировать как какая-то притягательная сила. Обучаемый, учитывая обстановку и прежде всего возможность дальнейшего движения, сам должен наметить себе дальнейший рубеж для продвижения и продолжать наступление, донося об этом своему начальнику и поставив в известность соседей, приняв также меры к их подталкиванию. Это положение, несмотря на свою простоту и несмотря на то, что предусматривается уставами, далеко не всегда находит себе практическое применение. Промежуточный рубеж очень часто затмевает последнюю, конечную цель и тем самым притупляет активность. На ряде таких задач обучаемый основательно усваивает действительное назначение промежуточного рубежа и в дальнейшем совершенно сознательно будет легко и быстро продвигаться вперед, пользуясь покровительством обстановки и мало считаясь с геометрическими рубежами и ленивыми соседями.

От такой простейшей задачи можно переходить к более сложной. Наиболее сложными и трудными условиями проявления самостоятельности является самостоятельное изменение ранее поставленной конечной цели в связи с изменившейся обстановкой. Обучаемый приучается к тому, что боевая обстановка зачастую нарушает управление и очень редко позволяет своевременно по-

сылать запрос и получать вовремя соответствующий ответ, — тогда приходится самостоятельно изменить ранее поставленную задачу. Поэтому он всегда должен быть готов к самостоятельной оценке положения и принятию, на свой риск и страх, под свою личную ответственность нового решения, вытекающего из изменившейся обстановки. В проявлении такого частного почина имеется немало отрицательных сторон: внесение расстройств в общий план действий, потеря координации действий с соседями и т. д.

Указанные данные нужно предъявлять к каждому командиру, когда он должен самостоятельно принять новое решение. Сомнения командира в выборе решения, как нельзя более кстати, подкрепляются опаской поколебать свой престиж переоценкой сложившейся обстановки и неверно принять решение. Между тем все же основной тактический принцип — это действовать сообразно обстановке. Обучающий создает обстановку, изменение которой требует нового решения командира, нарушающего ранее поставленную ему задачу. Конечно, при этом всячески надо избегать возможности приучения командира к легкомысленной переоценке обстановки. Учение должно навести его на ряд мероприятий по дополнительному выяснению обстановки для того, чтобы окончательно убедиться в верности отмеченного им факта. Только после того как командир окончательно придет к убеждению, что обстановка изменилась и что время не допускает никаких дополнительных запросов, — он принимает самостоятельное решение и изменяет поставленную ему задачу. При этом командир не может ограничиться одними своими действиями. Конечно, он немедленно доносит о принятии решения своему начальнику и принимает немедленно все необходимые меры для информации своих соседей, прося у них в случае необходимости поддержки в выполнении его новой задачи.

Я нарочно останавливаюсь на подчеркивании того факта, что чрезвычайно вредно и опасно допустить развитие у командира легкомысленного реагирования на изменения обстановки. Наоборот, упорство и настойчивость в достижении всей поставленной задачи зачастую в состоянии перебороть любые невыгодные обстоятельства в слагающейся в связи с изменением обстановке. Поэтому требуется большой такт и понимание дела от руководителя, чтобы он сумел развить в обучаемом и крайнее упорство и вместе с тем сумел бы научить его отличать упорство от упрямства. Развитие обстановки следует делать таким, чтобы картина резких изменений ее создавалась постепенно и давалась бы в соответствии с принимаемыми на этот счет мерами со стороны обучаемого. Проведение на эту тему нескольких задач основательно может внедрить в сознание обучаемого умение и готовность самостоятельно изучать боевые явления и самостоятельно, на свой страх и риск, принимать необходимые решения. В амплитуде между этими двумя задачами и в духе их, конечно, может и должно быть проработано большое число задач на различные темы,

как-то: самостоятельная высылка разведки, проникновение в интервалы между центрами сопротивления в период артиллерийской подготовки, самостоятельный выход из колонны и принятие соответствующего строя или укрытие в скрытом подступе в случае остановки колонны на открытом месте и открытия огня противником и т. п. Весьма важно, конечно, при выработке привычки к тактической самостоятельности разобрать не одно-два положения, а достаточное число задач, характеризующих наиболее частые типичные случаи проявления самостоятельности. Какой-нибудь десяток типичных задач поможет легко и просто проявлять командиру инициативу во всем многообразии обстановки, когда он выработает в себе привычку к принятию самостоятельных решений. Только тактическое понимание этого вопроса может сделать активного и решительного командира действительно самостоятельным и инициативным. Без такой подготовки даже решительный и смелый командир может поддаться рутине псевдоупорядоченного боя.

Точно такими же путями развивается и смелость. Командир должен понимать, что за ним, за его смелым решением, которое он примет на свой страх и риск, стоит вся сила воспитания армии. Он должен знать и понимать, что тень неуважения может пасть на него только в том случае, если он проявил бездеятельность, если он своей нерешительностью не позволил одержать той победы, которой можно было бы достигнуть при более активных действиях. Он должен знать, что за неудачу, постигшую его часть в результате его смелых действий, а неудачи не могут быть исключены на войне, он встретит не упреки и дознание, а общее сочувствие и моральную поддержку. Эту поддержку обучаемый всегда должен встречать в своем руководителе, и, наоборот, должно выработаться общественное мнение порицания и неприязни ко всяким нерешительным действиям и проявлениям слабости. Конечно, воспитание это достигается не общими разговорами и нравоучениями; оно осуществляется на изучении различных обстоятельств боя, различных тактических форм, в которых проявление смелости может оказать решающее влияние на достижение боевого успеха. В задаче на встречный бой такая смелость требуется в действиях авангарда. Обстановка не поддается точному выяснению. Общая задача колонны может быть лучше осуществлена, если авангард противника будет сбит. Поэтому смелость атаки против невыясненных сил противника, соединенная с решительным маневром и охватом его фланга, является высшим качеством начальника авангарда. При наличии голых флангов у обороняющегося противника и при возможности прорваться в интервалы между его центрами и пунктами сопротивления иногда смелые действия какого-нибудь стрелкового взвода могут решить участь крупного боя. Не бояться оторваться от своих сил, выйти во фланг и тыл противнику и поразить его в наиболее уязвимые места проглядываемого тыла — вот чем

должны руководствоваться смелые действия частей. Смелость при прорыве оборонительной полосы выражается в стремлении смешать, спутать, нарушить оборонительную систему противника. Стремление вперед, не оглядываясь на соседей, а пользуясь возможностью продвижения вперед, создает для смелого командира условия, когда он своими решительными действиями даже незначительными силами может нарушить обороноспособность противника и обеспечить общее продвижение вперед. Использование каждой возможности продвижения, каждого ослабления огня, и притом не боясь отрыва вперед от главных сил, — вот смелость, культивируемая при прорывах. В тяжелых обстоятельствах, когда противник выходит в тыл, а с фронта наседают его превосходные силы, каждая отходящая часть должна носить в себе достаточно риска и смелости по собственной инициативе, не ожидая никаких подбадриваний и целеуказаний, смело броситься на вышедшего в тыл, смять и опрокинуть его, несмотря на невыгодное соотношение сил, ибо только этим путем можно избежать огневого кольца и обеспечить прорыв главных сил.

Смелость — не одно и то же, что храбрость. Храбрым может быть и бестолковый в тактических вопросах человек. Смелым может быть только понимающий тактическую динамику боя. Боец, который понимает, что прорыв вперед основан на действительной возможности, обещает гораздо больше успеха, чем поражения.

Тактическая самодеятельность, смелость и упорство практически приносят успех только при условии, когда войска воспитаны и тренированы на принципе предельной быстроты действий и четкости. Приказ должен отдаваться твердо и властно, без всяких прологов и эпилогов, без всякой философии. Уяснение приказа, его передача, начало выполнения должны производиться без всякого промедления, с полным напряжением темпа. Предварительные распоряжения являются основой основ быстроты действий. Еще до окончательного решения подчиненный должен быть предупрежден о предстоящей задаче и должен изготавиться к немедленному ее выполнению. Необходимо добиться того, чтобы от момента отдачи приказа и до момента фактического выполнения его, т. е. до начала движения строевых частей, прошел минимальный срок. Привычка к быстрой и четкости начинает вырабатываться уже на занятиях по картам и на ящике с песком. Твердость отдаваемых приказов, повторение их и т. д. внедряются в неизменную привычку при занятиях с войсковыми частями. Быстрота сбора части, быстрота начала движения после отдачи приказа и т. д. и т. п. — все это должно быть постоянным предметом обучения и тренировки на всех занятиях командного состава и войсковых частей.

Вот те основы, на которых должна развиваться до своей высшей нормы активность Красной Армии. Не муштра, а тактическая тренировка — от занятий на планах, через военные игры,

выходы в поле к общевойсковым учениям и, наконец, к маневрам — должна быть путем ее осуществления.

Достижение высшей ступени тактического искусства подготавливается сложным сочетанием различных методов обучения и большим ассортиментом задач. Учебный курс командира складывается из индивидуальных занятий, групповых задач, военных игр, выходов в поле, полевых поездок, общевойсковых учений и высшее завершение свое находит в маневрах. Для наилучшего усвоения тактического искусства обучающий должен уметь разложить весь этот курс, весь этот учебный план на такие составные элементы, которые помогли бы обучаемому легко и привычно разобратся в отдельных этапах обучения и из которых с тем большей стройностью и законченностью должно будет компоноваться общее тактическое построение.

Начиная с односторонних учений тактика, постепенно совершенствуясь и усложняясь, переходит к двухсторонним учениям. Наибольшее значение в деле подготовки и анализа отдельных тактических форм имеют односторонние учения. Руководитель при этом имеет возможность бесконечно разнообразить вводными данными обстановку и тем самым создавать поучительность отдельных элементов боя. Только тогда, когда эти элементы усвоены достаточно обстоятельно, обучаемый сумеет извлечь полную пользу из двухсторонних учений, где, с одной стороны, он только на основании своих личных усилий сможет собрать достаточно сведений об обстановке, а с другой стороны, будет вполне самостоятелен в своих действиях.

При изучении элементов боевых положений необходимо начать с простейших приемов. Например, можно начать занятия с оценки имеющихся данных об обстановке, на основании которой обучаемый выбирает направление главного удара. Этот выбор должен быть основан как на расположении главных сил противника, так и на возможности в соответствии с местностью наивыгоднейшим образом использовать свои артиллерийские и пехотные средства. После того как основы выбора направления главного удара будут достаточно усвоены обучаемым, можно перейти к изучению следующего этапа, а именно: определению ширины фронта главного удара в соответствии с имеющимися силами и средствами. Ширина фронта удара, в основном, при данной силе боевого порядка противника, определяется наличием артиллерии и танков. Уставы дают все необходимые данные для соответствующих расчетов. При избрании ширины полосы главного удара необходимо умело сочетать довольно противоречивые условия, а именно: наступление пехоты тем легче, чем свободнее ее маневр, т. е. чем шире полоса; с другой стороны, движение пехоты будет обеспечено только тогда, когда оно поддержано определенной мощности артиллерийским огнем, а это на практике требует узких полос наступления. Далее последует изучение соответствующего построения боевого порядка: распределение сил и средств на ударную и

сковывающую группы, распределение артиллерии, постановка задач различным эшелонам в ударной группе, заранее предусматривающая развитие боя из глубины боевого порядка и ввод всех сил и средств к решительному моменту боя. Далее должны быть проработаны условия развития успеха и преследования. Развитие прорыва на 12—18 километров в глубину на плечах отступающих должно быть явлением обычным и должно быть изучено организационно вполне исчерпывающе.

Наступление на остановившегося противника с отходом его открытых или слабо прикрытых флангов точно так же должно быть проработано по элементам. Должны быть изучены условия:

- а) сковывания на широком фронте;
- б) удара по отходящему флангу с фронта, с тем чтобы обеспечить его полный разгром обходом;
- в) обход и удар во фланг главным силам противника;
- г) организация мероприятий для отрезания противнику путей его отхода;
- д) меры обеспечения обходящей группы от контрудара из глубины противника.

В соответствии с этим должно быть проработано построение боевого порядка, распределение задач по эшелонам в ударной группе, распределение и организация управления артиллерией и т. д.

Помимо этой части, предусматривающей статику намечаемого плана, должна быть проработана и динамика наступления с обходом фланга противника. В процессе обхода должны быть основательно изучены возможные действия эшелонов, наиболее выгодные условия нанесения главного удара во фланг главным силам противника и лучшие условия взаимодействия наступающей с фронта и обходящей с фланга части. Согласованные усилия фронтального и флангового ударов приводят к окончательному поражению главных сил противника, при соответствующем воздействии на пути его отхода и сочетании группировки своих сил с ускорением их действий.

В начале проработки наступления должно быть обращено особое внимание на следующие элементы: значение открытой и пересеченной местности днем и ночью (ночь нивелирует качества местности, днем — наступление по интервалам между расчленениями противника), план ночного вклинения в оборонительное расположение противника, изготовление артиллерии для поддержки наступления пехоты с рассветом из ее вклиненного положения, расстройство оборонительной системы противника путем ночного вклинения в его оборонительную полосу, дымовые завесы на рассвете для затруднения противнику ориентировки в результатах ночного боя, борьба с прожекторами противника дымовыми завесами и проч.

По тем же принципам, с расчленением изучаемого предмета на отдельные элементы, как это рекомендуют наши уставы,

должны быть проработаны: встречный бой, оборонительный бой и выход из боя.

По отдельным элементам должен быть разработан специальный вопрос форсирования рек: разведка грунтов и течения, подступы, исходящие излучины реки в линии обороны противника, районы возможной переправы, наблюдаемые лишь с ближайшего берега, но не из глубины расположения противника, скрытые подступы к переправе, выбор места перехода переправы, ширина фронта переправы, артиллерийские и переправочные средства, изучение ветра, план «улучшения местности» путем дымовых завес, план артиллерийского подавления, глубина проникновения одним броском, переправа главных сил, план демонстрации на основе определения расчленений противника с целью задержать прибытие резерва противника к главной переправе на время, обеспечивающее ее успех, закрепление за собою реки: большое число мостов на широком фронте и т. п.

Во всех этих занятиях необходимо тренировать на искусстве изменения направлений движения и атаки, что наиболее трудно дается в соприкосновении с боевым порядком противника.

Распределение различных тактических эпизодов между различными видами обучения, т. е. индивидуальными задачами, военными играми, выходами в поле, общевойсковыми учениями и проч., производится руководителем с таким расчетом, чтобы к каждому более сложному и самостоятельному виду обучения обучаемый был бы подготовлен по всем элементам, встречающимся в этих упражнениях: от изучения отдельных элементов — переходить к обобщению их, нанизыванию их один на другой, т. е. к более сложным динамическим условиям боя. Эти обобщенные занятия, в свою очередь, последовательно переходят от более простых видов обучения, например военных игр, к более сложным — двухсторонним, общевойсковым и, наконец, к маневрам. Изучение боевых элементов расширит тактический кругозор командира и позволит ему более легко оценивать изменения обстановки и реагировать на нее соответствующими формами маневра, сосредоточением сил и средств в целях достижения поставленной задачи и нанесения противнику наибольшего урона.

Третья важнейшая задача, которая встанет перед нами во весь рост на предстоящий учебный год, — это боевое управление. В боевом управлении мы различаем две стороны: во-первых, управление как приведение войск в мобильное состояние, т. е. осуществление на практике, в динамике тех предположений, которые в связи с боевой обстановкой родились на карте. Задачей управления является достижение того, чтобы все передвижения войск вполне соответствовали намеченному плану и производились бы в кратчайший срок. Это управление не может прерваться в течение всего процесса боя. С другой стороны, управление мы понимаем как организацию работы командования и его штаба как органа боевого управления.

Вторая часть задачи, т. е. организация полевой службы штабов,—чрезвычайно сложная и трудная, но тем не менее она все же, пожалуй, легче первой. Организация разведки, постановка задач в соответствии с теми данными, которые требуются для принятия решения, систематизация этих данных, характеристика расчленений боевого порядка противника, изучение наивыгоднейших условий маневра, развертывание боевого порядка и развитие боя по этапам, соответствующая организация службы связи, отдача предварительных и окончательных распоряжений, организация тыла и прочей работы — все это является основными вопросами организации полевой службы штаба. Разделение труда и вместе с тем постоянное на всем протяжении боя обобщение его является задачей трудной, сложной, но без решения которой не может быть хорошего аппарата управления. Тренировка в организации штабной службы начинается с групповых задач и постепенно переходит на выходы в поле, общевойсковые учения и маневры.

Непрерывность, четкость, своевременность управления в форме осуществления распоряжений командира является задачей наиболее трудной. Эта задача теснейшим образом связана с быстротой, четкостью и расторопностью войсковых частей и командиров всех степеней. Хорошее высшее управление сорвется, если войска недисциплинированы, медлительны, любят мешкаться и терять время. Таким образом, усовершенствование методов управления теснейшим образом связано с выработкой быстроты в действиях, четкостью и расторопностью командного состава и войсковых частей. Наиболее практический вид выработки динамики управления представляется в виде выходов в поле, когда две инстанции штабов ведут работы — первое время без телефонной связи. При этом они должны достигнуть действительного управления путем посылки штабных работников, а не ординарцев, велосипедистов и мотоциклистов. Только тогда, когда эта техника усвоена войсками полностью, им должны придаваться телефонные средства связи. Эти последние являются большим подспорьем в работе, должны еще ускорить и усовершенствовать управление, но отсутствие их не означает порыва управления. В этом войска должны быть натренированы особенно четко. В дальнейшем живое управление должно быть перенесено на общевойсковые односторонние учения. Эти два вида упражнений должны дать наиболее высокую тренировку войскам в боевом управлении. Только тогда, когда методы управления усвоены вполне, можно с пользой для дела перейти на двухсторонние учения.

Для достижений наибольших результатов руководитель должен наметить целую систему последовательных задач и учений. Стремления руководителя не должны быть абстрактны. Он должен на каждом определенном участке времени поставить себе вполне конкретные задачи — чего и как он может достигнуть, т. е. какой скорости и надежности в управлении может он добиться в указанный период. От момента отдачи первого распоряжения и

до начала фактического движения частей в масштабе дивизии проходит одно время, в масштабе полка — другое и т. д. Руководитель должен поставить перед собой определенную задачу по упорядочению этой быстроты и доведению ее до предельной скорости.

Приведенные замечания и соображения по постановке обучения по элементам, разнообразящимся, с одной стороны, с точки зрения тактической и, с другой стороны, по учебным приемам и методам, конечно, не могут считаться вполне законченными и достаточными для построения любого плана обучения в той или другой части, той или другой группе командиров. Все эти соображения и замечания, мне кажется, дают метод подхода к вопросу, по которому руководитель занятий может составить себе конкретный план обучения. Только при самостоятельной творческой работе руководящего состава могут быть получены крупные достижения в области общевойсковой тактической подготовки. Само собой разумеется, ничего не может быть более вредного во всей системе обучения, как неопределенность тактических взглядов и требований руководства и сомнительность создаваемых им тактических положений. Руководитель должен работать над собою для упорядочения руководства не меньше, чем он работает над воспитанием обучающихся.

Задачи начинающегося учебного года должны быть поставлены в строгие рамки реальных возможностей и вместе с тем на путь наибольших организационных достижений. Тактические задачи, которые мы ставим перед собою в обучении армии, требуют длительной работы, рассредоточенной на всем протяжении года. Зимняя работа на планах, на выходах в поле и проч. должна готовить наш командный состав к руководству общевойсковыми учениями в лагерный период на общих сборах. Эти общие сборы должны быть нами всемерно усовершенствованы. Программа их должна охватить все стороны тех учебных задач, которые мы перед собой ставим. Между прочим, громадные результаты, несомненно, может дать возложение общевойсковой подготовки на отряды войск с соответствующей конкретно выработанной программой, а именно: в период ротных учений необходимо создать ротные отряды из стрелковой роты и батареи артиллерии с возможной придачей небольших частей других родов войск. Командир роты совместно с командиром батареи и представителями других родов войск заранее разрабатывает план обучения отряда и после проводит его в жизнь. С началом батальонных учений такую же работу проводит командир батальона в составе батальонного отряда из батальона, дивизиона артиллерии и т. д. Это не только даст возможность совместных действий различных родов войск во время общевойскового учения, но и заставит командиров взаимно изучить тактику и методику обучения соответствующих родов войск. Весь цикл общевойскового учения на общих сборах должен подготовить нашу армию к маневрам с полной обстоятельностью. Общевойсковые учения точно так же могут быть односторонними

и двухсторонними и должны постепенно охватить все отдельные элементы боевых положений, переходя в дальнейшем к их обобщению на протяжении всего процесса боя. Тщательно выдержанная программа позволит войскам выйти на маневры в значительной степени подготовленными. Это облегчит нам развитие активности, высшего тактического уровня и боевого управления в войсках, ибо на маневрах они получают возможность с полным знанием своего дела широко и свободно маневрировать. Маневры будущего года при осуществлении общего плана будут протекать значительно живее, в более свободных условиях для действий сторон, и явятся высшей школой для свободного боевого творчества командиров и их частей.

Новая постановка занятий на КУВНАСе¹, сборы комсостава по округам дадут в этом году значительно большие возможности по осуществлению нашего учебного плана, чем мы имели в прошлом году, так как практическую программу обучения на КУВНАСе и на окружных сборах мы строим под углом зрения программы предстоящего учебного года. Мы будем стремиться создавать себе возможно более широкие кадры лиц, способных осуществить нашу учебную программу. Углубление работы на общих сборах, опыт, который приобрела армия в общевойсковой подготовке, далее, сложившийся уже кадр инструкторов, проводников учебного плана — все это создает нам более широкие возможности при воспитании и обучении Красной Армии и позволяет идти более быстрым темпом, чем это было в прошлом году. И если в прошлом году мы достигли крупных успехов и осуществили нашу учебную программу, то в настоящем году мы справимся со всеми стоящими перед нами задачами с еще большим успехом и с еще большей уверенностью.

¹ Курсы усовершенствования высшего начальствующего артиллерийского состава.— *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Доклад, написанный по поручению В. И. Ленина, об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава (по опыту 5-й армии)	27
Стратегия национальная и классовая	31
Статистика в гражданской войне	51
Инженерное соразмерение операции	59
Первая армия в 1918 году	73
Обучение войск	93
Война клопов	106
Об обороне	109
Поход за Вислу	114
Модные заблуждения	169
Стратегия организации	180
Вопросы высшего командования	185
Маневр и артиллерия	198
Популяризация военных знаний	233
Вопросы организации и тактики пехоты	236
Вопросы современной стратегии	244
Курган — Омск	262
Ленинское в термине	271
Обучение взаимодействию	274
Полевая служба штабов	280
Тактика и обучение	285
Задачи общевойсковой подготовки	307

Михаил Николаевич Тухачевский

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

том I (1919 — 1927 гг.)

М., Воениздат, 1964, 320с.

Редактор Н. И. Соловьев

Художник Л. Д. Грибков

Технический редактор М. П. Зудина

Корректор Т. П. Крошкина

Сдано в набор 2.7.63 г.

Г-16107

Подписано к печати 14.5.64. г.

Формат бумаги 60×92¹/₁₆ — 20 печ. л. — 20 усл. печ. л. +

+ I вкл. — ¹/₈ печ. л. — 0,125 усл. печ. л. — 21,318 уч.-изд. л.

Изд. № 2/383

Тираж 12 500. ТП 63 г. № 91

Зак. № 772

2-я типография Военного издательства Министерства обороны СССР

Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10.

Цена 1 р. 27 к.

